

ДЕМИС. Демографические исследования.

2022. Том 2. № 2

DEMIS. Demographic research.

2022. Vol. 2. No. 2

Научный рецензируемый журнал
Издается с 2021 г.
Периодичность: 4 раза в год
Журнал открытого доступа
DOI: 10.19181/demis.2022.2.2

Peer-reviewed scientific journal
Founded in 2021
Publication frequency: quarterly
Open access
DOI: 10.19181/demis.2022.2.2

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
Издатель: Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Publisher: Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Свидетельство о регистрации журнала серия Эл № ФС77-83138 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 апреля 2022 г.

Media registration certificate El No. FS 77-83138 issued on April 26, 2022, by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media

Главный редактор: С. В. Рязанцев

Editor-in-Chief: S. V. Ryazantsev

Доступ к контенту журнала бесплатный
Плата за публикацию с авторов не взимается

Free access
Authors are not charged for publication

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Content licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации:
<https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis>

All issues of the journal are posted in the public domain on the official website of the journal from the moment of publication:
<https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis>

ISSN печатной версии: 2782-2303
ISSN электронной версии: 2782-229X

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

Редакционная коллегия научного журнала

- Рязанцев Сергей Васильевич**, главный редактор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Безвербный Вадим Александрович**, заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, заместитель директора, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Вирккунен Йони**, доктор наук, профессор, Университет Восточной Финляндии, Куопио, Финляндия
- Воробьева Ольга Дмитриевна**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Гаврилова Наталья Сергеевна**, кандидат биологических наук, научный сотрудник Центра по проблемам старения, Университет Чикаго, Чикаго, США
- Гейгер Мартин**, доктор наук, доцент, Карлтонский Университет, Оттава, Канада
- Джалал Мохаммад Аббаси-Шавази**, доктор наук, профессор, Университет Тегерана, Тегеран, Иран
- До Кармо Роберто Луиз**, доктор наук, заместитель директора, Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия
- Жуков Василий Иванович**, академик РАН, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Институт государства и права РАН, Москва, Россия
- Иванова Алла Ефимовна**, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Инглис Кристине Бренда**, доктор наук, профессор, Университет Сиднея, Сидней, Австралия
- Карачай Айсем Бириз**, доктор наук, Стамбульский университет коммерции, Стамбул, Турция
- Ким Сейонджин**, доктор наук, профессор, Женский университет Дуксун, Сеул, Республика Корея
- Леденева Виктория Юрьевна**, доктор социологических наук, заведующий отделом, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Мартин Филип**, доктор наук, профессор, Калифорнийский университет в Дейвисе, Дейвис, США
- Марушиакова-Попова Елена Андреевна**, доктор наук, доцент, Институт этнологии и фолклора Болгарской академии наук, София, Болгария
- Молодикова Ирина Николаевна**, кандидат географических наук, руководитель проекта по миграции и безопасности на постсоветском пространстве, Центрально-Европейский университет, Будапешт, Венгрия
- Пизарро Синтия Александра**, доктор наук, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина
- Ростовская Тамара Керимовна**, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Рыбаковский Леонид Леонидович**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Хорие Норие**, профессор, директор Центра дальневосточных исследований, Университет Тояма, Тояма, Япония
- Шенк Каресс**, доктор наук, доцент, Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан

Editorial board

- Sergey V. Ryazantsev**, Editor-in-Chief, RAS Corresponding Member, Doctor of Economics, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Vadim A. Bezverbny**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Deputy Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Joni Virkkunen**, PhD, Professor, University of Eastern Finland, Kuopio, Finland
- Olga D. Vorobyova**, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Natalia S. Gavrilova**, PhD, Senior Research Analyst, Academic Research Centers, Centre on Aging, University of Chicago, Chicago, USA
- Martin Geiger**, PhD, Associate Professor, Carleton University, Ottawa, Canada
- Mohammad Jalal Abbasi-Shawazi**, PhD, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran
- Roberto Luiz Do Carmo**, PhD, Deputy Director, University of Campinas, Campinas, Brazil
- Vasily I. Zhukov**, Member of the RAS, Chief Researcher of the Department of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Institute of State and Law of the RAS, Moscow, Russia
- Alla E. Ivanova**, Doctor of Economics, Professor, Head Department, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Kristine Brenda Inglis**, PhD, Professor, University of Sydney, Sydney, Australia
- Aisem Biriz Karachay**, PhD, Istanbul University of Commerce, Istanbul, Turkey
- Seongjin Kim**, PhD, Professor, Women's University Duxun, Seoul, Republic of Korea
- Victoria Y. Ledeneva**, Doctor of Sociology, Head Department, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Philip Martin**, PhD, Professor, University of California, Davis, USA
- Elena A. Marushiakova-Popova**, PhD, Associate Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
- Irina N. Molodikova**, PhD, Project Lead on Migration and Security in the Post-Soviet Space, Environmental Science and Policy Department, Central European University, Budapest, Hungary
- Cynthia Alexandra Pizarro**, PhD, Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina
- Tamara K. Rostovskaya**, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Leonid L. Rybakovsky**, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Norio Horie**, Professor, Director, Center for Far Eastern Studies, Toyama University, Toyama, Japan
- Caress Schenk**, PhD, Assistant Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ДЕМОГРАФИЯ И COVID-19

<i>Рубан Л. С.</i> ПРЕОДОЛЕНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 В РОССИИ В 2020–2021 ГГ.: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	7
<i>Торибио Бриттес Лемос М. Т., Торибио Дантас А.</i> ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В БРАЗИЛИИ	21
<i>Альманова Б., Деловарова Л.</i> ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЭМИГРАЦИЯ КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19: СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ПРОБЛЕМЫ	31
<i>Тихонова Л. Е., Пугачев В. П.</i> МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 И МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ	43

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

<i>Сугоняев К. В.</i> КАКИЕ ФАКТОРЫ ОКАЗЫВАЮТ БОЛЕЕ СУЩЕСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ НА МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ В РОССИИ?	57
<i>Ахметова (Хилажева) Г. Ф.</i> СУБЪЕКТЫ РФ В МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ: УРОВЕНЬ УЧАСТИЯ, ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ	76
<i>Смирнов А. В., Лыткина У. В.</i> МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ: МАСШТАБЫ, СТРУКТУРА И ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ	90
<i>Чернышев К. А.</i> ЭВОЛЮЦИЯ МИГРАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ С СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ БАЛТИКОЙ	107

ДЕМОГРАФИЯ РЫНКА ТРУДА

<i>Морозова Н. Н.</i> ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И МИГРАЦИИ НА РЫНОК ТРУДА БЕЛАРУСИ	121
<i>Борзунова Т. И., Морозова Г. Ф.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА В РОССИИ	138
<i>Акьюлов Р. И., Акьюлова Е. И.</i> ВЛИЯНИЕ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЫНКИ ТРУДА В РОССИИ	148
<i>Оставная А. Н.</i> РОЛЬ СУБЪЕКТОВ МИГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ЗДОРОВЬЯ МИГРАНТОВ	162

ДЕМОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

<i>Рязанцев С. В., Камара Сафияту</i> ЭМИГРАЦИЯ ИЗ ГВИНЕИ И ВКЛАД ГВИНЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ	176
<i>Драгун М. В.</i> ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	190

<i>Рахимова М. А., Рязанцев С. В.</i> МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19.....	201
<i>Оставная А. Н., Масленкова Е. В., Рахмонов А. Х., Жампеисов Даурен А., Жампеисов Думан А.</i> СТРАНЫ БАЛТИИ КАК НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИИ ИЗ БЕЛАРУСИ, КАЗАХСТАНА, МОЛДОВЫ И ТАДЖИКИСТАНА	210

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Алхасов С. С., Рязанцев Н. С.</i> НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ СОТРУДНИКОВ ИДИ ФНИСЦ РАН ПО ИЗУЧЕНИЮ МИГРАЦИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ УЧАСТКЕ ГРАНИЦЫ РОССИИ.....	234
--	-----

CONTENT

DEMOGRAPHY AND COVID-19

<i>Larisa S. Ruban.</i> OVERCOMING THE COVID-19 PANDEMIC IN RUSSIA IN 2020-2021: PROBLEMS AND PROSPECTS.....	7
<i>Maria T. Toribio Brittes Lemos, Alexis Toribio Dantas.</i> PANDEMIC IN BRAZIL: EFFECTS ON MIGRATION PROCESS	21
<i>Bibinaz Almanova, Leila Delovarova.</i> EDUCATIONAL EMIGRATION OF KAZAKHSTANI YOUTH DURING THE COVID-19 PANDEMIC: SOCIAL IMPACTS AND CHALLENGES	31
<i>Ludmila E. Tikhonova, Vasily P. Pugachev.</i> MIGRATION SITUATION IN BELARUS AMID THE COVID-19 PANDEMIC AND INTERNATIONAL SANCTIONS.....	43

DEMOGRAPHIC REGIONAL STUDIES

<i>Konstantin V. Sugonyaev.</i> WHICH MATTERS MORE FOR MIGRATION: EVIDENCE FROM RUSSIAN REGIONS' DATA.....	57
<i>Guldar F. Akhmetova (Khilazheva).</i> RUSSIAN REGIONS IN INTERREGIONAL LABOR MIGRATION: LEVEL OF PARTICIPATION, CAUSES AND FACTORS	76
<i>Andrey V. Smirnov, Uliana V. Lytkina.</i> INTERNATIONAL MIGRATION IN THE RUSSIAN ARCTIC: SCALE, STRUCTURE AND INFLUENCE OF THE PANDEMIC.....	90
<i>Konstantin A. Chernyshev.</i> EVOLUTION OF MIGRATION INTERACTION OF THE KIROV REGION WITH THE SOVIET AND POST-SOVIET BALTICS.....	107

DEMOGRAPHICS OF THE LABOR MARKET

<i>Natalia N. Morozova.</i> THE IMPACT OF POPULATION AGING AND MIGRATION ON THE LABOR MARKET IN BELARUS	121
<i>Tatiana I. Borzunova, Galina F. Morozova.</i> DEMOGRAPHIC ASPECTS OF RUSSIAN REGIONAL LABOR MARKET DEVELOPMENT	138
<i>Robert I. Akyulov, Elena I. Akyulova.</i> THE IMPACT OF ILLEGAL MIGRATION ON REGIONAL LABOR MARKETS IN RUSSIA.....	148
<i>Alla N. Ostavnaia.</i> THE ROLE OF SUBJECTS OF MIGRATION PROCESS IN SOLVING MIGRANT HEALTH PROBLEMS	162

DEMOGRAPHICS OF FOREIGN COUNTRIES

<i>Sergey V. Ryazantsev, Safiatou Camara.</i> EMIGRATION FROM GUINEA AND THE CONTRIBUTION OF THE GUINEAN DIASPORA TO THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE COUNTRY	176
<i>Maria V. Dragun.</i> POSSIBLE DIRECTIONS FOR MIGRATION POLICY IN BELARUS.....	190
<i>Muattara A. Rakhimova, Sergey V. Ryazantsev.</i> MEASURES TO SUPPORT THE POPULATION IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN DURING THE COVID-19 PANDEMIC	201

Alla N. Ostavnaia, Elena V. Maslenkova, Abubakr Kh. Rakhmonov, Dauren A. Zhampeisov, Duman A. Zhampeisov. THE BALTICS COUNTRIES AS NEW DIRECTIONS OF MIGRATION FROM BELARUS, KAZAKHSTAN, MOLDOVA AND TAJIKISTAN..... 210

FIELD STUDIES

Stanislav S. Alkhasov, Nikita S. Ryazantsev. SCIENTIFIC EXPEDITION OF RESEARCHERS FROM THE IDR FCTAS RAS TO STUDY MIGRATION IN THE NORTHWESTERN SECTION OF THE RUSSIAN BORDER 234

ДЕМОГРАФИЯ И COVID-19

DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.1

EDN: LPZINM

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 В РОССИИ В 2020–2021 ГГ.: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Рубан Л. С.

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: lruban@yandex.ru

Для цитирования: Рубан Л. С. Преодоление пандемии COVID-19 в России в 2020–2021 гг.: проблемы и перспективы // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 7–20. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.1>. EDN: LPZINM.

Аннотация. Используя социологические методы исследования, включающие устный телефонный экспресс-опрос, включенное наблюдение, контент-анализ публикаций в средствах массовой информации и научных изданиях, автор проанализировал развитие ситуации с COVID-19 в России в 2020–2021 гг., рассмотрел процесс вакцинации от коронавируса и отношение к нему населения, его страхи и надежды, уровень самосохранительного поведения и ответственности граждан в сложной санитарно-эпидемиологической обстановке, эффективности работы органов государственной власти по преодолению пандемии. Анализ показал, что население не всегда обладает достоверной информацией, которая часто противоречива и не отличается последовательностью и профессионализмом, постоянно меняется, что дезориентирует население и может вызвать панические настроения, так как граждане не уверены, что их безопасность в достаточной степени обеспечена.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, COVID-19, вакцинация, «Спутник-V», «ЭпиВакКорона», «КовиВак», «Спутник-Лайт», самосохранительное поведение.

Введение

Если мы обратимся к истории массовых инфекционных заболеваний, эпидемий и пандемий, то увидим, что самая короткая пандемия длилась два года, то есть почти такой же по длительности период, который продолжается нынешняя пандемия коронавируса COVID-19 [1, с. 85]. Интересен факт, что некоторые специалисты считают, что вирус «русского гриппа», поразивший Европу в девяностые годы XIX в. мог быть не вирусом гриппа, а коронавирусом, похожим на современный SARS-COV-2 [2, с. 19].

Реалиями жизни в XXI в. был создан прецедент научного интереса к исследованию неоднозначно интерпретируемых процессов изменения мира под влиянием противоречивых тенденций развития человека и общества, ставящих под сомнение сложившиеся представления о возможных событиях. Один из последних примеров: пандемия коронавируса, которая во многом изменила события международного значения, нарушила календарь запланированных мероприятий внутригосударственного уровня, внесла необходимость корректировки времени и содержания работы людей в сферах профессиональной и личной жизни и планов на будущее [3, с. 173].

Обзор научной литературы. Проблеме преодоления пандемии коронавируса COVID-19 посвящен целый ряд работ, публиковавшихся начиная с момента возник-

новения пандемии в 2019 г. по настоящее время. Мы остановимся на глубоких отечественных исследованиях по социальным аспектам пандемии, подробно освещенных в монографиях и материалах докладов демографических форумов, проведенных в нашей стране. Особо хотелось бы отметить следующие научные публикации: фундаментальную монографию под ред. А. В. Торкунова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова. «Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие» (2021 г.), подробно раскрывшую понятие пандемии в историческом и теоретическом аспектах, причины возникновения, особенности распространения и последствия глобальных пандемий, их воздействие на политическую, социально-экономическую и демографическую сферы, трансформацию рынка труда и трудовую миграцию в условиях пандемии COVID-19.

В сборниках докладов «Демография и глобальные вызовы» Международных демографических форумов, прошедших в Воронеже в 2020 и 2021 гг., обстоятельно представлены актуальные вопросы современности – влияние пандемии на динамику рождаемости и смертности в России с учетом этнических и региональных особенностей; дана характеристика современных депопуляционных процессов в РФ; произведен учет пространственной дифференциации демографических процессов в урбанизированных территориях; рассмотрены межрегиональные миграционные связи и трудовая активность в период COVID-19, и что особенно важно – оценен вклад российских ученых в развитие географии населения, демографии и геодемографии, в разрешение проблемы доверия населения власти и власти населению в условиях пандемии и реализации задачи обеспечения безопасности населения.

В специальном выпуске журнала «Социальная политика и социология» № 3 (140) за 2021 г. были опубликованы двадцать два лучших доклада III Всероссийского демографического Форума с международным участием, который прошел в Москве в 2021 г. В первую очередь следует отметить развернутое изложение методологических вопросов оценки результативности демографической политики в отношении рождаемости, осуществления национального проекта «Демография» и перспектив демографического роста в нашей стране. Была показана роль социальных работников в совершенствовании медико-социальной помощи населению в условиях пандемии. Очень важный раздел был посвящен рынку труда в ковидный и постковидный периоды, четко обозначены вызовы и возможности эффективного управления этим процессом.

Не менее содержательным был специальный выпуск журнала «Научное обозрение. Серия 1. Экономике и право» № 3 за 2020 г., включающий восемнадцать фундаментальных статей и посвященный глобальной миграции в условиях пандемии COVID-19, ее региональным и этнодемографическим аспектам, с подробной характеристикой трудовой, вынужденной и образовательной миграции.

Данные. Вернемся к характеристике динамики эпидемиологического процесса в нашей стране. В декабре 2021 г. в России темпы пандемии были ниже, чем в июле 2021 г. Так, в Москве в июле 2021 г. количество заболевших достигало 7000–6500 человек в день, 13 декабря заболеваемость составила 2894 человека, а 14 декабря – 1976 человек. Однако по стране в целом в июле 2021 г. число заболевших за день людей было меньше, чем в декабре, и составляло 24000–25704 тыс. человек при очень высокой смертности – 700–799 человек.

В декабре 2021 г. заболеваемость в России достигала в день 29 558 человек, а смертность – 1 121 человек при пике 1 254 человека в середине ноября 2021 г. Новый

пик эпидемиологической активности начался в январе 2022 г. и продолжался до конца февраля, составив 3 694 заболевших 7 января 2022 г. в Москве и 134 070 человека по России в целом к 31 января; 10 февраля – 22 747 человек в Москве и 180 672 человек 17 февраля 2022 г. по стране в целом. В марте 2022 г. наметилось снижение темпов пандемии: в Москве 14 марта было зафиксировано 2 102 заболевших, а по России в целом заболеваемость в марте составила 41 055 человек¹.

Эти данные отражают комплексную характеристику состояния системы здравоохранения, ее способности выхаживать и предотвращать смерть пациентов, а также качества здоровья населения, состояния гигиены и санитарии в стране, эффективности профилактики заболеваний и вакцинации, социальной эпидемиологической дисциплины и ответственности населения, адекватности его самосохранительного поведения имеющейся опасности в условиях пандемии.

Актуальность. В связи с тем, что пандемия коронавируса является главной угрозой современности во всем мире, то задача преодоления этой труднейшей проблемы, нахождения эффективных мер противодействия для ее решения в настоящий момент гиперактуальны. COVID-19 – коварное заболевание, не дающее стойкого иммунитета. Можно заболеть и во второй, и в третий, и в четвертый раз, то есть столько раз, сколько выдержит организм. Тут сразу же возникает вопрос: а какова роль вакцин, если они не могут предотвратить заболевание? Населению объясняют необходимость вакцинации, предупреждая, что она не гарантирует 100%-й защиты от вируса, но больной легче перенесет болезнь и не умрет².

Справочно следует указать на то, что целый ряд вакцин в нашей стране эффективно действует уже много лет, предотвращая эпидемии. Сроки их действия различны: от оспы, полиомиелита, гепатита В (прививка производится в первые 12 часов жизни ребенка), ТБЦ (делается на 3–7-й день, а повторная окончательная уже через 7 дней), прививки от которых пожизненные, до холеры – со сроком действия прививки на 1 год и тифа – на 3 года³.

Целью данной работы было проведение анализа процесса развития пандемии в России в целях поиска средств для эффективного преодоления распространения этой болезни и научения населения эффективному и адекватному реагированию на данную проблему.

Для реализации поставленной цели мы использовали следующие социологические исследовательские *методы*: телефонный экспресс-опрос в форме устных интервью, включенное наблюдение, контент-анализ публикаций в средствах массовой информации и научных изданиях.

Уровень информированности населения о пандемии

В соответствии с поставленными задачами в нашем исследовании встал основной вопрос об информированности населения о ситуации с пандемией в стране в це-

¹ Коронавирус: статистика // Яндекс. Интернет-портал. URL: <https://yandex.ru/covid19/stat> (дата обращения: 24.03.2022).

² Ответы на самые распространенные вопросы о вакцинах и вакцинации // Стопкоронавирус. рф. Официальный российский интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса. URL: <https://вакцина.стопкоронавирус.рф/#faq> (дата обращения: 24.03.2022).

³ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 6 декабря 2021 г. N 1122н «Об утверждении национального календаря профилактических прививок, календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям и порядка проведения профилактических прививок» // Гарант. Справочная правовая система. URL: <https://base.garant.ru/403258640/> (дата обращения: 24.03.2022).

лом и в ее отдельных регионах и степени доверия людей к такой информации. Надо сразу уточнить, что уровень этого доверия был подорван уже в самом начале пандемии, когда и медицинские работники, и пресса пускали в оборот противоречивые указания: носить или не носить маски и перчатки?⁴

Когда со средствами защиты ощущались серьезные перебои, муслировалась идея, что маски и перчатки защитит от заражения не могут. Когда заводы по производству масок были запущены и понадобился их массовый сбыт, то ношение масок было объявлено обязательным, а игнорирование их ношения стало караться штрафами до 5 000 рублей⁵. Однако в вагонах московского метро и наземном транспорте можно было увидеть, что значительная часть пассажиров находится без индивидуальных средств защиты, несмотря на введенные штрафы, а в поликлиниках даже врачи работали без масок.

Постараемся разобраться в происходящем и прежде всего в процессе самой вакцинации и отношении к ней населения. Следует отметить, что за период пандемии рекомендации врачей кардинальным образом менялись. Так, в октябре 2020 г. практически все терапевты своим пациентам для профилактики COVID-19 настоятельно рекомендовали сделать прививку от инфекционной пневмонии (отдельно или в комплексе с антигриппозной вакциной). Теперь об этой рекомендации забыто. Сделавшим прививку против гриппа в 2020 – начале 2021 гг. рекомендовалось делать прививку против COVID-19 не ранее, чем через четыре месяца. С середины 2021 г. такие рекомендации в расчет уже не берутся.

По поводу наличия антител шла активная дискуссия: нужно ли их учитывать, и какое количество является необходимым⁶. Тесты фиксировали значительное количество антител после вакцинации «Спутником-V»⁷ и отсутствие их после вакцинации «ЭпиВакКороной»⁸. У некоторых привитых пациентов при тестировании после вакцинации антитела не были обнаружены⁹. К лету 2021 г. часто звучала информация о том, что наличие или отсутствие антител не показатель и его не надо учитывать¹⁰. В то же время мы получали ежедневно информацию с мониторов в метро: «Если Вы переболели COVID-19, сдайте кровь на плазму, помогите больным антителами. В каждом

⁴ См., напр.: Защитные маски против коронавируса: насколько они помогают и как ими грамотно пользоваться // Комсомольская правда. Газета. 30.01.2020. URL: <https://base.garant.ru/403258640/> (дата обращения: 24.03.2022).

⁵ На каком основании гражданин может быть оштрафован за отсутствие масок и перчаток по ст. 3.18.1 ч. 2 или по ст. 20.6.1. КоАП г. Москвы? // ГУ МВД России по г. Москве [сайт]. 02.03.2021. URL: <https://base.garant.ru/403258640/> (дата обращения: 24.03.2022).

⁶ Часто задаваемые вопросы // Стопкоронавирус.рф. Официальный российский интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса. URL: <https://стопкоронавирус.рф/faq/?tags=42> (дата обращения: 24.03.2022).

⁷ An Open Study of the Safety, Tolerability and Immunogenicity of “Gam-COVID-Vac Lyo” Vaccine Against COVID-19 // ClinicalTrials.gov. Registry of clinical trials. URL: <https://clinicaltrials.gov/ct2/show/NCT04437875> (accessed on 24.03.2022).

⁸ Поляк Р. Вакцина-плацебо от Роспотребнадзора // МБХ медиа. Российское сетевое издание. 20.02.2021. URL: <https://web.archive.org/web/20210722101310/https://mbk-news.appspot.com/suzhet/vaktsina-platsebo-ot-rosпотреbnadzora/> (дата обращения: 24.03.2022).

⁹ В популяции всегда есть 10%, которые не реагируют на любые вакцины // Известия. Газета. 08.04.2021. URL: <https://iz.ru/1147370/mariia-nediuk/v-populiacii-vsegda-est-10-kotorye-ne-reagiruiut-na-liubye-vaktsiny> (дата обращения: 24.03.2022).

¹⁰ Прививка от коронавируса при наличии антител. Стоит ли вакцинироваться // РИА Новости. Информационное агентство. 28.07.2021. URL: <https://ria.ru/20210728/privivka-1742989227.html> (дата обращения: 24.03.2022).

отдельном случае на это уйдет 40 минут, будут спасены три жизни, а донор получит благодарность больных и 5 000 рублей от государства»¹¹. Сейчас в поликлиниках продолжают делать анализ крови на антитела, кстати, при наличии у пациента даже 10 антител еще летом 2021 г. прививка не рекомендовалась¹².

Закономерен вопрос: почему такой разницей в информации? Видимо, специалисты сами пока не уверены, как необходимо действовать в настоящей ситуации, и стараются подстраховаться и снизить свою ответственность в случае ошибки. В середине декабря 2021 г. на государственном уровне было принято решение, что при наличии антител, считать их носителя переболевшим COVID и выдавать ему QR-код. Оптимальным называется наличие 1000 антител у привитого пациента¹³.

Сделать ПЦР-тест на наличие заболевания сейчас можно как в поликлиниках (бесплатно, но это не срочно, поэтому результат можно получить в течение двух дней, то есть когда истечет их срок действия, так как в настоящий момент срок их действия сократили с трех до двух дней), так и в частных клиниках, где их стоимость варьируется от 1 750 руб. за стандартный тест, 1 800 руб. – за экспресс-тест до 2 400 руб. – за срочный тест. «Инвитро» и «Гемотест» делают анализ примерно за 1 000 руб.¹⁴

28 июня 2021 г. в статье, опубликованной на официальном интернет-ресурсе «Стопкоронавирус.рф», говорилось о том, что существует крайне мало строгих противопоказаний от вакцинации. Из противопоказаний к вакцинации назывались следующие: «возраст до 18 лет и период кормления грудью»¹⁵. При этом онкология, гематология, аутоиммунные заболевания, сахарный диабет, ВИЧ-инфекции» [1] строгими противопоказаниями к вакцинации не являются. Сейчас возрастные характеристики пересмотрены, идет вакцинация подростков и готовится вакцинация детей от 12-ти лет¹⁶, а ведь еще в 2020 г. считалось, что дети невосприимчивы к коронавирусу и не болеют COVID-19¹⁷.

Летом 2021 г. в Минздраве допускали, что привитым «Спутником-V» понадобится вакцинация другим препаратом, но заместитель министра здравоохранения России О. Гриднев отмечал, что исследования в данной области еще только ведутся¹⁸.

¹¹ Как стать донором плазмы? // Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы [сайт]. 15.10.2020. URL: <https://dszn.ru/press-center/news/4703> (дата обращения: 24.03.2022).

¹² Прививка: какие риски? // Российская газета. Газета. 06.02.2021. URL: <https://rg.ru/2021/02/02/rg-otvchaet-na-voprosy-o-vakcinacii-ot-koronavirusa.html> (дата обращения: 24.03.2022).

¹³ Новые QR-коды: сколько нужно антител и как получить сертификат // РБК. Газета. 23.02.2022. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/23/02/2022/621358c39a79470b45ec95f3 (дата обращения: 24.03.2022).

¹⁴ Тесты на Covid-19 в Москве // СберЗдоровье. Интернет-сервис. URL: <https://docdoc.ru/service/analizy/test-na-coronavirus> (дата обращения: 24.03.2022).

¹⁵ Врач рассказала, кому дают справку о медотводе от прививки против COVID // Стопкоронавирус.рф. Официальный российский интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса. 28.06.2021. URL: <https://stopkoronavirus.rf/news/20210628-0839.html> (дата обращения: 24.03.2022).

¹⁶ Вакцинация детей от COVID-19 // Центр гигиенического образования населения Роспотребнадзора [сайт]. URL: <http://cgon.rosпотребнадзор.ru/content/633/vakcinaciya-detei-ot-covid-19> (дата обращения: 24.03.2022).

¹⁷ Тайна COVID-19: почему дети болеют меньше? // Комсомольская правда. Газета. 15.04.2020. URL: https://aif.ru/health/coronavirus/tayna_covid-19_pochemu_deti_boleyut_menshe (дата обращения: 24.03.2022).

¹⁸ В Минздраве допустили, что привитым «Спутником V» понадобится вакцинация другим препаратом // ТАСС. Информационное агентство. 08.06.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11596819> (дата обращения: 24.03.2022).

В конце весны 2021 г. директор Центра имени Н. Ф. Гамалеи академик А. Л. Гинцбург указывал на то, что «Спутником» можно прививаться только один раз, а если прививка не подействовала, предостерегал от введения другой вакцины, так как никто не знает, какой будет реакция на совмещение двух отличных друг от друга препаратов¹⁹.

Сейчас в России зарегистрированы следующие вакцины от коронавируса: «Спутник-V» Центра имени Гамалеи, «ЭпиВакКорона» новосибирского Центра «Вектор», «КовиВак» Центра имени Чумакова и «Спутник-Лайт», кроме того, уже на выходе находится новая вакцина принципиально иного действия, когда ставка делается не на поверхностный белок, препятствующий коронавирусу зацепиться своим шипом за клетку, а на внутренний. Новый препарат разработан в Санкт-Петербурге, идут его испытания. Еще есть назальная вакцина²⁰.

Если вникнуть в проблему подробнее, то следует отметить, что векторные вакцины получены с помощью генной инженерии, применение которой на человеке еще два года назад в Российской Федерации было запрещено²¹. Возможно, по этой причине значительная часть особенно молодого населения нашей страны опасается вакцинации, ведь генномодифицированный продукт и растительный, и животный не дает потомства по определению, а исследования многолетнего воздействия вакцин на человеческий организм еще не проведено в связи с кратким периодом испытаний²².

В таких вакцинах используют вирусные векторы, которые выполняют функцию доставки генетического материала в клетки. Геном коронавирусных штаммов окружен мембраной, в состав которой входят S-белки. Именно к таким белкам и должны вырабатываться антитела после применения вакцины. Однако, как отмечают эксперты, на штамме коронавируса MERS было показано, что предварительно выработанные антитела к S-белкам способствовали усилению проникновения этого вируса в клетки [4]. Также известно антителозависимое усиление инфекции, которое приводит к иммунопатологиям легких, подобно тем, что наблюдались в тяжелых и смертельных случаях у пациентов с COVID-19 [5].

Но чтобы успешно противостоять вирусной инфекции, человек должен не только строго соблюдать санитарно-эпидемиологические требования в соответствии с мерами безопасности, формировать иммунитет посредством вакцинации, но и правильно и полноценно питаться. В то же время наша страна столкнулась с проблемой

---

¹⁹ Концепция поменялась: «Спутник-V» – защита на всю жизнь // Regnum. Информационное агентство. 10.04.2021. URL: <https://regnum.ru/news/3239566.html> (дата обращения: 24.03.2022).

²⁰ Разрабатываемые и используемые в России вакцины // Стопкоронавирус.рф. Официальный российский интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса. 28.06.2021. URL: <https://вакцина.стопкоронавирус.рф/#about> (дата обращения: 24.03.2022).

²¹ Постановление Правительства РФ от 16.04.2020 N 520 (ред. от 25.12.2021) «О продукции и генно-инженерно-модифицированных организмах, не подлежащих государственной регистрации в соответствии с Правилами государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, включая указанную продукцию, ввозимую на территорию Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2013 г. N 839» // Консультант Плюс. Справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350719/ (дата обращения: 24.03.2022).

²² Бесплодие от вакцины стало новой фобией россиян. Откуда взялся этот миф? // BFM.ru. Деловой интернет-портал. 19.01. 2021. URL: <https://www.bfm.ru/news/463013> (дата обращения: 24.03.2022).

снижения, а местами утраты продовольственной безопасности и возникновения внешней продовольственной зависимости. В первую очередь надо указать на то, что 60–80% семенного фонда зерновых культур в Российской Федерации составляют импортные генномодифицированные сорта, урожай которых не может быть использован как посевной материал, который будет закупаться из года в год вновь, а в случае прекращения поставок, это может вызвать голод [6]. Таким образом, в условиях экономического кризиса, спровоцированного пандемией, высокой инфляцией и кратного подорожания продуктов питания, снижения уровня доходов населения нарушается здоровый уровень процесса питания, что снижает состояние здоровья и сопротивляемости человеческих организмов вирусной инфекции.

Еще один важный момент – это качество потребляемого населением продовольствия. В магазины сети розничной торговли экономкласса «Магнит», «Пятерочка», «Дикси» и другие завозятся продукты трехдневной давности, то есть позавчерашние, а ряд продуктов, например, яйца, продается с истекшим сроком годности – за прошлый месяц, скоропортящееся молоко – недельной давности, а срок годности охлажденного мяса и птицы зачастую проставлен как двухнедельный. Из чего следует, что идет регулярное многократное поражение (отравление) потребителей токсинами, содержащимися в продаваемой несвежей продукции.

Другая тревожная информация о влиянии вакцинации на состояние здоровья населения, указывающая на возникновение тромбозов, как следствие применения векторных вакцин [7], буквально заполонила Интернет в июне 2021 г. Она помещалась на сайтах авиакомпаний с указанием, что привитые пассажиры не будут допускаться на авиарейсы, так как это опасно для их жизни и здоровья, а авиакомпании в летальных случаях при перелетах пассажиров должны доставлять тело по месту проживания пассажира и возмещать все погребальные и страховые расходы. Эта информация была названа ложной и спешно удалена из Интернета. В то же время следует отметить, что часть умерших после окончания коронавирусного заболевания пациентов пострадала именно от тромбоза [8].

Разработка антикоронавирусных вакцин ведется с 1970-х гг. XX в., и все прежде созданные вакцины во время испытаний на животных демонстрировали хорошую переносимость – у подопытных животных наблюдалась выработка антител, но при последующем заражении отмечалась повышенная смертность и более тяжелые формы проявления заболевания [9].

Итак, говоря об испытаниях вакцин, специалисты упоминают опыты на животных. И здесь в информации существует большая неразбериха: пишут, что, к примеру, «ЭпиВакКорона» якобы с успехом тестировалась на кроликах, хорьках и хомяках без указания количества использованных подопытных животных²³, хотя при желании это можно легко проверить по бухгалтерским документам на закупку лабораторных животных, их содержание и утилизацию трупов. Однако некоторые научные исследования показали, что кролики и хомяки мало восприимчивы к этому вирусу [10]. Тогда возникает резонный вопрос: зачем на них проводить испытания? И проводились ли такие опыты вообще?

---

²³ ТОП-20 вопросов о вакцине ФБУН ГНЦ ВБ «Вектор» // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор) [сайт]. URL: https://www.rosпотребнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=15649 (дата обращения: 25.03.2022).

Из опубликованных данных мы узнаем о том, что «Спутник-V» тестировали 33 000 испытуемых, причем антитела после вакцинации были обнаружены у 98% человек²⁴. «ЭпиВакКорону» – всего 3 000 испытуемых и 150 пожилых добровольцев²⁵, «КовиВак» – 400 испытуемых²⁶ (то есть налицо нерепрезентативная выборка). О «Спутнике-Лайт» вообще говорить не приходится, так как это первая фаза вакцины «Спутник-V».

Население активно интересуется вопросом: какие побочные эффекты и негативные последствия бывают от прививок? В прессе мы находим следующую информацию: температура, ломота в теле – абсолютно нормальная реакция организма на вакцину, и ничего страшного в этом нет²⁷. Но в Израиле среди привитых Pfizer и Moderna у людей с аутоиммунными заболеваниями возникал паралич лицевого нерва²⁸, была также зафиксирована смерть пациента с миокардитом²⁹. В США и Норвегии после вакцинации Pfizer у женщин в большом количестве случаев произошло увеличение груди за счет резкого увеличения молочных желез [11].

Но вернемся в Россию. Автор данной статьи вакцинацию исследовала методом включенного наблюдения в этот процесс, то есть привилась «ЭпиВакКороной» в мае 2021 г., так как в тот период времени в прессе широко была представлена информация о том, что это самый безопасный препарат, специально рекомендуемый пожилым, ослабленным людям, аллергикам и хроникам³⁰. Однако прививка способствовала резкому увеличению уровня сахара в крови: с 6,2 ммоль на момент вакцинации до 16–18 ммоль после. Причем такой уровень держался в течение пяти месяцев, что свидетельствовало о том, что в препарате есть компоненты, блокирующие действие инсулина. Обратиться за разъяснениями о компонентах препарата к руководителю Роспотребнадзора А. Ю. Поповой, которая одновременно является одной из разработчиц вакцины, хотя это нарушает юридические нормы действия надзирающего

---

²⁴ Клинические испытания // Спутник V. Официальный сайт о вакцине НИЦЭМ им. Н. Ф. Гамалеи. URL: <https://sputnikvaccine.com/rus/about-vaccine/clinical-trials/> (дата обращения: 25.03.2022).

²⁵ ТОП-20 вопросов о вакцине ФБУН ГНЦ ВБ «Вектор» // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор) [сайт]. URL: https://www.rosпотребнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=15649 (дата обращения: 25.03.2022).

²⁶ Стадия // КовиВак. Официальный сайт о вакцине центра им. М. П. Чумакова. URL: <https://kovivak.ru/stadiya/> (дата обращения: 25.03.2022).

²⁷ Какие побочные эффекты могут быть после прививки? // Стопкоронавирус.рф. Официальный российский интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса. URL: <https://вакцина.стопкоронавирус.рф/#faq260> (дата обращения: 25.03.2022).

²⁸ Patient case strongly suggests link between COVID-19 vaccine and Bell's palsy // Medical Express. Medical and health news service. 20.07.2021. URL: <https://medicalxpress.com/news/2021-07-patient-case-strongly-link-covid-.html> (accessed on 25.03.2022).

²⁹ A New Zealand man, 26, died of myocarditis, a rare side effect of COVID-19 vaccine. What you need to know // USA Today. Newspaper. 20.12.2021 (accessed on 25.03.2022).

³⁰ С восемнадцати и старше: Прививку «ЭпиВакКороной» рекомендуют и студентам, и пенсионерам // Российская газета. Газета. 27.04.2021. URL: <https://rg.ru/2021/04/27/podhodit-li-epivakkorona-dlia-pozhilyh-i-kak-gotovitsia-k-vakcinacii.html> (дата обращения: 25.03.2022).

органа³¹, и подать обращение по электронной почте возможности не оказалось, так как Роспотребнадзор закрыл этот вид связи для подачи обращений населения, и номера контактных телефонов с сайта ведомства удалили.

В июне 2021 г. внезапно было объявлено, что вакцину «ЭпиВакКорона» можно делать только лицам в возрасте до 60 лет. Аналогичная ситуация произошла и с вакциной «КовиВак», когда после начала вакцинации данным препаратом, внезапно был введен запрет на нее для лиц старше 60 лет.

Вводимые регионами России ограничения против невакцинированных граждан привели к ажиотажному спросу на прививку и многочасовым очередям. Мало того, специалисты из Центра имени Чумакова отмечали, что на момент начала вакцинации этим препаратом клинические испытания вакцины к лету 2021 г. еще не были закончены³². Ажиотаж же вокруг нее был связан с высокой репутацией Центра и тем, что технология вакцины отличается от аденовирусной вакцины «Спутник-V» и пептидной вакцины «ЭпиВакКорона». Вакцина «КовиВак» разработана на основе «убитого» вируса. Ученые заявляли, что иммунный ответ, который дает именно эта вакцина, будет наиболее полным³³.

Нервозности в условиях пандемической ситуации добавляют различные прогнозы. Так, по расчетам математиков из Санкт-Петербурга, новый пик заболеваемости COVID-19 в Москве должен был наступить в середине сентября 2021 г. Количество активно болеющих в этот момент людей в столице, как предполагалось прогнозистами, могло составить 225–280 тыс. человек, что было бы на 30–60% выше, чем в декабре 2020 г. Другие опрошенные «Известиями» эксперты считали, что заболеваемость должна начать снижаться уже в конце июля 2021 г. благодаря вакцинации и окончанию экзаменов в учебных заведениях³⁴. Однако эти прогнозы не реализовались. Заметим, что подобные прогнозы во многом дезориентируют население, которое не владеет всей полнотой информации, испугано и часто близко к паническим настроениям, при том, что информация, которую публикуют в прессе и Интернете, оптимизма не добавляют.

---

³¹ Попова А. Ю. В течение своей карьеры занималась контрольной санитарной деятельностью, не связанной с научными изысканиями, и, находясь в Москве, вряд ли физически могла найти время для разработки вакцины, которая производилась в Новосибирске. Парадокс заключается в том, что государственный орган Роспотребнадзор вместо четкого осуществления контрольной надзорной функции в тесном контакте с населением занялся не свойственной ему исследовательской работой, а ведь на этот счет еще в 2016 г. Президентом России В. В. Путиным было сделано четкое указание госчиновникам, что те из них, которые хотят заниматься наукой, должны оставить госслужбу, сделав свой выбор (см.: Владимир Путин об ученых на госслужбе: либо ты чиновник, либо член Академии Наук // Первый канал. 23.11.2016. URL: https://www.1tv.ru/news/2016-11-23/314613-vladimir_putin_ob_uchenyh_na_gossluzhbe_libo_ty_chinovnik_libo_chlen_akademii_nauk).

³² Баланс спроса и заражения. Как разворачивается производство вакцин от COVID-19 в России // Коммерсантъ. Газета. 25.06.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4869981> (дата обращения: 25.03.2022).

³³ За «КовиВаком» не занимать. Новая партия вакцины закончилась за один день // Коммерсантъ. Газета. 11.07.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4898378> (дата обращения: 25.03.2022).

³⁴ Ученые спрогнозировали пик заболеваемости COVID-19 в Москве // РБК. Медиахолдинг. 01.07.2021. URL: <https://www.rbc.ru/society/01/07/2021/60dd3f1f9a794727a8e9bc29> (дата обращения: 25.03.2022).

Результаты опроса

Чтобы в общих чертах составить представление об эпидемиологической ситуации в 2020–2021 гг., автором статьи был проведен экспресс-опрос среди личных знакомых по телефону по случайной выборке. Массив (N = 200) включал две референтные группы: привитые – 102 и непривитые – 98 человек.

Из 102 привитых респондентов (100%) заболел 21 человек (20%), из которых 4 человека (20% заболевших) умерли. 81 человек (80%) не заразился и не заболел. По официальной статистике, заболевшие среди привитых по стране в целом составляют 1,7%, но, на наш взгляд, эти цифры можно характеризовать как «среднюю температуру по больнице».

Из 98 (100%) непривитых респондентов заразились коронавирусом и заболели 64 человека (65%), 14 (22% заболевших) из них умерли. 34 человека (35%) не заразились и не заболели. Хотелось бы знать, что помогло последним избежать инфекции? Были ли это самоизоляция, хороший иммунитет или что-то иное?

Сравнивая данные экспресс-опроса по вакцинированным и непривитым респондентам, можно сделать вывод о том, что прививка снизила риск заражения на 50%, однако показатели летальности у российских заболевших среди привитых и невакцинированных пациентов по сравнению с европейцами очень высоки и довольно близки по значению (20% и 22%).

Следует отметить, что пик смертности от COVID-19 по стране в целом был достигнут в Российской Федерации в середине ноября 2021 г. и составил 1 254 умерших за день³⁵. Такого показателя нет ни в какой другой стране мира даже с очень высоким уровнем заболеваемости коронавирусом.

Один из опрошенных нами респондентов, переболевший коронавирусом и побывавший в красной зоне, заявил, что как только пройдет шесть месяцев, он пойдет вакцинироваться «Спутником-V», так как сам видел, как переносили болезнь привитые в отличие от непривитых пациентов. Но ведь вакцина призвана препятствовать заражению человека вирусом, а не выполнять лечебную функцию!

В эфире YouTube-канала «Соловьев Live» прошла информация от вирусолога Е. Тимакова, что «коронавирусной инфекции для адаптации, позволяющей ей сравниться по степени заражения с вирусом гриппа, понадобится около двух–трех лет, а штаммом коронавируса «Дельта плюс» с большой долей вероятности заразятся все россияне, т. к. этот штамм меняет свой индекс репродукции и становится похожим на грипп»³⁶. Ранее, в начале пандемии, бывший главный санитарный врач России Г. Г. Онищенко говорил о том, что коронавирус не заразнее обычного гриппа³⁷.

Вызывает вопрос призыв к ревакцинации через полгода после введения пациентам двух фаз вакцин [12]. Весной 2021 г. один из руководителей Роспотребнадзора Н. Ю. Пшеничная заявляла, что привиться «Спутником-V» повторно будет нельзя из-за особенностей самой платформы вакцины, поскольку одновременно вводятся и аденовирусы, к которым тоже будут вырабатываться антитела. Если опять прово-

³⁵ Коронавирус: статистика // Яндекс. Интернет-портал. URL: <https://yandex.ru/covid19/stat> (дата обращения: 25.03.2022).

³⁶ Вирусолог: Через 2–3 года COVID-19 адаптируется и станет вирусом гриппа // Российская газета. Газета. 06.07.2021. URL: <https://rg.ru/2021/07/06/virusolog-cherez-2-3-goda-covid-19-adaptiruetsia-i-stanet-virusom-grippa.html?ysclid=l2swbrlmff> (дата обращения: 25.03.2022).

³⁷ Онищенко заявил, что COVID-19 не заразнее обычного гриппа // Интерфакс. Информационное агентство. 29.07.2020. URL: <https://www.interfax.ru/russia/719414> (дата обращения: 25.03.2022).

доть вакцинацию этой же вакциной, например, через два года, с таким же составом, то компоненты вакцины будут разрушаться теми антителами, которые могут сохраниться в нашем организме³⁸.

Резонно вспомнить о строгой дозировке лекарственных препаратов при любой болезни и возможности усвоения их организмом. Стремление через ревакцинацию и бустерные прививки увеличить вводимую пациентам лекарственную дозу практически в два раза похоже на употребление лекарства «ложкой» в связи с наивным стремлением пациента поскорее излечиться. Возможно, что стремление к ревакцинации в условиях ухудшения эпидемиологической ситуации обусловлено намерениями быстрее увеличить коллективный иммунитет населения (в США привиты 72%, в Евросоюзе в целом свыше 80%, хотя по разным странам ситуация отличается, в России – 51%³⁹).

Мир облегченно вздохнул, когда в ноябре 2021 г. в Японии после мутации штамма «дельта» коронавирусная инфекция практически сошла на нет, и в Стране восходящего солнца ежедневно фиксировалось только несколько десятков заболевших при нулевой смертности. Однако после выявления в ЮАР нового агрессивного штамма «омикрон», который в разы заразнее и опаснее штамма «дельта», маятник снова качнулся в сторону обострения ситуации и в Европе, и в Америке, и в Азии. В целях самозащиты наша страна, так же, как и другие государства, прервала авиасообщение с Южно-Африканской Республикой и рядом африканских стран, однако среди возвратившихся домой из этих регионов туристов были инфицированные, которые и привезли данный штамм в Россию.

Вызывает недоумение неадекватное и безответственное поведение наших соотечественников, которые даже в вынужденные выходные, предназначенные для снижения возможности заражения коронавирусом, используют дополнительные оплачиваемые санитарные каникулы для того, чтобы улететь на отдых в теплые страны. После длительных ноябрьских выходных в 2021 г. из-за возвратившихся из-за границы туристов был зафиксирован скачок заболеваемости коронавирусом⁴⁰, но, несмотря на это, все туры на Новый год были раскуплены⁴¹.

Понятно, что ряд недобросовестных туристических фирм, чтобы сохранить бизнес и минимизировать убытки, готовы делать бизнес на здоровье и жизни своих клиентов. Так, в середине ноября 2021 г. некоторые туристические компании буквально навязывали своим клиентам поездки в ЮАР и другие страны юга африканского континента несмотря на то, что они уже обладали данными об уровне заболеваемости новым штаммом в этих странах. Более того, туроператоры понимали, что такие поездки противоречат самосохранительной практике в условиях пандемии.

В условиях пандемии любая поездка таит риск для путешественников, хотя при поездках внутри страны туристы обеспечиваются бесплатным медицинским обслуживанием согласно Полису ОМС, а при зарубежных поездках даже с оплаченной дорогой страховой компенсацию в страховом случае туристы получают только при воз-

³⁸ В Роспотребнадзоре полагают, что «Спутником V» нельзя прививать повторно // РИА Новости. Информационное агентство. 23.03.2021. URL: <https://ria.ru/20210323/vaktsina-1602431422.html> (дата обращения: 25.03.2022).

³⁹ Коронавирус: статистика // Яндекс. Интернет-портал. URL: <https://yandex.ru/covid19/stat> (дата обращения: 25.03.2022).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Россияне раскупили почти все путевки за границу на Новый год // Лента.ру. Интернет-издание. 19.11.2021. URL: <https://lenta.ru/news/2021/11/19/rasprodano/> (дата обращения: 25.03.2022).

вращении на родину, а при всплеске пандемии и прекращении или приостановке авиасообщения нашему государству придется отправлять за рубеж эвакуационный самолет и экстренно вывозить своих граждан.

Заключение

Будущее покажет, кто из специалистов прав, и что поможет нам побороть пандемию коронавируса, а пока ситуация турбулентна, и за ней с замиранием сердца и надеждой следит население: авось пронесет и повезет не заболеть, тем более что протекание штамма «омикрон» проходит у заболевших легче, чем при заражении штаммом «дельта», и реже приводит к летальному исходу, что вселяет оптимизм и позволяет ослабить ограничительные меры.

Думается, что российским органам власти следует оперативно информировать население о состоянии эпидемиологической ситуации в стране и мерах по борьбе с коронавирусной инфекцией; открыто указывать на то, что имеющиеся вакцины – не панацея от COVID-19; давать полную статистику по действию вакцин, чтобы пресечь слухи и избежать домыслов, развеять страхи населения; указать возможные побочные реакции, чтобы не усугублять ситуацию; в то же время жестко осуществлять контроль за соблюдением эпидемиологического режима, необходимых мер защиты и профилактики, не допуская распространения вируса, а при резком ухудшении ситуации – осуществления самоизоляции и карантина, предоставления своевременной и качественной медицинской помощи населению.

Список литературы

1. Рубан Л. С. Влияние эпидемий и пандемий на население и экономику // Международный демографический форум: материалы заседания / отв. ред. Н. В. Яковенко. – Воронеж: «Цифровая полиграфия», 2020. С. 85–97. ISBN: 978-5-907283-37-4.
2. Рязанцев С. В., Смирнов А. В. Причины возникновения и особенности распространения глобальных пандемий // Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие: [монография] / Под ред. А. В. Торкунова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2021. С. 21–28. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021>.
3. Ростовская Т. К. Семья в условиях пандемии COVID-19 // Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие: [монография] / Под ред. А. В. Торкунова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2021. С. 173–180. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021>.
4. Yip M. S., Leung N. H. L., Cheung C. Y. et al. Antibody-Dependent Infection of Human Macrophages by Severe Acute Respiratory Syndrome Coronavirus. *Virology Journal*. 2014. Vol. 11. Article No. 82. DOI: <https://doi.org/10.1186/1743-422X-11-82>.
5. Iwasaki A., Yang Y. The Potential Danger of Suboptimal Antibody Responses in COVID-19. *Nature Reviews Immunology*. 2020. Vol. 20. Pp. 339–341. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41577-020-0321-6>.
6. Руденко М. Н., Субботина Ю. Д. продовольственная безопасность России // Известия СПб-ГЭУ. 2021. № 1 (127). С. 84–90.
7. Sánchez van Kammen M., Aguiar de Sousa D., Poli S. et al. Characteristics and Outcomes of Patients with Cerebral Venous Sinus Thrombosis in SARS-CoV-2 Vaccine-Induced Immune Thrombotic Thrombocytopenia. *JAMA Neurology*. 2021. Vol. 78. No. 11. Pp. 1314–1323. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamaneurol.2021.3619>.
8. Keane G., Dorman T. Fatal pulmonary thromboembolism in asymptomatic COVID-19. *Irish Journal of Medical Science*. 2021. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11845-021-02735-8>.
9. Yong C. Y., Ong H. K., Yeap S. K., Ho K. L., Tan W. S. Recent Advances in the Vaccine Development Against Middle East Respiratory Syndrome-Coronavirus. *Frontiers in Microbiology*. 2019. Vol. 10. Article No. 1781. DOI: <https://doi.org/10.3389/fmicb.2019.01781>.
10. Fritz M., de Riols de Fonclare D., Garcia D., Beurlet S., Becquart P., Rosolen S. G., Briend-Marchal A.,

Leroy E. M. First Evidence of Natural SARS-CoV-2 Infection in Domestic Rabbits. *Veterinary Sciences*. 2022. Vol. 9. No. 49. DOI: <https://doi.org/10.3390/vetsci9020049>.

11. Mehta N., Sales R. M., Babagbemi K., Levy A. D., McGrath A. L., Drotman M., Dodelzon K. Unilateral Axillary Adenopathy in the Setting of COVID-19 Vaccine. *Clinical Imaging*. 2021. Vol. 75. Pp. 12–15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.clinimag.2021.01.016>.

12. Рубан Л. С. Пандемия COVID-19 в России и проблема доверия и безопасности населения // Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы» / отв. ред. Н. В. Яковенко. – Воронеж: «Цифровая полиграфия», 2021. С. 73–81. DOI: <https://doi.org/10.12731/978-5-907283-71-8>.

Сведения об авторе:

Рубан Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: lruban@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-7972-1596; РИНЦ Author ID: 422924; Scopus Author ID: 57189762088; Web of Science Researcher ID: AAG-9409-2020.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022; принята в печать 18.04.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

OVERCOMING THE COVID-19 PANDEMIC IN RUSSIA IN 2020-2021: PROBLEMS AND PROSPECTS

Larisa S. Ruban

Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: lruban@yandex.ru

For citation: Larisa S. Ruban. Overcoming the COVID-19 Pandemic in Russia in 2020-2021: Problems and Prospects. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2. No 2. Pp. 7–20. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.1>. EDN: LPZINM.

Abstract. Using sociological research methods, including an oral telephone express survey, included observation, content analysis of publications in the media and scientific publications, the author analyzed the development of the situation with COVID-2019 in Russia in 2020–2021, considered the process of vaccination against coronavirus and the attitude of the population to it, its fears and hopes, the level of self-preservation behavior and the responsibility of citizens in a difficult sanitary and epidemiological situation, the effectiveness of the work of public authorities to overcome the pandemic. The analysis showed that the population does not always have reliable information, which is often contradictory and does not differ in consistency and professionalism, constantly changing, which disorients the population and can cause panic, as citizens are not sure that their safety is sufficiently ensured.

Keywords: pandemic, coronavirus, COVID-19, vaccination, EpiVacCorona, CoviVac, Sputnik Light, selfpreservation behavior.

References

1. Ruban L. S. Vliyaniye epidemiy i pandemiy na naseleniye i ekonomiku [Influence of epidemics and pandemics on the population and the economy]. In: *Mezhdunarodnyy demograficheskij forum [International Demographic Forum]: Proceedings* / Ex. ed. N. V. Yakovenko. Voronezh: Tsifrovaya poligrafiya, 2020. Pp. 85–97. ISBN: 978-5-907283-37-4. (In Russ.)

2. Ryazantsev S. V., Smirnov A. V. Prichiny vozniknoveniya i osobennosti rasprostraneniya global'nykh pandemiy [Causes of occurrence and features of the spread of global pandemics]. In: *Pandemiya COVID-19: Vyzovy, posledstviya, protivodeystviye [COVID-19 Pandemic: Challenges, consequences, counteraction]: monograph* / Ed. by A. V. Torkunov, S. V. Ryazantsev, V. K. Levashov. Moscow: Aspect Press, 2021. P. 21–28. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021>. (In Russ.)

3. Rostovskaya T. K. Sem'ya v usloviyakh pandemii COVID-19 [Family in the context of the COVID-19 pandemic]. In: *Pandemiya COVID-19: Vyzovy, posledstviya, protivodeystviye [COVID-19 Pandemic: Challenges, consequences, counteraction]: monograph* / Ed. by A. V. Torkunov, S. V. Ryazantsev, V. K. Levashov. Moscow: Aspect Press, 2021. P. 21–28. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021>. (In Russ.)

Russ.)

4. Yip M. S., Leung N. H. L., Cheung C. Y. et al. Antibody-Dependent Infection of Human Macrophages by Severe Acute Respiratory Syndrome Coronavirus. *Virology Journal*. 2014. Vol. 11. Article No. 82. DOI: <https://doi.org/10.1186/1743-422X-11-82>.
5. Iwasaki A., Yang Y. The Potential Danger of Suboptimal Antibody Responses in COVID-19. *Nature Reviews Immunology*. 2020. Vol. 20. Pp. 339–341. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41577-020-0321-6>.
6. Rudenko M. N., Subbotina I. D. Food Security of the Russian Federation. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Bulletin of the Saint Petersburg State Institute of Economics]*. 2021. No. 1 (127). Pp. 84–90. (In Russ.)
7. Sánchez van Kammen M., Aguiar de Sousa D., Poli S. et al. Characteristics and Outcomes of Patients with Cerebral Venous Sinus Thrombosis in SARS-CoV-2 Vaccine-Induced Immune Thrombotic Thrombocytopenia. *JAMA Neurology*. 2021. Vol. 78. No. 11. Pp. 1314–1323. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamaneurol.2021.3619>.
8. Keane G., Dorman T. Fatal pulmonary thromboembolism in asymptomatic COVID-19. *Irish Journal of Medical Science*. 2021. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11845-021-02735-8>.
9. Yong C. Y., Ong H. K., Yeap S. K., Ho K. L., Tan W. S. Recent Advances in the Vaccine Development Against Middle East Respiratory Syndrome-Coronavirus. *Frontiers in Microbiology*. 2019. Vol. 10. Article No. 1781. DOI: <https://doi.org/10.3389/fmicb.2019.01781>.
10. Fritz M., de Riols de Fonclare D., Garcia D., Beurlet S., Becquart P., Rosolen S. G., Briend-Marchal A., Leroy E. M. First Evidence of Natural SARS-CoV-2 Infection in Domestic Rabbits. *Veterinary Sciences*. 2022. Vol. 9. No. 49. DOI: <https://doi.org/10.3390/vetsci9020049>.
11. Mehta N., Sales R. M., Babagbemi K., Levy A. D., McGrath A. L., Drotman M., Dodelzon K. Unilateral Axillary Adenopathy in the Setting of COVID-19 Vaccine. *Clinical Imaging*. 2021. Vol. 75. Pp. 12–15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.clinimag.2021.01.016>.
12. Ruban L. S. Pandemiya COVID-19 v Rossii i problema doveriya i bezopasnosti naseleniya [The COVID-19 pandemic in Russia and the problem of trust and security of the population]. In: *Mezhdunarodnyy demograficheskiy forum "Demografiya i global'nyye vyzovy" [International Demographic Forum "Demography and Global Challenges"]* / ed. by N. V. Yakovenko. Voronezh: Tsfrovaya poligrafija, 2021. P. 73–81. DOI: <https://doi.org/10.12731/978-5-907283-71-8>. (In Russ.)

Bio note:

Larisa S. Ruban, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: lruban@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-7972-1596; RSCI Author ID: 422924; Scopus Author ID: 57189762088; Web of Science Researcher ID: AAG-9409-2020.

Received on 15.02.2022; accepted for publication on 18.04.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.2

EDN: LHZBVG

PANDEMIC IN BRAZIL: EFFECTS ON MIGRATION PROCESS

Maria T. Toribio Brittes Lemos

Rio de Janeiro State University, Rio de Janeiro, Brazil

E-mail: mtlemos@uol.com.br

Alexis Toribio Dantas

Rio de Janeiro State University, Rio de Janeiro, Brazil

E-mail: alexis.dantas@gmail.com

For citation: Maria T. Toribio Brittes Lemos, Alexis Toribio Dantas. *Pandemic in Brazil: Effects on Migration Process. DEMIS. Demographic Research. 2022. Vol. 2. No 2. Pp. 21–30. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.2>. EDN: LHZBVG.*

Abstract. *The rapid increase in the number of victims of COVID-19 brought panic, fears, frustrations and social hatreds were decoded into persecution, strengthen prejudice, discrimination, exclusions and xenophobia which affected the migration process. We conclude that, although immigrants in Brazil have access to public schools, medical services and support for government grants, not all of them can, due to the lack of up-to-date documentation and support from consulate services, most of them were paralyzed during the pandemic. Regarding vaccination there was no problem, immigrants have the same rights as the other citizens of the country, but a large number, still refractory, do not believe in the effects of the vaccine and resort to their traditions, in addition to negationism, like some others Brazilian citizens.*

Keywords: *pandemic, immigration, discrimination, migrant adaptation, Brazil.*

Introduction

The COVID-19 pandemic has widened the gap between privileged minorities and prevailing poverty. When the first deaths appeared, in early 2020, caused by the Coronavirus, the disease was represented in the popular imagination as a disease of the rich. The information pointed out that the first victims of the virus were those who arrived from their trips abroad and infected those who were close.

The underprivileged populations, largely uninformed, did not know what a pandemic meant and its dimension, despite the daily news about deaths, contagion and measures on prevention and vaccine.

A disconcerting ignorance and support from government information that COVID-19 could be another of the known and treatable flu, a “little flu”, according to the authorities, that would not affect the strongest.

Thus, Brazilian society accompanied the burial of strong, obese and mostly poor men and women, who did not have the opportunity to reach hospitals and receive adequate treatment. The fulminant contagion ended the imaginary, as pointed out before, of the *rich man's disease*.

The rapid increase in the number of victims of COVID-19 brought panic and, shortly thereafter, measures of social isolation, using of masks, changes in labor relations, unemployment, fear, loneliness. In addition, media channels changed common sense and theories mixed with hunches, popular culture, largely confronting science itself. Fears were released and the frustrations and social hatreds were decoded into persecution. In this context, prejudice, discrimination, exclusions and xenophobia have gained the sleeping

spaces of a conservative and backward society. Negationists ways of thinking have gained ground in a society with serious educational and cultural failures. The migration process, obviously, was also heavily impacted.

Ignorance and lack of health information have gained ground in a country with an educational and cultural deficit. The denialist practices that strengthen ignorance, associated with the dominant sectors in charge of solving health and life problems, have extended to the less favored layers¹.

Part of the public sector, especially linked to health, together with some businessmen in the field, took advantage of the pandemic context to enrich themselves. In political and social command and with the population isolated in their homes, the violence of corruption left the mark of infamy in a society suffered with around 700,000 deaths.

In private life, social isolation, sudden changes in everyday life and living for a long time in confinement have largely altered domestic and social relationships. Pandemic brought real chaos.

With no official programs to combat the pandemic, largely coercive measures were adopted to stop the spread of contamination that accelerated the introduction of undemocratic practices and the increase in social differences, exclusions².

In this way, Latin American rulers, especially the Brazilian government, reacted and stood against the measures of social isolation, the implementation of confinement that would reduce growth and economic activities, he seeks a different place from other political agents.

In the certainty of the deepening of the economic and financial crisis, the acceleration of unemployment when they realized the impossibility of a resumption of economic growth, these autocratic rulers adopted and continue to impose practices that stimulate social polarization. They intend to get rid of any health responsibility and commitment to society.

During the 20th century, other serious diseases ravaged the world. After producing large losses, they were mitigated and even stagnated with the advancement of science introducing new medicines, treatments and vaccines such as Malaria, Typhus, swine flu and AIDS among other contagious diseases. In the second decade of the 21st century, in 2019, the world woke up frightened by a new virus – the SARS COV 2 producing a disease known as COVID-19.

Infections or pandemic outbreaks are nothing new in the western world, almost always attributed to eastern origins, coming through ports and airports. In the same insidious way, COVID-19 has hit the western world. As death swept thousands of people across Asia, ignorance and disbelief dominated Europe and the rest of the non-Asian world. After all, it was a Chinese plague.

The news arrived quickly and with its myths and legends about the exotic habits of Asians. The cartoons and stories told were unbelievable and the killer villain of the time

---

¹ Denialism intends to invalidate reality by its simple negation. In Brazil, the President (2021) is the main supporter and intends to impose denialism as a state policy.

² “Our results also showed how there was a lack of coordination between the federal, state and municipal governments,” he emphasizes. The lack of government organization in the face of the first months of the pandemic confused the population [...] It will be very important to know not only the president’s speeches, but also those of other government and social actors.” – Pesquisa Universidade de Cape Town, da África do Sul, em parceria com a Fiocruz, Fundação Getúlio Vargas e a Universidade de São Paulo. Lira, ano 2021.

were bats, although rats and fleas continued to dominate in many societies and were even adored as in the city of Bikaner, India³.

The world was alerted by the death toll in the city of Wuhan. Immediately, the Chinese government adopted containment protocols and alerted the WHO (World Health Organization). Despite the alert, the disease presented unexpected characteristics, it was highly contagious, and due to the characteristics of today's society, it expanded to Europe, the USA and reaching all the countries of the American continent. The contagion started with people arriving from abroad, by the intense movement of airports and commerce. How to believe that it would reach the whole of society.

The virus that annihilated thousands of people in China and which spread rapidly around the world was considered by the WHO (World Health Organization) a Public Health Emergency of international importance. Known as SARS COV-2 it became the terror of humanity in the second decade of the third millennium.

In January 2020, the World Health Organization (WHO) gave the highest level of alert about the outbreak of the disease, which two months later, on March 11, 2020, was characterized as a pandemic of COVID-19⁴.

Based on these recommendations, measures were taken such as distancing, washing hands frequently with soap and water, using gel alcohol and wearing masks, avoiding coughing or sneezing drops. If other symptoms appear, they should be monitored, such as a mild cough or fever.

Despite the news about thousands of deaths in Europe and the indication of social isolation adopted by most Asian and European countries, Brazil has not followed the same path.

Following the example of the Central Government politicizing the pandemic, contrary to the determinations of the WHO and the Ministry of Health, the population gave little importance to the outbreak that had been decimating thousands of people, not sparing the elderly, young people and children.

For the popular imagination, for a large number of people, the virus was selective, it especially killed rich people, and the warm environment of the tropics would allow the poor to be spared. The medical information and the research institutions reported on the expansion of the virus and its destructive power daily, trying to enlighten the population, but in vain.

Isolation was followed, as well as quarantine, but those who gloated were infected and infected even those who defended themselves in isolation.

Materials and methods

The methodological procedures adopted refer to cultural history, especially regarding cultural practices and representations. Quantitative and qualitative methods were used as methodological support to carry out the proposed study. The first, to define the inflows of those immigrants and refugees, the second to quantify the nationalities present in the group of refugees. These methods are significant for defining universes and mapping identities.

³ Bikaner City, Rajasthan Region, North India. Mata Karni Temple – Indians worship the goddess Durga. It is estimated that more than 25,000 rats live in the temple and share space and food with humans who also live there.

⁴ WHO Director-General's opening remarks at the media briefing on COVID-19 – 11 March 2020 // World Health Organization (WHO) [site]. 11.03.2021. URL: <https://www.who.int/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (accessed on 12.03.2022).

The numerical survey also served as a basis for analyzing the dialectic between the processes of human displacement.

Regarding the qualitative analyses, discourse analysis methods were applied in relation to certain documents, such as letters, newspaper, and others. The sources were investigated in the Archives of the Immigration Police, Ministry of Foreign Affairs (Itamaraty), Brazilian Institute of Geography and Statistics (IBGE), Public Archives of São Paulo and Rio de Janeiro, Libraries and Consulates, in addition to consultations with the public archives of those countries. Other documents were researched through the collection of data in records and entry books of immigrants, seeking to map, whenever possible, the presence of refugees and immigrants in the State of Rio de Janeiro. The data collection extends to the Centers for Population Studies (NEP), as well as other sources archived in the municipal archives, in the Public Archives of the State of Rio de Janeiro and São Paulo. Data collected in newspapers and periodicals are incorporated into the research.

In the field research phase, the oral history techniques indicated by José Carlos Meihy (1996) will be carried out [1; 2]. According to Meihy “[...] *implies a perception of the past as something that continues today and whose historical process is not finished [...] it guarantees social meaning to the lives of deponents and readers, who come to understand the historical sequence and feel part of the context in which they live*”. Ethnographic methodological resources will also be used for the reports/depositions, highlighting the approaches of Carlos Nogueira Fino, from the University of Madeira in “Ethnography as a method: a way of understanding cultures” (2008) [3]. In the preliminary phases of the research, interview and subsequent application of the questionnaire, groups of immigrants/refugees will be selected.

According to Augusto Nivaldo Silva Trivinos (1987), the observation of a phenomenon implies that it is abstracted from its context, so that it can be studied in its different dimensions, such as acts, meanings and relationships. These data will make it possible to obtain “*information on the issues raised, in addition to constituting important sources for the studies*” [4].

Such procedures, according to Rocio Fernandez-Ballesteros (1996), prioritize reports and information, which describe in detail, and therefore, in the most “faithful” way possible, the different facets and modalities that characterize the subjects, groups or situations observed [5].

When prioritizing the reports/information, we considered the interpretation performed by the researcher, who values both the narrator’s subjectivity and the possibility of building a narrative about the story, feasible and practiced by that particular community. What interests us are descriptions, such as the possibility for an individual to represent himself, to represent what he supposes to be his “history” and his “culture”, and to communicate all this to another that he supposes to be “different”, “foreign”.

Thus, according to Augusto Nivaldo Silva Triviños, field notes “consist basically in the written description of all the manifestations (verbals, actions and attitudes) observed by the researcher in the subject, in addition to the physical circumstances that are considered necessary. The field notes should also record the researcher’s ‘reflections’ in the face of the observation of phenomena. They may represent the first spontaneous searches for meanings, the first expressions of explanations” [6].

The interviews carried out with previously selected immigrants/refugees, who perform different social functions in their professional activities and have something in common that brings them together, such as identity and involvement with cultural practices and representations.

Results

Difficulties faced by immigrants

The difficulties encountered by immigrants when they arrive in Brazil to occupy new spaces are multiple and, for the most part, have not yet been resolved, even for those who arrive with a permanent visa. These obstacles multiply for those who enter informally, as they are not recognized and live on the margins.

Due to the precariousness of public policies in the country, recent migrations have taken on a relevant role in political and legal discussions, as pointed out by the Ministry of Justice, which in 2013 created a commission to prepare a draft law on Migration and Promotion of the Rights of Migrants in Brazil (*Lei de Migrações e Promoção dos Direitos dos Migrantes no Brasil*), even if the former was still in force.

Despite the difficulties encountered and administrative obstacles that hinder the process, some work is carried out in order to gain greater knowledge of the problem. Researches were carried out, in this period, by the Ministry of Justice, with immigrants in vulnerable situations, such as refugees and people with humanitarian visas, which pointed out some problems faced by this migratory contingent in search of new spaces to rebuild their lives.

The first and greatest difficulty is language, a barrier, even for Spanish-speaking immigrants. According to data from the Ministry of Justice, the main integration barrier that immigrants face upon arrival in Brazil is not access to employment, housing or work, but the language. For this reason, many Brazilian universities started to offer Portuguese language courses for foreigners.

Another major obstacle is the difficulty in obtaining documentation, starting with the consulates and then the Brazilian bureaucracy. One of the most difficult barriers is access to information and the job market. Daily problems such as integration into the local culture, discrimination, prejudice and xenophobia add to the difficulties in finding housing and social support. Most immigrants in Rio de Janeiro look for communities and distant places on the outskirts to live, due to the absence of bodies that can support them to find minimum conditions for survival.

Newcomers with a permanent visa, and medium education, for the most part, are protected by social networks. Friends and family members residing in the country are in charge of finding housing and employment. The insertion in the community becomes more accessible, like the Angolans, Bolivians and Syrians in *Complexo da Maré*, in Rio de Janeiro, among other communities, extending to *Vilar dos Teles*, *São Gonçalo* and other peripheral areas.

To combat the difficulties that have arisen and accommodate these new arrivals, in addition to the problems of local residents who experience the same situation of abandonment, the National Committee for Refugees (Conare), has adopted a series of palliative measures such as accelerating the issuance of Working Cards and official documents. These measures helped to lift most of them out of invisibility. The immigrant with the new Identity is recognized, in addition to the Committee supporting the fight against human trafficking and slave labor.

It should be noted that during the acute phase of the pandemic between 2020 and 2021, these new groups of immigrants were practically abandoned. And even those who received support from the refugee bodies to work on the streets, selling food, like the Syrians and others from Europe. Most were left without customers, due to the isolation policy, empty streets and no one to buy anything. Most asked to deliver the goods at home. These small

street vendors, with carts and authorization to sell, had no structure for delivery. The impoverished and abandoned moved to the communities and periphery, counting on the solidarity of the residents.

This process expanded intercultural relations and the problems became community ones. Faced with this situation of complete absence of governmental support, several NGOs and solidarity groups emerged, trying to solve the problem, but, despite the good intentions, they worsened the precarious situation. Along with these groups, there were also those who exploited the labor of abandoned immigrants.

The NGO Estou Refugiado, led by Luciana Capobianco, points to a 30% increase in requests for information on how to hire refugees⁵. This interest is strange, considering that in this period the country has about 12 to 14 million unemployed, including skilled and unskilled people. The immigrant came to add to this social chaos⁶.

Immigration and pandemic in Brazil

Migratory flows were interrupted by the situation of the COVID-19 pandemic, under pressure imposed by the government in an attempt to stop the spread of the virus.

As sanitary restrictions began to ease, with the decrease in deaths caused by COVID-19 and the advance of vaccination, migratory movements restarted, albeit timidly, especially by land.

This decrease in displacements was registered by the International Traffic System (STI) which announced an unprecedented drop in movements (entries and exits) at the Brazilian borders as of March 2020. According to the STI: “[...] movements in the year 2019 were almost 2.5 million, while in the months of April and May 2020, this number was around 90 thousand, falling still to less than 40 thousand in June and July” [7].

At the borders, between January and August 2020, the drop in the movements of temporary migrants and citizens was accentuated. Also, according to the same report: “[...]the decrease in border movements, although widespread, was not uniform across the Brazilian territory, ... with the states of Rio Grande do Sul and Santa Catarina having much lower falls than the other states, while the state of Roraima, characterized by the entry of Venezuelans, had the biggest fall” [7].

Movements registered in municipalities bordering Uruguay, such as Santana do Livramento (RS), registered an increase of almost 10% of movements, while Pacaraima (RR), on the border with Venezuela, registered a drop of more than 70%. According to OBMigra surveys until “August 2020, Brazil received 75% fewer regularized immigrants between January and August 2020 compared to the same period in 2019” [7].

Socioeconomic aspects

In Rio de Janeiro, South American immigrants were greatly affected by the economic crises produced by the pandemic, increasing the situation of helplessness.

During the outbreaks of COVID-19, infected patients were treated at SUS⁷ when there was a vacancy. Most of the time, only in the emergency room and sent home, due to the lack of hospital beds, already occupied by local patients and many who arrived from other cities.

---

⁵ Estou Refugiado. Folha informativa – COVID-19 (doença causada pelo novo Coronavírus) [Information sheet – COVID-19 (disease caused by the new Coronavirus)]. 18 May 2020. (In Port.)

⁶ Other institutions that collaborate with immigrant issues are the Mission of Peace (Missão de Paz), coordinated by Father Paolo Parisi, in São Paulo; Fundação Fé e Alegria, which serves Venezuelans in São Paulo; ADUS – Institute for Refugee Reintegration (Instituto de Reintegração de Refugiados), directed by Laura Lopes.

⁷ Public Healthcare System of Brazil.

The foreign language, although understandable, was also a hindrance, as they did not speak Portuguese well, they were not understood by the employees who tried to medicate them and send them to continue the treatment at home.

The lack of jobs and money to buy medicines directly affected them, as popular pharmacies also collapsed. The intense unemployment of the population affected street commercial activities. The streets and squares were empty, and the movement has drastically decreased, due to the policy of isolation and home office work.

Many immigrant families had to abandon their homes in Rio's neighborhoods and suburbs and look for housing in the periphery communities, crowding into the homes of relatives and friends. This change favored greater contagion of the disease.

Desperate, without a job, home and often sick, they tried to return to their countries, but found difficulties at the borders and in the health protection measures that prevented them from leaving.

The pandemic has disrupted much of society. Many stores closed, went bankrupt and the delivery business increased. Several communities of immigrants who tried to build their lives in new spaces faced prejudice, discrimination and even xenophobia, as they were considered outsiders, invaders of spaces already occupied, although a large number of them had already been in the country for several years or decades. The most recent migratory waves were the most affected.

The difficulties were still great and the majority of them are left unattended. The situation in the State of Rio de Janeiro, as well as in the country, did not offer alternatives for progress. The greatest support came from cultural societies that are pledging to help those most in need.

Although immigrants have access to public schools, medical services and support for government grants, not all of them can, due to the lack of up-to-date documentation and support from consulate services, most of them were paralyzed.

The conquest of new spaces to build new ways of life has been transformed with a struggle for survival, competition in the search for jobs and dignity and haunted by the fear of contagion by Coronavirus.

Regarding vaccination there was no problem, immigrants have same rights of the other citizens. Served like any other citizen, but a large number, still refractory, do not believe in the effects of the vaccine and resort to their traditions, in addition to negationism.

Many immigrants usually come from rural areas and follow their "Hatiris" and their traditions. They use teas, homemade medication and shamanic practices, in addition to healerism.

According to Patrícia Nabuco Martuscelli (2021) the COVID-19 pandemic impacted the daily lives of refugees living in Brazil. He stressed that the main problems were "due to the closing of borders, access to documentation and health and emergency assistance" [8].

Discussion

We conclude that the changes introduced by official misinformation and the cultural deconstruction caused by the pandemonium of authoritarianism and negativism confirm the difficulties encountered in the crises that threaten democratic systems. Thus, given the

current socioeconomic context, it becomes complex to offer new paradigms for analyzing the social construction of the so called *new normal*⁸.

One of the cruel and humiliating aspects that the pandemic revealed to humanity, which existed underground and was silenced, was the aparophobia, hostility and hatred of the poor⁹.

Unemployment, hunger and helplessness led a greater number of people to look for the streets to live. This increase in the homeless population favored the emergence of ambiguous feelings. While part of society organized and organizes itself in solidarity efforts, taking clothes, medicine and food, most are hostile to the poor, and in cases they even eliminate, burning homeless people and Indians. They count on the silent complicity of a conservative society.

According to Simões (2021), “hatred of the poor is an evolution of prejudice and discrimination”. The poor lived on the fringes of society, on the fringes, later they were treated as excluded, reminded the author¹⁰.

Father Júlio Lancellotti, from the Pastoral do Povo de São Paulo, supports this position. The priest brought this issue up for discussion, helping to spread the word “aparophobia”. In some Brazilian cities, aparophobia even placed barriers on the freight of banks and commercial houses to prevent the poor from protecting themselves under the marquees. In Londrina, the City Council passed an anti-vacancy law (lei antivadiagem) to ban mattresses and tents in public places and buildings¹¹.

The participation of the Ministry of Health in the programs to combat `COVID-19 proved to be paltry. The delay of a year to adopt the vaccination policy that would minimize the number of deaths, the nation finds itself dominated by unscrupulous groups of government sectors linked to the Ministry of Health and businessmen in the field. States organized Machiavellian corruption plans to enrich themselves with the purchase of vaccines. While these groups organized themselves to enrich themselves at the expense of evil, the pandemic expanded and reached the entire population.

Without vaccines, hospitals, oxygen, intubation, medication and staff, those infected with the virus died in large numbers. Burials were held 24 hours a day. Most were thrown into a mass grave. Others remained in refrigerated cars waiting for the burial place.

Nothing touched the denialist government. Not a word of comfort, not a gesture. On the contrary, President took to the streets, beaches, raced motorcycles and the evil spread. More dead and alienation took over a large number of people who followed the same ritual.

---

⁸ Schirato M. A. R. Novo normal: entenda melhor esse conceito e seu impacto em nossas vidas [New normal: better understand this concept and its impact on our lives] // Insper. Brazilian non-profit institution of higher education and research [site]. 07.05.2020. URL: <https://www.insper.edu.br/noticias/novo-normal-conceito/> (accessed on 12.03.2022). (In Port.)

⁹ In 2017, the word Aparophobia (aparofobia) was used by the Spanish philosopher Adela Cortina, from the Fundación del Español Urgente [9] and included in the Dictionary of the Royal Spanish Academy. It means phobia, dread and hatred of the poor.

¹⁰ Carvalho C. Aporofobia: depois do preconceito, o ódio aos pobres toma as ruas; entenda [Aporophobia: after prejudice, hatred for the poor takes to the streets; understand] // O GLOBO. Brazilian newspaper. 12.12.2021. URL: <https://oglobo.globo.com/brasil/aporofobia-depois-do-preconceito-odio-aos-pobres-toma-as-ruas-entenda-25315545> (accessed on 12.03.2022). (In Port.)

¹¹ Carvalho C. Padre Júlio Lancellotti: ‘há uma epidemia de hostilidade a pobres’ [Father Júlio Lancellotti: ‘there is an epidemic of hostility towards the poor’] // O GLOBO. Brazilian newspaper. 12.12.2021. URL: <https://oglobo.globo.com/brasil/padre-julio-lancellotti-ha-uma-epidemia-de-hostilidade-pobres-25315964> (accessed on 12.03.2022). (In Port.)

Denier politicians died, even so, nothing changed the social behavior of those who believed in “herd immunity”.

While insanity dominated the political and economic sectors, scientific centers worked hard and vaccines began to be applied. Currently, most of the population has been vaccinated and the death toll has dropped considerably. Science won and Denialism is fading, ashamed, nullified in the face of the success of science.

The changes caused by the COVID-19 Pandemic, in addition to altering daily life worldwide, pointed to new perspectives for survival with *the new normal*¹².

But, what does this new normal built with irreparable losses, social and moral damages mean. A new life needs to be understood from the new reality that is being presented. It takes time to penetrate the ambiguity of the new normal.

New ways of seeing the world can help. New *cosmovisions* and clashes of imaginaries will collaborate for a better understanding of the new structure that is being designed, from the current situations weakened by endogenous and exogenous losses and suppressions.

The pandemic did not bring news. Everything was foreseen. Deaths, sadness and loneliness. However, the pandemic revealed what was underground, political debauchery, repressed hatreds, exclusions and, above all, inhumanity [10; 11].

Humanity is still under the pandemic. The Omicron and other variants are coming. The new normal awaits us. And the new normal is the great unknown that accompanies us on this journey of humanity. What seems certain is that social inequalities were extremely deep in the process – which brings up a huge set of new challenges.

References

1. Bom Meihy J. C. S. (Re)Introduzindo a história oral no Brasil [(Re)Introducing oral history of Brazil]. São Paulo: Xamã, 1996. 400 p. ISBN: 8585833157. (In Port.)
2. Bom Meihy J. C. S. *Manual de história oral* [Oral history handbook]. São Paulo: Edições Loyola, 2000. 111 p. ISBN: 851501324X. (In Port.)
3. Fino C. N. A etnografia enquanto método: um modo de entender as culturas (escolares) locais [Ethnography as a method: a way of understanding local (school) cultures]. In: *Educação e cultura* [Education and culture] / Escallier Ch., Veríssimo N. (Org.) Funchal: Universidade da Madeira, 2008. Pp. 43–53.
4. Triviños A. W. S. *Introdução à pesquisa em ciências sociais* [Introduction to social science research]. São Paulo: Atlas, 1987. 176 p. ISBN: 8522402736. (In Port.)
5. Fernández-Ballesteros R. *Introducción a la evolución Psicológica* [Introduction to psychological evolution]. Madrid: Ediciones Pirámide, 1995. Vol. 1: *Introducción a la evaluación psicológica I* [Introduction to psychological evolution I]. 528 p. ISBN 84-368-0689-1. (In Spanish).
6. Triviños A. W. S. *Introdução à pesquisa em ciências sociais* [Introduction to social science research]. São Paulo: Atlas, 1987. 176 p. ISBN: 8522402736. (In Port.)
7. Cavalcanti L., Oliveira T., Macedo M. *Imigração e Refúgio no Brasil. Relatório Anual 2020* [Immigration and Refuge in Brazil. Annual Report 2020]. *Série Migrações* [Migrations Series]. Observatório das Migrações Internacionais; Ministério da Justiça e Segurança Pública [Observatory of International Migration; Ministry of Justice and Public Security] / Conselho Nacional de Imigração e Coordenação Geral de Imigração Laboral [National Immigration Council and General Coordination of Labor Immigration]. Brasília, DF: OBMigra, 2020. 276 p. ISSN: 2448-1076. (In Port.)
8. Martuscelli P. N. How are Refugees Affected by Brazilian Responses to COVID-19? *Brazilian Journal of Public Administration*. 2020. Vol. 54. No. 5. Pp. 1446–1457. DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/0034-761220200516x>.
9. Cortina A. *Aporofobia, el rechazo al pobre: Un desafío para la democracia* [Aporophobia, the rejection of the poor: A challenge for democracy]. Buenos Aires: Ediciones Paidós, 2017. 200 p. ISBN: 8449333385. (In Spanish).

¹² “Standard that assures the people who are contained in it a certain protection, security, continuity, and, therefore, survival” (see: Schirato M. A. R. Novo normal: entenda melhor esse conceito e seu impacto em nossas vidas).

10. Hays J. N. *Epidemics and Pandemics: Their Impacts on Human History*. Austin, Texas: Fundação Kahle, 2005. 513 p. ISBN: 1851096582.

11. Delumeau J. *História do Medo no Ocidente (1300–1800): Uma cidade sitiada* [History of Fear in the West (1300–1800): A city under siege]. São Paulo: Companhia das Letras, 2009. 695 p. ISBN: 9788535914542. (In Port.)

Bio note:

Maria Teresa Toríbio Brittes Lemos, Dr. Sci. (Economics), Professor, Coordinator NUCLEAS (Núcleo de Estudos das Américas), Rio de Janeiro State University (Universidade do Estado do Rio de Janeiro), Rio de Janeiro, Brazil.

Contact information: e-mail: mtlemos@uol.com.br; ORCID ID: 0000-0002-2664-0386.

Alexis Toríbio Dantas, Dr. Sci. (Economics), Professor, Rio de Janeiro State University (Universidade do Estado do Rio de Janeiro), Rio de Janeiro, Brazil.

Contact information: e-mail: alexis.dantas@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-4742-7197.

Received on 25.02.2022; accepted for publication on 05.05.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В БРАЗИЛИИ

Торибио Бриттес Лемос М. Т.

Университет штата Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия

E-mail: mtlemos@uol.com.br

Торибио Дантас А.

Университет штата Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия

E-mail: alexis.dantas@gmail.com

Для цитирования: Торибио Бриттес Лемос М. Т., Торибио Дантас А. Влияние пандемии COVID-19 на миграционные процессы в Бразилии // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 21–30. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.2>. EDN: LHZBVG.

Аннотация. Стремительный рост числа жертв COVID-19 породил панику, страхи, разочарование и социальную ненависть, которые привели к травле, усилению предрассудков, дискриминации, изоляции и ксенофобии, что повлияло на миграционные процессы. В ходе проведенного исследования мы пришли к выводу, что, хотя иммигранты в Бразилии и имеют доступ к бесплатному образованию, медицинскому обслуживанию и государственным субсидиям, но не все из них могут воспользоваться ими из-за отсутствия необходимых документов и поддержки со стороны консульских служб, поэтому во время пандемии большинство мигрантов были ограничены в своих возможностях. С вакцинацией проблем не возникало, поскольку иммигранты имеют на нее те же права, что и другие граждане страны, однако большая часть иностранных граждан по-прежнему не поддерживает вакцинацию, не верит в ее эффективность и вместо этого прибегает к народной медицине. При этом многие граждане Бразилии до сих пор продолжают отрицать опасность коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: пандемия, иммиграция, дискриминация, адаптация мигрантов, Бразилия.

Сведения об авторах:

Торибио Бриттес Лемос Мария Тереза, доктор экономических наук, профессор, координатор Центра изучения Америки Университета штата Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия.

Контактная информация: e-mail: mtlemos@uol.com.br; ID ORCID: 0000-0002-2664-0386.

Торибио Дантас Алексис, доктор экономических наук, профессор, Университета штата Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия.

Контактная информация: e-mail: alexis.dantas@gmail.com; ID ORCID: 0000-0002-4742-7197.

Статья поступила в редакцию 25.02.2022; принята в печать 05.05.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.3

EDN: IUJMJC

EDUCATIONAL EMIGRATION OF KAZAKHSTANI YOUTH DURING THE COVID-19 PANDEMIC: SOCIAL IMPACTS AND CHALLENGES

Bibinaz Almanova*Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan**E-mail: balmanova.kz@gmail.com***Leila Delovarova***Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan**E-mail: delovarova@mail.ru*

For citation: Bibinaz Almanova, Leila Delovarova. Educational Emigration of Kazakhstani Youth during the COVID-19 Pandemic: Social impacts and Challenges. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2. No 2. Pp. 31-42. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.3>. EDN: IUJMJC.

Abstract. This article aims to analyze the educational emigration of Kazakhstani youth during the COVID-19 pandemic. International educational migration is the current global tendency, which has been attracting hundreds of Kazakhstani youth year by year to migrate in pursuit of higher education. In the history of migration studies, student migration has always been a centralized topic to discuss in accordance with the national and international report statistics. In the context of globalization, young adults are being more passionate and enthusiastic about studying abroad. However, the COVID-19 outbreak has caused dramatic issues on student's education mobility from Kazakhstan as well. Meanwhile, there are key challenges as for young people to care about is their health following the rules of lockdown and keeping social distance have created another social effect. As international movement from the country has stopped a strategic approach on how to continue the process of students' flow on educational programs enrollment has declined, in some cases submissions been postponed for a year or two. Consequently, it would have caused changes on the motivation and emotional expectations of future student migrants. Evaluating the current dynamics of the student emigration, the government of Kazakhstan needs thoroughly to consider about concepts on how to regulate the outflow. In its turn, the pandemic has emerged an alternative such as online education that would possibly cover the purpose of educational emigrants.

Keywords: educational migration, COVID-19 pandemic, mobility, migration flow.

Introduction

One of the current global trends is the increase in population migration refers to educational migration. Educational migration as a social phenomenon is a territorial movement outside or within a country, either for education or for employment in the field of education for the purpose of teaching or research work.

Educational migration, among other migration flows, can be distinguished based on such a classification feature as the purpose of movement. Currently, educational migration accounts for a significant share in the overall structure of migration flows the period of globalization, the internationalization of higher education increased dramatically, and it has become a market driven activity. With the rapid rise of international education, more and more students are seeking higher education in foreign countries and many international students now consider overseas study a stepping-stone to permanent residency within a country [1, p. 25].

The first scientific papers devoted directly to educational migration were published in the early 2000-s. The awareness of the importance of international educational migration is confirmed by the inclusion of this issue in the annual reports of the OECD and IOM. In

2001, the annual publication of the OECD “Trends in International Migration” included an independent section on international student migration, and in the annual World Migration report of the International Organization for Migration in 2008, a chapter on students’ mobility and the internationalization of higher education appeared. Furthermore, F. Collins focused on the problems of “brain drain,” the quality of human capital, economic, social, and political consequences of student migration through the prism of interdisciplinary research in the field of socio-economic geography [2, p. 297]. UNESCO defines “mobile students” as those who cross a border to seek education, and works with global, regional, and national authorities to ensure that students receive a quality education that will benefit all concerned: the student and both origin and destination countries. Among the most popular in the West is the study of the problem of “brain drain” and “mind exchange,” which is a milestone of student migration for the years 2005–2015 [3, p. 59]. However, the topic of “return migration,” i. e. the return of students to their homeland after completing a prestigious foreign education, has only recently become a subject of study [4, p. 31]. Studies of internationally mobile students tend to focus on the conditions (push and pull factors) that motivate students to study overseas; but policymakers are also interested in international students because they can become highly skilled immigrants in the future¹.

Factors and characteristics of educational migration

International educational migration represents the movement of people between countries for obtaining education at different levels and for different periods. This includes the movement of schoolchildren, students of secondary specialized and higher educational institutions, postgraduates, doctoral students, interns, professionals who improve their skills in various educational institutions, structures, and companies. An integral part of educational migration can be called the flow of educational migrants who are focused on educational institutions as schools, colleges, and universities.

Over the past decades, there has been an intensive expansion of migration flows. The most effective factor lies in the globalization process, which has intensified migration processes, not only the volumes have changed, but also the forms of migration, its causes and factors, and attitudes towards it. The rapid development of globalization trends in various spheres of society, noted at the turn of the millennium, has not spared the education system. In the last decade, the process of forming the so called “cross-border education” is underway, which is manifested in the increasing mobility of students, teachers, curricula, and educational institutional structures.

One of the characteristic trends in the development of the modern education system is the rapid growth of student migration. According to the OECD, the number of international students in the world now reaches 2.7 million people. It increased 4.5 times in 1975–2005, more than doubled in 1995–2005 alone, and is generally growing at a faster rate than the total number of students. In addition, by 2025, according to forecasts, the number of educational migrants can reach 7.2 million people [5, p. 21].

The pursuit of an international higher education can also be framed within wider debates about migration in order to secure citizenship of a particular state. A growing body of work has demonstrated the ways in which education is deployed, by those keen to move abroad, as a means of gaining entry to another country [6, p. 10] or as a “trial run” for living abroad [7]. In the context of increasing migration flows on a global scale, educational

---

¹ International students // Migration Data Portal. URL: <https://www.migrationdataportal.org/themes/international-students> (accessed on 12.01.2022).

migrants can be considered the most desirable category, since, as a rule, they are young and initiative people who are open and ready to accept new knowledge and technologies, who receive national education and qualifications, adapted to the local labor market, adapted to the language and cultural environment. For some students, then, the decision to go abroad for education is strategic and motivated by a desire to “be the best” academically. This means that students will only consider studying at particular, internationally renowned universities, discounting all others.

Mobility is stimulated by the increasingly global and interdependent nature of many political and economic systems, but also by the “social imaginaries” of individuals – their “consumer desire and subjective awareness of global opportunities” [8, p. 269]. The globalization of education is manifested primarily in the standardization of educational standards and programs, especially at the Bachelor’s and Master’s degrees. The so-called Bologna Process, which is one of the key links of European integration in the fields of education and science, is designed to promote the creation of a space within the borders of which there will be uniform conditions for the recognition of diplomas of education, employment, and mobility of citizens [9]. In addition to the open borders, the intensive migration of students within the European region is explained by the existence of agreements between universities, the unification of educational standards and programs, the widespread practice of foreign internships, the provision of scholarships and material benefits to students in the exchange and other opportunities offered by the integration processes on the continent.

There are no accurate, systematized, generalized data on educational migration from Kazakhstan. Interested ministries and departments, as a rule, record the volumes and directions of migration of persons studying abroad at the expense of the national budget. However, a significant part of Kazakhstanis studies abroad at the expense of their personal funds or international scholarships and, accordingly, is not reflected in national statistics. Thus, to determine the approximate number of persons studying abroad, it is advisable to use aggregate data from ministries and departments, as well as countries in which the volume of educational migration from Kazakhstan is the most significant. The main vector of educational migration is the Russian Federation. Moreover, there is a trend of an increase in the number of people traveling to the Russian Federation for educational purposes. According to the Federal State Statistics Service of the Russian Federation, the number of Kazakhstani youth studying in the Russian Federation under full-time higher education programs has a steady tendency to grow and in the 2018-2019 academic year amounted to about 52.9 thousand people. [10, p. 64]. Current trends of student migration are highlighted in some Kazakhstani scholars as Gulnar Nasimova in her work “Reasons for and factors in educational migration from Kazakhstan” [11] and Dmitry Poletaev and Botagoz Rakisheva “Educational Migration from Kazakhstan to Russia as an Aspect of Strategic Cooperation Within the Customs Union” [12], Aruzhan Jussibaliyeva, Damira Iskakova, Kairat Bodaukhan, Dariya Iskakova “Trends of educational migration of youth of Kazakhstan abroad” [13]. It should be highly mentioned that according to the geopolitical location young people from Kazakhstan are more likely to mobilize to study and get possible academic degrees of the Russian Federation. The student flow in all possible perspectives is thoroughly studied in the works by Russian scholars as Viktoria Ledenova “Educational Policy of Kazakhstan in the Context of Youth Migration [14], Dmitriy Mitin “Educational migration: the notion, problems and ways of solution” [15]. In its turn, Sergey Ryazantsev and Elena Pismennaya consider various aspects of educational migration – the scale, trends,

and consequences of emigration of scientists and highly qualified specialists from the Russian Federation abroad, the problems of accounting for emigration in Russia, the social effects of educational immigration to the Russian Federation [16, p. 156]. In particular, the motives for leaving lie in the socio-economic sphere on advantages as higher wages, better social living conditions and good quality of life.

Today, the intensity of innovation activity is largely reflected in the level of economic development: in global competition, most countries that provide favorable conditions for innovation win have worked out special educational programs for international students. That is, the development of an innovative economy is one of the most effective ways to increase the country's competitiveness through either attracting or preparing competitive youth with excellent potentials in science and technology. It is crucial to underline that the use of international experience is a key solution to following to take cautious innovative steps towards national economy and social development.

One of the clear examples can be taken on the basis of Kazakhstani education policy, particularly, related to educational migration. Due to the data, the international student migration is currently increased and geographically concentrated. There is a larger number of migrant youths who have chosen the international scholarship "Bolashak" which was established on November 5, 1993, by the Decree of the First President of the Republic of Kazakhstan – Elbasy Nursultan Nazarbayev. The main subject of activity is the implementation of a set of measures for international programs of training, retraining and advanced training of personnel abroad, including the international scholarship of the President of the Republic of Kazakhstan "Bolashak"². The purpose of the program is to train personnel and specialists for the priority sectors of the country's economy. The program includes both academic training and research and production internships in leading companies and universities around the world. It is evident that for some young Kazakhstani youth, one of the most common life strategies is first to study abroad, then seek for employment opportunities for their final relocation, including parents.

In particular, Kazakh students go to study abroad, both under the "Bolashak" program, and in private. In this regard, in 2018, 77% chose universities in Russia, 3.9% – Kyrgyzstan and 2.4% – Turkey. Next, the most attractive for Kazakh students are the United States, the Czech Republic, the United Kingdom and Malaysia. Compared to 2011, when 350 undergraduates took part in the academic mobility program (including 131 to Europe, 149 to the CIS, and 70 to Southeast Asia). In the first half of 2020, due to the pandemic, the number of Kazakhstani students studying abroad at the expense of the state budget fell sharply and amounted to 33 people. Therefore, today 857 Kazakhstani young people are studying abroad under the "Bolashak" program. According to the academic mobility program, 603 students were sent to foreign universities at the expense of budgetary funds in 2019³.

There are no accurate, systematic data on educational migration from Kazakhstan: as a rule, migration flows are recorded only for those persons who study abroad at the expense

---

² Об утверждении Правил оказания государственных услуг по вопросам направления на обучение за рубеж, в том числе по международной стипендии «Болашак». Приказ Министерства образования и науки Республики Казахстан от 26 мая 2020 года № 222. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 27 мая 2020 года № 20730 // Эділет. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020730> (дата обращения: 12.01.2022).

³ АО «Центр международных программ» // Международная стипендия «Болашак» [сайт]. URL: <https://bolashak.gov.kz/ru/o-kompanii> (дата обращения: 12.01.2022).

of the national budget. However, a significant part of Kazakhstani people studies abroad at the expense of their personal funds or international scholarships.

Whereas, according to the recent reports, the most popular destination of educational migration for our fellow citizens is Russia. Thus, in the 2018–2019 academic year, 39.6 thousand Kazakhstani students studied full-time at Russian universities. In the 2019–2020 academic year, the total number of foreign students at Russian universities amounted to 315 thousand people – about 8% of the total number of students in Russia. According to open data published by the Ministry of Higher Education and Science of the Republic of Kazakhstan, more than 4 million students studied in Russia at the end of December 2020. Among the foreign students at Russian universities, the most citizens of Kazakhstan accounting for 61 462 students⁴. Meanwhile, according to the UIS data on the mobility of students is rapidly growing in terms of the demand for higher education. After the Russian Federation, which is a “transit base” to finish a bachelor’s degree and go further, Turkey came the second with 2191 students studied in 2019–2020. It was followed by Turkey – 2 191, Kyrgyzstan – 2 083, the United States – 1 792, Czechia – 1 751, the UK – 1 271, Germany – 963, Poland – 749, the Republic of Korea – 749, Canada – 576, Malaysia – 572, Hungary – 463, France – 432, Austria – 341, Belarus – 301, Hong Kong – 243, Latvia – 214, Tajikistan – 177, Italy – 167, Australia – 140, Uzbekistan – 136, Bulgaria – 129, Netherlands – 121, Japan – 120, Lithuania – 117, Finland – 97, Ukraine – 88, Saudi Arabia – 71, Thailand – 69, Spain – 65, Jordan – 58, Switzerland – 51, Azerbaijan – 49, Georgia – 48, Slovakia – 47, New Zealand – 43, Armenia – 35, Sweden – 33, Belgium – 32, Estonia – 30, Greece – 25, Romania – 25, Norway – 24, Mongolia – 21, Argentina – 15, India – 14, Ireland – 14, Denmark – 12, Qatar – 11, Portugal – 9, Slovenia – 9, Iran – 8, and 7 students studied their higher education in Cyprus⁵. In an increasingly globalized world, young people strive to study abroad and become skilled professionals later to follow employment opportunities across borders. The internationalization of tertiary education requires countries to harmonize their systems. It also brings competition among providers, and a risk of commercial and other interests overshadowing academic mission and values. The benefits of education harmonization and professional mobility necessitate recognition of academic and professional qualifications across countries.

Conversely, the study of the problem of regulating educational migration in the Republic of Kazakhstan is becoming more and more relevant, since it, on the one hand, contributes to the acquisition of new knowledge, increases the competitiveness of university graduates, improves the quality and efficiency of higher education in the country, on the other hand, it leads to the outflow of talented young people to other countries.

The outflow of young people from the country to study abroad is one of the most acute social problems in Kazakhstan as well. The question of whether the government of Kazakhstan will be able to stop the emigration of young people is extremely important. Considering the international competition in education and the imperfection of the labor market in the country, to stop the emigration of young people in the near future is unlikely to work out. Kazakhstan, as a developing country, will remain a donor of educational and labor resources in favor of more developed countries.

⁴ Рекордное количество иностранных студентов выбрали Россию в 2020 году // Study in Russia. Официальный сайт о высшем образовании в России для иностранных студентов. URL: <https://studyinrussia.ru/actual/articles/rekordnoe-kolichestvo-inostrannykh-studentov-vybrali-rossiyu-v-2020-godu/> (дата обращения: 12.01.2022).

⁵ Global Flow of Tertiary-Level Students // UNESCO Institute for Statistics [site]. URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow#slideoutmenu> (accessed on 12.01.2022).

This research is anchored in the narratives of 12 native students who met challenges on their study and migration procedures. The selection of these students was conducted purposefully, based on the maximum variation sampling technique [17]. This sampling technique was employed with the objective of embracing the diversity and complexity of migration narratives of foreign individuals studying abroad. It is truly important to consider a set of criteria, which includes primary questions for a survey such as country and study program, gender, reasons for educational migration. The interview set has also focused on the recent global health outbreak COVID-19 impact and which resulted in a highly diverse participants with different individual approaches. Furthermore, the participant set was gender balanced, and students were enrolled in different institutions and specialties, and in different faculties and study cycles as Bachelor, Masters and PhD. Firstly, the indicators of student migration tend to change rapidly. Today, for example, not 14%, but a maximum of 10% of Kazakhstani students study at foreign universities. Secondly, in the OECD countries, cross-border student mobility is strongly encouraged, and the relative limitations of national educational institutions are perceived as natural. Thirdly, Kazakhstani students are looking for opportunities to study abroad not so much because of the deteriorating quality of education in the country, but because of socio-economic instability.

The COVID-19 impact

The situation with the COVID-19 pandemic has made significant changes in the nature and trends of migration all over the world and has redefined the problems of the situation of migrants, especially in Central Asian regions. This article examines the migration trends in Kazakhstan in the context of the COVID-19 pandemic, as well as the specifics of the situation of educational migrants “stuck” between the borders of the countries of the region due to restrictions on movement. Educational migration is also present in the Central Asian region. The global crisis linked to the COVID-19 pandemic has exceeded by far the public health sphere, and deeply affected the education world. No less than 188 countries around the world shut down all schools, affecting the lives of almost 1.6 billion children, youth, and their families [18]. International students have also been affected by closure of university campuses, loss of student jobs and mobility restrictions by both origin and destination countries hit by COVID-19.

Over the past several months, the COVID-19 has darkened the lives of many international students, caught up in a crisis they could not have foreseen, for which they could not have prepared. As for Kazakhstan, Askhat Aimagambetov, the Minister of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, highlights that 857 Kazakhstani people are currently studying under the “Bolashak” program, 19 of them in countries that are in the first category with an unfavorable coronavirus situation (China – 9, South Korea – 3, Italy – 7). A recent survey of potential international students showed that about 60% of them have changed their curricula due to the pandemic. However, about half of those surveyed were interested in starting the course this year, even if it meant starting the course online⁶.

With statistics from Australia, and the United States showing that a large number of international students remain in the country of study for work after graduation,

---

⁶ 30 стипендиатов программы «Болашак» готовы к выезду в Казахстан // Министерство образования и науки Республики Казахстан [сайт]. 12.03.2020. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/edu/press/news/details/30-stipendiatov-programmy-bolashak-gotovy-k-vyezdu-v-kazahstan?lang=ru> (дата обращения: 12.01.2022).

the disruption caused by COVID-19 at universities represents a major obstacle to the employment of talented professionals around the world. China, India, and Germany were among the top three countries of origin for international students, while the United States, Australia, and the United Kingdom were the largest destinations. For example, a survey on the impact of COVID-19 on the mobility of student exchanges in Europe, conducted by the Erasmus Student Network, showed that the lack of opportunities to return home was among the main problems faced by students. [19, p. 12]. The lack of opportunities to leave restrictions on travel and movement imposed in almost all countries of the world have led to the fact that many international students are in a difficult situation. Those who were unable to return to their home countries before the restrictions took effect and not repatriated by their countries of origin found themselves in a situation of uncertainty, with some remaining on deserted university campuses.

It is inevitable that students' study abroad plans, and experiences could be disrupted by the outbreak of COVID-19. However, viable study abroad opportunities such as online learning and postponing study abroad plans (rather than cancelling them outright!) speak to international students' perseverance in pursuing their study abroad dreams. Studying abroad remains at the top of many students' bucket lists, but COVID-19 has complicated the question of when and how they will make it happen. COVID-19 has caused students and universities alike to adapt quickly to changing circumstances. The uncertainty felt by the world in the face of COVID-19 is, unsurprisingly, mirrored by students. Hence, we have decided to interview 12 students with the potential of being migrated from Kazakhstan according to their study missions abroad. For example, the conducted survey composes of the different questions about the experience of migrating through educational programs and the impact of the global health crisis. Moreover, the key question refers to their personal views on "return home" or "stay and adapt" thoughts after the possible graduation if they enroll. So, let us analyze the overall responses. There is a respondent who applied for two study programs in two different countries during COVID-19:

"Even if the country faced with the COVID-19 pandemics, I still worked on my applications for studying abroad as my aim is to get quality education which ensures me more career opportunities, and to experience of an international community which will broaden my horizons for future. Only one problem I faced with was to take SAT on time in the country, but it was cancelled many times in my area which took me into a complete stress."

It is also crucial to highlight the social impact of the COVID-19 pandemic, which can explicitly be seen the following respondents' answer who is studying already abroad:

"First and foremost, I was captivated by the experience studying at a different educational institution. Besides, I claim that my decision to study the PhD program abroad considerably expanded my horizons through living and studying overseas, learning foreign language, and getting to know another culture. When it comes to the pandemic impact, I cannot say that it had a great influence as I continued my studies as before just following all health safety norms. However, as I enrolled for the course in 2019 before the outbreak, I haven't been at home for two years already, which is quite miserable".

According to our research concepts, one of the instrumental objectives is subject to such question as whether coming back to the native country is considered and centralized:

"My objectives of studying abroad are to get quality education in the sphere of engineering. I can surely note that I am succeeding in it. After the program completion, I am planning to start work in the native country".

There is a high probability of the fact that most educated migrants pursue a better life, and they are always found in the flow of internationalization and follow the accepted

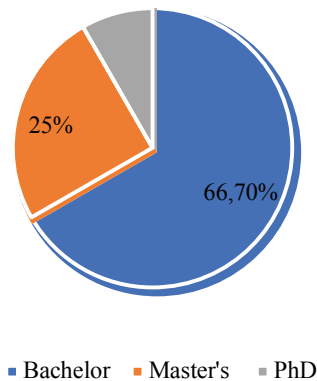
culture's traditions and routine. In its turn, it will lead to another milestone of their life and encourage focusing on more globalized culture. Thus, they can easily move to another country for work and further study purposes:

“I am not sure about coming back after my Bachelor, because I am going to have another try to continue my study followed by Master’s degree in another European country or the US. However, when I feel confident that I do have enough experience and knowledge, I would like to come back and use this knowledge for the sake of the development of Kazakhstan.”

It is increasingly relevant, therefore, to stay abreast of trends and evolving patterns in migration. We can see that, over time, educational migrants have taken up residence in their inhabitant regions. Educational migrants continue to gravitate toward regions with greater opportunities, as economies grow, and labor markets evolve:

“The main reason for applying for an international program was migration. Through educational programs, it is more likely to happen. I with my husband applied for the study program before the COVID-19 and received the positive result during the pandemics. We had to start our university courses online, which is quite uncomfortable and uninteresting at all. The main disadvantage was the transfer from Kazakhstan to Vienne due to pandemics as the travel was prohibited, and we were isolated in the home country. The online education became the only way to accept. Finally, in March 2021, we could travel to the study country.”

In addition, most majority of youth who prefer to get qualified with basic level of academic degree at colleges and universities abroad covers 66.7% and 25% of respondents pursue to complete a master’s degree with a specific field of study or area of professional practice. At the same time, only 8.3 % of respondents believe that to earn a research degree is another reason to choose a foreign university.

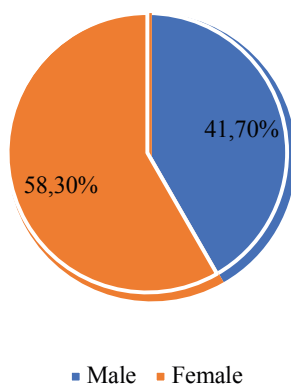

Fig. 1. The number of preferences on academic degrees

The data obtained also gives us the opportunity to learn about the preferences of academic degrees by gender. According to the data, vast majority of Kazakhstani female representatives of student emigration (58.3% of respondents) consider their education more valuable and appreciated if to study abroad. Meanwhile, 41.7% male respondents choose technical and business studies.

As can be seen from the discussions and key highlights above, there have been incremental changes in student migration and mobility due to the social impact of the global health crisis. It is important to outline there is a dynamic and complex relationship between migration and the health crisis resulting in the difficulties in not only application,

but also visa policies to make it impossible for migrants who succeeded. Another issue to take into concern is to keep themselves safe as well as recover from the impact of a crisis turning into an online regime studying and working remotely. If migrant youth remain in the host country, the qualifications and skills gained will ideally contribute to that country's economy, but if they return to their home countries, higher education qualifications position them as potentially influential members of their communities. Higher education is also crucial for migrant youth because it builds and determines additional opportunities that they require to lead lives that they desire and value [20, p. 14].

Fig 2. The number of respondents by gender

Conclusion

In our opinion, international educational migration is a broader concept and combines the movement of people between countries for obtaining education and advanced training at various levels and for different periods including the migration of schoolchildren, students, postgraduates, doctoral students, interns, professional development professionals.

The peculiarities of the educational migration are that students are highly likely to receive experience of a different culture and upgrade language and analytical skills, afterwards they will become quite active in finding work, finding employment, and can successfully realize their “potential” in both domestic and international labor market. However, the current situation related to the global health crisis as COVID-19 has resulted in sudden changes in all spheres of life as well as the international movement of Kazakhstani youth. Moreover, the succeed applicants have had to start their study from the country through distance learning. For those who received the positive answer from the host university, there was another challenge related to visa policies and international movement restrictions. Not all these factors have been experienced by Kazakhstani youth. Although, the scope of how to achieve the integrational education has changed in the pace time and place, the goal of young adults to be migrated through their education programs have never decreased.

As a result of the survey held, we could highlight an alternative to migration in terms of education abroad which refers to online education. In its turn, the situation with pandemic somehow has led to choosing foreign institutions with online education platforms. It can also be considered as one option to achieve educational degrees without having migration status.

In the case of Kazakhstan, the question about how to avoid or reduce the negative consequences of educational migration from which young people leave is still a debated

issue. On the one hand, an internationally educated student can be on a larger scale creative to recent innovations in their specific qualified areas, which is a good success for the country to have the return migrant. Even if the choice of the student might be to become an emigrant in the future as result of his education, it would mean to popularize Kazakhstani name or brand across the borders, on the other.

References

1. Gribble C. Policy Options for Managing International Student Migration: The Sending Country's Perspective. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2008. Vol. 30. No. 1. Pp. 25–39. DOI: <https://doi.org/10.1080/13600800701457830>.
2. Collins L. F. Researching Mobility and Emplacement: Examining Transience and Transnationality in International Student Lives. *Area*. 2012. Vol. 44. No. 3. Pp. 296–304. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-4762.2012.01112.x>.
3. Dustmann C., Fadlon I., Weiss Y. Return Migration, Human Capital Accumulation and the Brain Drain. *Journal of Development Economics*. 2011. Vol. 95. No. 1. Pp. 58–67. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2010.04.006>.
4. Bijwaard G. E., Wang Q. Return Migration of Foreign Students. *European Journal of Population*. 2016. Vol. 32. No. 1. Pp. 31–54. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-015-9360-2>.
5. *Cross-border Tertiary Education: A Way towards Capacity Development*. Paris: OECD, 2007. 200 p. ISBN: 9789264038493. URI: <http://hdl.handle.net/10986/6865>.
6. Baas M. Students of migration: Indian overseas students and the question of permanent residency. *People and Place*. 2006. Vol. 14. No. 1. P. 9–24.
7. Favell A., Eurostars and Eurocities. *Free Movement and Mobility in an Integrating Europe*. Hoboken, New Jersey: Blackwell Publishing, 2008. 279 p. ISBN: 978-1-4051-3404-0. DOI: <https://doi.org/10.4000/belgeo.8179>.
8. Rizvi F. Global Mobility and the Challenges of Educational Research and Policy. *Yearbook of the National Society for the Study of Education*. Vol. 108. No. 2. Pp. 268–289. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1744-7984.2009.01172.x>.
9. Delovarova L. F., Smagulov K. E. *Migratsionnyye protsessy v Tsentral'noy Azii v kontekste globalizatsii [Migration processes in Central Asia in the context of globalization]: a study guide*. Almaty: Kazakh University, 2019. 130 p. ISBN: 978-601-04-3747-0. (In Russ.)
10. *Kazakhstan Advanced Migration Profile 2014–2019*. Almaty: International Organization for Migration (IOM) Mission in Kazakhstan – Sub-Regional Coordination Office for Central Asia, 2020. 146 p. ISBN: 978-92-9068-919-5. (In Russ.)
11. Nasimova G., Kaplan C., Smagulov K., Kartashov K. Reasons for and factors in educational migration from Kazakhstan. *Central Asia and the Caucasus*. 2020. Vol. 21. No. 3. Pp. 137–146. DOI: <https://doi.org/10.37178/ca-c.20.3.13>.
12. Poletaev D., Rakisheva B. Educational Migration from Kazakhstan to Russia as an Aspect of Strategic Cooperation Within the Customs Union. In: *Eurasian Integration Yearbook 2011*. Almaty: Eurasian Development Bank, 2011. 352 p. ISBN 978-601-7151-21-8.
13. Jussibaliyeva A. K., Iskakova D. M., Bodaukhan K., Iskakova D. B. Trends of Educational Migration of Youth of Kazakhstan Abroad. In: *Molodozh', nauka, obrazovaniye: aktual'nyye voprosy, dostizheniya i innovatsii [Youth, science, education: topical issues, achievements and innovations]: proceedings of the II International Scientific and Practical Conference*. Penza: Science and Education Publishing House, 2021. 272 p. ISBN 978-5-00159-919-7. (In Russ.)
14. Ledeneva, V. Yu., Lomakina O. V., Dzhunusov A. M., Begasilov B. T. Educational Policy of Kazakhstan in the Context of Youth Migration. *Vysshee obrazovanie v Rossii (Higher Education in Russia)*. 2021. Vol. 30. No. 6. Pp. 156–168. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-6-156-168> (In Russ.)
15. Mitin D. N. Educational Migration: The Notion, Problems and Ways of Solution. *RUDN Journal of Political Science*. 2010. No. 3. Pp. 123–133. (In Russ.)
16. Pismennaya E. E., Ryazantsev S. V., Skorobogatova V. I. Inostrannyye obrazovatel'nyye migranty v Rossii i ikh dostup na rynek truda [Foreign educational migrants in Russia and their access to the labor market]. In: *Migration Bridges in Eurasia: VII international scientific and practical conference “The role of labor migration in socio-economic and demographic development of sending and receiving countries”*,

Moscow, Stavropol, October 13–18, 2015 / Russian Academy of Sciences, Institute for Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, North Caucasian Federal University; ed. by Ryazantseva S. V. Moscow: Ekon-Inform, 2015. 499 p. ISBN: 978-5-9907300-2-1. Pp. 156–163.

17. Koerber A., McMichael L. Qualitative Sampling Methods: A Primer for Technical Communicators. *Journal of Business and Technical Communication*. 2008. Vol. 22. No. 4. Pp. 454-473. DOI: <https://doi.org/10.1177/1050651908320362>.

18. UNESCO. *Global Education Monitoring Report, 2019: Migration, Displacement and Education – Building Bridges, not Walls*. Paris: UNESCO, 2018. 362 p. ISBN: 978-92-3-100283-0.

19. Hurlley, P., Hildebrandt, M., Brisbane, R. *Student, Interrupted: International Education and the Pandemic*. Melbourne: Mitchell Institute, Victoria University, 2021. 25 p. ISBN: 978-1-86272-835-6.

20. Mkwanzani F. *Higher Education, Youth and Migration in Contexts of Disadvantage*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 267 p. ISBN: 978-3-030-04453-4. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-04453-4>.

Bio note:

Bibinaz Almanova, Master of Humanities, PhD Student, Faculty of International Relations, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Contact information: e-mail: balmanova.kz@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-8102-0350.

Leila Delovarova, PhD, Associate Professor, Faculty of International Relations, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Contact information: e-mail: delovarova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-3163-5933; Web of Science Researcher ID: N-4809-2014; Scopus Author ID: 55858531800.

Received on 21.01.2022; accepted for publication on 24.03.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЭМИГРАЦИЯ КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19: СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Альманова Б.

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

E-mail: balmanova.kz@gmail.com

Деловарова Л.

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

E-mail: delovarova@mail.ru

Для цитирования: Альманова Б., Деловарова Л. Образовательная эмиграция казахстанской молодежи во время пандемии COVID-19: социальные последствия и проблемы // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 31–42. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.3>. EDN: IJMJJC.

Аннотация. Статья посвящена анализу образовательной эмиграции казахстанской молодежи во время пандемии COVID-19. Международная образовательная миграция – это современная глобальная тенденция, которая из года в год привлекает сотни казахстанской молодежи к миграции в поисках высшего образования. В истории миграционных исследований миграция студентов всегда была центральной темой для обсуждения в соответствии со статистикой национальных и международных отчетов. В условиях глобализации молодые люди с большим энтузиазмом относятся к обучению за рубежом. Однако вспышка пандемии COVID-19 также вызвала серьезные проблемы с образовательной мобильностью студентов из Казахстана. Между тем, существуют ключевые проблемы, связанные с тем, чтобы молодые люди заботились о своем здоровье, соблюдая правила изоляции, а соблюдение социальной дистанции создало еще один социальный эффект. Поскольку международное движение из страны прекратилось, стратегический подход к тому, как продолжить процесс поступления студентов на образовательные программы, сократился, в некоторых случаях подача заявок откладывалась на год или два. Следовательно, это вызвало изменения в мотивации и эмоциональных ожиданиях будущих студентов-мигрантов. Оценивая современную динамику студенческой эмиграции, правительство

Казахстана необходимо разработать концепции регулирования оттока. В свою очередь, пандемия дала такую альтернативу, как онлайн-образование, которое, возможно, частично охватило цели эмигрантов, получающих образование за рубежом.

Ключевые слова: образовательная миграция, пандемия COVID-19, мобильность, миграционный поток.

Сведения об авторах:

Альманова Бибиназ, магистр гуманитарных наук, докторант факультета международных отношений Казахского Национального Университета им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

Контактная информация: e-mail: balmanova.kz@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-8102-0350.

Деловарова Лейла, доктор наук, доцент факультета международных отношений Казахского Национального Университета им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

Контактная информация: e-mail: delovarova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-3163-5933; Web of Science Researcher ID: N-4809-2014; Scopus Author ID: 55858531800.

Статья поступила в редакцию 21.01.2022; принята в печать 24.03.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.4

EDN: GQONXZ

МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 И МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ

Тихонова Л. Е.

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

E-mail: tihonovale@mail.ru

Пугачев В. П.

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

E-mail: pugachov19@gmail.com

Для цитирования: Тихонова Л. Е., Пугачев В. П. Миграционная ситуация в Республике Беларусь в условиях пандемии COVID-19 и международных санкций // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 43–56. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.4>. EDN: GQONXZ.

Аннотация. Существенное влияние пандемии COVID-19 на мировую экономику в целом, важнейшие сферы жизни и деятельности граждан практически всех государств требуют изучения как положительного, так и не всегда успешного (отрицательного) опыта преодоления социально-экономических последствий вынужденных ограничений в целях совершенствования инструментов регулирования миграционных процессов в кризисных условиях. В Беларуси своевременно принимались необходимые меры, направленные на обеспечение устойчивости социально-экономической ситуации с учетом высокой степени открытости ее экономики. В этом контексте особое место занимает Указ Президента № 143 от 24.04.2020 «О поддержке экономики», имевший своей целью минимизацию влияния мировой эпидемиологической ситуации на экономику Республики Беларусь и направленный на решение вопросов совершенствования предпринимательской деятельности в условиях пандемии, в частности введение налогово-бюджетных стимулов, корректировку некоторых положений трудовой политики, улучшение социальной защиты граждан и трудящихся-мигрантов. Как все это сказалось на миграционной, демографической ситуации и результатах социально-экономического развития Республики Беларусь, не вводившей режима жесткого локдауна в условиях пандемии COVID-19? С целью выяснения ответа на данный вопрос в ходе исследования был проведен анализ актуальных фактологических данных, позволивший получить предварительные оценки складывающейся социально-экономической, миграционной и демографической ситуации в республике.

Ключевые слова: пандемия коронавируса COVID-19, миграция, демография, экономический рост.

Введение

Актуальность исследования обусловлена осложнением социально-экономической и демографической ситуации в Республике Беларусь в связи с негативными последствиями коронавирусной инфекции и активизацией применения инструментов санкционного давления на страну западными государствами. В статье представлены итоги анализа миграционной и демографической ситуации в Республике Беларусь с учетом отмеченных факторов.

Современные миграционные вызовы для Беларуси во многом связаны с тревожной тенденцией сокращения человеческих и трудовых ресурсов страны на протяжении последних десятилетий. Названные тенденции приобретают особую значимость в современных условиях. Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 стала серьезным испытанием для мирового сообщества, включая региональные ин-

теграционные образования и международные организации. В докладе ООН «Мировое экономическое положение и перспективы» кризис, вызванный коронавирусом COVID-19, назван сильнейшим за последние 90 лет. В условиях пандемии «мировой ВВП в 2020 г. снизился примерно на 3,4% – это впечатляющее сокращение производства со времен Великой депрессии» [1]. По прогнозам Всемирного банка, восстановление мировой экономики в 2021 г. по параметрам мирового ВВП ожидалось на уровне около 5,5% [2].

В Республике Беларусь в 2020 г., как и в других странах Содружества Независимых Государств (СНГ), в целях борьбы с распространением инфекции, вызванной коронавирусом COVID-19, принимались обоснованные ограничительные меры по въезду и пребыванию иностранных граждан¹. На указанном этапе основными целями въезда и пребывания иностранцев в Беларуси были в основном транзитный проезд через территорию республики и трудовая деятельность. При чем отмечалось примерно сбалансированное количество въездов в Республику Беларусь в 2020 г. – 1,79 млн и количество выездов из страны – порядка 1,73 млн выездов. Относительно высокую активность в этом плане проявили выходцы из Украины (1,21 млн), России (944 тыс.), Литвы (434 тыс.) и Польши (326 тыс.).

Важно отметить, что пандемия COVID-19 и санкционные меры западных стран, направленные против Беларуси и России, обусловили существенные дополнительные проблемы социально-экономического развития, демографии и международной миграции, что требует всесторонней диагностики процессов движения товаров, услуг, капитала, трудовых ресурсов и выработки предложений по преодолению демографических проблем, обеспечению экономической безопасности и устойчивого развития Беларуси в принципиально меняющихся условиях.

Методология исследования

Успехи в комплексном исследовании демографических проблем и международной миграции в Республике Беларусь во многом обусловлены достижениями известных российских ученых: С. В. Рязанцева, Л. Л. Рыбаковского, В. А. Ионцева, Ж. А. Зайончковской, А. Г. Вишневого и др.

Видным российским демографом С. В. Рязанцевым обоснована концепция социальных резервов демографического развития, предложена теория «миграционных мостов», объясняющая взаимное положительное влияние потоков трудовых и образовательных мигрантов на социально-экономическое развитие отдающих и принимающих стран, участвующих в процессах экономической и политической интеграции [3]. Им разработана комплексная методика оценки вклада трудовой миграции в экономическое развитие страны, которая базируется на учете факторов занятости, текущего потребления и финансовой составляющей миграционной инфраструктуры [4]. Особое внимание коллектив авторов под руководством С. В. Рязанцева уделяет анализу воздействия COVID-19 на миграционную подвижность населения стран СНГ и ЕАЭС [5; 6]. В их работах, в частности, делается важный вывод о необходимости учета волнообразного характера коронавирусной инфекции и даются практические рекомендации по снижению рисков последствий ограничительных мер как для принимающих, так и отдающих стран: «... меры должны быть направлены на: упрощенное продление документов и разрешений на работу; разработку четких критериев по

¹ Миграционная ситуация в Республике Беларусь за 2020 год // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3782/91015> (дата обращения: 12.01.2022).

поддержанию проходимости границ для определенных категорий граждан и условий; создание скоординированных информационных порталов о ситуации в странах СНГ на национальных языках...» [6, с. 30].

Невозможно переоценить вклад Л. Л. Рыбаковского в развитие теории и практики демографии и миграции населения. Им, по сути, заложены основы методологии и практических инструментов изучения и классификации миграционных процессов, использования т. н. коэффициентов интенсивности межрайонных миграционных связей (КИМС), концепции трех стадий миграционных процессов, создающих базовые основы исследования реальных демографических и миграционных ситуаций в странах СНГ в целом и в Беларуси, в частности [7; 8; 9]. Следует отметить, что идеи, предложенные ученым в его трехстадийной концепции миграции, во многом предвосхитили активно развивающееся в настоящее время направление исследований процессов миграции на основе принципов т. н. поведенческой экономики.

Другой известный российский ученый демограф В. А. Ионцев разработал ряд новых научных подходов к исследованию международной миграции населения, делая особый акцент на учет экономического, демографического, социологического и миграционного факторов в современных условиях. Отмечая революционные достижения в сфере современных технологий, в частности – информационно коммуникационных сетей и всемирной паутины, транспортных коммуникаций и урбанизации населения, ученый рекомендует учитывать их влияние на активизацию международной миграции и появление ее новых форм. Кроме того, им сделан важнейший практический вывод о том, что усиление международной ожесточенности, захлестывающей современный мир, во многом обуславливает бурный всплеск вынужденной миграции в мире в целом и в Евразии в частности, свидетелями чего мы и являемся [10].

В Республике Беларусь исследованиями демографических проблем активно и плодотворно занимался д. э. н., проф. А. А. Раков, которого в стране по праву называют классиком белорусской демографии. На основе изучения обширных статистических данных им разработаны основы методологии современного демографического анализа стран-участников СНГ [11; 12], в частности методики расчета балансов трудовых ресурсов городов и административных районов для решения задач планирования территориальной занятости населения, демографической политики и безопасности общества с переходной экономикой, с учетом последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Д. э. н., проф. Л. П. Шахотько провела обстоятельный анализ социально-демографических процессов в Республике Беларусь с учетом сложившегося типа воспроизводства населения и основных тенденций его изменения в репродуктивном поведении населения. На основе анализа долговременных демографических процессов автором сформулированы тенденции и закономерности современного социально-демографического развития страны. Именно она сделала важный системный вывод о необходимости активной государственной демографической политики по поддержке позитивных изменений в воспроизводстве населения: погасить убыль населения можно, изменив тенденции развития всех трех его составляющих в комплексе: рождаемости, смертности и миграции [13].

Проведенные д. э. н., проф. Л. Е. Тихоновой исследования посвящены проблемам государственного регулирования демографических процессов в новых рыночных условиях, обоснованию важнейших демографических индикаторов, которые

должны учитываться при подготовке основных направлений стратегического устойчивого развития республики. Результаты научно-методологической проработки вопросов демографической безопасности Республики Беларусь авторским коллективом под ее руководством во многом способствовали явному усилению системной демографизации социальных и экономических исследований в белорусском научном сообществе. Многочисленные исследования этого научного коллектива в рамках совместного проекта Белорусского государственного университета и Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, поддержанного БРФФИ, показали, что современные миграционные вызовы во многом связаны с сокращением с 2008 г. человеческих и трудовых ресурсов страны [14; 15; 16; 17].

Пандемия COVID-19 и санкционные меры западных стран, направленные против Беларуси и России, определили существенные дополнительные проблемы в решении вопросов социально-экономического развития обеих стран, демографии и международной миграции.

Белорусский ученый к. э. н. А. Г. Злотников исследовал взаимосвязи процессов миграции, коронавирусной пандемии и размеров демографических потерь в Беларуси. Им установлено влияние международной миграции на распространение COVID-19 и проведено сравнение соответствующих факторов в Республике Беларусь, России, Украине и Польше: «В расчете на один миллион населения показатель заболеваемости COVID-19 в 2020 г. в Беларуси составил 20 564 случая, в то время как у граничащих с Беларусью стран он оказался выше: в Литве – 53 239 случаев, Польше – 34 521, Украине – 24 414, России – 21 829 случаев...» [18, с.34].

Результаты исследования и обсуждение

В ходе дискуссий за круглым столом 26 мая 2016 г в Минске на тему «Миграция в Республике Беларусь: тенденции, вызовы, перспективы» заместитель министра внутренних дел страны отметил: «Беларусь стоит на пороге новых вызовов и угроз, которые диктует международная политическая, экономическая и экологическая конъюнктура, необходимо совершенствовать нормативную правовую базу в сфере миграции, внедрять новые формы и методы работы, использовать современные информационные технологии и ресурсы». Именно в свете вышесказанного и были рассмотрены итоги проведенной в 2019 г. переписи населения Республики Беларусь и тенденции изменения его численности, которые приведены в табл. 1.

По данным переписи 2019 г., численность населения страны уменьшилась за 10 лет на 0,95%, или более чем на 90 тыс. человек. Следует упомянуть, что впервые смертность превысила рождаемость на 11,2 тыс. человек в 1994 г. В 2002 г. это превышение составило уже 57,9 тыс. человек. Начиная с 2012 г., коэффициент смертности снижался, что продолжалось до начала пандемии COVID-19. Однако пандемия спутала все карты. С 2019 по 2020 г. (по данным на 01.01) численность населения сократилась на 63,7 тыс. человек. В 2022 г. (на 01.01) численность населения, по данным Белстата, составила 9 255 534 человека, сократившись за год на 94,12 тыс. человек².

Авторами настоящего исследования зафиксировано следующее: «Негативные тенденции в демографическом развитии страны отмечаются давно. Беларусь не воспроизводит своего населения уже более 25 лет, начиная с 1978 г., когда коэффициент

² Население и миграция // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/> (дата обращения: 15.01.2022).

воспроизводства населения стал ниже минимума, необходимого для простого воспроизводства. Однако, благодаря благоприятной половозрастной структуре населения, вплоть до начала 1990-х гг. численность населения Республики Беларусь постоянно росла. И только в 1994 г. Беларусь претерпела так называемые “демографические ножницы”, или “белорусский крест”. Тогда впервые смертность взяла верх над рождаемостью» [19, с. 295], поэтому в долгосрочной перспективе важнейшим направлением реализации национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития белорусского государства и является обеспечение демографической и миграционной безопасности.

Таблица 1.

Динамика численности населения Республики Беларусь с учетом итогов переписи населения в 2019 г., (человек)

Table 1.

Dynamics of the population of the Republic of Belarus, taking into account the results of the population census in 2019, (persons)

	1999 г.	2009 г.	2019 г.
Все население	10 045 237	9 503 807	9 413 446
Городское население, в том числе:	6 961 516	7 064 529	7 299 989
мужчины	3 279 196	3 271 014	3 346 946
женщины	3 682 320	3 793 515	3 953 043
Сельское население, в том числе:	3 083 721	2 439 278	2 113 457
мужчины	1 438 425	1 149 025	1 004 527
женщины	1 645 296	1 290 253	1 108 930

Источник: составлено авторами на основе данных Белстата³

Для недопущения неконтролируемости процессов внешней миграции весьма важными становятся подготовка и согласование международных договоренностей со странами – потенциальными донорами трудовых ресурсов и с основными странами-реципиентами. Подобные договоренности и соглашения, несомненно, будут способствовать более эффективной защите прав мигрантов, проживающих и работающих вне страны, и граждан других государств, работающих в Беларуси [20]. Решение данных вопросов актуально инициировать и на наднациональном уровне – в первую очередь в органах и институтах Евразийского экономического союза и СНГ. В этой связи особенно важным является принятие Концепции миграционной политики Союзного государства России и Беларуси. Данная концепция предполагает интеграцию информационных ресурсов о пребывании иностранных граждан на территориях Республики Беларусь и Российской Федерации. В ней предусмотрены механизмы объединения усилий правоохранительных органов по противодействию нелегальной миграции, проведению совместных мероприятий по контролю за пребыванием иностранцев, депортации и высылке нежелательных лиц, взаимодействию по вопросам гражданства и убежища⁴.

³ Численность и территориальное размещение населения // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://census.belstat.gov.by/sections/1> (дата обращения: 15.01.2022).

⁴ Документ, подписанный на ВГС, не допустит нелегальных беженцев - Мезенцев // Sputnik Беларусь. Информационное агентство. URL: <https://sputnik.by/20211105/dokument-podpisannyu-navgs-ne-dopustit-nelegalnykh-bezhentsev---mezentsev-1057687846.html> (дата обращения: 15.01.2022).

Подобный документ разрабатывается и в СНГ⁵, многолетнее развитие которого продемонстрировало недостаточную эффективность регулирования миграционных процессов на базе преимущественно двусторонних договоров между государствами-участниками Содружества. Не менее актуальным становится вопрос повышения эффективности координации миграционных процессов в Евразийском экономическом союзе, как наиболее продвинутом и перспективном интеграционном образовании на постсоветском пространстве, создающем общий рынок труда на пространстве государств-участников союза.

Анализируя влияние санкционных мер и пандемии COVID-19 на социально-экономическое развитие Беларуси, необходимо отметить следующее. Так, если по данным Национального статистического комитета Беларуси, валовой внутренний продукт страны за 2020 г. уменьшился на 0,9% по сравнению с 2019 г. и в текущих ценах составил 147 млрд бел. руб., то в 2021 г. объем ВВП в текущих ценах сложился в сумме 173,2 млрд руб. Рост ВВП Беларуси за 2021 г. в сопоставимых ценах составил 2,3%, несмотря на пандемию и принимаемые западными странами экономические санкции. В этот же период, за 2021 г., объем внешней торговли товарами и услугами, по методологии платежного баланса, составил 94 751 млн долл. США, в том числе экспорт – 49 262 млн долл., импорт – 45 489 млн долл., что показывает рекордный прирост к уровню 2020 г. оборота внешней торговли товарами и услугами на 30,7%, экспорта – на 32,5%, импорта – на 28,9%. Одновременно, что особенно значимо, в 2021 г. сальдо внешней торговли товарами и услугами сложилось положительным в размере более двух млрд долл. (в 2020 г. величина положительного сальдо составляла 891,9 млн долл.)⁶.

Пандемия COVID-19 определила существенные проблемы и в миграционной сфере. Мигранты и их семьи, особенно те, кто уже находится в уязвимом положении, в несоразмерно большей степени пострадали от пандемии по причинам, связанным с их более низким социально-экономическим статусом и уровнем доступа к услугам системы здравоохранения, сложными условиями труда и соцзащиты. В 2020 г. в мире было потеряно 255 млн рабочих мест с полной занятостью⁷. К февралю 2021 г. закрыли границы или ограничили доступ мигрантов на свою территорию 144 государства, причем более 60 из них не сделали никаких послаблений для беженцев.

Практически на протяжении всего 2020 г. в Республике Беларусь, как и в других странах СНГ, для снижения рисков пандемии COVID-19 принимались защитные меры по ограничению мобильности иностранных граждан. В результате на 31,6% уменьшилось количество иностранцев, зарегистрированных в территориальных органах внутренних дел (с 94 233 до 64 397 человек). Сократилось на 4,6% количество иностранных граждан, обратившихся за разрешениями на временное проживание (с 67

---

⁵ О состоянии трудовой миграции в Содружестве с учетом ограничительных мер, принимаемых в государствах – участниках СНГ в период пандемии COVID-19 // Исполнительный комитет СНГ [сайт]. URL: https://cis.minsk.by/news/19222/o_sostojanii_trudovoj_migracii_v_sodruzhestve_s_uchetom_ogranichitelnyh_mer_prinimaemyh_v_gosudarstvah_%E2%80%93_uchastnikah_sng_v_period_pandemii_covid-19 (дата обращения: 15.01.2022).

⁶ Национальные счета // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/natsionalnyescheta/> (дата обращения: 15.01.2022).

⁷ ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Seventh edition. Updated estimates and analysis // International Labour Organization (ILO) [site]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_767028.pdf (accessed on 15.01.2022).

711 до 64 557), а также снизилось количество разрешений на постоянное проживание в республике (с 8 893 до 7 238)⁸. Для оценки миграционной ситуации в Беларуси в 2021 г. рассмотрим статистические данные о международной трудовой миграции (табл. 2).

Таблица 2.

Общие итоги внешней трудовой миграции по регионам Республики Беларусь (человек)

Table 2.

General results of external labor migration by regions of the Republic of Belarus (persons)

	Численность трудящихся-мигрантов, въехавших для работы на основе подписанных договоров и контрактов	
	январь – декабрь 2020 г.	январь – декабрь 2021 г.
Республика Беларусь	16 368	13 705
Брестская область	542	478
Витебская область	525	560
Гомельская область	689	565
Гродненская область	3 461	2 627
г. Минск	8 357	7 062
Минская область	2 369	2 032
Могилевская область	425	381

Источник: составлено авторами на основе данных МВД Республики Беларусь⁹

Примечание: с учетом всех категорий иностранных граждан и лиц без гражданства

Анализируя содержание табл. 2, приходим к выводу: влияние пандемии и санкционных мер Запада негативно сказались на численности трудящихся мигрантов, прибывших для работы в Беларусь в 2021 г., – их численность уменьшилась на 2 663 человека. Итак, налицо падение на 16,3% относительно показателей 2020 г. (Для сравнения: аналогичное уменьшение прибывших в Беларусь трудовых мигрантов в 2020 г. по сравнению с 2019 г. составило 21,6%).

Особую значимость для Беларуси имеет география миграции и уровень квалификации въезжающих трудовых мигрантов, о чем можно судить по данным о въехавших для работы в «Парке высоких технологий» (табл. 3).

Анализ данных табл. 3 показывает, что подготовленные специалисты для работы в «Парке высоких технологий» прибывали более чем из 40 стран, преимущественно из России, Казахстана, Украины и других государств почти всех континентов. Такие факты позитивно сказываются на обмене опытом специалистов «Парка высоких технологий» и повышении их квалификации. Для более детального представления об уровнях квалификации и специализации трудовых иммигрантов, прибывших в Республику Беларусь в 2021 г., рассмотрим данные табл. 4.

⁸ Статистика по миграции // Министерство внутренних дел Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/departament-po-grazhdanstvu-i-migraci/migraciya/statistika-po-migracii> (дата обращения: 15.01.2022).

⁹ Там же.

Таблица 3.

Численность иностранных граждан, въехавших в 2021 г. в Республику Беларусь для работы в «Парке высоких технологий»

Table 3.

The number of foreign citizens who entered the Republic of Belarus in 2021 to work in the Hi-Tech Park

Страна гражданской принадлежности	Всего	из них	
		мужчин	женщин
Россия	372	306	66
Украина	95	82	13
Казахстан	66	54	12
Азербайджан	21	19	2
Кыргызстан	21	18	3
Молдова	5	5	0
Таджикистан	4	4	0
Узбекистан	3	3	0
США	2	2	0
Другие страны	76	63	13
Всего	665	556	109

Источник: составлено авторами на основе данных МВД Республики Беларусь¹⁰

Таблица 4.

Распределение иностранных граждан, въехавших в Республику Беларусь для работы на основании разрешений на право занятия трудовой деятельностью, по отраслям экономики в 2021 г.

Table 4.

Distribution of foreign citizens who entered the Republic of Belarus to work on the basis of permits for the right to engage in labor activity, by sectors of the economy in 2021

	Руководители	Квалифицированные работники и специалисты	Работники сферы обслуживания, торговли	Работники, занятые в сельском хозяйстве	Рабочие специальности
Количество въехавших, человек	999	2157	1113	237	3288
Доля, %	12,8%	27,7%	14,3%	3%	42,2%

Источник: составлено авторами на основе данных МВД Республики Беларусь¹¹

Таким образом, количество трудовых иммигрантов, въехавших в Беларусь для работы на основании специальных разрешений на право занятия трудовой деятельностью в 2021 г. составило 7 794 человека. При этом структура распределения численности трудящихся-мигрантов, въехавших в Беларусь для работы на основании специальных разрешений на право занятия трудовой деятельностью, по роду деятельности в 2021 г. складывалась позитивно для республики.

Общая характеристика численности трудящихся-мигрантов, въехавших в Республику Беларусь из государств-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС)

¹⁰ Статистика по миграции // Министерство внутренних дел Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/departament-po-grazhdanstvu-i-migraci/migraciya/statistika-po-migracii> (дата обращения: 15.01.2022).

¹¹ Там же.

в январе – декабре 2021 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года представлена в табл. 5.

Таблица 5.

Численность трудящихся-мигрантов, въехавших в Республику Беларусь и ее отдельные регионы из стран ЕАЭС в 2020–2021 гг. (человек)

Table 5.

The number of migrant workers who entered the Republic of Belarus and its individual regions from the EAEU countries in 2020–2021 (persons)

	Всего		Кыргызская Республика		Республика Армения		Республика Казахстан		Российская Федерация	
	2020	2021	2020	2021	2020	2021	2020	2021	2020	2021
Республика Беларусь	5221	6037	131	131	381	285	384	432	4325	5189
Брестская обл.	60	39	4	2	12	2	12	13	32	22
Витебская обл.	209	222	19	16	6	5	20	35	164	166
Гомельская обл.	177	203	9	25	12	11	10	19	146	148
Гродненская обл.	2009	2640	0	2	30	40	25	22	1954	2576
г. Минск	3372	2497	90	72	186	140	278	274	1783	2011
Минская обл.	293	258	9	12	127	73	22	40	135	133
Могилевская обл.	136	178	0	2	8	14	17	29	111	133

Источник: составлено авторами на основе данных МВД Республики Беларусь¹²

Данные табл. 5 демонстрируют увеличение количества трудящихся-мигрантов, прибывших в Беларусь из стран – участников ЕАЭС в 2021 г. по сравнению с 2020 г. на 816 человек (13,5%). При этом наиболее привлекательными регионами для мигрантов из стран ЕАЭС являются преимущественно г. Минск и Гродненская область. Такие факты свидетельствуют о важности задач совершенствования миграционной политики в части принятия актуальных мер по увеличению миграционной привлекательности других регионов страны.

В сложных условиях пандемии COVID-19, по сообщениям Департамента по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Исполнительного комитета СНГ¹³, в Беларуси с учетом реальной эпидемиологической ситуации принимались конкретные меры по минимизации рисков распространения коронавирусной инфекции COVID-19 на правительственном и отраслевом уровнях. Однако режим жесткого локдауна не вводился. Причем особо значимых конфликтных ситуаций в сфере трудовой миграции в стране зафиксировано не было.

Территориальными подразделениями по гражданству и миграции было проведено экспертное обследование работодателей. Основными причинами прекраще-

¹² Статистика по миграции // Министерство внутренних дел Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/departament-po-grazhdanstvu-i-migraci/migraciya/statistika-pomigracii> (дата обращения: 15.01.2022).

¹³ О состоянии трудовой миграции в Содружестве с учетом ограничительных мер, принимаемых в государствах – участниках СНГ в период пандемии COVID-19 // Исполнительный комитет СНГ [сайт]. URL: https://cis.minsk.by/news/19222/o_sostojanii_trudovoj_migracii_v_sodruzhestve_s_uchetom_ogranichitelnyh_mer_prinimaemyh_v_gosudarstvah_%E2%80%93_uchastnikah_sng_v_period_pandemii_covid-19 (дата обращения: 15.01.2022).

ния трудовых отношений с иностранным гражданином, по итогам опросов, оказались следующие: иностранный гражданин принял решение покинуть Республику Беларусь в связи с ситуацией, связанной с пандемией COVID-19; сокращение штата сотрудников ввиду экономических трудностей; истечение срока действия специального разрешения; соглашение сторон; переход на другую работу и пр. [21].

Наибольшие трудности испытали такие отрасли, как строительство (34% освобожденных иностранных работников), торговля (13%), сельское хозяйство, общественное питание и производство (по 8%) и др. При улучшении ситуации, связанной с пандемией COVID-19, 63% нанимателей планировали принимать иностранного гражданина обратно на работу. Своевременно предпринятые управленческие решения на правительственном уровне позволили продолжить трудовые контакты трудовых мигрантов с работодателями в стране в этот сложный период коронавирусной инфекции.

Статистические данные о трудовой миграции в государствах-членах Евразийского экономического союза носят ограниченный характер по причине упрощения регистрационных процедур. Количество трудящихся-мигрантов, прибывших по договорам и контрактам, по данным Белстата, выросло и составило в 2020 г. 4 723 человека, а по итогам 2021 г. – 5 732 человека¹⁴.

В то же время в исследовании, проведенном в Республике Беларусь Представительством Международной организации по миграции (МОМ) совместно с ООО «Центр системных бизнес-технологий САТИО» в 2020 г. в рамках мер по реагированию на пандемию COVID-19, отмечаются такие особенности и тенденции эмиграции белорусских работников в зарубежные страны в условиях пандемии, как усиление рисков для социально-экономического положения и правовой защищенности белорусских трудовых эмигрантов и их семей: 1) многие из них столкнулись с проблемой безработицы, утратой постоянного источника дохода, нарушением трудовых прав со стороны работодателей; 2) наиболее серьезными последствия пандемии COVID-19 оказались для работников туристической сферы, сферы развлечений и сферы обслуживания на рынке B2C (business-to-consumer, бизнес для потребителя), а также работников производственной сферы. Таким образом, пандемия COVID-19 стала существенным фактором снижения комфортности пребывания трудовых эмигрантов из Беларуси в 2020 г. за рубежом в части: 1) недостаточной реальной защищенности от социально-экономических рисков по сравнению с гражданами страны пребывания; 2) вынужденного досрочного возвращения домой по причине потери источников дохода [21].

В целом пандемия COVID-19 существенно повлияла на рынок труда и трудовую миграцию во всем мире, в том числе и в Республике Беларусь. Из-за пандемии число украинских мигрантов в Беларусь в 2020 г. сократилось вдвое по сравнению с предыдущими годами, однако граждане этой страны по-прежнему в лидерах среди прибывающих в Беларусь. По информации начальника департамента по гражданству и миграции МВД А. Бегуна, «это в первую очередь связано с ограничительными мерами, полным закрытием границ в течение определенного периода. Вместе с тем это не повлияло на традиционное число граждан Украины (около 500), которые обратились

---

¹⁴ Население и миграция // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/> (дата обращения: 15.01.2022).

в компетентные органы Республики Беларусь с ходатайством о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты»¹⁵.

Заключение

Республика Беларусь в сложнейших внутренних и внешних условиях международного гуманитарного и экономического сотрудничества в 2019–2021 гг. в целом учитывала рекомендации международных организаций, прежде всего ВОЗ и МОМ, в борьбе с угрозами жизни, здоровью и материальному благополучию граждан и мигрантов. Для Беларуси, как и других государств, это был трудный период проверки эффективности национальной системы здравоохранения, устойчивости финансовой и банковской систем, гибкости экономики и политических решений. Однако в стране не вводилось жестких режимов локдауна. Более того, стране удалось в сложнейших условиях обеспечить приемлемые показатели социально-экономического развития. При этом валовый внутренний продукт Республики Беларусь в 2021 г. вырос на 2,3%, объем внешней торговли Беларуси – на 30,7%, активное внешнеторговое сальдо превысило два млрд долл., увеличившись более чем в два раза по сравнению с тяжелым 2020 г. Для поддержки данной тенденции в 2022 г., в условиях не прекращающейся волнообразной коронавирусной инфекции и расширения санкционного давления западных стран, необходимо совершенствовать логистические инструменты внешней торговли, улучшать миграционную привлекательность страны и активизировать интеграционные процессы на всех уровнях – Союзного государства, ЕАЭС и СНГ.

В заключение следует отметить особую значимость факта принятия на заседании Высшего Госсовета Союзного государства России и Беларуси 4 ноября 2021 г. Концепции миграционной политики, направленной на совершенствование тесного сотрудничества по вопросам миграционной безопасности Союзного государства и создание условий для эффективного миграционного партнерства в интересах граждан обеих стран в сфере труда и занятости. Подготовка и реализация Советом министров Союзного государства Плана по реализации Концепции миграционной политики на период до 2025 г. должны создать правовую базу для формирования единого миграционного пространства Союза Беларуси и России, что позитивным образом скажется на совершенствовании миграционного сотрудничества стран-участников ЕАЭС и СНГ.

Список литературы

1. World Economic Situation and Prospects as of mid-2021. New York: N Department of Economic and Social Affairs, 2021. 25 p.
2. Global Economic Prospects. Washington DC: International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 2021. 172 p. DOI: <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1665-9>.
3. Миграционные мосты в Евразии: новые подходы к формированию миграционной политики в интересах устойчивого развития: Материалы XI Международного научно-практического форума (Москва, 5–6 декабря 2019 г.) / Под ред. С. В. Рязанцева, М. Н. Храмовой. – Москва: Изд-во Экон-Информ, 2020. – 337 с. DOI: <https://doi.org/10.38085/978-5-907-233-49-2-2020-1-337>.
4. Рязанцев С. В. Вклад трудовой миграции в экономику России: методы оценки и результаты // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2016. Т. 6. № 2 (22). С. 16–28. DOI: <https://doi.org/10.12737/18147>.
5. Рязанцев С. В., Брагин А. Д., Рязанцев Н. С. Положение трудовых мигрантов в регионах мира:

¹⁵ Бегун: мигрантов из Украины по-прежнему привлекает стабильность на территории Беларуси // Белорусское телеграфное агентство (БелТА). 21.10.2020. URL: <https://www.belta.by/society/view/begun-migrantov-iz-ukrainy-po-prezhnemu-privlekaet-stabilnost-na-territorii-belarusi-411983-2020/> (дата обращения: 15.01.2022).

вызовы пандемии COVID-19 и реакция правительств // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. № 3. С. 7–21. DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-01>.

6. *Рязанцев С. В., Молодицова И. Н., Брагин А. Д.* Влияние пандемии COVID-19 на положение мигрантов на рынках труда стран СНГ// Балтийский регион. 2020. Т. 12. № 4. С. 10–38. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-2>.

7. *Рыбаковский Л. Л.* Региональный анализ миграций. – М.: Статистика, 1973. – 159 с.

8. *Рыбаковский Л. Л.* Миграция населения: учебное пособие для вузов. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 480 с. ISBN: 978-5-534-11727-1.

9. *Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И.* Особенности миграции населения приграничных с Беларусью регионов России // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 1. С. 41–49. DOI: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.3>.

10. *Ионцев В. А.* Международная миграция: населения: теория и история изучения. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 370 с. ISBN: 5-89209-488-X.

11. *Раков А. А.* Население БССР. – Минск: Наука и техника, 1969. – 219 с.

12. *Раков А. А.* Демографические основы народно-хозяйственного планирования / Под ред. Л. Л. Рыбаковского. – Минск: Наука и техника, 1990. – 268 с. ISBN: 5-343-00509-8.

13. *Шахотько Л. П.* Модель демографического развития Республики Беларусь. – Минск: Белорусская наука, 2009. – 437 с. ISBN: 978-985-08-1109-7.

14. *Тихонова Л. Е.* Государственное регулирование демографических процессов в Республике Беларусь: автореферат дис. ... доктора экономических наук: 08.00.05 / Ин-т соц.-полит. исслед. РАН. – Москва, 2002. – 42 с.

15. *Тихонова Л. Е.* Регулирование демографических процессов в Беларуси. – Минск: БГУ, 2002. – 264 с.

16. *Тихонова Л. Е., Пугачев В. П.* Миграционная политика: евразийский контекст и белорусские реалии // Миграция как ресурс социально-экономического и демографического развития: сборник статей. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 5, № 3 / Под ред. Рязанцева С. В., М. Н. Храмовой, А. С. Максимовой. – Москва: Изд-во Экон-Информ, 2019. – С. 208–216. ISBN: 978-5-907057-99-9.

17. Миграция и миграционная политика Беларуси и России в контексте решения задач евразийской интеграции: отчет о НИР / Белорусский государственный университет; рук. Л.Е. Тихонова; № ГР 20131640. – Минск, 2015. – 107 с. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/133865>.

18. *Злотников А. Г.* Смертность в Беларуси в период пандемии COVID-19 // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 28–46. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.2>.

19. *Артюхин М. И., Пушкевич С. А.* Демографический кризис и пути его преодоления в условиях современной Беларуси // Социологический альманах. 2017. № 8. С. 295–304.

20. *Артюхин М. И.* Роль миграции населения в обеспечении демографической безопасности регионов страны // Социально-политическая ситуация в Беларуси: ценностные ориентиры и перспективы развития: сборник статей / редкол.: Матвейчев Ю. А. (отв. ред.) [и др.]. – Могилев: Могилев. институт МВД, 2017. – С. 6–12. ISBN: 978-985-7088-89-8.

21. Влияние пандемии COVID-19 на положение трудящихся-мигрантов из Беларуси, вернувшихся домой. – Минск: Представительство Международной организации по миграции в Республике Беларусь, 2021. – 35 с.

Сведения об авторах:

Тихонова Людмила Ефимовна, доктор экономических наук, профессор Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.

Контактная информация: e-mail: tihonovale@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-6926-3234; РИНЦ AuthorID: 663186.

Пугачев Василий Павлович, доктор технических наук, профессор Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.

Контактная информация: e-mail: pugachov19@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-3645-4384.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г20Р-334.

Статья поступила в редакцию 25.02.2022; принята в печать 27.04.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

MIGRATION SITUATION IN BELARUS AMID THE COVID-19 PANDEMIC AND INTERNATIONAL SANCTIONS

Ludmila E. Tikhonova

Belarusian State University, Minsk, Belarus

E-mail: tihonovale@mail.ru

Vasily P. Pugachev

Belarusian State University, Minsk, Belarus

E-mail: pugachov19@gmail.com

For citation: Ludmila E. Tikhonova, Vasily P. Pugachev. Migration Situation in Belarus amid the Covid-19 Pandemic and International Sanctions. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2. No 2. Pp. 43–56. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.4>. EDN: GQONXZ.

Abstract. The significant impact of the COVID-19 pandemic on the global economy as a whole, the most important areas of life and activity of citizens of almost all states, require the study of both positive and not always successful, negative experience in overcoming the socio-economic consequences of covid restrictions in order to improve the tools for regulating migration processes in crisis conditions. In Belarus, the necessary measures were taken in a timely manner to ensure the stability of the socio-economic situation in the country, taking into account the high degree of openness of its economy. In this context, a special place is occupied by Presidential Decree No. 143 of April 24, 2020 "On Supporting the Economy", which aims to minimize the impact of the global epidemiological situation on the economy of the Republic of Belarus and is aimed at addressing issues of improving business activities in a pandemic, in particular, the introduction of taxation budget incentives, adjustment of certain provisions of labor policy, improvement of social protection of citizens and migrant workers. How did all this affect the migration and demographic situation and the results of the socio-economic development of the Republic of Belarus in the context of the COVID-19 pandemic, which did not introduce a strict lockdown regime? To this end, in the course of the study, an analysis of relevant factual data was carried out and preliminary assessments of the emerging socio-economic, migration and demographic situation in the Republic of Belarus were given.

Keywords: COVID-19 coronavirus pandemic, migration, demography, economic growth.

References

1. *World Economic Situation and Prospects as of mid-2021*. New York: N Department of Economic and Social Affairs, 2021. 25 p.
2. *Global Economic Prospects*. Washington DC: International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 2021. 172 p. DOI: <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1665-9>.
3. *Migration Bridges in Eurasia: New Approaches to the Formation of Migration Policy on Behalf of the Sustainable Development: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Forum* (Moscow, December 5–6, 2019) / Ed. by Sergey V. Ryazantsev, Marina N. Khramova. Moscow: Econ-Inform, 2020. 337 p. DOI: <https://doi.org/10.38085/978-5-907-233-49-2-2020-1-337>. (In Russ.)
4. Ryazantsev S. V. Contribution of Labour Migration to the Economy of Russia: Evaluation Methods and Results. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2016. Vol. 6. No. 2 (22). Pp. 16–28. DOI: <https://doi.org/10.12737/18147>. (In Russ.)
5. Ryazantsev S. V., Bragin A. D., Ryazantsev N. S. Situation of Labor Migrants in the Regions of the World: Challenges of the COVID-19 Pandemic and the Response of Governments. *Scientific Review. Series I. Economics and Law*. 2020. No. 3. P. 7–21. DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-01>. (In Russ.)
6. Ryazantsev S. V., Molodikova I. N., Bragin A. D. The Effect of Covid-19 on Labour Migration in the CIS. *The Baltic Region*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 10–38. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-2>.
7. Rybakovskiy L. L. *Regional'nyy analiz migratsiy [Regional analysis of migrations]*. Moscow: Statistics, 1973. 159 p. (In Russ.)
8. Rybakovsky L. L. *Migratsiya naseleniya [Population Migration]: textbook for universities*. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 480 p. ISBN: 978-5-534-11727-1. (In Russ.)
9. Rybakovsky L. L., Kozhevnikova N. I. Peculiarities of Population Migration in Russian Regions Border Belarus. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022. Vol. 18. No. 1. P. 41–49.

DOI: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.3>. (In Russ.)

10. Iontsev V. A. *International Migration of Population: Theory and History of Studying*. Moscow: Dialog-MGU, 1999. 370 p. ISBN 5-89209-488-X. (In Russ.)

11. Rakov A. A. *Naseleniye BSSR [Population of the BSSR]*. Minsk: Nauka i tekhnika, 1969. 219 p. (In Russ.)

12. Rakov A. A. *Demograficheskiye osnovy narodno-khozyaystvennogo planirovaniya [Demographic foundations of national economic planning]* / Ed. by L. L. Rybakovsky. Minsk: Nauka i tekhnika, 1990. 268 p. ISBN: 5-343-00509-8. (In Russ.)

13. Shakhoto L. P. *Model' demograficheskogo razvitiya Respubliki Belarus' [Model of the demographic development of the Republic of Belarus]*. Minsk: Belarusian Science, 2009. 437 p. ISBN: 978-985-08-1109-7. (In Russ.)

14. Tikhonova L. E. *Gosudarstvennoye regulirovaniye demograficheskikh protsessov v Respublike Belarus' [State regulation of demographic processes in the Republic of Belarus]*: abstract of the dissertation for a doctoral degree in economics: 08.00.05 / Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2002. 42 p. (In Russ.)

15. Tikhonova L. E. *Regulirovaniye demograficheskikh protsessov v Belarusi [Regulation of demographic processes in Belarus]*. Minsk: Belorussian State University, 2002. 264 p. (In Russ.)

16. Tikhonova L. E., Pugachev V. P. Migration Policy: Eurasian Context and Belarusian Realities. In: *Migration as a Resource for Socio-Economic and Demographic Development*. Series "Demography. Sociology. Economics". Vol. 5, No. 3 / Ed. by Ryazantsev S. V., M. N. Khramova, A. S. Maksimova. Moscow: Econ-Inform, 2019. Pp. 208–216. ISBN: 978-5-907057-99-9. (In Russ.)

17. *Migratsiya i migratsionnaya politika Belarusi i Rossii v kontekste resheniya zadach yevraziyskoy integratsii [Migration and migration policy of Belarus and Russia in the context of solving the problems of Eurasian integration]*: research report / Belarusian State University; lead L. E. Tikhonova; No. GR 20131640. Minsk, 2015. 107 p. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/133865>. (In Russ.)

18. Zlotnikov A. G. Mortality in Belarus During the COVID-19 Pandemic. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No. 2. P. 28–46. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.2>. (In Russ.)

19. Artyukhin M. I., Pushkevich S. A. Demographic Crisis and the Ways to Overcome It in the Conditions of Modern Belarus // *Sotsiologicheskii al'manakh [Sociological almanac]*. 2017. No. 8. Pp. 295–304. (In Russ.)

20. Artyukhin M. I. Rol' migratsii naseleniya v obespechenii demograficheskoy bezopasnosti regionov strany [The role of population migration in ensuring the demographic security of the country's regions]. *Sotsial'no-politicheskaya situatsiya v Belarusi: tsennostnyye oriyentiry i perspektivy razvitiya [Socio-political situation in Belarus: value orientations and development prospects]*: collection of articles / ed. by Matveychev Yu. A. (editor-in-chief) [et al.]. Mogilev: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs, 2017. P. 6–12. ISBN: 978-985-7088-89-8. (In Russ.)

21. *Vliyaniye pandemii COVID-19 na polozheniye trudyashchikhsya-migrantov iz Belarusi, vernuvshikhsya domoy [The impact of the COVID-19 pandemic on the situation of migrant workers from Belarus who returned home]*. Minsk: Representation of the International Organization for Migration in the Republic of Belarus, 2021. 35 p. (In Russ.)

Bio note:

Lyudmila E. Tikhonova, Doctor of Economics, Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Contact information: e-mail: tihonovale@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-6926-3234; RSCI AuthorID: 663186.

Vasily P. Pugachev, Doctor of Technical Sciences, Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Contact information: e-mail: pugachov19@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-3645-4384.

Acknowledgments and financing:

The study was funded by Belarusian Republican Foundation for Basic Research (BRFBR), Project No. G20R-334.

Received on 25.02.2022; accepted for publication on 27.04.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.5
EDN: GMBQSS

КАКИЕ ФАКТОРЫ ОКАЗЫВАЮТ БОЛЕЕ СУЩЕСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ НА МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ В РОССИИ?

Сугоняев К. В.

Институт психологии РАН, Москва, Россия

E-mail: skv-354@yandex.ru

Для цитирования: *Сугоняев К. В. Какие факторы оказывают более существенное влияние на межрегиональные миграционные потоки в России? // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 57-75. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.5>. EDN: GMBQSS.*

Аннотация. Многими исследователями миграции в России отмечается дефицит работ, направленных на моделирование происходящих в стране миграционных процессов. Данная статья посвящена оценке силы влияния социально-экономических факторов на межрегиональную миграцию в России и ее сопоставлению с недавно обнаруженным влиянием на этот процесс психологических характеристик населения принимающего региона. Поскольку агрегированные на региональном уровне оценки интеллекта, личностных свойств и характеристик стиля ответов были рассчитаны на основе результатов онлайн-тестирования респондентов в период 2012–19 гг., 16 индикаторов социально-экономического развития регионов рассчитывались путем усреднения за этот же период времени; для построения моделей нами были использованы данные Росстата. В анализ включены данные 78 субъектов РФ, сведенных (после объединения столичных агломераций) в 76 регионов. Установлено, что большинство включенных в анализ социально-экономических показателей демонстрирует значимые корреляционные связи с региональными коэффициентами миграционного прироста. Выявленный паттерн корреляционных связей в основном согласуется с результатами других авторов, полученных на данных более ранних периодов анализа. Регрессия коэффициентов миграционного прироста на социально-экономические переменные позволила построить линейные многофакторные модели, лучшие из которых описывали около 44% дисперсии зависимой переменной. Как было показано нами ранее, такой же уровень точности имеют модели, рассчитанные на основе ограниченного числа психологических характеристик населения принимающего региона. Более того, добавление психологических переменных к лучшим моделям, основанным на социально-экономических показателях, обеспечивает существенное повышение точности прогнозирования коэффициентов миграционного прироста: доля описываемой дисперсии отклика возрастает с 44% до 55–57%. Предполагается, что учет психологических характеристик принимающего региона может способствовать повышению эффективности управления миграционными процессами.

Ключевые слова: межрегиональная миграция, принимающий регион, миграционный прирост, модели миграции, регрессионные модели, социально-экономические факторы, онлайн-тестирование, психологические особенности населения, инкрементная валидность.

Введение

Миграция оказывает существенное влияние на демографическую структуру населения страны в целом и ее отдельных территорий, состояние региональных и локальных рынков труда. Выстраивание успешной социально-экономической по-

литики требует не только учета и принятия к сведению миграционных процессов и производимых ими эффектов, но и управления ими в интересах достижения демографического благополучия отдельных регионов и страны в целом, что является важным условием социально-экономического развития [1].

Это предполагает выявление максимального полного спектра факторов, способных оказывать практически значимое влияние на миграционные процессы. Хотя относительная степень их значимости может изучаться, например, путем проведения опросов среди мигрантов, результаты подобных исследований едва ли могут дать исчерпывающее знание, поскольку не все факторы рефлексированы респондентами в достаточной степени. Реальность такова, что некоторые из этих факторов находятся в поле зрения исследователей на протяжении уже достаточно длительного времени, тогда как другие в силу разных причин могут ускользать от их внимания. В таком контексте разработка математических моделей, позволяющих оценить реальную значимость тех или иных факторов, их вклад в конечные результаты миграции, представляется необходимым условием для более точного прогнозирования масштаба и направления миграционных потоков в различных регионах страны.

Основные подходы к моделированию миграции, классификация моделей, их особенности, преимущества и недостатки обсуждаются в ряде публикаций [2–5]. Хотя многие авторы отмечают сложность самой задачи прогнозирования миграции (в т. ч. межрегиональной) и немногочисленность исследований, посвященных ее моделированию в России [2; 3; 6], они все же есть, и с их помощью за последнее время получен ряд важных эмпирических результатов.

Одной из наиболее обстоятельных работ, посвященных межрегиональной миграции в постсоветской России, стало исследование Ю. В. Андриенко и С. М. Гуриева, в котором на данных 1992–2003 гг. была продемонстрирована положительная связь миграции с уровнем региональных среднедушевых доходов и комфортными климатическими условиями, а также обратная связь с уровнем безработицы [7]. В исследовании Т. Гербера были представлены свидетельства того, что наиболее важными факторами, влияющими на величину межрегиональных миграционных потоков в России, являются характеристики рынка труда – заработная плата, безработица и доля убыточных предприятий [8]. В работе И. А. Алешковского на данных 2000–2004 гг. показано, что основными факторами межрегиональной миграции являются демографические особенности населения, показатели рынка труда и качества жизни в регионе [9].

В диссертационном исследовании Е. С. Вакуленко [2] на основе анализа демографических, экономических и иных данных за период с 1999 г. по 2010 г. оценивалась применимость расширенной гравитационной модели миграции для регионов РФ, городов Центрального и Сибирского федеральных округов, ряда муниципальных образований выбранных регионов. Продемонстрирована связь между миграцией и экономическими показателями территориальных единиц различного уровня. Согласно полученным автором результатам, самыми важными факторами внутренней миграции в России являются демографические показатели, среднедушевые доходы, показатели рынка труда и жилья, тогда как другие социально-экономические показатели (СЭП) оказывают менее значимое влияние.

В более поздней (2015 г.) публикации этого же автора на тех же исходных данных оценивалась регрессионная модель зависимости величин межрегиональных миграционных потоков (для 77 регионов) от демографических факторов, показателей рынка

труда, жилья, качества жизни, предоставления общественных благ, инфраструктуры и расходов консолидированных бюджетов на различные нужды. В результате был получен следующий ранжированный по степени влияния на миграцию ряд показателей: 1) демографические индикаторы; 2) обеспеченность жильем в регионе прибытия; 3) среднедушевые доходы в регионе прибытия; 4) образование; 5) уровень безработицы в регионе прибытия; 6) здравоохранение; 7) инфраструктура и другие факторы [10, с. 91]. Отметим, что помимо ранее уже неоднократно отмеченной прямой связи со среднедушевыми доходами и обратной с уровнем безработицы, в данном исследовании было показано, что приток мигрантов больше в те регионы, которые характеризуются большей обеспеченностью жильем и большим количеством студентов. Был сделан вывод о том, что стимулировать миграционную активность населения в России можно созданием благоприятных экономических зон в регионах с высокими среднедушевыми доходами, с возможностью найти жилье и работу, получить качественное образование и услуги здравоохранения [10, с. 94].

В контексте аккумуляции доступных для сопоставления количественных мер влияния отдельных СЭП на межрегиональную миграцию заслуживает упоминания также публикация 2018 г. Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, в которой сообщалось о попытке выявления факторов миграции путем расчета парных корреляций между 17 показателями социально-экономического развития регионов и коэффициентами прибытия (по данным 2015 г.) [11]. К сожалению, авторы бюллетеня привели в публикации лишь четыре из 17 возможных коэффициентов корреляции: 0.6 со среднемесячной начисленной зарплатой, 0.5 со среднедушевыми доходами и 0.4 с охватом детей дошкольным образованием и мощностью амбулаторно-поликлинических организаций [11, с. 30].

В последнее время стали появляться работы, в которых реализован более дифференцированный подход к анализу внутренней миграции, в том числе с учетом возраста [6; 12] и уровня образования [13]. Так, в работе Н. В. Мкртчяна и Е. С. Вакуленко [6] на основе анализа официальных данных 2010 г. была продемонстрирована определенная связь направлений миграционных перемещений между выделенными региональными кластерами с возрастом резидентов (при отсутствии жесткой детерминации со стороны последнего). Авторы высказывают предположение, что отсутствие ясных результатов моделирования миграции в России до настоящего времени может быть следствием игнорирования влияния возраста. Интересно отметить, что в отличие от результатов эконометрического анализа внутренней миграции в России, опубликованных ранее [10], одним из результатов данного исследования стала констатация слабой связи между межрегиональной миграцией и показателями рынка жилья [6, с. 1561]. В работе С. П. Земцова и В. М. Кидяевой показано, что для мигрантов с высшим образованием важными факторами принятия решения о перемещении являются численность занятых с высшим образованием (как индикатор спроса на квалифицированную рабочую силу) и качество жизни в регионе назначения (уровни среднедушевых доходов, безработицы, доступность жилья и обеспеченность населения жильем) [13].

Так или иначе, большинство отечественных и зарубежных авторов указывает на доминирующую роль экономических факторов (различия в зарплатах, возможность трудоустройства) в детерминации региональной миграции [3; 9; 10; 14–16]. Интерес к этой группе факторов обусловлен не только их очевидной валидностью (face validity), но и тем, что на многие из них можно целенаправленно воздействовать и, таким об-

разом, отчасти регулировать миграционные потоки. В то же время некоторые авторы указывают на известную инерционность миграционных процессов и их несводимость к действию экономических факторов [17; 18].

Обращает на себя внимание тот факт, что многие отечественные работы по данной проблематике (в том числе упомянутые выше) посвящены анализу миграционной обстановки в отдельных регионах и их миграционным связям с другими территориями [2; 10; 19 и т. д.]. Не ставя под сомнение важность детального анализа и моделирования миграционных потоков на уровне отдельных пар регионов, вместе с тем следует отметить, что он может быть подвержен влиянию случайных или идиосинкразических факторов. Полученные при этом результаты не могут быть распространены на другие регионы, что затрудняет формирование миграционной политики на общегосударственном уровне. Столь же уязвимыми могут быть выводы, сделанные на основе анализа миграционных процессов на коротких интервалах времени (как, например, в [6; 11]), поскольку они также могут быть подвержены влияниям краткосрочных турбулентностей. В связи с этим представляется важным продолжать поиск моделей, позволяющих адекватно описывать миграционные процессы на уровне всей страны.

Хотя некоторые авторы критически отзываются о математических методах моделирования миграции, включая те, которые основаны на применении множественного регрессионного анализа [20, с. 35–36], нам представляется, что их потенциал далек от исчерпания. Результатом любого моделирования должно быть построение системы показателей, максимально точно описывающей интенсивность и направление миграционных потоков. При этом потенциальные пользователи таких моделей должны иметь возможность обоснованного выбора наиболее эффективной (в контексте решения конкретной практической задачи) среди них, что предполагает расчет сопоставимых индексов качества моделей. Однако известные нам публикации по вопросам моделирования межрегиональных миграций в России редко содержат такие индексы, отдавая предпочтение нарративу или произвольной кластеризации регионов по степени их привлекательности для мигрантов. Разумеется, как справедливо отмечается рядом авторов [3; 5], у регрессионных моделей, рассчитываемых на основе официально публикуемых региональных показателей, имеются недостатки и уязвимости. Вместе с тем их достоинством является то, что их качество может быть количественно оценено с помощью коэффициента детерминации (R^2 или скорректированного R^2) и они всегда могут быть подвергнуты независимой проверке и коррекции на основе более полных или уточненных данных. Наконец, вопреки утверждениям, что регрессионные модели исходят из предположения о неизменности влияния того или иного показателя на миграцию, ничто не мешает рассчитывать их в динамике и, таким образом, выявлять тенденции в миграционных процессах.

Ранее на данных, полученных в ходе онлайн-тестирования резидентов 78 субъектов Российской Федерации, нами с помощью корреляционного и регрессионного анализов было показано, что перечень факторов притяжения мигрантов в России на межрегиональном уровне, по-видимому, должен быть дополнен (по крайней мере, в России) таким ранее игнорируемым фактором, как агрегированные психологические особенности принимающего региона [21]. В настоящей работе предпринята попытка на том же подмножестве регионов и с помощью аналогичных вычислительных процедур количественно оценить вклад в сальдо миграции факторов, которые традиционно рассматриваются специалистами различных профилей в качестве ос-

новых ее движущих сил, а именно: социально-экономических и демографических (далее по тексту будут обозначаться как СЭП). Получение таких оценок позволило бы не только выявить наиболее значимые из них и сопоставить полученные результаты с результатами других авторов, но и сравнить силу их влияния (прогностичность) с психологическими предикторами.

Вторая цель нашего исследования состоит в том, чтобы определить, обладают ли психологические характеристики населения принимающего региона инкрементной валидностью при прогнозировании регионального сальдо миграции относительно комплекса СЭП. Если окажется, что информативность психологических переменных не «растворяется» в СЭП, это может указывать на потенциал повышения точности моделей региональной миграции в случае их дополнения такими переменными.

Данные и методы

Процедура онлайн-тестирования на сайте mil.ru¹, подготовки к включению в анализ протоколов выполнения когнитивного и личностного тестов респондентами всех субъектов Российской Федерации, а также расчета региональных психологических оценок, была описана ранее [21; 22] и здесь не дублируется. Семь субъектов Российской Федерации (Республика Ингушетия, Магаданская область, Чукотский, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа, Республика Крым и г. Севастополь) были исключены из анализа ввиду малого числа респондентов (менее 250), лагун в данных или относительно невысокой доли автохтонного населения. Кроме того, было признано целесообразным пары субъектов Москва – Московская область и Санкт-Петербург – Ленинградская область попарно объединить и рассматривать в качестве единых территориальных социально-экономических систем. В результате этой селекции и реструктуризации в дальнейший анализ были включены результаты выполнения когнитивной и личностной методик 206363 респондентами, представлявшими 78 субъектов Российской Федерации, сведенных к 76 регионам. Из 11 рассчитанных по результатам тестирования психологических показателей значимые связи с региональными значениями коэффициентов миграционного прироста (КМП) продемонстрировали шесть, а именно: интеллект, ассертивность (As), антагонизм (Ant), расторможенность (Di), атипичность (AR) и вариативность (Var) ответов [22].

Поскольку региональные психологические показатели (РПП) были получены путем усреднения оценок посетителей сайта за период 2012–2019 гг., представлялось естественным сопоставить их с индексами, характеризующими социально-экономическое развитие и миграционные процессы в регионах России за тот же период времени. Дополнительным аргументом в пользу включения в анализ данных этого периода является то, что методика расчета данных о региональной миграции в 2011 г. подверглась основательной ревизии, но в последующем существенно не менялась. Таким образом, усреднение всех СЭП за восьмилетний период обеспечивает сопоставимость с процедурой накопления психологических данных и сглаживание возможных флюктуаций, вызванных внешними причинами либо изменениями в качестве их учета.

Отбор СЭП для построения моделей миграции на региональном уровне осуществлялся на основании результатов анализа публикаций по данной проблематике, в том числе упомянутых выше. Приоритет отдавался индикаторам социально-эко-

¹ Информация для кандидата // Министерство обороны Российской Федерации [сайт]. URL: https://contract.mil.ru/enlistment_contract/info.htm (дата обращения: 27.01.2022).

номического развития регионов, упоминавшимся в контексте выявления факторов миграции в России. Основным источником данных о сальдо миграции и иных релевантных СЭП служили выпуски статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели» (РР СЭП), публикуемые Росстатом². Абсолютное большинство числовых значений СЭП, включая коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения, бралось непосредственно из этих сборников; два показателя были получены путем дополнительных преобразований исходных данных (см. ниже); региональные оценки уровня убийств, стоимости жилья, а также коэффициенты Джини извлекались из ЕМИСС^{3, 4, 5}. Поскольку распределение пяти из 16 СЭП существенно отличалось от нормального (абсолютная величина коэффициента асимметрии превышала 1.0), такие показатели логарифмировались и включались в расчет регрессионных моделей в виде либо «сырых», либо логарифмированных значений (табл. 1).

Показатель «Среднедушевые денежные доходы населения, скорректированные на прожиточный минимум», рассчитывался как отношение двух исходных индексов, что позволяло элиминировать вклад инфляции.

Показатель «Доступность жилья для жителя региона» рассчитывался следующим образом: из справочного значения среднедушевых денежных доходов вычиталась величина прожиточного минимума (оба значения – по данным Росстата), разность умножалась на 12 и делилась на среднюю стоимость 1 кв. м жилья на первичном рынке (ЕМИСС). В результате получалось условное количество квадратных метров жилой площади в новостройке, которое может себе позволить «приобрести» на совокупный годовой доход (после вычета минимально необходимых расходов) среднестатистический житель региона.

На заключительном этапе исследования была оценена также связь с миграцией такого показателя, как «Ввод в действие жилых домов (кв. м общей площади жилых помещений) на 1 000 человек населения» (ВводЖ) (по данным Росстата), однако ввиду его особого статуса он не рассматривался нами в качестве предиктора.

Пригодность избранных СЭП для корреляционного и регрессионного анализа оценивалась по коэффициентам надежности средних и годовых индексов, рассчитанным с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics, v. 22 (процедура «Анализ надежности» в разделе «Шкалы»). Основные процедуры статистического анализа данных выполнялись с помощью статистического пакета StatSoft STATISTICA, v. 8 (разделы «Basic statistics», «Nonparametrics», «Multiple Regression»).

---

² Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 27.01.2022).

³ Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти в расчете на 100 000 населения за год // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: fedstat.ru/indicator/31270 (дата обращения: 27.01.2022).

⁴ Средняя цена 1 кв. м общей площади квартир на рынке жилья // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: fedstat.ru/indicator/31452 (дата обращения: 27.01.2022).

⁵ Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: fedstat.ru/indicator/31165 (дата обращения: 27.01.2022).

Таблица 1.

СЭП, возможное влияние которых на миграционные процессы в регионах России оценивалось в настоящем исследовании

Table 1.

Socioeconomic indicators, which probable influence on migratory processes in regions of Russia it was estimated in this study

Социально-экономические показатели	Источник	Обозначение	Коэффициент асимметрии до/после логарифмирования
Уровень занятости, в %	РР СЭП	Зан	-0,35
Уровень безработицы, в %**	РР СЭП	Безр	2,25 / 0,48
Среднедушевые денежные доходы населения, скорректированные на прожиточный минимум*	РР СЭП	СДД/ПМ	0,67
Коэффициент Джини	ЕМИСС	Джини	0,42
Доля занятого населения с высшим образованием**	РР СЭП	ЗанВО**	1,11 / 0,65
Валовой коэффициент охвата дошкольным образованием	РР СЭП	ОДшО	-1,17
Число студентов, обучающихся по программам высшего образования на 10 000 чел. населения	РР СЭП	СтудВО	0,81
Удельный вес городского населения в общей численности населения	РР СЭП	Урб	-0,74
Общая площадь жилых помещений, приходящая в среднем на одного жителя	РР СЭП	ОбЖ	-0,83
Доступность жилья в новостройках (для жителя региона)*	РР СЭП, ЕМИСС	ДстЖ	0,52
Численность врачей всех специальностей на 10 000 чел. населения	РР СЭП	Врачи	0,20
Мощность амбулаторно-поликлинических организаций	РР СЭП	МАПО	0,09
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	РР СЭП	ОПЖ	-0,04
Общий коэффициент рождаемости**	РР СЭП	Рожд	2,21 / 1,32
Коэффициент младенческой смертности**	РР СЭП	МлСм	1,79 / 0,76
Количество убийств в расчете на 100 000 чел. населения**	ЕМИСС	Уб	2,16 / 0,90

Примечание: * – расчетные показатели; ** – показатели, включавшиеся в расчет регрессионных моделей либо в сыром, либо в логарифмированном виде

Результаты

Проверка надежности годовых и усредненных значений СЭП в период 2012–2019 гг. осуществлялась путем расчета коэффициентов альфа Кронбаха и внутриклассовой корреляции для единичных мер [23]. Анализ показал, что надежность СЭП характеризуется следующими коэффициентами: альфа – от 0.944 до 1.000; ICCa – от 0.680 до 0.999. Наименьшие оценки надежности продемонстрировал коэффициент младенческой смертности; наибольшие – доля городского населения. Таким образом, все включенные в исследование СЭП обладают приемлемыми значениями надежности и признаны пригодными для проведения намеченного анализа.

Проверка усредненных значений СЭП на коллинеарность (табл. 2) показала, что ни одна из парных корреляций не достигает уровня 0.8 по модулю; наиболее тесной ($r = -0.79$) оказалась отрицательная связь между такими разнородными показателями, как общий коэффициент рождаемости и обеспеченность жилплощадью. Таким образом, не выявлено каких-либо ограничений на включение СЭП в регрессионный анализ (за исключением одновременного включения сырых и логарифмированных значений одного и того же СЭП). Ввиду отмеченных выше существенных отличий распределения почти половины СЭП от нормального, в табл. 2 наряду с коэффициентами линейной корреляции Пирсона приведены также коэффициенты ранговой корреляции Спирмена.

Для оценки силы совокупного влияния комплекса региональных СЭП на миграцию был использован математический аппарат пошаговой множественной регрессии [24, с. 84–117].

Из множества рассчитанных вариантов регрессионных уравнений ниже приводятся лишь те, которые приводили к формированию модели, включающей предикторы со значимыми вкладами и обеспечивающей максимальный коэффициент множественной детерминации.

1. Моделирование миграционных процессов по региональным СЭП

Если в пошаговую процедуру включать исключительно сырые значения СЭП, наилучшее предсказание КМП обеспечивает комбинация шести предикторов: СДД/ПМ ($\beta = 0.53$, $p < 0.001$), ДстЖ ($\beta = -0.36$, $p = 0.004$), Безр ($\beta = -0.48$, $p = 0.009$), МАПО ($\beta = 0.27$, $p = 0.009$), Рожд ($\beta = 0.42$, $p = 0.024$) и ОбЖ ($\beta = 0.30$, $p = 0.049$); общая информация о модели: $R = 0.695$; $R^2 = 0.483$; скорректированная величина коэффициента детерминации $R^2_{adj} = 0.438$ [$F(6, 69) = 10.761$, $p < 0.00001$].

При замене части сырых значений СЭП логарифмированными наилучшее предсказание КМП обеспечивает комбинация четырех предикторов: СДД/ПМ ($\beta = 0.49$, $p = 0.001$), LN Безр ($\beta = -0.38$, $p = 0.003$), ДстЖ ($\beta = -0.28$, $p = 0.024$), МАПО ($\beta = 0.20$, $p = 0.042$); общая информация о модели: $R = 0.678$; $R^2 = 0.460$; скорректированная величина коэффициента детерминации $R^2_{adj} = 0.430$ [$F(4, 71) = 15.125$, $p < 0.00001$].

Исходя из этого, лучшие из моделей, основанных на СЭП, описывали около 46–48% дисперсии региональных КМП (43–44% – если оценивать качество моделей по скорректированному коэффициенту детерминации).

Следует отметить, что в обеих моделях Тюменская и Калининградская области характеризуются максимальными остатками (т. е. в этих двух регионах точность модели относительно низка, что указывает на действие иных, неучтенных в модели факторов).

2. Оценка инкрементной валидности РПП относительно СЭП

Как было показано в [22], качество модели прогнозирования КМП для 76 регионов, основанной исключительно на РПП, характеризуется коэффициентом детерминации 0.469 ($R^2_{adj} = 0.431$). В случае исключения Тюменской области, демонстрирующей свойства статистического аутлайера (выброса), коэффициент детерминации возрастает до 0.483 ($R^2_{adj} = 0.446$).

Особенность этого этапа расчетов состояла в том, что на первом шаге в пошаговую процедуру вводились предсказанные значения КМП регионов, рассчитанные с помощью наилучшего уравнения, основанного на комбинации СЭП (см. п. 1), после чего пошагово добавлялись психологические переменные.

Качество лучшей модели прогнозирования КМП на основе комплекса не логарифмированных СЭП характеризовалось коэффициентом детерминации 0.483 ($R^2_{adj} = 0.438$). После ввода РПП было получено уравнение регрессии, включившее дополнительно показатели Di ($\beta = -0.48$, $p = 0.002$), Ne ($\beta = -0.90$, $p = 0.002$), AR ($\beta = 0.85$, $p = 0.006$) и Var ($\beta = 0.30$, $p = 0.014$); общая информация о модели: $R = 0.758$; $R^2 = 0.574$; скорректированная величина коэффициента детерминации $R^2_{adj} = 0.544$ [$F(5, 70) = 18.882$, $p < 0.00001$]. Таким образом, добавление РПП к модели, построенной на основе «сырых» значений СЭП, повышает точность прогнозирования КМП на 19–22% ($\Delta R^2 = 0.091$; $\Delta R^2_{adj} = 0.098$). По сравнению с «чистой» РПП-моделью, описанной в [22], в данном случае в число психологических предикторов – наряду с расторможенностью, атипичностью и вариативностью ответов – с ожидаемо отрицательным бета-коэффициентом включается шкала нейротизм (Ne), заместившая шкалы ассертивности и антагонизм.

Уравнение прогнозирования КМП на основе комплекса частично логарифмированных СЭП характеризовалось коэффициентом детерминации 0.460 ($R^2_{adj} = 0.430$). После ввода РПП было получено уравнение регрессии, включившее те же показатели: Ne ($\beta = -0.85$, $p = 0.004$), Di ($\beta = -0.44$, $p = 0.004$), AR ($\beta = 0.80$, $p = 0.005$) и Var ($\beta = 0.29$, $p = 0.021$); общая информация о модели: $R = 0.743$; $R^2 = 0.552$; скорректированная величина коэффициента детерминации $R^2_{adj} = 0.520$ [$F(5, 70) = 17.240$, $p < 0.00001$].

В данном случае добавление РПП повышает точность прогнозирования КМП, обеспечиваемого моделью, основанной на логарифмированных значениях СЭП, на 20–21% ($\Delta R^2 = 0.092$; $\Delta R^2_{adj} = 0.090$).

Отметим, что и в дополненных психологическими переменными моделях Тюменская и Калининградская области характеризуются максимальными остатками. Следовательно, имеются основания предполагать, что в основе низкой точности предсказания миграции в обоих регионах лежит не низкое качество моделей, а, скорее всего, действие идиосинкразических факторов.

3. Связь между миграционным приростом и вводом в действие жилья

Напомним, что среди 16 СЭП, рассматриваемых в качестве потенциальных предикторов миграционных потоков, максимально тесные связи с КМП продемонстрировали логарифмированные значения СДД/ПМ ($r = 0.580$) и уровня безработицы ($r = -0.561$) (табл. 2).

На этом фоне связь с КМП показателя «ввод жилья», иллюстрируемая диаграммой рассеяния на рис. 1, оказалась значительно более тесной ($r = 0.725$). Интерпретацию данного феномена мы попытаемся дать в следующем разделе.

Таблица 2.

Взаимосвязи между усредненными СЭП, рассчитанными для 76 регионов

Table 2.

Interrelations between averaged SEI calculated for 76 regions

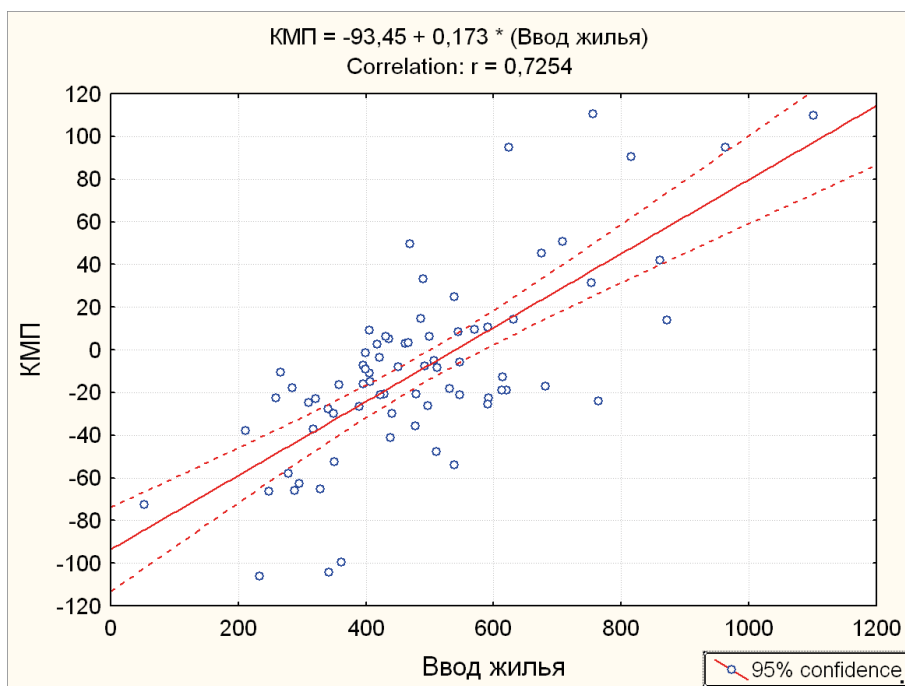
СЭП	Зан	Безр	СДД/пм	Джини	ЗанВО	ОДшо	СтВО	Урб	ОбЖ	ДстЖ	Врачи	МАПО	ОПЖ	Рожд	МлСм	Уб	КМП
Зан		-0.71**	0.51**	-0.25*	0.11	0.56**	0.15	0.70**	0.36**	0.30**	0.31**	0.23*	0.07	-0.38**	-0.51**	-0.34**	0.32**
Безр	-0.63**		-0.54**	-0.19	0.10	-0.61**	-0.30**	-0.54**	-0.69**	-0.36**	-0.13	-0.22	-0.07	0.77**	0.67**	0.59**	-0.46**
СДД/пм	0.43**	-0.55**		0.77**	0.21	0.11	0.34**	0.40**	0.29*	0.67**	0.12	-0.14	0.38**	-0.24*	-0.46**	-0.43**	0.58**
Джини	0.19	-0.21	0.74**		0.22	-0.17	0.30**	0.18	-0.12	0.48**	0.17	-0.17	0.21	0.15	-0.21	-0.04	0.39**
ЗанВО	0.08	-0.02	0.14	0.20		-0.35**	0.43**	0.00	-0.21	0.05	0.38**	-0.20	0.49**	0.15	0.02	-0.18	0.24*
ОДшо	0.54**	-0.36**	0.13	-0.20	-0.44**		-0.07	0.53**	0.55**	0.08	0.10	0.57**	-0.28*	-0.55**	-0.55**	-0.24*	0.04
СтВО	0.12	-0.26*	0.32**	0.33**	0.45**	-0.19		0.15	0.15	0.04	0.37**	-0.13	0.33**	-0.20	-0.32**	-0.37**	0.42**
Урб	0.63**	-0.34**	0.32**	0.12	-0.04	0.50**	0.04		0.31**	0.22	0.28*	0.26*	-0.15	-0.35**	-0.40**	-0.16	0.22
ОбЖ	0.26*	-0.56**	0.25*	-0.16	-0.21	0.45**	0.08	0.18		0.26*	-0.07	0.24*	0.03	-0.79**	-0.54**	-0.55**	0.29*
ДстЖ	0.24*	-0.36**	0.76**	0.50**	0.09	0.17	0.09	0.18	0.32**		-0.03	-0.24*	0.34**	-0.21	-0.29*	-0.47**	0.22
Врачи	0.32**	0.02	0.12	0.19	0.34**	-0.02	0.30**	0.29**	-0.16	-0.04		-0.18	0.02	0.02	-0.23*	-0.05	0.05
МАПО	0.22	-0.03	-0.17	-0.19	-0.23*	0.37**	-0.14	0.20	0.13	-0.19	0.14		-0.48**	-0.11	-0.17	0.22	-0.13
ОПЖ	-0.04	-0.20	0.31**	0.14	0.49**	-0.26*	0.39**	-0.24*	0.03	0.21	-0.01	-0.43**		-0.11	-0.28*	-0.66**	0.30**
Рожд	-0.18	0.54**	-0.15	0.26*	0.09	-0.29*	-0.11	-0.21	-0.73**	-0.15	0.18	0.05	-0.12		0.60**	0.67**	-0.21
МлСм	-0.40**	0.48**	-0.42**	-0.18	0.01	-0.42**	-0.25*	-0.31**	-0.40**	-0.25*	-0.18	0.05	-0.34**	0.35**		0.57**	-0.40**
Уб	-0.05	0.35**	-0.40**	-0.05	-0.41**	0.11	-0.38**	0.08	-0.30**	-0.41**	0.02	0.37**	-0.76**	0.40**	0.30**		-0.37**
КМП	0.31**	-0.59**	0.55**	0.33**	0.18	0.06	0.34**	0.26*	0.36**	0.30**	-0.06	-0.15	0.26*	-0.32**	-0.42**	-0.33**	

Примечание. Наддиагональю – коэффициенты линейной корреляции Пирсона; поддиагональю – ранговой корреляции Спирмена.

* – $p < 0.05$; ** – $p < 0.01$

Обсуждение результатов

Результаты первого этапа нашего исследования в целом согласуются с разделяемыми большинством специалистов представлениями о важной роли социально-экономических факторов в детерминации межрегиональной миграции. В таком контексте его новизна состоит лишь в том, что данный результат получен на относительно новых данных 2012–2019 гг. Благодаря усреднению данных за 8-летний период этот результат можно считать достаточно робастным и относительно независимым от краткосрочных колебаний отдельных индикаторов вследствие различных (главным образом, внешних) причин. Полезным результатом можно также считать то, что, несмотря на критику существующей системы учета миграционных процессов [14; 25; 26], данные Росстата все же продемонстрировали способность отражать существенные тенденции, пусть и с неизвестными погрешностями.

Рис. 1. Диаграмма рассеяния, иллюстрирующая связь между КМП и вводом жилья
Fig. 1. Scatterplots illustrating relations between net migration coefficients and new houses' commissioning

Следует отметить, что помимо представленных выше вариантов регрессионных уравнений, отобранных по критерию наилучшего качества подгонки модели (при условии статистической значимости на 5% уровне коэффициентов при всех объясняющих переменных), было рассчитано множество альтернативных моделей, в состав которых могли входить и другие СЭП. Неизменно значимыми предикторами в составе разнообразных моделей оказывались только *скорректированные среднедушевые доходы* и *уровень безработицы* (оба – как в сыром, так и в логарифмированном виде). Менее стабильным, но достаточно частым было вхождение в состав моделей таких СЭП, как *уровень занятости*, *доля занятых с высшим образованием*, *количество студентов*, *охват*

детей дошкольным образованием, доступность жилья, обеспеченность жильем, мощность амбулаторно-поликлинических организаций, рождаемость. Эпизодически в состав моделей входили такие показатели, как ожидаемая продолжительность жизни, младенческая смертность, уровень убийств (чаще они не достигали уровня значимости). Коэффициент Джини мог включаться в состав моделей только в случае исключения из состава потенциальных предикторов показателя СДД/ПМ. Крайне редко в числе предикторов оказывались показатели доля городского населения и обеспеченность врачами.

Таким образом, ведущую роль в прогнозировании КМП продемонстрировали СЭП, отражающие материальное благополучие населения и возможности трудоустройства – СДД/ПМ, уровни безработицы и занятости населения. Этот результат согласуется с результатами абсолютного большинства ранее выполненных исследований по моделированию миграции, в том числе основанных на данных, относящихся к иным временным интервалам. Тот факт, что во многие варианты моделей прогнозирования КМП по СЭП с ожидаемо положительными β -коэффициентами входил показатель «количество студентов, обучающихся по программам высшего образования» (СтудВО), согласуется с представлениями о том, что возможность повысить уровень образования в принимающем регионе является существенным положительным драйвером миграционных потоков [2; 6; 13; 27].

Следует отметить и то, что лишь часть СЭП-предикторов включается в регрессионные модели с тем знаком, который можно было бы ожидать, исходя из результатов ранее опубликованных исследований или рассчитанной в настоящем исследовании корреляционной матрицы (табл. 2). К числу предикторов, полярность которых в составе уравнений полностью соответствует ожиданиям – СДД/ПМ, обеспеченность жильем, доля занятых с высшим образованием, количество студентов, ожидаемая продолжительность жизни (положительные бета-коэффициенты), а также уровни безработицы, младенческой смертности и убийств (отрицательные бета-коэффициенты). В то же время некоторые СЭП входили в уравнения со знаками при коэффициентах регрессии, представляющимися, на первый взгляд, контринтуитивными. В частности, такие показатели, как доступность жилья, мощность амбулаторно-поликлинических организаций, обеспеченность врачами, обеспеченность дошкольным образованием, имея нулевые или слабopоложительные связи с КМП, в регрессионные уравнения входили всегда с отрицательными вкладами. Показатель уровня занятости (умеренно положительно коррелирующий с КМП) мог включаться на более поздних этапах в уравнения, в которых уже присутствует показатель уровня безработицы, с отрицательным бета-коэффициентом. Напротив, уровень рождаемости (отрицательно коррелирующий с КМП) обычно включался в уравнения с положительным бета-коэффициентом.

Сопоставление регионов, характеризующихся высокими и низкими ранговыми позициями по различным показателям обеспеченности, свидетельствует о том, что среди них очень высока доля регионов Северо-Западного и Приволжского федеральных округов, которые были относительно благополучными в советское время, но в настоящее время для них характерна депопуляция вследствие низкого естественного воспроизводства населения и отрицательного сальдо миграции. То есть их показатели обеспеченности, по-видимому, «растут» вследствие убыли населения и определенной инерционности количества обеспечивающих организаций и персонала. В таком контексте тезис о важности данных факторов для стимулирования миграционных потоков может быть поставлен под сомнение.

Что же касается *показателей рождаемости и занятости*, то, как можно видеть по данным, содержащимся в таблице 2, именно эти показатели связаны с некоторыми СЭП более тесно, чем все прочие (например, корреляция между Рожд и ОБЖ составляет -0.79 ; между Безр и Зан -0.71 ; между Рожд и Безр 0.77). Вероятно, Рожд и Зан играют роль переменных-супрессоров, т. е. они связывают иррелевантную часть вариативности других переменных, тем самым повышая их валидность (вклад в предсказание КМП).

Отдельного обсуждения заслуживает роль переменных, имеющих отношение к жилью. Может показаться удивительным факт, что теснота связей между региональными показателями *обеспеченности жильем, стоимости жилья⁶, доступности жилья и вводом жилья* минимальна или отсутствует: лишь три корреляции из шести достигают 5% уровня значимости, максимальная среди них составляет 0.28 (между обеспеченностью жильем и вводом жилья). Столь же невпечатляющими выглядят корреляции первых трех показателей с КМП ($0.26-0.31$), причем максимальная из них – положительная корреляция между миграционным приростом и стоимостью жилья. Из чего следует, что дороговизна жилья не останавливает мигрантов, привлекаемых в регион иными, более значимыми для них факторами. На данном фоне показатель ввод жилья оказался связан с КМП корреляцией 0.73 . Из сопоставления этих цифр можно сделать два вывода: 1) показатели рынка жилья играют относительно небольшую роль в привлечении мигрантов (т. е. наши результаты скорее подтверждают выводы Н. В. Мкртчяна и Е. С. Вакуленко, сделанные ими в работе 2019 г. [6], нежели содержащиеся в более ранних работах Е. С. Вакуленко [2; 10]); 2) связь показателя ввод жилья с КМП является скорее следствием, нежели причиной притока мигрантов в регион: поскольку большинство новостроек в современной России реализуется с привлечением труда мигрантов, постольку ввод жилья больше в тех регионах, которые характеризуются положительным сальдо миграции.

Полученный нами паттерн связей КМП с СЭП выглядит вполне правдоподобно и в целом согласуется с тем, о чем пишут многие отечественные авторы, изучающие движущие силы миграции. Это дает определенные основания рассматривать выявленные связи КМП с психологическими характеристиками тоже как заслуживающие доверия. Как нам представляется, основной вклад настоящего исследования состоит в том, что в нем впервые сопоставлены регрессионные модели межрегиональной миграции в России, рассчитанные на основе двух концептуально независимых источников данных, а именно: на психологических характеристиках населения принимающего региона и на индикаторах его социально-экономического развития. Кроме того, в исследовании получены данные, свидетельствующие об инкрементной валидности РПП по отношению к моделям, основанным на более традиционных социально-экономических показателях.

Первый корпус сведений об обнаруженной нами прогностичности психологических переменных по отношению к миграционному приросту был опубликован совсем недавно [22] и оказался настолько неожиданным, что в последующие несколько месяцев после получения такого результата мы непрерывно наращивали спектр включаемых в анализ СЭП (постепенно удвоив их число) в поисках модели, которая уверенно «затмит» прогностичность РПП. Однако результат этих усилий оказался практически нулевым: в терминах R^2 качество модели возросло несущественно (с

⁶ Данный показатель в таблицу 2 не включался, поскольку не сыграл заметной роли при моделировании КМП.

0.469 до 0.483 в случае нелогарифмированных СЭП), а в терминах скорректированно-го R^2 (R^2_{adj}) вообще не изменилось.

Прямое сопоставление РПП- и СЭП-моделей свидетельствует об их фактической прогностической эквивалентности; подтверждающие это количественные индексы представлены в первых трех графах таблицы 3.

Таблица 3.

Сравнительная эффективность рассчитанных регрессионных моделей

Table 3.

Comparative efficiency of the calculated regression models

Индексы качества моделей	Типы моделей				
	Только РПП	Нелог. СЭП	Лог. СЭП	Нелог. СЭП +РПП	Лог. СЭП +РПП
R^2	0.469	0.483	0.460	0.574	0.552
R^2_{adj}	0.431	0.438	0.430	-	-
Прирост R^2	-	-	-	0.091 (19%)	0.092 (20%)

Как видно из представленных в таблице данных, лучшая из СЭП-моделей формально превосходит РПП-модель лишь на 3% (различие не значимо); в то же время добавление психологических переменных к СЭП моделям улучшает их прогностичность на 19–20% (две последние графы таблицы 3), что является довольно существенным и практически значимым приростом.

Полученный результат выглядит еще более впечатляющим, если принять во внимание тот факт, что с точки зрения потенциала прогнозирования КМП комплекс СЭП имел в нашем исследовании явное преимущество перед РПП. Вследствие ограничений, наложенных на методологию психологического тестирования на сайте mil.ru, нам были доступны оценки лишь относительно небольшого числа психологических характеристик, среди которых отсутствовало, например, такое личностное свойство, как открытость, почти единодушно признаваемое зарубежными исследователями важнейшим предиктором как самой мобильности, так и положительного отношения к мигрантам [28; 29]. В то же время набор индикаторов социально-экономического развития региона был а) более многочисленным; б) более диверсифицированным (средний уровень интеркорреляций ниже); в) его качество опиралось на официальные данные государственной статистики.

Другими словами, психологические характеристики населения принимающего региона, даже измеренные не самым оптимальным способом, оказались столь же прогностичными в отношении миграционных процессов, как и СЭП, которые принято рассматривать в качестве основных движущих сил миграции. Более того, полученные результаты свидетельствуют о том, что РПП вносят уникальный вклад в описание миграционных процессов, который не поглощается действием других факторов (экономических, демографических, социальных).

Наше исследование не лишено ограничений. Одним из них является то, что психологические показатели регионов были рассчитаны по итогам добровольного тестирования исключительно (или в подавляющем большинстве) мужчин, что могло несколько исказить полученные результаты. Набор личностных характеристик, оцениваемых с помощью опросника ЛОСК, весьма ограничен и не охватывает всех базовых свойств, постулируемых 5- или 6-факторной моделями личности, поэтому вклад региональных психологических особенностей в прогнозирование сальдо миграции

мог оказаться недооцененным. С другой стороны, выводы относительно сопоставимой прогностичности СЭП (по сравнению с РПП) могли быть следствием возможных погрешностей их учета в некоторых регионах или неполноты их набора. Также вследствие несовершенства учета миграции мы не имели возможности дифференцировать миграционный прирост по направлениям перемещения (внутрирегиональный, межрегиональный, из-за пределов России), а также дифференцировать добровольную миграцию от организованной. Наконец, нельзя исключать, что выявленные нами связи психологических переменных с миграцией связаны с действием некоей третьей (латентной) переменной, не включенной в анализ. В ближайшее время, учитывая данные ряда недавних публикаций [30; 31], мы намерены дополнительно рассмотреть возможное влияние на миграционные процессы в России географических (в том числе природно-климатических) и иных факторов и оценить, сохраняют ли психологические переменные инкрементную валидность по отношению к моделям, включающим более широкий спектр предикторов.

Выводы

1. Большинство включенных в исследование индикаторов социально-экономического развития регионов, публикуемых Росстатом и усредненных за 8 лет, демонстрирует значимые связи с региональными коэффициентами миграционного прироста, однако их совокупное влияние описывает менее половины (44%) дисперсии региональных КМП.

2. Доступные для измерения психологические особенности принимающих регионов имеют практически такой же прогностический потенциал, описывая около 43% дисперсии региональных КМП.

3. Психологические характеристики обладают инкрементной валидностью по отношению ко всем рассчитанным в исследовании моделям прогнозирования КМП, основанным на СЭП. Таким образом, вклад психологических характеристик в прогнозирование миграционных процессов не поглощается другими факторами (экономическими, демографическими образовательными) и обеспечивает прирост точности модели на 19–20%. Модели, основанные на комбинации СЭП и РПП, описывают более половины (55–57%) дисперсии региональных КМП.

Предполагается, что повышение точности прогнозирования межрегиональных миграционных потоков благодаря учету не только социально-экономических, но и психологических факторов позволит обеспечить более эффективное управление этими потоками.

Список литературы

1. Рязанцев С. В., Мирязов Т. Р. Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1>.
2. Вакуленко Е. С. Моделирование миграционных потоков на уровне регионов, городов и муниципальных образований: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.13 / Вакуленко Е. С.; Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. Экономики». – Москва, 2013. – 28 с.
3. Дмитриев М. Г., Юдина Т. Н. Миграционные процессы: модели анализа и прогнозирования (обзор) // Труды ИСА РАН. 2017. Т. 67. № 2. С. 3–14.
4. Корепина Т. А. Сравнительный анализ подходов к моделированию миграции // Вопросы территориального развития. 2017. № 1 (36). С. 1–12.
5. Олейник Е. Б., Ивашина Н. В., Шмидт Ю. Д. Моделирование процессов миграции населения: методы и инструменты (обзор) // Компьютерные исследования и моделирование. 2021. Т. 13. № 6. С.

1205–1232. DOI: <https://doi.org/10.20537/2076-7633-2021-13-6-1205-1232>.

6. *Mkrtychyan N., Vakulenko E.* Interregional Migration in Russia at Different Stages of the Life Cycle. *Geo Journal*. 2019. Vol. 84. No. 6. Pp. 1549–1565. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10708-018-9937-5>.

7. *Andrienko Y., Guriev S.* Determinants of Interregional Mobility in Russia. Evidence from Panel Data. *Economics of Transition*. 2004. Vol. 12. No. 1. Pp. 1–27. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0967-0750.2004.00170.x>.

8. *Gerber T.* Regional Economic Performance and Net Migration Rates in Russia, 1993–2002. *International Migration Review*. 2006. Vol. 40. No. 3. Pp. 661–697. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2006.00037.x>.

9. *Алешковский И. А.* Детерминанты внутренней миграции населения в России: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Алешковский И. А.; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2007. – 27 с.

10. *Вакуленко Е. С.* Эконометрический анализ факторов внутренней миграции в России // Региональные исследования. 2015. Т. 50. № 4. С. 89–83.

11. *Трубин В., Николаева Н., Мякишева С., Хусаинова А.* Миграция населения в России: тенденции, проблемы, пути решения // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации: Социальный бюллетень. 2018. № 11. 54 с. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/16766.pdf>.

12. *Мкртчян Н. В.* Возрастной профиль внутрироссийской трудовой миграции и иных форм пространственной мобильности населения // Региональные исследования. 2018. № 1. С. 72–81.

13. *Земцов С. П., Кидяева В. М.* Факторы привлекательности регионов России для мигрантов с высшим образованием // Региональные исследования. 2020. № 1. С. 39–52. DOI: <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-1-4>.

14. *Прохоров П. Э., Эпштейн Н. Д.* Статистический анализ миграционной ситуации и факторов, влияющих на демографическую экспансию России // Статистика и экономика. 2016. Т. 13. № 6. С. 9–18. DOI: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2016-6-9-18>.

15. *Гневашева В. А.* Модели миграции // Социология и право. 2020. № 3. С. 6–11. DOI: <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2020-3-6-11>.

16. *Sanchez A. C., Andrews D.* Residential Mobility and Public Policy in OECD Countries. *OECD Journal: Economic Studies*. 2011. No. 1. Pp. 185–206. DOI: <https://doi.org/10.1787/19952856>.

17. *Инглхарт Р. Ф., Понарин Э. Д., Равлик М. В.* Регрессионные модели в оценке факторов международной миграции // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 22–33.

18. *Clark W. A. V., Maas R.* Interpreting Migration through the Prism of Reasons for Moves. *Population Space and Place*. 2015. Vol. 21. No. 1. Pp. 54–67. DOI: <https://doi.org/10.1002/psp.1844>.

19. *Олейник Е. Б., Шмидт Ю. Д., Карп Д. Б.* Отток населения из регионов Дальнего Востока России: тенденции и причины // Экономические науки. 2019. № 12 (181). С. 300–305. DOI: <https://doi.org/10.14451/1.181.300>.

20. *Рыбаковский О. Л.* Межрегиональная миграция населения (По материалам отечественной и зарубежной науки) // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 34–44.

21. *Сугоняев К. В., Радченко Ю. И., Соколов А. А.* Добровольное Интернет-тестирование как источник валидных оценок группового психометрического интеллекта // Сибирский психологический журнал. 2018. № 69. С. 6–32. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/69/1>.

22. *Сугоняев К. В.* Влияние психологических особенностей населения принимающего региона на миграционные процессы в России // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2022. № 1–2. С. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4685-2022-1-2-01>.

23. *Shieh G.* Choosing the Best Index for the Average Score Intraclass Correlation Coefficient. *Behavior Research Methods*. 2016. Vol. 48. No. 3. Pp. 994–1003. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13428-015-0623-y>.

24. *Крамер Д.* Математическая обработка данных в социальных науках: современные методы: учебное пособие / Д. Крамер; пер. с англ. И. В. Тимофеева, Я. И. Киселевой. – Москва: Академия, 2007. – 287 с. ISBN: 978-5-7695-2878-1.

25. *Чудиновских О. С., Степанова А. В.* О качестве федерального статистического наблюдения за миграционными процессами // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 1. С. 54–82. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10820>.

26. *Мкртчян Н. В.* Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 1. С. 83–99. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821>.

27. Захаров А. Б., Адамович К. А. Региональные различия в доступе к образовательным ресурсам, в академических результатах и в траекториях российских учащихся // Экономическая социология. 2020. Т. 21. № 1. С. 60–80. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-1-60-80>.

28. Dinesen P. T., Klemmensen R., Norgaard A. S. Attitudes toward Immigration: The Role of Personal Predispositions. *Political Psychology*. 2014. Vol. 37. No. 1. Pp. 55–72. DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12220>.

29. Jokela M. Personality Traits and Reasons for Residential Mobility: Longitudinal Data from United Kingdom, Germany, and Australia. *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 180. PMID: 110978. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110978>.

30. Van de Vliert E., Van Lange P. A. M. Latitudinal Psychology: An Ecological Perspective on Creativity, Aggression, Happiness, and Beyond. *Perspectives on Psychological Science*. 2019. Vol. 14. No. 5. Pp. 860–884. DOI: <https://doi.org/10.1177/17456916198580>.

31. Gotz F. M., Stieger S., Gosling S. D., Potter J., Rentfrow P. J. Physical Topography is Associated with Human Personality. *Nature Human Behaviour*. 2020. Vol. 4. No. 11. Pp. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41562-020-0930-x>.

Сведения об авторе:

Сугоняев Константин Владимирович, кандидат технических наук, доцент, ассоциированный сотрудник Института психологии Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: skv-354@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-6207-7228; PИНЦ Author ID =1143367.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07352.

Статья поступила в редакцию 09.12.2021; принята в печать 14.02.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

WHICH MATTERS MORE FOR MIGRATION: EVIDENCE FROM RUSSIAN REGIONS' DATA

Konstantin V. Sugonyaev

Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia

E-mail: skv-354@yandex.ru

For citation: Konstantin V. Sugonyaev. Which Matters More for Migration: Evidence from Russian Regions' Data. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2. No 2. Pp. 57–75. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.5>. EDN: GMBQSS.

Abstract. Many researchers of migration in Russia note deficiency of the works directed on modeling of migratory processes taking place in the country. This article is devoted to an assessment of impact power of socio-economic factors on interregional migration in Russia and to its comparison to recently found influence on this process of psychological characteristics of the accepting region population. As the aggregated at regional level estimates of intelligence, personal traits and characteristics of response style were calculated on the basis of results of online testing over 200 thousand respondents in 2012–19, indicators of socio-economic development of regions ($n=16$) are computed by averaging for the same time interval; the source of data - the Russian Federal Service of State Statistics (reference yearbooks "Regions of Russia" and the Uniform Interagency Information and Statistical System). In the analysis data of 78 subjects of the Russian Federation are included, but after association of capital agglomerations the number of regions was reduced to 76. It is established that the majority of the socio-economic indexes included in the analysis shows significant correlations with regional net migration coefficients. In general, the revealed pattern of correlations is agreed with results of other authors received on data of earlier periods of the analysis. Regression of net migration coefficients on socio-economic variables allowed calculating series of linear multifactor models. Best of these models accounted for about 44 % of a dependent variable variance. Earlier it was shown that the models calculated on the basis of limited number of aggregated psychological characteristics of the accepting region have the same level of accuracy. Moreover, addition of psychological variables to the best models based on socio-economic indexes provides essential increase of accuracy of prediction of regional net migration: the share of variance accounted for increases from 44 to 55–57 %. It is supposed that taking into account of psychological variables of the accepting region will create premises for more effective management of migratory processes.

Keywords: interregional migration, destination region, net migration, regression models, socioeconomic factors, online-testing, psychological features of population, incremental validity.

References

1. Ryazantsev S. V., Miryazov T. R. Demographic Well-Being: Theoretical Approaches to Definition and Assessment Methodology. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No. 4. P. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1>. (In Russ.)
2. Vakulenko E. S. *Modelirovaniye migratsionnykh potokov na urovne regionov, gorodov i munitsipal'nykh obrazovaniy [Modeling of migration flows at the level of regions, cities and municipalities]*: abstract of the dissertation for a candidate degree in economic sciences: 08.00.13 / Vakulenko E. S.; National Research University "Higher School of Economics." Moscow, 2013. 28 p. (In Russ.)
3. Dmitriev M. G., Yudina T. N. Migration Processes: Models of Analysis and Forecasting (Overview). *Proceedings of the Institute for Systems Analysis of the Russian Academy of Science*. 2017. Vol. 67. No. 2. Pp. 3–14. (In Russ.)
4. Korepina T. A. Comparative Analysis of Approaches to Migration Simulation. *Territorial Development Issues*. 2017. No. 1 (36). Pp. 1–12. (In Russ.)
5. Oleynik E. B., Ivashina N. V., Shmidt Yu. D. Migration Processes Modelling: Methods and Tools (Overview). *Computer Research and Modeling*. 2021. Vol. 13. No. 6. Pp. 1205–1232. DOI: <https://doi.org/10.20537/2076-7633-2021-13-6-1205-1232>. (In Russ.)
6. Mkrtchyan N., Vakulenko E. Interregional Migration in Russia at Different Stages of the Life Cycle. *Geo Journal*. 2019. Vol. 84. No. 6. Pp. 1549–1565. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10708-018-9937-5>.
7. Andrienko Y., Guriev S. Determinants of Interregional Mobility in Russia. Evidence from Panel Data. *Economics of Transition*. 2004. Vol. 12. No. 1. Pp. 1–27. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0967-0750.2004.00170.x>.
8. Gerber T. Regional Economic Performance and Net Migration Rates in Russia, 1993–2002. *International Migration Review*. 2006. Vol. 40. No. 3. Pp. 661–697. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2006.00037.x>.
9. Aleshkovsky I. A. *Determinanty vnutrenney migratsii naseleniya v Rossii [Determinants of internal migration of the population in Russia]*: abstract of the dissertation for a candidate degree in economic sciences: 08.00.05 / Aleshkovsky I. A.; Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2007. 27 p. (In Russ.)
10. Vakulenko E. S. Econometric Analysis of Factors of Internal Migration in Russia. *Regional'nyye issledovaniya [Regional Studies]*. 2015. Vol. 50. No. 4. Pp. 89–83. (In Russ.)
11. Trubin V., Nikolaeva N., Myakisheva S., Khusainova A. [Migratsiya naseleniya v Rossii: tendentsii, problemy, puti resheniya] Population migration in Russia: trends, problems, solutions. *Analytical Center for the Government of the Russian Federation: Social Bulletin*. 2018. No. 11. 54 p. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/16766.pdf>. (In Russ.)
12. Mkrtchyan N. V. Age Profile of Russian Internal Labor Migration and Other Forms of Spatial Population Mobility. *Regional'nyye issledovaniya [Regional Studies]*. 2018. No. 1. Pp. 72–81. (In Russ.)
13. Zemtsov S. P., Kidyayeva V. M. Attractiveness of the Russian Regions for Migrants with Higher Education. *Regional'nyye issledovaniya [Regional Studies]*. 2020. No. 1. Pp. 39–52. DOI: <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-1-4>. (In Russ.)
14. Prokhorov P. E., Epstein N. D. Statistical Analysis of the Migration Situation and the Factors Affecting the Russian Demographic Expansion. *Statistics and Economics*. 2016. Vol. 13. No. 6. Pp. 9–18. DOI: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2016-6-9-18>. (In Russ.)
15. Gnevasheva V. A. Models of Migration. *Sociology and Law*. 2020. No. 3. Pp. 6–11. DOI: <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2020-3-6-11>. (In Russ.)
16. Sanchez A. C., Andrews D. Residential Mobility and Public Policy in OECD Countries. *OECD Journal: Economic Studies*. 2011. No. 1. Pp. 185–206. DOI: <https://doi.org/10.1787/19952856>.
17. Inglehardt R. F., Ponarin E. D., Ravlik M. V. Regression Models in Evaluation of International Migration Factors. *Sociological Studies*. 2014. No. 11. Pp. 22–33. (In Russ.)
18. Clark W. A. V., Maas R. Interpreting Migration through the Prism of Reasons for Moves. *Population Space and Place*. 2015. Vol. 21. No. 1. Pp. 54–67. DOI: <https://doi.org/10.1002/psp.1844>.
19. Oleinik E. B., Schmidt Yu. D., Karp D. B. Outflow of Population from the Regions of the Russian Far East: Trends and Reason. *Economic Sciences*. 2019. No. 12 (181). Pp. 300–305. DOI: <https://doi.org/10.14451/1.181.300>. (In Russ.)
20. Rybakovsky O. L. Inter-Regional Migrations (Scholarly Publications in Russia and the World). *Sociological Studies*. 2011. No. 4. Pp. 34–44. (In Russ.)
21. Sugonyaev K. V., Radchenko Yu. I., Sokolov A. A. Voluntary Internet-Based Testing as a Source of

Valid Group Psychometric Intelligence Scores. *Siberian Journal of Psychology*. 2018. No. 69. Pp. 6–32. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/69/1>. (In Russ.)

22. Sugonyaev K. V. Influence of Psychological Features of the Destination Region Population onto Migratory Processes in Russia. *Scientific Review. Series 2. Human sciences*. 2022. No. 1–2. Pp. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4685-2022-1-2-01>. (In Russ.)

23. Shieh G. Choosing the Best Index for the Average Score Intra-class Correlation Coefficient. *Behavior Research Methods*. 2016. Vol. 48. No. 3. Pp. 994–1003. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13428-015-0623-y>.

24. Cramer D. *Mathematical Data Processing in the Social Sciences: Modern Methods: textbook* / D. Cramer; translation from English by I. V. Timofeeva, Ya. I. Kiseleva. Moscow: Academy, 2007. 287 p. ISBN: 978-5-7695-2878-1. (In Russ.)

25. Chudinovskikh O. S., Stepanova A. V. On the Quality of the Federal Statistical Observation of Migration Processes. *Demographic Review*. 2020. Vol. 7. No. 1. Pp. 54–82. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10820>. (In Russ.)

26. Mkrtchyan N. V. Problems in the Statistics of Internal Russian Migration Caused by Changes in Accounting Methods in 2011. *Demographic Review*. 2020. Vol. 7. No. № 1. Pp. 83–99. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821>. (In Russ.)

27. Zakharov A. B., Adamovich K. A. Regional Differences in Access to Educational Resources, Academic Results and Students' Trajectories in Russia. *Journal of Economic Sociology*. 2020. Vol. 21. No. 1. Pp. 60–80. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-1-60-80>. (In Russ.)

28. Dinesen P. T., Klemmensen R., Norgaard A. S. Attitudes toward Immigration: The Role of Personal Predispositions. *Political Psychology*. 2014. Vol. 37. No. 1. Pp. 55–72. DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12220>.

29. Jokela M. Personality Traits and Reasons for Residential Mobility: Longitudinal Data from United Kingdom, Germany, and Australia. *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 180. PMID: 110978. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110978>.

30. Van de Vliert E., Van Lange P. A. M. Latitudinal Psychology: An Ecological Perspective on Creativity, Aggression, Happiness, and Beyond. *Perspectives on Psychological Science*. 2019. Vol. 14. No. 5. Pp. 860–884. DOI: <https://doi.org/10.1177/17456916198580>.

31. Gotz F. M., Stieger S., Gosling S. D., Potter J., Rentfrow P. J. Physical Topography is Associated with Human Personality. *Nature Human Behaviour*. 2020. Vol. 4. No. 11. Pp. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41562-020-0930-x>.

Bio note:

Konstantin V. Sugonyaev, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: skv-354@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-6207-7228; RSCI Author ID =1143367.

Acknowledgments and funding:

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Project No. 19-29-07352.

Received on 09.12.2021; accepted for publication on 14.02.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.6

EDN: FQLCMS

СУБЪЕКТЫ РФ В МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ: УРОВЕНЬ УЧАСТИЯ, ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ

Ахметова (Хилажева) Г. Ф.

Институт стратегических исследований Республики Башкортостан

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

E-mail: hilazhevagf@isi-rb.ru

Для цитирования: Ахметова (Хилажева) Г. Ф. Субъекты РФ в межрегиональной трудовой миграции: уровень участия, причины и факторы // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 76–89. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.6>. EDN: FQLCMS.

Аннотация. В статье проведен анализ статистических и социологических данных об уровне участия субъектов РФ в межрегиональной трудовой миграции, ее причинах и факторах. В первой части статьи на основе данных обследования рабочей силы Росстата за десятилетний период (с 2011г. по 2021 г.) выявлены региональные особенности. Показано, что не все регионы вписываются в общероссийский тренд, который характеризуется поступательным ростом до 2018 г. (за исключением 2014 г.); снижением в 2019, 2020 гг. и определенным ростом в 2021 г., который не достиг уровня 2018 г. На динамику показателей последних двух лет сильное влияние оказала пандемия COVID-19. На уровне субъектов РФ участие занятого населения в межрегиональной трудовой миграции носит нестабильный и дифференцированный характер. В большинстве регионов примерно через каждые два-четыре года периоды роста численности временных трудовых мигрантов сменяются их снижением. Около трети регионов имеют высокий (более 10%) и средний (от 5 до 10%) уровни участия занятого населения в межрегиональной трудовой миграции. Из этих регионов выезжает в другие субъекты РФ большая часть всех временных трудовых мигрантов – около 70%. Во второй части статьи автор анализирует данные социологических исследований, проведенных в Республике Башкортостан в 2018–2019 гг. Башкортостан относится к регионам с относительно стабильной восходящей динамикой участия населения в межрегиональной трудовой миграции и лидирует (после Московской и Ленинградской областей) по абсолютной численности межрегиональных трудовых мигрантов. Согласно социологическим данным, наиболее высок уровень участия во временной трудовой миграции сельских жителей. Опираясь на методологию, предложенную Л. Л. Рыбаковским, автор выделяет факторы и причины межрегиональной трудовой миграции. К первым были отнесены состояние рынка труда, занятости; уровень доходов; уровень и качество жизни населения; ко вторым – отсутствие рабочих мест, низкая заработная плата, ограниченные возможности в удовлетворении потребностей в сфере социального развития. Занятость и доходы, по мнению автора, являются ключевыми факторами временной трудовой миграции, что косвенно подтверждается и результатами других исследований, проведенных в Республике Башкортостан, согласно которым вахтовые мигранты имеют высокий уровень неудовлетворенности именно этими сферами жизни. Перечисленные проблемы наиболее остро стоят в сельской местности, что обуславливает относительно высокий уровень участия во временной трудовой миграции сельских жителей.

Ключевые слова: межрегиональная трудовая миграция, временные трудовые мигранты, уровень участия занятого населения.

Введение

В современной России одной из распространенных форм миграционного поведения и занятости населения является временная трудовая миграция. Ее можно рассматривать как один из способов адаптации населения к сложившимся социально-экономическим условиям, кризисным явлениям в сферах труда и занятости.

Сегодня временная трудовая миграция россиян, которая может осуществляться как в пределах, так и за пределами своего региона, по своему характеру и содержанию близка двум широко распространенным в досоветский и советский периоды формам занятости. В первом случае речь идет об отходничестве крестьян царской России, масштабы которого в середине XIX в. доходили до 3–5 млн человек, а в начале XX в.

достигали среди крестьянского населения ряда губерний 80–90% [1, с. 96]. Во втором случае – о вахтовом методе работы в его традиционном понимании, который использовался с 1950–1970-х годов в Советском Союзе при разработке нефтяных и газовых месторождений [2, с.107, 108; 3, с. 19]. В современном российском законодательстве вахтовые методы работы обозначены как осуществление трудового процесса в необжитых, отдаленных районах или районах с особыми природными условиями с четко прописанными правилами и принципами организации труда и отдыха работников¹. Сегодня вахтовые методы работы используются не только в газовой и нефтяной сферах, но и в других отраслях экономики.

Согласно данным Росстата, в течение последних десяти лет (с 2011 по 2021 гг.) уровень участия занятого населения страны в межрегиональной трудовой миграции вырос с 2,7 до 4% или с 1,9 млн до 2,8 млн человек)². Рост участия россиян в межрегиональной трудовой миграции говорит о существующих проблемах на региональных рынках труда, об ограниченных возможностях россиян реализовать свой трудовой потенциал в субъектах, где они проживают. Социологические данные по Республике Башкортостан показывают, что такой вид временной занятости характерен прежде всего для жителей сельской местности, а также малых и средних городов.

Целью настоящей статьи является выявление уровня участия занятого населения российских регионов в межрегиональной трудовой миграции, а также рассмотрение причин и мотивов этого участия на основе эмпирического материала по Республике Башкортостан.

Степень изученности проблемы

Временную трудовую миграцию в контексте отходничества рассматривают Ю. М. Плюсин и его коллеги [1; 4]. Современное отходничество эти авторы определяют, как воспроизведение одной из универсальных, архаических моделей жизнеобеспечения населения царской России, а основными особенностями современного классического отхода наряду со значительной удаленностью работы от дома, сезонного (регулярного) характера занятости, нежелания менять место своего проживания, называет такие отличительные качества отходника, как его инициативность, самостоятельность, активность [4, с. 267].

Отходничество как одну из форм современных трудовых миграций с более длительным ритмом, чем маятниковые миграции, определяет Т. Г. Нефедова. Она отмечает, что в отличие от дореволюционного отходничества, в котором участвовало только сельское население, в современное отходничество включаются жители малых, средних и даже некоторых больших городов [5, с. 75].

Н. В. Мкртчяном и Ю. Ф. Флоринской дано определение временной трудовой миграции как синонима дореволюционного отходничества. Они указывают на то, что временная трудовая миграция «... предполагает выезд на заработки с периодичностью не чаще одного раза в неделю (недельный ритм), или с меньшей периодичностью, вплоть до появления дома несколько раз в год – в отпуск, на продолжительные

---

¹ «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // Консультант Плюс. Справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 20.03.2022).

² Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 25.03.2022).

праздники». Данное определение не относится к тем, кто совершает ежедневные поездки на работу или работает «сутки через трое» и т. п. [6, с. 21; 7, с. 78].

На наш взгляд, характеристики временной трудовой миграции, отмеченные Н. В. Мкртчяном и Ю. Ф. Флоринской, отражают основные принципы современной вахтовой миграции: регулярность и периодичность выездов, длительность отсутствия дома (в своем населенном пункте) от одной недели до нескольких месяцев. По нашему мнению, вахтовой можно назвать миграцию, независимо от ее направлений, выполняемых работ, географии и природно-климатических условий, в которых она осуществляется, но при условии регулярности и длительности выездов.

В зарубежных исследованиях временная трудовая миграция чаще всего описывается терминами «*long distance commuting (LDC)*» или «*fly-in/fly-out (FIFO)*», как форма организации временных работ, когда работник определенное время находится вдали от своей общины; эта форма занятости оказывает влияние как на отдающие, так и принимающие сообщества [8; 9 и др.].

При анализе причин и факторов миграции мы опирались на теоретико-методологические подходы отечественных ученых. Например, Л. Л. Рыбаковским обобщены подходы в исследовании факторов миграции, которые изложены в фундаментальных монографиях автора последних лет [10–13]. По мнению Л. Л. Рыбаковского, все многообразие факторов, которые были выделены в отечественной советской и постсоветской литературе, можно свести к восьми основным факторам: экономическим, социальным, демографическим, политическим, психологическим, этническим, природным и географическим [13, с. 239]. Каждый из них обладает широким содержанием, в который могут быть включены другие факторы с более узким содержанием.

При исследовании процессов миграции важно разграничение понятий «факторы» и «причины» миграции. По Л. Л. Рыбаковскому, отличие этих понятий состоит в том, что факторы «... влияют на явление не прямо, а опосредованно, через сознание, через психику субъекта. Именно поэтому в социальных процессах понятия «фактор» и «причина» различны: фактор сопряжен с объективными условиями, окружающими человека, а причина – с человеком, его психикой, сознанием. Здесь для объяснения механизма детерминации подходит трехчленная схема: факторы – причины – явление. Как видим, причина – промежуточное звено между фактором и действием» [13, с. 267].

Данные и методы

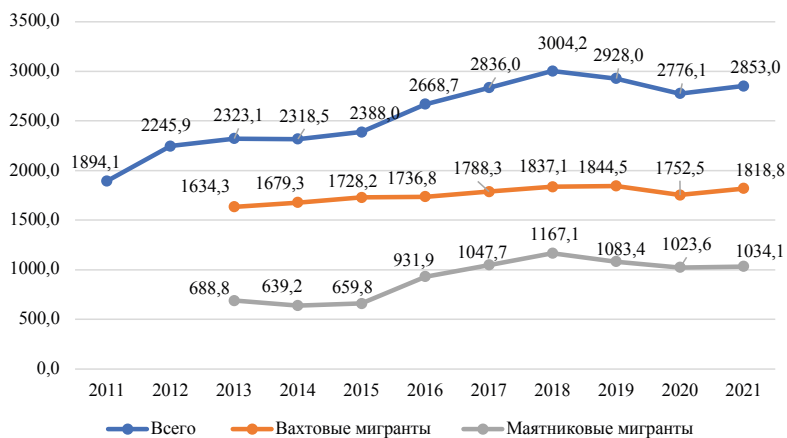
Эмпирическую базу исследования составили материалы обследования рабочей силы, которые Росстат проводит в регионах России с 2011 г.³ Они дают возможность проследить динамику уровня участия населения российских регионов в межрегиональной трудовой миграции через показатель численности лиц, временно работающих за пределами своих субъектов. Росстатом не публикуются данные о численности разных категорий трудовых мигрантов – вахтовых и маятниковых по субъектам РФ, поэтому в настоящей статье на региональном уровне (в т. ч. и по Башкортостану) приводятся данные об общей численности временных трудовых мигрантов без выделения ее отдельных категорий.

³ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения: 25.03.2022).

При анализе вопросов о факторах и причинах временной трудовой миграции в Республике Башкортостан автор опирается на данные социологических исследований, проведенных в республике при его непосредственном участии в 2018 и 2019 гг.^{4,5}

Уровень межрегиональной трудовой миграции в субъектах РФ

Как было отмечено выше, в 2021 г. в России за пределами своих субъектов временно трудились около 2,8 млн человек. Среди них примерно две трети (1,8 млн человек) составили те, кого можно отнести к вахтовым мигрантам (возвращаются домой один раз в неделю и реже) и около одной трети (1 млн) – к маятниковым мигрантам (ежедневные поездки на работу).

Рис. 1. Динамика численности временных трудовых мигрантов в России, 2011–2021 гг., человек

Fig. 1. Dynamics of the number of temporary labor migrants in Russia, 2011–2021, people

Источник: составлено автором на основе данных Росстата⁶

⁴ Социологическое исследование «Проблемы социально-демографического и социально-экономического развития Республики Башкортостан». Организатор исследования: Институт стратегических исследований Республики Башкортостан (ИСИ РБ). Объект исследования: население РБ в возрасте от 18 лет. Выборка: вероятностная, стратифицирована по типу населенного пункта и социально-экономической зоны Республики Башкортостан с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по возрасту, полу, национальности и уровню образования. Объем выборки: 1000 человек. Метод исследования: личное интервью по месту жительства. Сроки проведения: 2019 г.

⁵ Социологические исследования в рамках проекта «Внутренняя трудовая миграция жителей сел и малых городов Башкортостана: факторы и последствия», проект РФФИ, руководитель Г. Ф. Ахметова (Хилажева). Исследования были проведены в пяти сельских районах, расположенных на граничащих с другими субъектами РФ территориях республики (юго-востоке – Зилаирский, Хайбуллинский; северо-востоке – Мечетлинский; северо-западе – Краснокамский; юго-западе – Ермекеевский), а также в двух малых городах Башкортостана (г. Агидель и г. Баймак). Организатор исследования – ИСИ РБ: 1) Опрос экспертов. Объект исследования: главы сельских поселений, представители администрации районов и городских поселений. Объем выборки – 67 человек. Метод исследования: анкетирование (самозаполнение анкет). Сроки проведения: 2018 г.; 2) Опрос временных трудовых мигрантов. Объект исследования: лица, на момент проведения опроса (2016–2018 гг.) регулярно выезжающие на временные заработки из своих населенных пунктов на неделю и более. Объем выборки – 200 человек. Метод исследования: личное интервью по месту жительства. Сроки проведения: 2018 г.

⁶ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения: 25.03.2022).

Если до 2018 г. численность внутрироссийских трудовых мигрантов в стране ежегодно росла (за исключением 2014 г.) и достигла своих максимальных значений более чем в 3 млн человек, то в последующие два года стала наблюдаться тенденция сокращения их численности, затем – определенного роста в 2021 г., который все же не достиг уровня 2018 г. (см. рис.1).

В 2019 г. снижение произошло главным образом за счет маятниковых мигрантов, которых стало меньше по сравнению с предыдущим годом примерно на 85 тыс. человек. Как показывает анализ на уровне отдельных федеральных округов, снижение численности наблюдалось в Центральном и Южном федеральных округах (табл.1). Данная тенденция также имела место в 32-х субъектах РФ.

В 2020 г., первый «пандемийный» год, общероссийский тренд сокращения численности временных трудовых мигрантов усилился и коснулся практических всех федеральных округов, за исключением Уральского (за счет положительной динамики в Тюменской области) и Северо-Кавказского ФО (где незначительная убыль наблюдалась лишь в двух субъектах – Кабардино-Балкарии и Северной Осетии-Алании). Снижение численности межрегиональных мигрантов произошло в 57 субъектах РФ.

Общая численность обеих категорий лиц, работающих за пределами своих субъектов, сократилось более чем на 151 тыс. человек (маятниковых – на 60 тыс. человек; вахтовых – более чем на 92 тыс. человек. (см. рис.1).

Сложившаяся тенденция во многом была обусловлена пандемией COVID-19, которая ограничила возможности жителей в участии во временной трудовой занятости. В 2020–2021 гг. Правительством России и руководством ряда субъектов РФ, где активно используются вахтовые методы работы, был принят ряд нормативных документов, которые по-новому регламентировали вахтовую занятость^{7,8}.

Рост численности временных трудовых мигрантов в 2021 г. в целом по России (более чем на 78 тыс. человек, в т. ч. вахтовых – на 66 тыс. и маятниковых – на 10,5 тыс. человек) наблюдался не во всех округах. В Северо-Кавказском, Уральском и Дальневосточном ФО, на региональном уровне – в 31 субъекте РФ, имело место сокращение их численности по сравнению с предыдущим годом.

В целом, необходимо отметить, что с 2011 г. ситуация, когда численность мигрантов снижается по сравнению с предыдущим годом, наблюдается ежегодно примерно в 30 субъектах РФ (от 29 до 32 в разные годы). Исключением стал 2020 г., когда число таких субъектов было почти вдвое больше (57). При этом сложно выделить регионы только с нисходящей или восходящей динамикой, так как в большинстве субъектов РФ какая-то одна тенденция может сменяться другой с интервалом в два-четыре года.

Говоря об уровне участия занятого населения российских регионов в межрегиональной трудовой миграции, стоит подчеркнуть их высокую дифференциацию по данному показателю, что обусловлено особенностями социально-экономического развития. Исходя из того, какова доля занятого населения, работающего за пределами своего субъекта, все регионы РФ можно разделить на три группы: с высоким (более 10%), средним (от 5 до 10%) и низким (менее 5%) уровнем участия в межрегиональ-

⁷ Постановление Правительства РФ от 28.04.2020 N 601 (ред. от 02.12.2021) «Об утверждении Временных правил работы вахтовым методом» // Консультант Плюс. Справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 20.03.2022).

⁸ Постановление Правительства РФ от 02.12.2021 N 2177 «О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2020 г. N 601» // Консультант Плюс. Справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402395/ (дата обращения: 20.03.2022).

ной трудовой миграции. Как правило, в первую группу входят от 8 до 10 регионов. Традиционно ее возглавляют Московская и Ленинградская области, в которых ситуация отличается от других субъектов, т. к. центрами здесь выступают мегаполисы Москва и Санкт-Петербург, куда выезжают в основном маятниковые мигранты. Ежегодно к регионам с высокой долей временных трудовых мигрантов относятся республики Адыгея, Чувашия, Калмыкия, Марий Эл, в разные годы – Мордовия, Еврейская АО. Во второй группе, со средним уровнем участия, в которой численно может быть до 20 регионов, в основном представлены субъекты Центрального и Приволжского ФО. Большая часть субъектов РФ входит в третью группу регионов – группу с низким уровнем участия занятого населения в межрегиональной трудовой миграции, в ней преобладают субъекты Северо-Кавказского, Сибирского и Дальневосточного ФО.

Таблица 1.

**Динамика численности временных трудовых мигрантов
по федеральным округам, 2011–2021 гг., тыс. человек**

Table 1.

**Dynamics of the number of temporary labor migrants by federal districts,
2011–2021, thousand people**

Округ	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
РФ	1 894,1	2 245,9	2 323,1	2 318,5	2 388,0	2 668,7	2 836,0	3 004,2	2 928,0	2 776,1	2 853,0
ЦФО	1 019,3	1 016,8	1 021,4	1 001,3	1 006,1	1 274,1	1 338,0	1 486,4	1 380,7	1 299,7	1 314,5
СЗФО	82,5	196,9	199,5	188,2	207,2	202,6	259,1	227,9	233,2	216,0	226,8
ЮФО	87,5	162,3	176,4	192,2	187,2	203,6	196,5	207,1	191,7	178,3	201,0
С-КФО	83,0	92,2	106,0	106,3	111,4	86,1	104,3	108,7	121,1	143,6	134,9
ПФО	457,0	555,8	586,1	584,6	616,7	610,0	634,9	648,3	662,7	610,3	640,4
УФО	45,4	68,2	75,3	76,1	81,8	87,0	92,6	95,8	101,8	102,4	99,5
СФО	94,7	110,6	121,1	130,8	132,7	158,7	165,4	178,3	183,3	173,4	186,2
ДФО	24,7	43,1	37,2	39,1	44,8	46,6	45,1	51,7	53,4	52,5	49,7

Источник: составлено автором на основе данных Росстата⁹

Примечание: цветом выделены ячейки, в которых зафиксировано снижение численности мигрантов по сравнению с предыдущим годом

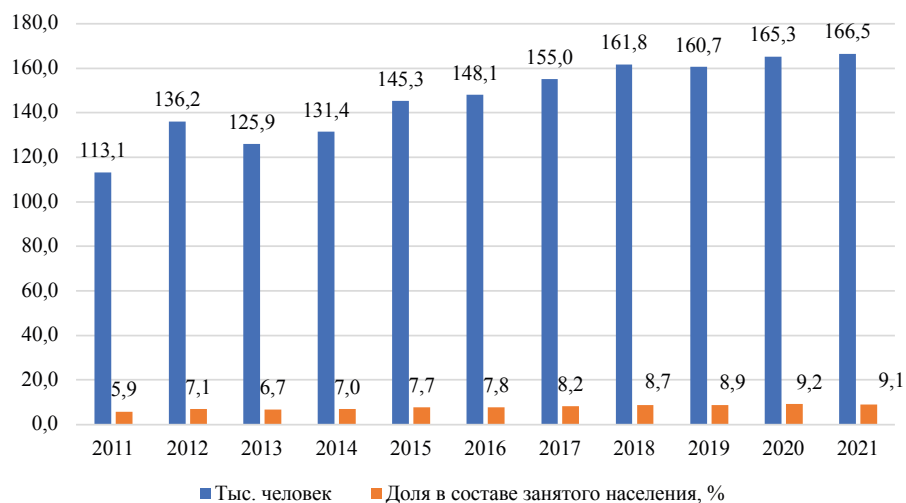
Наши расчеты показали, что из регионов с высоким и средним уровнем участия, доля которых среди всех субъектов РФ составляет около 30%, выезжают на заработки в другие субъекты РФ примерно 70% всех временных трудовых мигрантов страны [14].

Таким образом, данные обследования рабочей силы Росстата показывают, что участие россиян во временной трудовой миграции на региональном уровне носит нестабильный и дифференцированный характер. Во-первых, несмотря на общероссийский тренд роста общей численности межрегиональных трудовых мигрантов в течение последнего десятилетия (за исключением 2019 и 2020 гг.), в большинстве регионов эта тенденция не проявляется: периоды роста сменяются снижением примерно через каждые два-четыре года. Во-вторых, регионы отличаются по уровню участия занятого населения во временной трудовой миграции. Около трети регионов имеют высокий и средний уровни участия в межрегиональной трудовой миграции, которые «поставляют» в другие субъекты РФ большую часть временных трудовых мигрантов.

⁹ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения: 25.03.2022).

Причины и факторы межрегиональной трудовой миграция: оценки экспертов и трудовых мигрантов Башкортостана

К немногим регионам с относительно стабильной восходящей динамикой участия в межрегиональной трудовой миграции, в которых доля занятого населения во временной трудовой миграции приближается к высоким показателям, относится Республика Башкортостан (рис. 2). Среди российских регионов республика, наряду с Московской и Ленинградской областями, входит в число лидеров по абсолютной численности временных трудовых мигрантов.

Рис. 2. Уровень участия жителей Республики Башкортостан во временной трудовой миграции, 2011–2021 гг., %

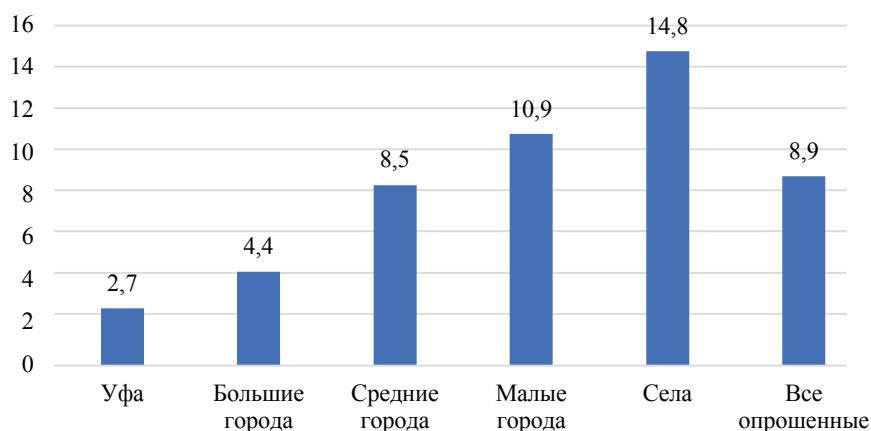
Fig. 2. The level of participation of residents of the Republic of Bashkortostan in temporary labor migration, 2011–2021, %

Источник: составлено автором на основе данных Росстата¹⁰

Социологические данные по Республике Башкортостан показывают более высокий уровень участия во временной трудовой миграции жителей сел¹¹. Результаты опросов дают возможность увидеть, что представленность вахтовиков различается по типам городов: в малых городах их доля выше, чем в средних; в средних выше, чем в больших; самый низкий уровень – в столице республики Уфе (рис. 3).

¹⁰ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения: 25.03.2022).

¹¹ Социологическое исследование «Проблемы социально-демографического и социально-экономического развития Республики Башкортостан». ИСИ РБ, 2019 г.

Рис. 3. Уровень участия респондентов во временной трудовой миграции, 2019 г., %
Fig. 3. The level of participation of respondents in temporary labor migration, 2019, %

Источник: составлено автором на основе данных социологического исследования¹²

Данные по Республике Башкортостан подтверждают общероссийскую тенденцию, обозначенную Н. В. Мкртчяном и Ю. Ф. Флоринской: чем крупнее поселение, тем ниже доля участников трудовой миграции в ней [7].

Задача по выявлению причин и факторов участия жителей сел и малых городов во внутренней трудовой миграции нами решалась на основе результатов социологических исследований: 1) опроса экспертов, в качестве которых выступили представители местной власти (районной администрации, городских и сельских поселений); 2) опроса вахтовых мигрантов – жителей сел и малых городов, которые в течение трех лет на момент проведения опроса (2016–2018 гг.) регулярно выезжали из своих населенных пунктов на временные заработки на неделю и более.

Экспертный опрос. В ходе опроса экспертов респондентам был задан открытый вопрос: «Каковы, на Ваш взгляд, причины того, что часть жителей Вашего района/поселения регулярно выезжает на временные заработки из своих населенных пунктов?». На поставленный вопрос были получены единые по своей смысловой нагрузке и содержанию ответы.

Полученные ответы о причинах участия в вахтовой миграции нами были систематизированы в три группы:

- нет рабочих мест, безработица (нет своих сельхозпредприятий в районе/поселении);
- низкая заработная плата (ищут возможность больше заработать);
- низкий уровень жизни, закредитованность. (ищут возможность жить лучше).

На следующем этапе анализа каждая из выделенных групп причин исходя из ее содержания была «привязана» к определенным «объективным условиям жизнедеятельности» (по Л. Л. Рыбаковскому) или к факторам макроуровня.

В результате были выделены четыре группы факторов, каждый из которых вел к формированию определенных причин вахтовой занятости:

¹² Социологическое исследование «Проблемы социально-демографического и социально-экономического развития Республики Башкортостан». ИСИ РБ, 2019 г.

- фактор: состояние рынка труда, сферы занятости; причина: отсутствие рабочих мест, безработица (82,5%);
- фактор: уровень доходов; причина: низкая заработная плата, ищут возможность больше заработать (41,3%);
- фактор: состояние агропромышленного комплекса; причина: нет своих сельхозпредприятий на местах (11,1%);
- фактор: уровень и качество жизни; причина: ищут возможность жить лучше (9,5%), низкий уровень жизни, закредитованность населения (3,2%).

Таким образом, опрос экспертов дал возможность выявить четыре группы факторов макроуровня, влияющих на участие местного населения в вахтовой миграции: состояние рынка труда, уровень доходов, состояние агропромышленного комплекса, уровень и качество жизни населения.

Опрос вахтовых мигрантов. В ходе опроса вахтовых мигрантов также был задан открытый вопрос о причинах вахтовой занятости: «Расскажите, пожалуйста, подробно, что послужило причиной того, что Вы стали регулярно выезжать на заработки из своего населенного пункта».

Каждый опрошенный вахтовый мигрант указывал на то, что вынужден участвовать во временной трудовой миграции из-за отсутствия работы в своем населенном пункте, низкого дохода, необходимости содержать семью, детей. Ответы участников опроса красноречиво показывают, насколько остро перед жителями сел и малых городов стоят проблемы материального, финансового характера:

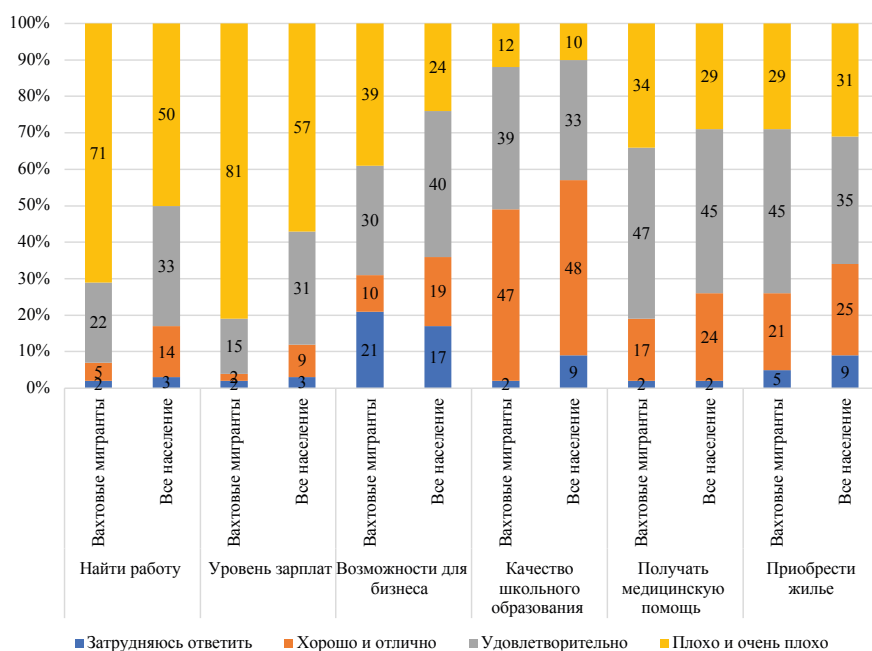
Полученные ответы нами были обработаны и объединены в семь групп:

- низкая заработная плата;
- отсутствие работы;
- нет работы с достойной заработной платой;
- для обеспечения семьи (учеба детей и т. д.);
- желание больше зарабатывать, решить финансовые проблемы;
- низкий уровень жизни, желание улучшить свое материальное положение;
- решить жилищный вопрос.

На следующем этапе группы причин были включены в сферу влияния тех или иных факторов:

- фактор: состояние рынка труда, сферы занятости; причины: нет работы (33,8%); нет работы с достойной заработной платой (14,4%);
- фактор: уровень доходов; причины: низкая заработная плата (40,6%); нет работы с достойной заработной платой, желание больше зарабатывать (14,4%);
- фактор: уровень и качество жизни; причины: для обеспечения семьи (учеба детей и т. д.) (11,3%); желание решить финансовые проблемы (5,6%); низкий уровень жизни, улучшить материальное положение (5,0%); решить жилищный вопрос (купить/построить квартиру/дом) (3,1%).

Согласно ответам временных трудовых мигрантов, основными факторами временной трудовой миграции являются проблемы в сферах занятости, уровне доходов, уровне и качестве жизни.

Рис. 4. Оценка респондентами различных сторон жизни в своем городе/селе, 2019 г., %

Fig. 4. Respondents' assessment of various aspects of life in their city/village, 2019, %

Источник: составлено автором на основе данных социологического исследования¹³

Этот вывод косвенно подтвердили и результаты другого исследования, проведенного среди жителей Республики Башкортостан в 2019 г.¹⁴ Они показали более высокий уровень неудовлетворенности основными сферами жизнедеятельности у респондентов, которые участвовали на момент опроса в вахтовой миграции (рис. 4).

Чаще всего негативные оценки («плохо» и «очень плохо») вахтовые мигранты давали в отношении двух показателей: «уровень зарплат» и «возможность найти работу». В целом по выборке эти стороны жизни также были больше всего негативно оценены, однако доля выбравших отрицательные оценки была значительно меньше, чем среди вахтовых мигрантов. Так, отрицательные оценки в отношении возможностей найти работу дали 71% вахтовых мигрантов и 50% всех респондентов, по поводу уровня зарплат – 81% первых и 57% вторых.

По другим сферам негативные оценки давались реже, однако практически по всем показателям уровень неудовлетворенности вахтовых мигрантов был значительно выше, чем в целом по выборке.

Таким образом, причины и факторы временной трудовой миграции, которые были нами выделены на основе опроса экспертов и вахтовых мигрантов, какими бы очевидными они не казались, лежат в сфере социально-экономического развития территорий.

¹³ Социологическое исследование «Проблемы социально-демографического и социально-экономического развития Республики Башкортостан». ИСИ РБ, 2019 г.

¹⁴ Социологическое исследование «Проблемы социально-демографического и социально-экономического развития Республики Башкортостан». ИСИ РБ, 2019 г.

Выделяются следующие основные факторы участия во временной трудовой миграции жителей Башкортостана: состояние рынка труда, сферы занятости; уровень доходов; уровень и качество жизни. Причины, обусловленные такими факторами, связаны с отсутствием рабочих мест, низкой заработной платой, ограниченными возможностями в удовлетворении потребностей в сферах образования, решения жилищного вопроса, желанием жить в более лучших условиях и т. д.

Косвенным подтверждением того, что занятость и доходы – ключевые факторы временной трудовой миграции населения региона, является высокий уровень неудовлетворенности респондентов-вахтовых мигрантов именно этими сферами жизни.

Заключение

В межрегиональной трудовой миграции, по данным обследования рабочей силы Росстата, участвует около 4% занятого населения или примерно 2,8 млн человек. Общероссийский тренд временной трудовой миграции можно обозначить следующим образом: поступательный рост до 2018 г. (за исключением 2014 г.); снижение в 2019, 2020 гг.; определенный рост в 2021 г., который не достиг уровня 2018 г. Выявленная тенденция проявляется не во всех субъектах РФ, что находит отражение в общих показателях временной трудовой миграции по федеральным округам.

Анализ на региональном уровне иллюстрирует нестабильность показателей временной трудовой миграции. В течение рассматриваемого периода (с 2011 г. по 2021 г.) в большинстве субъектов РФ с интервалом в два-четыре года периоды роста численности временных трудовых мигрантов сменяются их снижением. Регионы также дифференцированы по уровню участия занятого населения в межрегиональной трудовой миграции. Наименьшую долю (около трети) составляют субъекты с высоким и средним уровнем участия занятого населения, откуда, по подсчетам автора, выезжает около 70% всех временных трудовых мигрантов страны.

К немногим регионам с относительно стабильным и близким к высоким значениям межрегиональной трудовой миграции относится Республика Башкортостан. Согласно социологическим данным, в республике большую часть временных трудовых мигрантов составляют жители села. Опрос экспертов и вахтовых мигрантов показал, что основными факторами участия населения во временной трудовой миграции являются состояние рынка труда, сферы занятости; уровень доходов; уровень и качество жизни населения. Вахтовые мигранты по сравнению с другими респондентами демонстрируют наиболее высокий уровень неудовлетворенности вопросами занятости и оплаты труда. Именно эти проблемы наиболее остро стоят в сельской местности, что и обуславливает относительно высокий уровень участия сельских жителей во временной трудовой миграции.

Список литературы

1. Плюснин Ю. М. Российское отходничество: вехи многовековой истории // ЭКО. 2019. № 11. С. 94–115. DOI: <https://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2019-11-94-115>.
2. Нуйкина Е. В. Влияние вахтового метода работы на принимающие города российского севера (на примере города Воркуты) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2013. Выпуск 2 (14). С. 107–116.
3. Туракаев М. С. Социокультурные факторы воспроизводства мобильной трудовой занятости в российском регионе: на примере северо-востока Республики Башкортостан: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / Туракаев М. С.; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург,

2016. – 24 с.

4. Отходники: [монография] / Плюсин Ю. М. [и др.; науч. ред. С. Г. Кордонский]. – Москва: Новый хронограф, 2013. – 372 с. ISBN: 978-5-94881-239-7.

5. Нефедова Т. Г. Эволюция отходничества // Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. – Москва: Новый хронограф, 2016. С. 61–82. ISBN: 978-594881-367-7.

6. Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Трудовая пространственная мобильность россиян на примере жителей малых городов: препринт. – Москва: РАНХиГС, 2015. – 74 с.

7. Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 3 (43). С. 78–94. DOI: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-43-3-4>.

8. Haslam McKenzie F. M. The Socio-Economic Impacts of Long-Distance Commuting on Source Communities. In: Labour Force Mobility in the Australian Resources Industry / Haslam McKenzie F. (eds). Singapore: Springer, 2016. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-10-2018-6_2.

9. Storey. K. Fly-in/Fly-out: Implications for Community Sustainability. 2010. Vol. 2. No. 5. Pp. 1161–1181. DOI: <https://doi.org/10.3390/su2051161>.

10. Рыбаковский Л. Л. История и теория миграции населения: монография. – Москва: ИСПИ РАН, 2016-. Кн. 1: Мировые миграции: исторические фрагменты и их детерминанты. – 2016. – 210 с. ISBN: 978-5-9908112-0-1.

11. Рыбаковский Л. Л. История и теория миграции населения: монография. – Москва: ИСПИ РАН, 2016-. Кн. 2: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. – 2017. – 234. ISBN: 978-5-9500099-7-6.

12. Рыбаковский Л. Л. История и теория миграции населения: монография. – Москва: ИСПИ РАН, 2016-. Кн. 3: Теория трех стадий миграционного процесса. – 2019. – 218 с. ISBN: 978-5-907057-90-6.

13. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: (Вопросы теории). – Москва: ИСПИ РАН, 2003. – 239 с. ISBN: 5901144090.

14. Ахметова Г. Ф. Динамика трудовой миграции в Башкортостане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2. С. 265–278. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-2-265-278>.

Сведения об авторе:

Гульдар Фаритовна Ахметова (Хилажева), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института стратегических исследований Республики Башкортостан; главный специалист Научной лаборатории социальных и демографических исследований Башкирского государственного университета, Уфа, Россия.

Контактная информация: e-mail: hilazhevagf@isi-rb.ru; ORCID ID: 0000-0001-9367-0246; РИНЦ Author ID: 185209.

Статья поступила в редакцию 28.01.2022; принята в печать 01.04.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

RUSSIAN REGIONS IN INTERREGIONAL LABOR MIGRATION: LEVEL OF PARTICIPATION, CAUSES AND FACTORS

Guldar F. Akhmetova (Khilazheva)

Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan

Bashkir State University, Ufa, Russia

E-mail: hilazhevagf@isi-rb.ru

For citation: Guldar F. Akhmetova (Khilazheva). Russian Regions in Interregional Labor Migration: Level of Participation, Causes and Factors. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2. No 2. Pp. 76–89. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.6>. EDN: FQLCMS.

Abstract. The article analyzes statistical and sociological data on the level of participation of the subjects of the Russian Federation in interregional labor migration, its causes and factors. In the first part of the article, based on data from the Rosstat labor force survey for more than a decade (from 2011 to 2021), regional features are identified. It is shown that not all regions fit into the all-Russian trend, which is characterized by progressive growth until 2018 (with the exception of 2014); a decline in 2019, 2020 and a certain growth in 2021, which did not reach the level of 2018. The dynamics of the indicators of the last two years have been strongly influenced by the situation with the coronavirus pandemic. At the level of the constituent entities of the Russian Federation, the participation of the employed population in interregional labor migration is unstable and differentiated. In most regions, approximately every two to four years, periods of growth in the number of temporary labor migrants are replaced by their decline. About a third of the regions have high (more than 10%) and average (from 5 to 10%) levels of participation of the employed population in interregional labor migration. From these regions, the majority of all temporary labor migrants – about 70% – leave for other subjects of the Russian Federation. In the second part of the article, the author analyzes the data of sociological studies conducted in the Republic of Bashkortostan in 2018, 2019. Bashkortostan belongs to the regions with a relatively stable upward dynamics of population participation in interregional labor migration and leads (after the Moscow and Leningrad regions) in the absolute number of interregional labor migrants. According to sociological data, the highest level of participation in temporary labor migration of rural residents. Based on the methodology proposed by L.L. The author identifies the factors and causes of interregional labor migration. The first include the state of the labor market, employment; income level; the level and quality of life of the population; the second – lack of jobs, low wages, limited opportunities to meet the needs in the field of social development. Employment and income, according to the author, are the key factors of temporary labor migration, which is indirectly confirmed by the results of other studies in the Republic of Bashkortostan, according to which shift migrants have a high level of dissatisfaction with these areas of life. These problems are most acute in rural areas, which causes a relatively high level of participation in temporary labor migration of rural residents.

Keywords: interregional labor migration, temporary labor migrants, the level of participation of the employed population.

References

1. Plusnin Yu. M. Russian Otkhodnichestvo: Milestones of a Centuries-Old History. *ECO*. 2019. No. 11. Pp. 94–115. DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-11-94-115>. (In Russ.)
2. Nuykina E. V. Influence of Long-Distance Commute Work (LDC) on Receiving Towns in the Russian North: Case Study of Vorkuta. *Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences*. 2013. Issue 2 (14). Pp. 107–116. (In Russ.)
3. Turakaev M. S. *Sotsiokul'turnyye faktory vosproizvodstva mobil'noy trudovoy zanyatosti v rossiyskom regione: na primere severo-vostoka Respubliki Bashkortostan [Socio-cultural factors of reproduction of mobile labor employment in the Russian region: on the example of the north-east of the Republic of Bashkortostan]*: abstract of the dissertation for candidate degree in sociological sciences: 22.00.04 / Turakaev M. S.; St. Petersburg State University. St. Petersburg, 2016. 24 p. (In Russ.)
4. *Otkhodniki*: [monograph] / Plyusnin Yu. M. [et al.; sci. ed. S. G. Kordonsky]. Moscow: Novyy khronograf, 2013. 372 p. ISBN: 978-5-94881-239-7. (In Russ.)
5. Nefedova T. G. Evolyutsiya otkhodnichestva [The evolution of otkhodnichestvo]. In: *Mezhdum domom... i domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii [Between home... and home. Reverse spatial mobility of the population of Russia]* / ed. by T. G. Nefedova, K. V. Averkieva, A. G. Makhrova. Moscow: Novyy khronograf, 2016. Pp. 61–82. ISBN: 978-594881-367-7. (In Russ.)
6. Mkrtchyan N. V., Florinskaya Yu. F. *Trudovaya prostranstvennaya mobil'nost' rossiyan na primere zhitelnykh malyykh gorodov [Labor spatial mobility of Russians on the example of residents of small towns]*: preprint. Moscow: RANEPa, 2015. 74 p. (In Russ.)
7. Mkrtchyan N. V., Florinskaya Yu. F. Residents of Small and Mid-Size Towns of Russia: Labor Migration as an Alternative to Permanent Transfer. *The Journal of the New Economic Association*. 2019. No. 3 (43). Pp. 78–94. DOI: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-43-3-4>. (In Russ.)
8. Haslam McKenzie F. M. The Socio-Economic Impacts of Long-Distance Commuting on Source Communities. In: *Labour Force Mobility in the Australian Resources Industry* / Haslam McKenzie F. (eds). Singapore: Springer, 2016. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-10-2018-6_2.
9. Storey, K. Fly-in/Fly-out: Implications for Community. *Sustainability*. 2010. Vol. 2. No. 5. Pp. 1161–1181. DOI: <https://doi.org/10.3390/su2051161>.
10. Rybakovskiy L. L. *Istoriya i teoriya migratsii naseleniya [History and theory of population migration]*: monograph. Moscow: ISPR RAS, 2016-. Book 1: Mirovyie migratsii: istoricheskiye fragmenty i ikh determinanty [World migrations: historical fragments and their determinants]. 2016. 210 p. ISBN: 978-5-9908112-0-1. (In Russ.)
11. Rybakovskiy L. L. *Istoriya i teoriya migratsii naseleniya [History and theory of population migration]*: monograph. Moscow: ISPR RAS, 2016-. Book 2: Migratsiya naseleniya: yavleniye, ponyatiye, determinanty

[Population migration: phenomenon, concept, determinants]. 2017. 234. ISBN: 978-5-9500099-7-6. (In Russ.)

12. Rybakovskiy L. L. *Istoriya i teoriya migratsii naseleniya [History and theory of population migration]: monograph*. Moscow: ISPR RAS, 2016-. Book 3: *Teoriya trekh stadiy migratsionnogo protsesssa [The theory of three stages of the migration process]*. 2019. 218 p. ISBN: 978-5-907057-90-6. (In Russ.)

13. Rybakovsky L. L. *Migratsiya naseleniya: (Voprosy teorii) [Migration of the population: (Questions of theory)]*. Moscow: ISPR RAS, 2003. 239 p. ISBN: 5901144090. (In Russ.)

14. Akhmetova G. F. Dynamics of Labor Migration in the Republic of Bashkortostan. *RUDN Journal of Sociology*. 2021. Vol. 21. No. 2. Pp. 265–278. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-2-265-278>. (In Russ.)

Bio note:

Guldar F. Akhmetova (Khilazheva), Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan; Chief Specialist, Scientific Laboratory for Social and Demographic Research, Bashkir State University, Ufa, Russia.

Contact information: e-mail: hilazhevagf@isi-rb.ru; ORCID ID: 0000-0001-9367-0246; RSCI Author ID: 185209.

Received on 28.01.2022; accepted for publication on 01.04.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.7

EDN: ESNIMJ

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ: МАСШТАБЫ, СТРУКТУРА И ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ

Смирнов А. В.

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ
Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия*

E-mail: av.smirnov.ru@gmail.com

Лыткина У. В.

*Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
Сыктывкар, Россия*

E-mail: ulytkina@yandex.ru

Для цитирования: Смирнов А. В., Лыткина У. В. Международная миграция в российской Арктике: масштабы, структура и влияние пандемии // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 90–106. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.7>. EDN: ESNIMJ.

Аннотация. Рассматривается международная миграция в российской Арктике. Масштабная добывающая промышленность, сложная история заселения и освоения, пространственные и климатические особенности оказывают большое влияние на миграционные процессы в условиях Арктики. Цель исследования: оценить масштабы и структуру международного миграционного движения в арктических территориях, а также выявить их изменения, вызванные пандемией коронавирусной инфекции COVID-19. Анализ основывается на итогах переписей населения, данных региональной и муниципальной статистики, а также информации из цифровых баз данных о заболеваемости коронавирусом и миграции. Оценены масштабы международной миграции в арктических регионах в XX – начале XXI века. Генезисный состав населения показал, что значение международной миграции особенно велико для арктических территорий Западной Сибири. Выявлены изменения в миграционной подвижности населения под влиянием пандемии. Анализ половозрастного состава мигрантов и основных миграционных потоков показал, что в 2020 г. в российской Арктике интенсивность международного движения, в отличие от других видов миграции, сократилась незначительно, а в самых удаленных частях она даже увеличилась. Муниципальная статистика позволила выявить наиболее привлекательные направления для международной миграции до и во время пандемии. По итогам 2021 г. ожидается большее сокращение показателей международной миграционной подвижности в основном в результате снижения числа выъездов. Полученные результаты могут использоваться для разработки мер социально-демографической политики и построения прогнозов развития арктических территорий. Будущие исследования должны быть направлены на изучение долгосрочных последствий пандемии для международной миграции населения.

Ключевые слова: международная миграция, иностранные работники, вахтовая занятость, пандемия, российская Арктика.

Введение

Численность населения российской Арктики сокращается уже на протяжении трех десятилетий, несмотря на важность этого макрорегиона как источника природных ресурсов, морского транспортного коридора и на накопленный в арктических поселениях уникальный опыт освоения отдаленных территорий в экстремальных природно-климатических условиях. В связи с длительным миграционным оттоком населения Арктики в другие регионы страны [1] важным источником пополнения человеческого потенциала арктических регионов становится международная миграция.

Пандемия инфекции COVID-19 коронавируса SARS-CoV-2 стала главным фактором глобальных демографических изменений в 2020–2021 гг. В мире она унесла миллионы жизней, привела к закрытию границ, сокращению миграционных перемещений, экономическому спаду [2]. Изучение влияния пандемии на миграционные процессы в Арктике представляет особый интерес, поскольку арктические социумы особенно уязвимы к эпидемиям из-за концентрации населения в изолированных территориях, высокой миграционной подвижности и распространенности ряда хронических заболеваний [3].

Объект данного исследования – Арктическая зона Российской Федерации, включающая на начало 2021 г. 75 городских округов и муниципальных районов в девяти северных субъектах Российской Федерации. Статья ответит на три вопроса: (1) В чем специфика международной миграции в Арктике? (2) Каковы масштабы и структура международной миграции, включая вахтовую, в российской Арктике? (3) Как изменились международные миграционные потоки в связи с пандемией в 2020–2021 гг.?

Международная миграция в условиях Арктики

Арктическая зона Российской Федерации или российская Арктика – это макро-регион, нормативно определенный в 2014 г. После ряда расширений он включает все муниципальные образования России, примыкающие к Северному Ледовитому океану и почти все из находящихся за Северным полярным кругом, а также некоторое количество более южных¹. Численность их населения на начало 2021 г. составляет 2,6 млн человек (1,8% от населения России) при вкладе в валовой региональный продукт страны около 6%. Площадь Арктической зоны охватывает примерно 30% от территории России. В российской Арктике очень высока степень урбанизации. Почти 80% жителей проживают в нескольких больших городах и их окрестностях: Архангельск, Мурманск, Апатиты, Норильск, Ноябрьск, Новый Уренгой, Салехард и Воркута [4].

Миграционные процессы в условиях Арктики имеют свою специфику. Возрастает влияние таких факторов миграции территорий, как природно-климатические условия, пространственная удаленность от основных центров расселения, экономическая специализация поселений [5; 6]. Климатом и циклами освоения природных ресурсов обусловлена и ярко выраженная сезонность миграционных процессов в Арктике. В будущем климатические изменения могут привести к дополнительному оттоку населения, в том числе под влиянием оттаивания вечной мерзлоты, создающего риски разрушения объектов инфраструктуры [7; 8].

Можно выделить три группы населения Арктики, имеющие различные паттерны (модели) миграционного поведения. Представители коренных малочисленных народов Севера имеют низкую миграционную подвижность, перемещаются в основном внутри регионов. Старожильческое население, не являющееся представителями малых народов, обычно нацелено на отъезд в более крупные города в центральных или южных регионах страны после учебы или накопления в Арктике ресурсов для переезда. Так, студенческая молодежь Севера и Арктики, меняя место жительства, обращает внимание на слабую развитость инфраструктуры развлечений и недостаточные карьерные перспективы [9, с. 189]. Наконец, есть группа чрезвычайно мобиль-

---

¹ Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // Президент России. Официальное интернет-представительство Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45677> (дата обращения: 22.01.2022).

ного населения, прибывающего в Арктику на заработки. Благодаря им арктические регионы, в особенности на Дальнем Востоке, лидируют по относительным показателям миграционного оборота.

Различные арктические поселения и районы имеют разные закономерности миграционных процессов. Так, в добывающих районах более позднего освоения в связи с особенностями структуры занятости и тяжелыми условиями труда преобладает миграция мужского населения. Такая миграция обычно носит временный характер [10]. В ресурсных поселениях более раннего освоения (например, Воркута и Инта) силен миграционный отток, в связи с исчерпанием природных ресурсов, снижением спроса на них или ростом производительности труда. Многие арктические поселения потеряли более половины численности за последние 30 лет или даже полностью обезлюдели. Н. Ю. Замятина и А. Н. Пилясов делят нефтедобывающие территории на три группы по возрасту освоения: зоны пионерного освоения, староосвоенные зоны, зоны окружного резерва [11, с. 143]. Чаще всего добывающим поселениям не удается сменить специализацию после спада добычи.

Важная форма пространственной мобильности, распространенная в Арктике – вахтовая миграция [12]. Численность занятых вахтовым методом в некоторых отдельных районах превышает численность постоянного населения. Следует также отметить, что в Арктике расположено много территорий с регламентированным посещением для иностранных граждан. Среди них закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО) Северного флота в Мурманской области, часть островов архипелага Новая Земля и Норильск².

Методика и данные

Масштабы международной миграции населения российской Арктики в XX в. рассматривались по косвенным показателям: изменению национального состава и генезисной структуре населения – структуре по месту рождения [13]. Источником данных для этого послужили итоги переписей населения СССР и России 1939–2010 гг.³

Современная динамика и структура международной миграции оценивались по двум источникам. На уровне муниципальных образований – городских округов и муниципальных районов – использовалась База данных показателей муниципальных образований Росстата⁴, содержащая данные в разрезе видов миграции, пола и возраста по арктическим территориям с 2017 г. по 2020 г. Более ранние данные не включают муниципальные образования Чукотского автономного округа (АО).

На уровне регионов анализировались месячные данные из Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)⁵ – число прибывших

---

² Постановление Правительства РФ от 4 июля 1992 г. № 470 «Об утверждении Перечня территорий Российской Федерации с регламентированным посещением для иностранных граждан» (в редакции от 20.12.2019) // Правительство России. Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/docs/all/3403/> (дата обращения: 22.01.2022).

³ Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп Weekly. Демографический электронный журнал. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php> (дата обращения: 22.01.2022).

⁴ База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 22.01.2022).

⁵ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 22.01.2022).

и выбывших в разрезе регионов и стран прибытия/выбытия. Изучались четыре региона, полностью входящие в Арктическую зону Российской Федерации (Мурманская область, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский АО), а также Архангельская область, в арктической части которой проживает 61% населения региона. Более детальному анализу в статье подвергся Ямало-Ненецкий автономный округ, поскольку по нему доступна наиболее полная статистика о вахтовой занятости⁶.

Для выявления закономерностей протекания пандемии COVID-19 во времени применялся набор данных «Статистика коронавируса и индекса самоизоляции» из сервиса Yandex DataLens⁷, подготовленный с использованием данных Университета Джонса Хопкинса, сайта «СтопКоронавирус.рф» и сервисов Яндекса. Он включает ежедневную информацию о числе заражений и смертей, доле поисковых запросов, связанных с коронавирусом, и индексе самоизоляции с марта 2020 г. Данные, накапливаемые в государственных информационных системах и интернет-платформах, позволяют более оперативно оценивать демографические изменения [14], что особенно важно в условиях пандемии. Информация о транспортных потоках в Арктике получена из открытого набора данных сервиса по продаже билетов «Туту.ру»⁸ за апрель 2019 г.

Масштабы международной миграции в российской Арктике

История освоения Арктики накладывает отпечаток на современные миграционные процессы. До начала XX в. единственным крупным городом в российской Арктике был Архангельск. Он же и был главным центром международной миграции благодаря размеру и специализации, как портовый город и транспортный узел. О масштабах миграции косвенные данные может дать состав населения по переписи 1897 г., согласно которой 2 972 человека в Архангельской губернии указали своей религией не православие. В основном это лютеране (2 015 человек), католики (629) и иудеи (251). Среди родных языков отмечали, в частности, финский (1 276), польский (456), немецкий (309), еврейский (253), норвежский и датский (226). Однако следует учитывать, что Финляндия и Польша тогда входили в состав Российской Империи. Другой крупный портовый город – Мурманск – появился позднее, в 1916 г.

Для создания крупномасштабных добывающих производств и транспортировки природных ресурсов в советский период были основаны обширные сети постоянных поселений, некоторые из них стали большими городами. В 1930–1950-е гг. эта сеть поселений создавалась с применением принудительной миграции. Позже политика была направлена на поощрение «покорителей Севера». Они имели высокие доходы, множество льгот и гарантий, что делало северные и арктические регионы привлекательными.

Позднее, в 1990-е гг. «в связи с падением железного занавеса, распадом СССР, либерализацией всех сфер общественной жизни интенсивность миграционных перемещений существенно возрастает. Наблюдается возвращение соотечественников из стран ближнего зарубежья, в свою очередь нарастает тенденция оттока из России и ее регионов выходцев из стран дальнего зарубежья (немцы, евреи и др.) и бывших

⁶ Основные показатели рынка труда Ямало-Ненецкого автономного округа. – Салехард: Департамент занятости населения Ямало-Ненецкого автономного округа, 2020. – 27 с.

⁷ Коронавирус: дашборд // Yandex DataLens. Система визуализации данных. URL: <https://datalens.yandex/covid19> (дата обращения: 22.01.2022).

⁸ Датасет. Tutu.ru. Сервис путешествий. URL: <https://story.tutu.ru/dataset-tutu-ru-i-dannye-modeli-open-data-science/> (дата обращения: 22.01.2022).

союзных республик» [15, с. 165]. В этот период многие города и поселки обезлюдели или значительно уменьшились в численности – в основном в результате межрегиональной миграции.

В национальном составе арктических регионов преобладали русские, составляющие от 82,0 до 89,4%. Из других национальностей значительный удельный вес имели украинцы (до 8%), белорусы (до 2,2%), ненцы (до 1,5%), татары (до 1,4%) (табл. 1).

Таблица 1.

Национальный состав населения пяти арктических регионов России, 1939–2010 гг., тыс. человек

Table 1.

Ethnic composition of the population of the five Arctic regions of Russia, 1939–2010, thousand people

	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Все национальности	1 575,3	1 952,5	2 382,0	2 742,6	3 393,0	2 789,9	2 596,5
в том числе:							
русские	1408,6	1707,1	2074,6	2363,8	2813,0	2346,1	2128,2
украинцы	47,2	85,9	120,9	165,1	271,1	155,7	103,1
ненцы	19,9	19,4	24,0	24,3	28,3	34,9	38,0
татары	10,2	14,5	18,4	25,0	45,6	39,5	36,9
белорусы	15,3	39,8	49,0	57,7	74,4	40,3	24,7
азербайджанцы	0,1	0,6	1,0	2,8	9,2	16,1	15,8
чукчи	12,1	10,0	11,0	11,3	11,9	12,6	12,8
коми	14,4	12,0	14,5	14,7	15,2	14,1	11,4
молдаване	4,3	2,7	4,9	4,7	12,0	8,8	7,1
чуваши	1,3	2,8	4,7	6,4	10,9	8,5	6,8
прочие национальности	41,5	57,5	58,9	66,9	101,2	91,8	92,3
национальность не указана	0,3	0,2	0,0	0,0	0,1	21,4	119,5

Источник: составлено авторами на основе данных переписей населения⁹

Основные районы расселения всех этих национальностей находились внутри Советского Союза, поэтому такие изменения объясняются, прежде всего, внутренней миграцией и естественным движением населения. Остальные национальности не достигали 1%, что говорит об отсутствии масштабного международного прироста из других стран. Исключение – рост численности азербайджанцев после 1979 г.

Генезисная структура населения (табл. 2) показывает, что на 2010 г. 60,3% жителей арктических регионов родились в самом регионе и всего 2,6% – в других регионах Севера России. На остальные субъекты РФ приходится еще 22,5% населения. В других странах родились 11,2% жителей Арктики, подавляющее большинство из них – в странах бывшего СССР. Это значительно больше, чем по стране в целом (7,6%). В Ямало-Ненецком АО доля родившихся за пределами России достигает почти четверти населения. Среди стран преобладают: Украина (5,8% населения арктических регионов), Казахстан (1,4%), Беларусь (1,2%), Азербайджан (0,6%), Республика Молдова (0,5%), Киргизия, Узбекистан (по 0,4%), Таджикистан (0,2%). Из дальнего зарубежья лидирует Германия (0,1%).

⁹ Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп Weekly. Демографический электронный журнал. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php> (дата обращения: 22.01.2022).

Таблица 2.

Генезисная структура населения арктических регионов, 2010 г.

Table 2.

Genesis structure of the population of the Arctic regions, 2010

Место проживания	Все население	Из них имеют место рождения:					Не указано
		в самом регионе	в других северных регионах	в других регионах России	в странах бывшего СССР	в других странах	
Архангельская область	100,0	81,1	1,5	12,0	4,2	0,1	1,1
Ненецкий АО	100,0	70,9	13,2	9,9	5,7	0,1	0,2
Мурманская область	100,0	49,5	4,2	25,8	12,6	0,2	7,7
Ямало-Ненецкий АО	100,0	30,3	1,3	41,6	24,2	0,2	2,3
Чукотский АО	100,0	35,3	19,5	26,1	14,6	0,2	4,4
Арктические регионы	100,0	60,3	2,6	22,5	11,0	0,2	3,4
Справочно: РФ	100,0	-	-	-	7,6	0,3	3,2

Источник: составлено авторами на основе данных Всероссийской переписи населения 2010 г.¹⁰

В Арктике в сравнении с другими территориями России намного выше процент иностранных граждан, занятых в строительстве и добыче полезных ископаемых (рис. 1), что связано с отраслевой структурой экономики. При этом необходимо понимать, что отрасль строительства в Арктической зоне тоже зачастую связана с созданием инфраструктуры для добычи и транспортировки полезных ископаемых. В Арктике ниже процент занятых в обрабатывающих производствах, сельском и лесном хозяйстве, а также в производстве товаров и услуг для собственного потребления домохозяйств. Несколько отличаются крупные города в западной части российской Арктики. В Архангельской области высока доля мигрантов, занятых в оптовой и розничной торговле. В Чукотском АО преобладают энергетика и добыча. В остальных арктических регионах лидируют строительство и добыча полезных ископаемых.

Прежде чем рассматривать потоки международной миграции в Арктике, проанализируем связанность арктических территорий между собой и с другими частями России. Данные о транспортных потоках 2019 г., собранные цифровой платформой по продаже билетов «Туту.ру», показывают, что арктические территории обладают высокой миграционной подвижностью (табл. 3). Хотя в Арктике проживает 1,8% населения, на них приходится 3,3% перемещений на поездах, 8,9% – на авиатранспорте. Однако внутри Арктики (то есть из одного арктического населенного пункта в другой) перемещались всего 0,24 и 0,33 пассажиров соответственно. Гораздо сильнее арктические территории связаны с городами за пределами Арктики. Так, на Москву приходится 16,5% железнодорожного и 32,8% авиационного пассажиропотока Арктики. Для Санкт-Петербурга эти значения составляют 16,0 и 17,4% соответственно. Среди других неарктических городов высокой транспортной связанностью с Арктикой характеризуются Тюмень, Сыктывкар Уфа, Новосибирск. В условиях низкой связанности территорий Арктической зоны друг с другом большую роль приобретают

¹⁰ Том 1. Численность и размещение населения // Всероссийская перепись населения 2010 / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 22.01.2022).

межрегиональная и международная трудовая миграция, способные компенсировать нехватку местных трудовых ресурсов.

Рис. 1. Распределение иностранных работников по видам экономической деятельности, 2017–2019 гг.

Fig. 1. Distribution of foreign workers by type of economic activity, 2017–2019

Источник: составлено авторами на основе данных ЕМИСС¹¹

В российской Арктике наибольший миграционный обмен наблюдается с Украиной, Беларусью, Таджикистаном, Азербайджаном и Киргизией (табл. 4). Если сравнивать со структурой миграций по стране в целом, то в арктических регионах гораздо больше вклад Украины, Беларуси (особенно в Ямало-Ненецком АО) и Азербайджана. Ниже среднероссийского вклад Таджикистана, Казахстана, Армении, Молдовы. Из дальнего зарубежья арктические страны активно обмениваются населением только с Индией (Архангельская область). Украина лидирует во всех арктических регионах. В Мурманской области и Чукотском АО на Украину приходится около половины миграционного обмена, что вдвое выше среднего по России уровня.

¹¹ Численность иностранных граждан, работающих по трудовым договорам и гражданско-правовым договорам, выявленная в результате проверок // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru/indicator/58170> (дата обращения: 22.01.2022).

Таблица 3.
Транспортные потоки по направлениям перемещений в 2019 г., %

Table 3.

Transport flows by directions, 2019, %

	Авиасообщение		Железнодорожное сообщение	
	Доля направ-лений	Доля переме-щений	Доля направ-лений	Доля переме-щений
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00
Внутри Арктики	0,88	0,33	0,48	0,24
Из Арктики в остальную Россию	9,42	4,61	2,89	1,63
Из остальной России в Арктику	8,61	3,99	2,50	1,41
Внутри остальной России	81,09	91,07	94,13	96,73

Источник: составлено авторами на основе данных датасета «Туту.ру»¹²

 Таблица 4.
Международная миграция в арктических регионах, 2018–2019 гг. по странам исхода, %

Table 4.

International migration in the Arctic regions, 2018–2019 by countries of origin, %

Страна	Россия	Аркти-ческие регионы	Архангель-ская обл. без АО	Ненецкий АО	Мурман-ская обл.	Ямало-Не-нецкий АО	Чукотский АО
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Украина	24,4	39,0	31,8	40,5	47,4	33,5	52,7
Беларусь	2,9	16,5	2,9	7,6	4,6	30,2	12,4
Таджикистан	11,1	8,5	21,4	31,1	2,9	8,5	2,7
Азербайджан	4,6	7,9	8,9	6,0	9,5	6,9	1,3
Киргизия	8,1	7,3	0,4	1,2	12,4	6,0	4,5
Узбекистан	9,7	5,3	8,7	4,8	8,0	2,3	5,9
Казахстан	11,8	4,2	1,7	1,2	4,2	4,5	13,0
Армения	8,8	4,1	3,4	1,5	5,7	3,3	3,4
Молдова	4,8	2,8	1,7	5,1	1,9	3,8	2,2
Индия	1,2	1,5	11,3	0,0	0,0	0,0	0,0
Грузия	1,0	0,3	0,7	0,0	0,2	0,3	0,2
Туркмения	1,9	0,3	1,2	0,0	0,3	0,0	0,0
Турция	0,3	0,2	0,3	0,0	0,4	0,2	0,0
Германия	0,7	0,2	0,5	0,0	0,2	0,1	0,2
Китай	1,8	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0
Вьетнам	0,8	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0
КНДР	0,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Другие страны	5,4	1,8	4,9	0,9	2,4	0,4	1,7

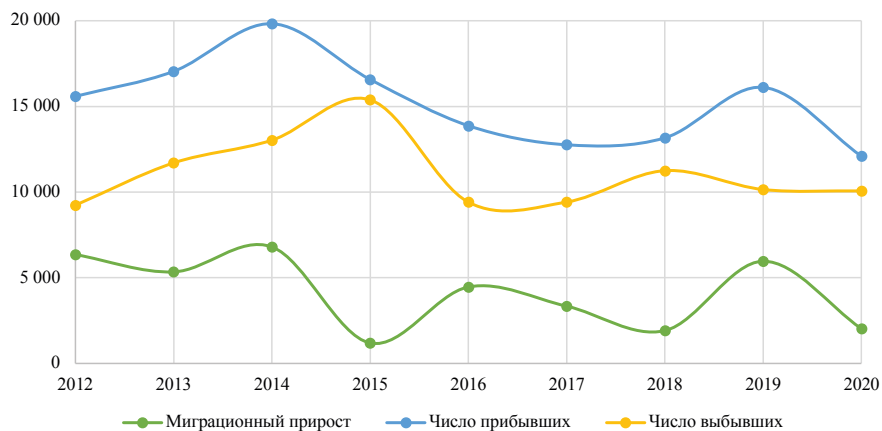
Источник: составлено авторами на основе данных Росстата¹³

На протяжении последних девяти лет сальдо международной миграции, в отличие межрегиональной, всегда было положительным (рис. 2) Максимумом число прибывших достигло в 2014 г., а в 2020 г. стало наименьшим. В абсолютном выраже-

¹² Датасет. Tutu.ru. Сервис путешествий. URL: <https://story.tutu.ru/dataset-tutu-ru-i-dannye-modeli-open-data-science/> (дата обращения: 22.01.2022).

¹³ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 22.01.2022).

нии за весь период межрегиональная убыль была примерно в пять раз больше, чем международный прирост, вследствие чего итоговая миграция была отрицательной. Более половины международного прироста в этот период приходилось на Ямало-Ненецкий АО и Мурманскую область.

Рис. 2. Показатели международной миграции в российской Арктике, 2012–2020 гг.

Fig. 2. Indicators of international migration in the Russian Arctic, 2012–2020

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата¹⁴

Вахтовую миграцию рассмотрим на примере региона, который лидирует в Арктике по использованию вахтовой формы занятости – Ямало-Ненецкого АО. Только в одном вахтовом поселке Сабетта у Карского моря создано более 30 тыс. рабочих мест, а общее число занятых вахтовым методом в регионе составило 100,7 тыс. человек в 2019 г. Из них на иностранных граждан пришлось 6,1 тыс. человек. Привлекались они в основном в добыче полезных ископаемых (2,8 тыс.), прочих видах деятельности (1,7 тыс.) и строительстве (1,2 тыс.). Больше всего иностранных граждан привлекалось в Пуровском и Ямальском районах, в Губкинском и Новом Уренгое. Среди стран, откуда официально привлекаются трудовые ресурсы в Ямало-Ненецкий АО, лидируют Сербия (984 человека), Турция (310), Босния и Герцеговина (28). В предыдущие годы заявлялась потребность в работниках из Китая, Индии, Хорватии, Филиппин и КНДР. По количеству работников лидирует сфера строительства и такие профессии, как монтажник, маляр, сварщик¹⁵.

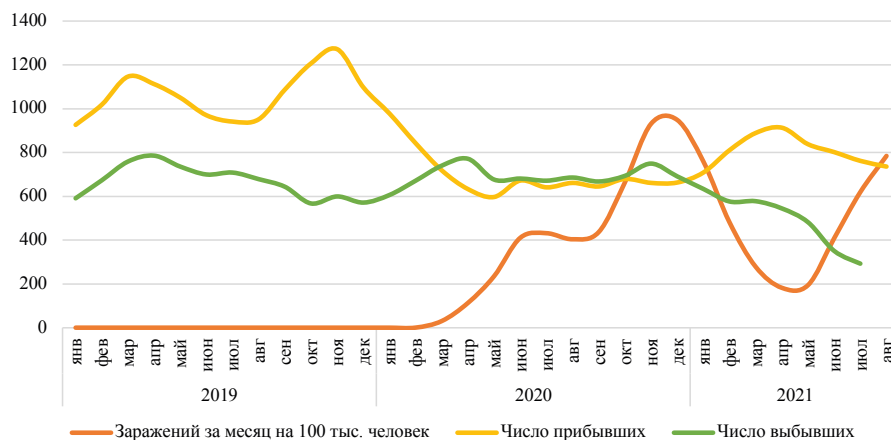
Влияние пандемии на международную миграцию в российской Арктике

На Россию приходится большая часть смертей и заражений COVID-19 в мировой Арктике. Россия также отстает по темпам вакцинации от всех зарубежных арктических территорий [16; 17]. Однако благодаря более молодому возрастному составу населения, летальность заболевания и избыточная смертность на 1 млн жителей в российской Арктике ниже, чем по России в целом.

¹⁴ База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 22.01.2022).

¹⁵ Основные показатели рынка труда Ямало-Ненецкого автономного округа. – Салехард: Департамент занятости населения Ямало-Ненецкого автономного округа, 2020. – 27 с.

Чтобы оценить влияние пандемии на показатели прибытий и выбытий, рассмотрим временные ряды заболеваемости и миграции (рис. 3). График демонстрирует, что характер изменений показателей эмиграции и иммиграции различается. Число прибывших быстрее отреагировало на рост заболеваемости, снизившись с уровня около 1 000 прибытий в месяц до 650 и стабилизировалось. Во время спада заболеваемости весной 2021 г. количество прибытий начало расти, но летом показатель вновь сократился в связи с очередным ростом числа заражений.

Рис. 3. Динамика показателей заболеваемости и международной миграции в арктических регионах по месяцам (скользящее среднее за три месяца), 2019–2021 гг.
Fig 3. Dynamics of incidence rates and international migration in the Arctic regions by months (moving average for three months), 2019–2021

Источник: составлено авторами на основе данных ЕМИСС¹⁶, Yandex DataLens¹⁷

В то же время число выбытий было на стабильном уровне до конца 2020 г. и начало серьезно сокращаться примерно на год позже, чем число прибытий. Это можно объяснить уменьшением числа людей, снятых с регистрационного учета в 2021 г. вследствие сокращения числа прибывших в 2020 г. Сильнее всего среднемесячная численность прибывших сократилась из Украины – на 148 человек (или на 41% к уровню 2019 г.) и Беларуси – на 93 человека (68%).

Статистика миграции по всей российской Арктике на региональном уровне (табл. 5) показывает, что интенсивность международной миграции в 2020 г. сократилась слабее, чем для миграции в целом (7,9 и 18,3% на 1 000 человек населения соответственно). Причем во многих арктических регионах международная миграционная подвижность даже увеличилась: в Чукотском АО и Якутии – более чем в двое, в Республике Коми – в полтора раза.

¹⁶ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru> (дата обращения: 22.01.2022).

¹⁷ Коронавирус: дашборд // Yandex DataLens. Система визуализации данных. URL: <https://datalens.yandex/covid19> (дата обращения: 22.01.2022).

Таблица 5.

Изменение миграционной подвижности населения в Арктической зоне РФ в 2020 г. к среднему уровню 2017–2019 гг., %

Table 5.

Change in the migration mobility of the population in the Russian Arctic zone in 2020 to the average level of 2017–2019, %

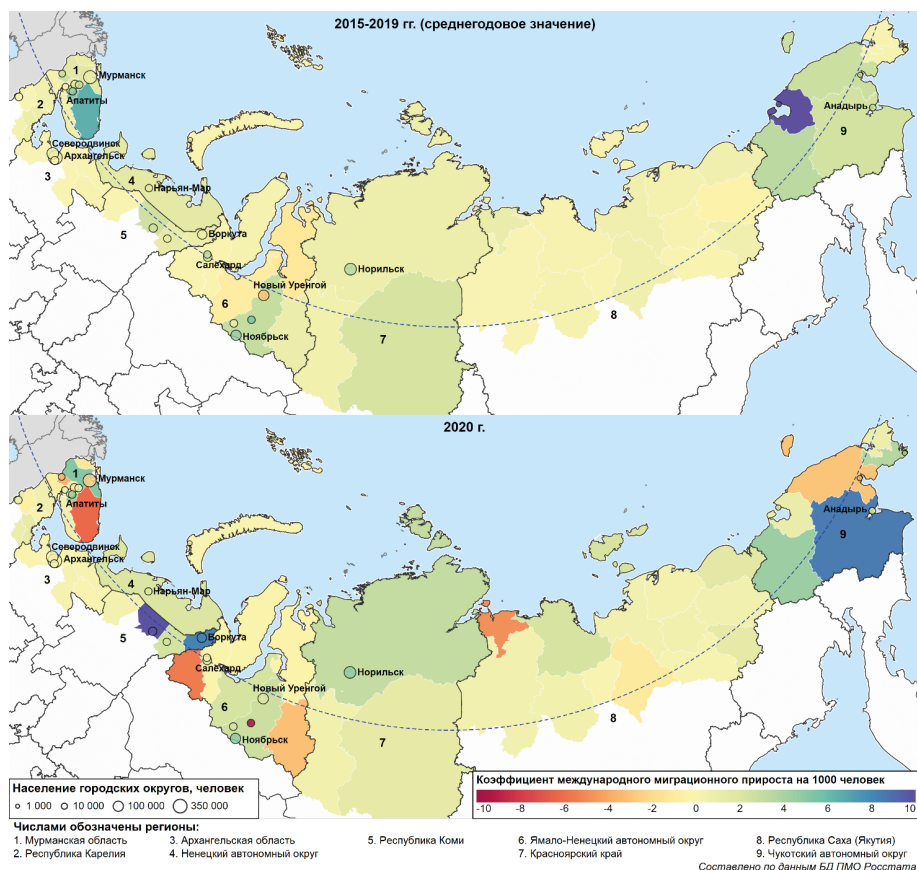
Территория	Вся миграция	Международная миграция	В том числе	
			со странами СНГ	с другими зарубежными странами
Арктическая зона РФ	-18,3	-7,9	-6,0	-46,9
Чукотский АО	-1,6	136,9	136,3	168,5
Республика Саха (Якутия)	-6,4	113,4	112,8	150,9
Республика Коми	-15,2	56,9	58,2	-33,8
Ненецкий автономный округ	-16,1	19,6	20,0	-6,9
Красноярский край	-11,5	-0,3	-0,2	-16,2
Ямало-Ненецкий АО	-21,2	-15,6	-15,4	-30,9
Республика Карелия	-18,2	-16,0	-13,9	-22,8
Мурманская область	-20,4	-23,4	-24,4	8,4
Архангельская область без АО	-23,3	-25,0	-5,6	-77,4

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата¹⁸

На уровне отдельных муниципальных образований, чтобы снизить влияние случайных факторов, рассмотрим изменение миграционного прироста к среднему уровню за пять лет (2015–2019 гг.). Лидеры среди муниципальных образований по увеличению международной подвижности: Усинск, Певек и Воркута; по уменьшению: Мурманск, Губкинский, Надымский район и Архангельск. Подвижность со странами бывшего СССР почти не изменилась, снизившись лишь на 6%, тогда как аналогичный показатель по дальнему зарубежью сократился почти вдвое. Миграционный прирост вырос сильнее всего в Воркуте, Усинске, Анадырском районе, Новом Уренгое, сократился до убыли – в Губкинском, Ловозерском районе, Певеке, Ковдорском районе, Анабарском районе, Эгвекиноте. Однако в большинстве территорий изменения были незначительными (рис. 4).

В 2020 г. изменились цели посещения Арктики иностранцами (табл. 6). В сравнении в 2017–2019 гг. повысился удельный вес въехавших с целью работы (на 10,7 п. п.), а вклад остальных целей снизился. Интересно также и то, что в отличие от российских показателей, почти не снизился удельный вес туризма, который в Арктике в основном приходится на Мурманскую область. В добывающих арктических регионах чрезвычайно высока доля вставших на миграционный учет в целях работы, особенно в азиатской части Арктики. С целью учебы в основном приезжают в Архангельскую область, где есть несколько крупных университетов. Вместе с тем в 2020 г. поток учащихся сократился примерно в 1,5 раза. Это связано с закрытием границ и прекращением авиасообщения в период пандемии как самой Россией, так и другими странами.

¹⁸ База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 22.01.2022).

Рис. 4. Международный миграционный прирост (убыль) в российской Арктике на 1 000 человек, 2015–2019 и 2020 гг.

Fig 4. International migration increase (decrease) in the Russian Arctic per 1 000 people, 2015–2019 and 2020

Источник: составлено авторами

Изменения половозрастного состава международных мигрантов рассмотрим на примере девяти муниципальных образований, на которые приходится более трех четвертей международной миграции в российской Арктике: Мурманск, Новый Уренгой, Губкинский, Норильск, Надымский район, Архангельск, Ноябрьск, Воркута, Усинск (рис. 5). Половозрастные пирамиды показывают, что снижение миграции в основном наблюдается среди прибывших мужчин в возрасте от 20 до 59 лет. Эти группы включают, прежде всего, трудовую миграцию из ближнего зарубежья. Среди выбывших заметное сокращение (примерно наполовину) как у мужчин, так и у женщин, фиксируется только в возрастах от 15 до 19 лет. Причины: карантинные мероприятия затруднили перемещения в образовательных целях, многие вузы перешли на дистанционный режим работы. Отсутствие заметных изменений в других возрастных группах можно объяснить малым временным промежутком относительно начала пандемии. В 2021 г., как было показано выше, вероятно серьезное снижение числа выбывших.

Таблица 6.

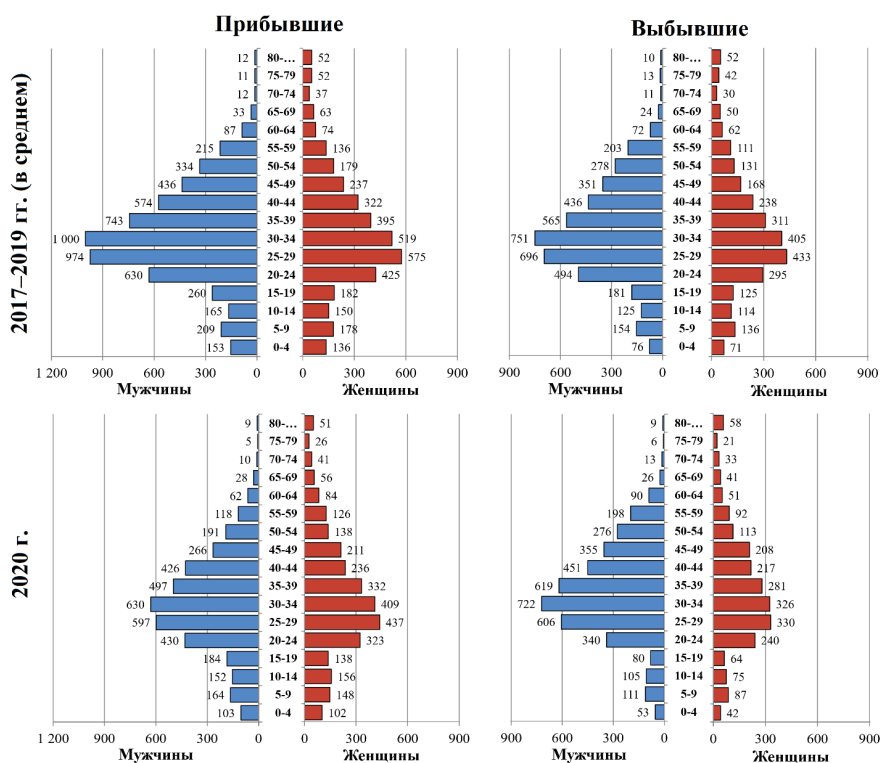
Распределение мигрантов по целям въезда, 2017–2019 и 2020 гг., %

Table 6.

Distribution of migrants by the purposes of entry, 2017–2019 and 2020, %

	2017–2019 гг.				2020 г.			
	туризм	учеба	работа	частная	туризм	учеба	работа	частная
Россия	26,5	4,5	41,8	19,6	9,2	6,3	56,4	20,8
Арктические регионы	25,0	2,8	47,2	12,4	23,4	1,6	57,9	8,5
Архангельская область	15,5	11,1	25,6	21,7	8,5	7,9	46,1	17,4
Ненецкий АО	2,1	0,6	77,1	6,3	2,8	1,6	77,9	11,4
Мурманская область	50,9	2,2	21,7	8,2	37,8	1,4	46,6	4,7
Ямало-Ненецкий АО	0,8	1,0	80,2	14,3	1,8	0,6	80,3	13,2
Чукотский АО	3,5	0,2	79,1	8,3	1,4	0,0	88,1	7,4

Источник: составлено авторами на основе данных МВД России¹⁹

Рис. 5. Половозрастной состав международных мигрантов российской Арктики, 2017–2019 и 2020 гг.

Fig 5. Age and sex composition of international migrants in the Russian Arctic, 2017–2019 and 2020

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата²⁰

¹⁹ Статистические сведения по миграционной ситуации // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 22.01.2022).

²⁰ База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 22.01.2022).

Заключение

Проведенный анализ позволил оценить масштабы международной миграции в российской Арктике и выявить основные изменения, к которым привела пандемия коронавирусной инфекции COVID-19. Международные миграционные потоки в Арктической зоне Российской Федерации продемонстрировали высокую устойчивость в отдаленных регионах, где ротация работников является фактором жизнестойкости поселений. В то же время в близких к центрам расселения западных частях российской Арктики миграционная подвижность сократилась примерно на четверть. Выявленные закономерности миграционного движения могут использоваться при построении демографических прогнозов и разработке мер социально-демографической политики.

Результаты показывают ожидаемые изменения в человеческом и трудовом потенциале арктических территорий в условиях пандемии. Для российской Арктики зачастую характерны те же проблемы трудовых мигрантов, что и для других регионов России [18]. Однако, по крайней мере, в некоторых отношениях арктические регионы имеют преимущества. Например, в связи с низкой стоимостью недвижимости в городах, которые столкнулись с оттоком постоянного населения, у мигрантов больше возможностей для покупки жилья. Кроме того, добывающая сфера является стабильным источником доходов, привлекая работников, в том числе занятых вахтовым методом. Поэтому в условиях долгосрочного сокращения численности населения российской Арктики, можно ожидать, что международная миграция останется важным источником формирования трудовых ресурсов.

Список литературы

1. Фаузер В. В., Смирнов А. В. Миграции населения российской Арктики: модели, маршруты, результаты // Арктика: экология и экономика. 2020. № 4 (40). С. 4–18. DOI: <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-4-4-18>.
2. Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие / А. В. Торкунов, С. В. Рязанцев, В. К. Левашов [и др.]. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – 248 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021>.
3. COVID-19 in the Arctic: Briefing Document for Senior Arctic Officials. Senior Arctic Officials' executive meeting, Iceland, 24–25 June 2020. Iceland: Arctic Council, 2020. 83 p. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/2473>.
4. Смирнов А. В. Население мировой Арктики: динамика численности и центры расселения // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 270–290. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.270>.
5. Фаузер В. В., Лыткина Т. С. Миграционные процессы на российском Севере // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 1 (120). С. 141–149. DOI: <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2017-16-1-141-149>.
6. Лыткина Т. С., Смирнов А. В. Вытеснение на Российском Севере: миграционные процессы и неолиберальная политика // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 94–117. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.37.94>.
7. Heleniak T. Migration in the Arctic. In: Arctic Yearbook 2014. Human Capital in the North. Akureyri: Northern Research Forum, 2014. Pp. 82–104.
8. Hamilton L. C., Saito K., Loring P. A., Lammers R. B., Huntington H. P. Climigration? Population and Climate Change in Arctic Alaska. Population and Environment. 2016. Vol. 38. Pp. 115–133. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11111-016-0259-6>.
9. Журавлев Н. Ю. Миграционное поведение студенчества северного города // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 182–193. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.14>.
10. Zamyatina N., Yashunsky A. Migration Cycles, Social Capital and Networks. A New Way to Look at Arctic Mobility. In: New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions / ed. by Laruelle M. London and New York: Routledge, 2017. Pp. 59–84. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315640471>.

11. *Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н.* Региональный консалтинг: приглашение к творчеству. Опыт разработки документов стратегического планирования регионального и муниципального уровня. – Санкт-Петербург: Маматов, 2017. – 196 с. ISBN: 978-5-91076-155-5.
12. *Jungsberg L., Copus A., Nilsson K., Weber R.* Demographic Change and Labour Market Challenges in Regions with Largescale Resource-based Industries in the Northern Periphery and Arctic. Stockholm: Nordregio, 2018. 42 p.
13. *Максимова А. С.* Генезисная структура населения России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Том 1. № 1. С. 31–37. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.3>.
14. *Смирнов А. В.* Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 129–153. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790>.
15. *Соколова Ф. Х.* Миграционные процессы в Российской Арктике // Арктика и Север. 2016. № 25. С. 158–172. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.25.158>.
16. *Petrov A. N., Welford M., Golosov N., DeGroot J., Degai T., Savelyev A.* Spatiotemporal Dynamics of the COVID-19 Pandemic in the Arctic: Early Data and Emerging Trends. International Journal of Circumpolar Health. 2020. Vol. 79. No. 1. Pp. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1080/22423982.2020.1835251>.
17. *Petrov A. N., Welford M., Golosov N., DeGroot J., Devlin M., Degai T., Savelyev A.* The “Second Wave” of the COVID-19 Pandemic in the Arctic: Regional and Temporal Dynamics. International Journal of Circumpolar Health. 2021. Vol. 80. No. 1. Pp. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1080/22423982.2021.1925446>.
18. *Рязанцев С. В., Письменная Е. Е.* Международная трудовая миграция в Россию // Международные процессы. 2019. Том 17. № 4 (59). С. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59.5>.

Сведения об авторах:

Смирнов Андрей Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия.

Контактная информация: e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6952-6834; РИНЦ Author ID: 761161; Scopus Author ID: 57206892878; Web of Science Researcher ID: N-8102-2017.

Лыткина Ульяна Владимировна, младший научный сотрудник Института языка литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия.

Контактная информация: e-mail: ulytkina@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4875-6929; РИНЦ Author ID: 1007383.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 21-78-00081 «Разработка инструментария для изучения демографических процессов в условиях цифровизации общества (на примере российской Арктики)».

Статья поступила в редакцию 07.12.2021; принята в печать 10.02.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

INTERNATIONAL MIGRATION IN THE RUSSIAN ARCTIC: SCALE, STRUCTURE AND INFLUENCE OF THE PANDEMIC

Andrey V. Smirnov

Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North FRC KSC UB RAS, Syktyvkar, Russia

E-mail: av.smirnov.ru@gmail.com

Uliana V. Lytkina

Institute of Language, Literature and History FRC KSC UB RAS, Syktyvkar, Russia

E-mail: ulytkina@yandex.ru

For citation: Andrey V. Smirnov, Uliana V. Lytkina. International Migration in the Russian Arctic: Scale, Structure and Influence of the Pandemic. DEMIS. Demographic Research. 2022. Vol. 2. No 2. Pp. 90–106. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.7>. EDN: ESNIMJ.

Abstract. The authors consider international migration in the Russian Arctic. The presence of a large-scale mining industry, a complex history of settlement and development, spatial and climatic features affect the migration processes in the Arctic. The study aims to assess the scale and structure of the international migration movement in the Arctic territories, as well as to identify changes caused by the COVID-19 coronavirus pandemic. The analysis is based on the results of population censuses, data from regional and municipal statistics, as well as information from digital databases on the incidence of coronavirus and migration. The article assesses the scale of international migration in the Arctic regions in the 20th – early 21st century. The genesis composition of the population showed that the significance of international migration is especially great for the Arctic territories in Western Siberia. The authors identified changes in the migration mobility of the population under the influence of the COVID-19 pandemic. An analysis of the age and sex composition of migrants and the main migration flows showed that by the end of 2020, the intensity of international migration in the Russian Arctic decreased insignificantly, and in the most remote parts it even increased. Municipal statistics made it possible to identify the most attractive destinations for international migration before and during the pandemic. In 2021, a larger decline in international migratory mobility can be expected. The results obtained can be used to conduct socio-demographic policy and build demographic forecasts for the Arctic territories. Future research should focus on examining the long-term effects of the pandemic on international migration.

Keywords: international migration, foreign workers, rotational work, pandemic, Russian Arctic.

References

1. Fauzer V. V., Smirnov A. V. Migration of the Russian Arctic Population: Models, Routes, Results. *Arctic: Ecology and Economy*. 2020. No. 4 (40). Pp. 4–18. DOI: <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-4-4-18>. (In Russ.)
2. *Pandemiya COVID-19: Vyzovy, posledstviya, protivodeystviye [COVID-19 Pandemic: Challenges, Consequences, Countermeasures]* / A. V. Torkunov, S. V. Ryazantsev, V. K. Levashov [et al.]. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2021. 248 p. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021>. (In Russ.)
3. *COVID-19 in the Arctic: Briefing Document* for Senior Arctic Officials. Senior Arctic Officials' executive meeting, Iceland, 24–25 June 2020. Iceland: Arctic Council, 2020. 83 p. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/2473>.
4. Smirnov A. V. The Arctic Population: Dynamics and Centers of the Settlement System. *Arctic and North*. 2020. No. 40. Pp. 270–290. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.270>. (In Russ.)
5. Fauzer V. V., Lytkina T. S. Migration Processes in the Russian North. *Social policy and sociology*. 2017. Vol. 16. No. 1 (120). Pp. 141–149. DOI: <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2017-16-1-141-149>. (In Russ.)
6. Lytkina T. S., Smirnov A. V. Expulsions in the Russian North: Migration Processes and Neoliberal Policy. *Arctic and North*. 2019. No. 37. Pp. 94–117. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.37.94>. (In Russ.)
7. Heleniak T. Migration in the Arctic. In: *Arctic Yearbook 2014. Human Capital in the North*. Akureyri: Northern Research Forum, 2014. Pp. 82–104.
8. Hamilton L. C., Saito K., Loring P. A., Lammers R. B., Huntington H. P. Climigration? Population and Climate Change in Arctic Alaska. *Population and Environment*. 2016. Vol. 38. Pp. 115–133. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11111-016-0259-6>.
9. Zhuravlev N. Y. Migration Behavior of Students in a Northern Russia City. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No. 2. Pp. 182–193. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.14>. (In Russ.)
10. Zamyatina N., Yashunsky A. Migration Cycles, Social Capital and Networks. A New Way to Look at Arctic Mobility. In: *New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions* / ed. by Laruelle M. London and New York: Routledge, 2017. Pp. 59–84. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315640471>.
11. Zamyatina N. Yu., Pilyasov A. N. *Regional Consulting: An Invitation to Creativity. Experience in the Development of Strategic Planning Documents at the Regional and Municipal Levels*. St. Petersburg: Mamatov, 2017. 196 p. ISBN: 978-5-91076-155-5. (In Russ.)
12. Jungsberg L., Copus A., Nilsson K., Weber R. Demographic Change and Labour Market Challenges in Regions with Largescale Resource-based Industries in the Northern Periphery and Arctic. Stockholm: Nordregio, 2018. 42 p.
13. Maksimova A. S. Genesis Structure of the Russian Population. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No. 1. P. 31–37. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.3>. (In Russ.)

14. Smirnov A. V. Digital Society: Theoretical Model and Russian Reality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021. No. 1. Pp. 129–153. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790>. (In Russ.)

15. Sokolova F. H. Migration Processes in the Russian Arctic. *Arctic and North*. 2016. No. 25. Pp. 158–172. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.25.158>. (In Russ.)

16. Petrov A. N., Welford M., Golosov N., DeGroot J., Degai T., Savelyev A. Spatiotemporal Dynamics of the COVID-19 Pandemic in the Arctic: Early Data and Emerging Trends. *International Journal of Circumpolar Health*. 2020. Vol. 79. No. 1. Pp. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1080/22423982.2020.1835251>.

17. Petrov A. N., Welford M., Golosov N., DeGroot J., Devlin M., Degai T., Savelyev A. The “Second Wave” of the COVID-19 Pandemic in the Arctic: Regional and Temporal Dynamics. *International Journal of Circumpolar Health*. 2021. Vol. 80. No. 1. Pp. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1080/22423982.2021.1925446>.

18. Riazantsev S. V., Pismennaya E. E. International Labour Migration to Russia. *International Trends*. 2019. Vol. 17. No. 4 (59). Pp. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59.5>. (In Russ.)

Bio note:

Andrey V. Smirnov, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia.

Contact information: e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6952-6834; RSCI Author ID: 761161; Scopus Author ID: 57206892878; Web of Science Researcher ID: N-8102-2017.

Uliana V. Lytkina, Junior Researcher, Institute of the Language of Literature and History, Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia.

Contact information: e-mail: ulytkina@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4875-6929; RSCI Author ID: 1007383.

Acknowledgments and financing:

The reported study was funded by the Russian Science Foundation (RSF), Project No. 21-78-00081 “Development of tools for studying demographic processes in the context of digitalization of society (on the example of the Russian Arctic)”.

Received on 07.12.2021; accepted for publication on 10.02.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.8

EDN: ESHVKZ

ЭВОЛЮЦИЯ МИГРАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ С СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ БАЛТИКОЙ

Чернышев К. А.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: kochern@rambler.ru

Для цитирования: Чернышев К. А. Эволюция миграционного взаимодействия Кировской области с советской и постсоветской Балтикой // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 107–120. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.8>. EDN: ESHVKZ.

Аннотация. Исследуются переселения из Кировской области, которая в течение длительного времени выступала в качестве региона-донора в балтийские регионы России и страны Балтии, рассматриваемые в качестве миграционных реципиентов. Целью работы является изучение миграционного обмена указанных территорий за 1946–2020 гг., который в основном носил односторонний характер. Актуальным является рассмотрение миграционного взаимодействия двух территорий с привлечением неразрывного массива архивных данных за длительный период времени. В статье осуществлен обзор источников данных о межтерриториальной миграции за период после окончания Великой Отечественной войны по настоящее время. Сделан вывод о несопоставимости во времени показателей объемов переселений и необходимости применения дополнительных инструментов для ретроспективного анализа межрегиональных миграционных связей. Предложена периодизация миграционного взаимодействия территорий, для каждого периода определены интенсивность и результативность миграционных связей Кировской области с Санкт-Петербургом и Ленинградской областью, Калининградской областью, а также Литвой, Латвией и Эстонией в течение времени их вхождения в состав СССР. Анализ межрегиональной миграции в 1989–2015 гг. дополнен данными переписей и микропереписи населения. Наиболее интенсивно и результативно для регионов Балтики переселения осуществлялись в период после окончания войны до конца 1980-х гг. В последующем интенсивность выбытий из Кировской области и доля вятских уроженцев в населении балтийских регионов РФ снижались. Миграционные связи с Калининградской областью, Санкт-Петербургом и Ленинградской областью отличались более высокой интенсивностью, чем с Эстонией, Латвией и Литвой, даже в период их вхождения в СССР. Статья адресована специалистам по исторической демографии и географии населения.

Ключевые слова: Кировская область, регион-миграционный донор, текущий учет миграции, интенсивность миграционных связей, переписи населения, Балтика.

Введение

Изучение миграции позволяет выявить регионы, выступающие в миграционном обмене в качестве доноров или реципиентов. Наиболее очевидным критерием для таких территорий является баланс внешней миграции по данным текущего учета, а для двустороннего взаимодействия – сальдо встречных миграционных потоков. Данные переписей населения, при условии наличия в их программе вопроса о месте рождения, позволяют определить баланс пожизненных мигрантов и долю уроженцев определенной местности в населении других регионов.

В качестве взаимодействующих территорий рассматриваются, с одной стороны, регионы бывшего СССР, имеющие выход к Балтийскому морю, а с другой стороны – Кировская область. Существуют различные варианты определения границ Балтики. В соответствии с узким вариантом от России в него включаются современные территории Санкт-Петербурга, Ленинградской и Калининградской областей. Сле-

дует учитывать, что Ленинградская область и Санкт-Петербург рассматриваются как единое миграционное пространство ввиду неоднократных изменений границ между городом и областью за рассматриваемый период. Мигранты, направляющиеся в Санкт-Петербург, нередко оседают в его окрестностях в Ленинградской области. Все три субъекта РФ находятся непосредственно на морском побережье или вблизи него, испытывая влияние Балтики на социально-экономическое развитие, и являются частью сформировавшейся трансграничной территориальной системы, объединенной достаточно тесными социально-экономическими, политическими, демографическими связями [1].

Постсоветская Балтика включает также Литву, Латвию и Эстонию, обмен населением с которыми до объявления ими своей независимости в 1990–1991 гг. можно отнести к внутренней миграции. В миграционном отношении в течение почти всех лет, прошедших после окончания Второй мировой войны, Балтика однозначно выступала в качестве территории, привлекательной для переселения из других частей страны.

Таблица 1.

Численность населения взаимодействующих территорий в 1946–2020 гг. (на начало года), тыс. человек

Table 1.

Population of interacting territories in 1946–2020 (at the beginning of the year), thousand people

	1946	1959	1992	2020
Кировская область	1840	1914	1645	1250
Санкт-Петербург (Ленинград)	1598	3321	4986	5384
Ленинградская область	691	1245,0	1679	1893
Калининградская область	311*	611	899	1019
Литва (Литовская ССР)	2296	2711	3706	2794
Латвия (Латвийская ССР)	1553	2093	2643	1908
Эстония (Эстонская ССР)	881	1197	1555	1329

Источник: составлено автором на основе источников^{1, 2, 3, 4, 5}

¹ * На начало 1947 г. по данным РГАЭ Ф. 1562, Оп. 329., Д. 2640 Л. 43–47; Костяшов Ю. В. дает оценку численности населения Калининградской области на начало 1947 г. в 278 тыс. человек [2, с. 85].

РГАЭ Ф. 1562, Оп. 20, Д. 626, Л. 1.; РГАЭ Ф. 1562, Оп. 329., Д. 2640 Л. 43–47.

² Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность наличного населения городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 года по республикам, краям и областям РСФСР // Демоскоп Weekly. Демографический электронный журнал. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php (дата обращения: 15.02.2022).

³ Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность наличного населения городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 года по регионам союзных республик (кроме РСФСР) // Демоскоп Weekly. Демографический электронный журнал. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr59_reg1.php (дата обращения: 15.02.2022).

⁴ Численность постоянного населения на 1 января // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=31557> (дата обращения: 15.02.2022).

⁵ Population on 1 January // Eurostat (European Statistical Office) [site]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00001/default/table?lang=en> (accessed on 15.02.2022).

Кировская область, расположенная на северо-востоке Европейской России, удалена от границ и морских побережий РФ. Расстояние от Кирова до Санкт-Петербурга превышает 1,1 тыс. км, а до Калининграда – 1,8 тыс. км. В течение десятилетий Кировская область выступала и продолжает выступать в качестве ярко выраженного региона-донора, поставщика населения и трудовых ресурсов для других территорий страны [3].

Данные о численности населения взаимодействующих регионов в течение рассматриваемого периода представлены в табл. 1.

Методология и методы исследования, источники информации

Изучение межрегиональных миграционных связей удаленных территорий за длительный период времени должно базироваться на обширной статистической информации. Перемещения населения внутри страны, не предполагающие пересечение государственных границ, являются одним из наиболее трудных объектов демографического анализа. Существуют различные официальные источники данных о внутренней миграции населения, основными из которых являлись и являются данные текущего учета и переписей населения (включая микропереписи). Первый источник данных характеризует число зарегистрированных переездов (миграционные потоки), а второй – число лиц, имеющих опыт миграции (миграционные контингенты) [4].

В последние десятилетия в России в программы переписей населения (1970 г. и последующих) постепенно включаются вопросы, связанные с миграцией. В связи с чем применение данного источника информации получает развитие при изучении миграции населения в межпереписные периоды [5; 6]. В тех странах, где вопрос о месте рождения традиционно содержится в программах переписей населения, для обозначения лиц, родившихся в одном месте, а на момент переписи проживающих в другом, используется термин «пожизненные мигранты» [7; 8]. В диссертации С. И. Абылкаликова с использованием данных переписей рассмотрены перемещения населения между укрупненными территориями на постсоветском пространстве за продолжительный период времени (1897–2010 гг.) [9].

В СССР, а затем и в России основой миграционной статистики являются данные текущего учета, непосредственно связанного с паспортной системой и институтом прописки (регистрации). Данные текущего миграционного учета в разрезе регионов страны находят отражение в формах Росстата (Центрального статистического управления, Госкомстата): № 1 «Сведения о передвижении населения по месту откуда прибыли и куда выбыли» (до 1951 г.), № 1 «Передвижение населения» (с 1952 г.), МО1 «Миграция населения» (с 1988 г.) и МТ2 «Распределение мигрантов по территориям прибытия и выбытия» (с 1997 г.). На основе данных текущего учета осуществлялось изучение потоков миграции с использованием массива-матрицы парных миграционных связей О. Л. Рыбаковским [10], С. В. Рязанцевым [11], Н. В. Мкртчяном [12], Л. Б. Карачуриной [13], Н. В. Тарасовой [14] и др. Примерами работ, где проанализированы двусторонние миграционные связи территорий, являются статьи О. В. Горбачева (Белоруссия – Урал) [15], Г. Ф. Хилажевой (Башкортостан – Тюменская область) [16].

К сожалению, до 1960 г. отчетные формы миграции по Кировской области содержали сведения только для городской местности. Если в советский период строгость режима прописки способствовала улучшению качества информации о переселении

ях, то после распада СССР либерализация правил регистрации сделала малопригодными данные о числе прибывших и выбывших. С конца 1995 г. мигранты стали разделяться на регистрируемых по месту жительства и месту пребывания (последние долгое время не учитывались в формах отчетности). С 2011 г. в текущий миграционный учет помимо мигрантов, зарегистрированных по месту жительства, стали включаться лица, зарегистрированные по месту пребывания на срок 9 месяцев и более. По причине многократных изменений методологии учета объемы миграций заметно различаются по годам. Это сделало невозможным определение реальных объемов миграционных перемещений за длительный период – с 1946 г. по 2020 г.

С нашей точки зрения, инструментом, позволяющим оценить интенсивность и результативность двусторонних миграционных взаимодействий, может являться расчет коэффициентов результативности миграционных связей (КРМС) и коэффициентов интенсивности миграционных связей (КИМС).

КРМС представляет собой отношение количества выбытий из региона на 1 тыс. прибытий в регион и широко применяется в региональном анализе миграции (формула 2). КИМС, предложенный Л. Л. Рыбаковским в конце 1960-х – начале 1970-х гг., реже применялся в исследованиях миграций [11; 17; 18].

Поскольку преобладали процессы переселения из региона – миграционного донора, то предпочтителен анализ тесноты связей по индексам выбытий. Для вычисления КИМС по выбытию предлагается использовать данные по количеству мигрантов за определенный период (Л. Л. Рыбаковский предлагал 3–5 лет), а также по среднегодовой численности населения регионов [19]. Коэффициент рассчитывается как отношение доли выбывших в определенный регион в общем потоке выбывших к доле численности населения региона выбытия в общей численности населения территорий, с которыми поддерживаются миграционные связи (формула 1). Л. Л. Рыбаковский предложил распределять значения КИМС на группы: миграционные связи незначительны при значении коэффициента до 0,39 включительно; заметные значения – от 0,4 до 0,79; средние значения – от 0,8 до 1,25; повышенные значения – от 1,26 до 2,50; высокие – от 2,51 и выше.

$$\text{КИМС}_{\text{выб.}ij} = \frac{P_{ij}}{\sum P_{ij}} : \frac{S_j}{\sum S_j} \quad (1),$$

$$\text{КРМС}_{ij} = \frac{P_{ij}}{V_{ij}} * 1000 \quad (2),$$

где КИМС_{выб.} – коэффициент интенсивности миграционных связей (по выбытию); КРМС_{ij} – коэффициент результативности миграционного обмена регионов *i* и *j*; *P_{ij}* – число выбывших в регион *j* из региона *i*; *V_{ij}* – число прибывших в регион *j* из региона *i*; *S_j* – средняя численность населения региона вселения *j* за период.

Расчет КИМС позволяет сопоставить интенсивность обмена между регионами в относительных показателях, нивелируя существующие различия в численности населения взаимодействующих регионов и абсолютных объемах регистрируемых миграционных потоков.

Для периода 1989–2015 гг. полученные результаты дополняются доступными данными переписей (микрпереписи) населения. Важнейшими показателями здесь являются удельный вес уроженцев региона-донора в населении регионов-реципиентов, сальдо пожизненных мигрантов, а также изменение данных показателей в межпереписные периоды.

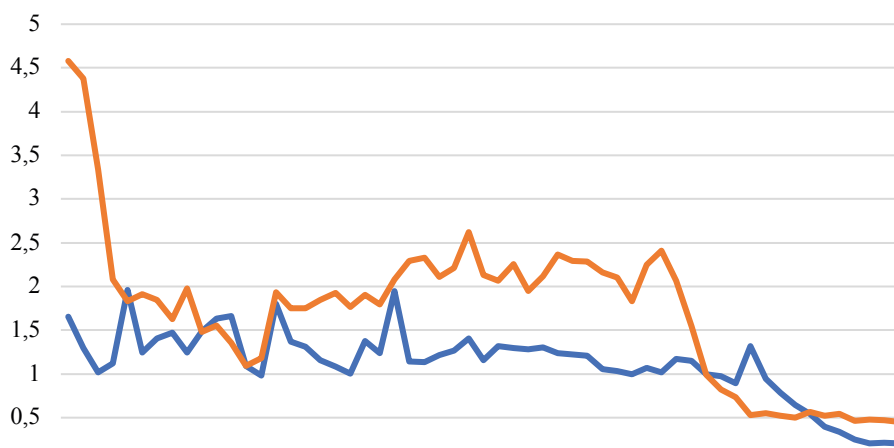
Результаты

Рассматриваемый в данной работе период изучения миграционных связей региона-донора с российской Балтикой следует разделить на три части: 1946–1959 гг., 1960–1991 гг. и 1992–2020 гг.

В послевоенные годы на первый план вышли задачи восстановления народного хозяйства балтийских регионов СССР. Из тыла на освобожденные территории возвращались эвакуированное население и беженцы, происходила демобилизация военных. Обезлюдившие территории нуждались в восполнении потерь населения. Новыми направлениями массовых переселений из Кировской области стали присоединенные к СССР территории, в первую очередь Калининградская (Кенигсбергская) область.

Миграционные процессы в Калининградской области в первые послевоенные годы имели форму замещающей миграции: выселение оставшегося немецкого населения и замена его на советских граждан-переселенцев. С августа 1946 г. началось интенсивное плановое заселение региона гражданами СССР. Основная часть оставшихся на его территории немцев была выселена в советскую зону оккупации Германии до конца 1948 г. [2]. С территории Карельского перешейка в Ленинградской области финское население было массово переселено еще до начала Великой Отечественной войны [20].

В формировании миграционных потоков из Кировской области в 1946–1959 гг. главную роль играли организованные формы переселений. Стихийная миграция по своим масштабам была не сопоставима с организованными формами переселений [21].

Рис. 1. Миграционный обмен между Кировской областью и регионами Балтики (по данным текущего учета)

Fig. 1. Migration exchange between the Kirov region and the regions of the Russian (Soviet) Baltic (according to the current registration)

В 1946–1948 гг. учетные потоки переселенцев из Кировской области в балтийские регионы СССР достигали максимальных значений 3,3–4,6 тыс. человек ежегодно, в первую очередь в Ленинградский и Калининградский регионы (рис. 1). В даль-

нейшем число выбывших снижалось. В течение 1955–1957 гг. Кировская область имела положительное сальдо миграционного обмена с советской Балтикой, число зарегистрированных выбывших в Калининградский, Ленинградский регионы и Эстонскую ССР более чем в 1,5 раза превышало число прибывших, тогда как значения КРМС с Литовской и Латвийской ССР были несколько ниже. Реальные объемы переселений были намного больше зарегистрированных.

В связи с отсутствием надежных данных об общей численности населения Калининградской области за 1946 г. [2] для расчета использовались данные на начало 1947 г. В целом за 1946–1959 гг. высокие значения КИМС по выбытию из Кировской области были зафиксированы как с Калининградской областью, так и с Ленинградом и Ленинградской областью, а также с Сахалинской, Камчатской, Крымской, Свердловской, Мурманской областями, некоторыми соседними регионами.

Интенсивность миграционного взаимодействия Кировской области с Латвийской, Эстонской и особенно Литовской союзными республиками в 1946–1959 гг. была значительно ниже, чем с балтийскими регионами РСФСР. Переселению из Кировской области способствовала проводившаяся ускоренная индустриализация республик Прибалтики. С другой стороны, следует отметить, что в 1948–1949 гг. были осуществлены масштабные операции «Весна» и «Прибой» по депортации «антисоветских элементов» и членов их семей, часть которых была переселена в Кировскую область [22].

Поскольку формы текущего учета периода 1946–1959 гг. отражали межрегиональные миграции только городского населения, то определенное представление о миграции сельских жителей может дать статистика организованных сельскохозяйственных переселений в балтийские регионы (табл. 2). В течение 1946–1953 гг. территории Калининградской области и Карельского перешейка являлись основным направлением планового сельскохозяйственного переселения. В целом по РСФСР из 186,5 тыс. переселенцев 40% приходилось на Калининградскую область и район Карельского перешейка [21]. Число выбывших из Кировской области организованных сельхозпереселенцев превышало объемы выбытий, зарегистрированные в ходе текущего учета миграции в городской местности. Другие практиковавшиеся формы организованных переселений – это набор рабочей силы на предприятия и стройки, мобилизации и призывы на учебу в систему трудовых резервов.

Одной из причин, порождавших новые миграционные потоки, были государственные программы переселения жителей из регионов, где, с точки зрения властей, существовал избыток трудоспособного населения, в новые места. Также сказывались тяжелые последствия недавней войны для находившейся в тылу Кировской области. Хозяйство региона было ослаблено, а материальный достаток населения оставался низким. Характеризуя социальный облик прибывавших в бывшую Восточную Пруссию, Ю. В. Костяшов отмечает, что «основную массу переселенцев составляли обездоленные, лишившиеся крыши над головой, измученные войной и разрухой, потерявшие близких и надеявшиеся пережить трудное послевоенное время, воспользовавшись правительственными льготами для переселенцев» [2].

К 1950-м гг. вывоз трудоспособного населения из Кировской области начал негативно влиять на народное хозяйство региона-донора, вызывая беспокойство у областного руководства, однако ограничения на переселения из области не вводились [24]. Власти регионов-реципиентов также подвергали обоснованному сомнению целесообразность сохранения плановых переселений [25].

Таблица 2.

Сельскохозяйственное переселение из Кировской области в Калининградскую область и на Карельский перешеек Ленинградской области в 1946–1952 гг.

Table 2.

The agricultural resettlement from the Kirov region to the Kaliningrad region and to the Karelian Isthmus of the Leningrad region in 1946–1952

Год	Наименование области вселения	План переселения, семей	Отправлено семей	Выполнение плана, %	Отправлено всего, чел.	Отправлено всего трудоспособных, чел.
1946	Калининградская обл.	–	401	–	–	–
	Всего	600	603	100,5	–	–
1947	Калининградская обл.	1 010	1 027	101,7	5 133	–
	Всего	1 010	1 027	101,7	5 133	–
1949	Калининградская обл.	250	262	104,8	1 206	693
	Ленинградская обл.	100	107	107,0	472	264
	Всего	450	471	104,7	2 112	1 243
1950	Калининградская обл.	250	250	100	1 189	725
	Всего	826	797	96,5	3 776	2 185
1952	Калининградская обл.	200	200	100	894	510
	Всего	300	289	96,3	1 294	748

Источник: [23]

Второй рассматриваемый период, с 1960 г. по 1991 г., характеризуется наиболее качественной информационной базой, поскольку жители сельской местности, проживающие без паспортов, при выезде в другие местности СССР за пределы своего района стали получать паспорта. Это позволило собирать данные о миграции не только для городского, но и для сельского населения.

В формировании миграционного потока в 1960–1980-е гг. из Кировской области в балтийские регионы СССР произошло снижение роли организованных форм миграций. Среднегодовой объем зарегистрированных переселений достигал в указанный период наибольших значений: число выбывших, по данным миграционного учета, из Кировской области в другие части СССР за 1960–1991 гг. было в 3,4 раза выше, чем в постсоветский период, и в 1,9 раза выше, чем за 1946–1959 гг. (когда охват переселенцев текущим учетом был неполный). Максимальное отрицательное сальдо миграции с балтийскими регионами было зафиксировано в 1986 г. (1,4 тыс. человек). Взаимодействие с Ленинградом и Ленинградской областью в течение 1960–1989 гг. характеризовалось ежегодной потерей населения для Кировской области (значение КРМС было максимальным среди всех территорий, с которыми в эти годы учитывалось миграционное взаимодействие). В обмене с Калининградской областью, Литовской, Латвийской, Эстонской союзными республиками также в основном фиксировался отрицательный баланс (за исключением отдельных лет).

Наряду со значительным увеличением потоков переселенцев происходило расширение географии миграции населения региона-донора. В 1960–1991 гг. выявлены наиболее высокие значения КИМС по выбытию в Калининградскую область, но еще выше интенсивность выбытия была в Мурманскую, Свердловскую, Тюменскую области, Чувашию и соседние регионы. В целом значение, как Ленинградского и Кали-

нинградского регионов, так и союзных республик Прибалтики, в качестве миграционных реципиентов, снизилось.

В последние годы существования СССР миграционная ситуация в стране стала меняться. В условиях социально-экономических и политических трансформаций Кировская область испытала небывалый миграционный прирост, превратившись на короткое время в регион-миграционный реципиент. Если для взаимодействия с тремя прибалтийскими республиками сальдо миграции стало положительным в 1988 г., то для балтийских территорий РСФСР – в 1990 г. Начиная с 1996 г., миграционное взаимодействие с обеими частями российской Балтики вернулось в традиционное русло: Кировская область – донор, а Калининградская область и Санкт-Петербург с Ленинградской областью – миграционные реципиенты. Несмотря на краткосрочное изменение направленности миграционных потоков, показатели КРМС Кировской области с регионами российской Балтики были высокими, что отличало их от результативности миграционного обмена с прибалтийскими странами (табл. 3, 4).

Таблица 3.

Миграционный обмен Кировской области с регионами российской Балтики, Литвой, Латвией, Эстонией в 1946–2020 гг.

Table 3.

Migration exchange of the Kirov region with the regions of the Russian (Soviet) Baltic, Lithuania, Latvia, Estonia in 1946–2020

	Прибыло в Кировскую область из региона	Выбыло в регион из Кировской области	Миграционная убыль для Кировской области	КРМС
1946–1959 гг.				
Ленинград и Ленинградская обл.	11 910	19 296	-7 386	1,62
Калининградская обл.	3 011	5 309	-2 298	1,76
Литовская ССР	1 036	1 065	-29	1,03
Латвийская ССР	1 779	2 183	-404	1,23
Эстонская ССР	1 576	2 404	-828	1,53
1960–1991 гг.				
Ленинград и Ленинградская обл.	24 380	44 580	-20 200	1,83
Калининградская обл.	7 115	7 965	-850	1,12
Литовская ССР	1 929	2 300	-371	1,19
Латвийская ССР	3 091	4 225	-1 134	1,37
Эстонская ССР	2 407	3 653	-1 246	1,52
1992–2020 гг.				
Санкт-Петербург и Ленинградская обл.	15 651	30 013	-14 362	1,92
Калининградская обл.	1 217	2 081	-864	1,71
Литва	313	92	221	0,29
Латвия	813	80	733	0,10
Эстония	575	84	491	0,15

Таблица 4.

Доля уроженцев Кировской области в населении балтийских регионов РФ (РСФСР) и СССР, %

Table 4.

The share of natives of the Kirov region in the population of the Baltic regions of Russian Federation and USSR, %

	ВПН 1989 г.	ВПН 2002 г.	ВПН 2010 г.	МПН 2015 г.
Санкт-Петербург (Ленинград)	0,46	0,36	0,34	0,28
Ленинградская обл.	0,92	0,74	0,65	0,55
Калининградская обл.	1,08	0,70	0,48	0,33
Литовская ССР	0,05	–	–	–
Латвийская ССР	0,19	–	–	–
Эстонская ССР	0,32	–	–	–
РФ (РСФСР) без Кировской области	0,61	0,45	0,38	0,31

Источник: составлено автором на основе источников^{6, 7, 8, 9}

Распад СССР, явившись наиболее значимым территориальным изменением за период после окончания Второй мировой войны, на первых порах не внес существенных корректив в региональную структуру текущего учета миграций. В формах миграционной статистики обмен с Эстонией, Латвией и Литвой до 1997 г. учитывался как межреспубликанский, а не как «за границу (из-за границы)», несмотря на фактическое изменение статуса миграционных перемещений с внутренних на международные. В дальнейшем ежегодные регистрируемые объемы прибытий и выбытий в суверенные государства Балтии значительно сократились, крайне редко составляя даже двузначные числа. Интенсивность миграционных связей по выбытию была высокой с Санкт-Петербургом и Ленинградской областью, повышенной – с Калининградской, значения КИМС по выбытию в Литву, Латвию, Эстонию 1992–2020 гг. были несущественными (рис. 2).

Поскольку основные волны переселенцев в балтийские регионы СССР приходились на советский период, то численность и доля уроженцев Кировской области за 1989–2015 гг. постепенно сокращается. В 1989 г. в Ленинграде и Ленинградской области проживали 38,5 тыс. уроженцев Кировской области, в Калининградской области – 9,5 тыс., в прибалтийских республиках – 11,9 тыс. человек. Всероссийская перепись 2010 г. зафиксировала в Санкт-Петербурге и Ленинградской области 27,9 тыс., а в Ка-

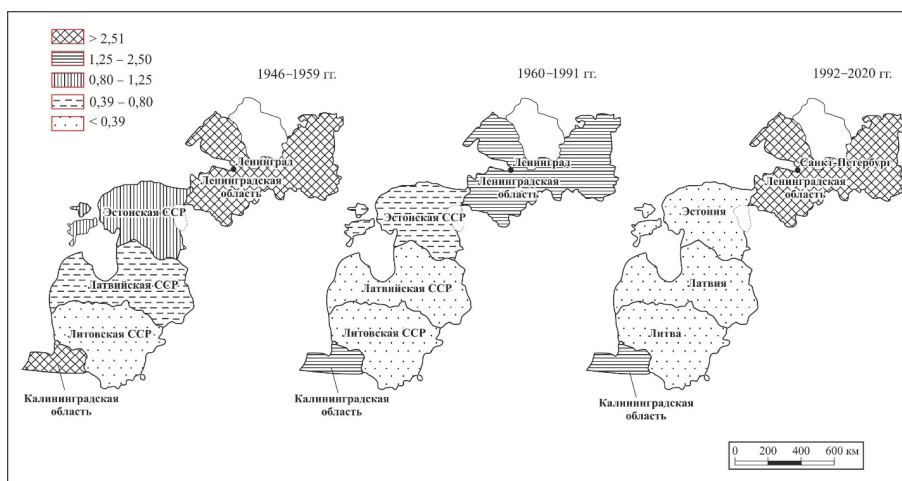
⁶ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение населения республик СССР и их регионов по месту рождения // Демоскоп Weekly. Демографический электронный журнал. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_pob_89.php (дата обращения: 17.02.2022).

⁷ Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства // Всероссийская перепись населения 2002 года. Официальный сайт. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=19> (дата обращения: 17.02.2022).

⁸ Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства // Всероссийская перепись населения 2010 года. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 17.02.2022).

⁹ Раздел VII. Миграция. Население, принявшее участие в микропереписи, по месту рождения и месту проживания на территории РФ // Микроперепись населения 2015 года. Официальный сайт. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 17.02.2022).

лининградской 5,2 тыс. пожизненных мигрантов из Кировской области. Тенденцию к сокращению численности и доли уроженцев региона-донора в населении российской части Балтики подтверждают и итоги микропереписи населения 2015 г.

Рис. 2. Коэффициенты интенсивности миграционных связей Кировской области по выбытию в регионы российской Балтики, Литву, Латвию, Эстонию

Fig 2. The coefficients of the intensity of the migration ties of the Kirov region for the departure to the regions of the Russian Baltic, Lithuania, Latvia, Estonia

Особенностью информационной базы позднего советского и постсоветского периода является возможность использовать для анализа миграции результаты переписей населения 1989 г. и последующих (табл. 4). Так как Кировская область в течение большей части своего существования являлась источником выбытия населения, то интерес представляет расселение уроженцев региона по территории Балтики. Доля пожизненных мигрантов из Кировской области превышает среднероссийское значение в населении российских областей Прибалтики. В Санкт-Петербурге, притягивавшем население со всего постсоветского пространства, доля уроженцев Кировской области ниже среднероссийской.

Заключение

Миграционный обмен Кировской области, с одной стороны, и прибалтийских регионов России, республик Прибалтики в период их вхождения в СССР, с другой, в течение практически всего периода после окончания Второй мировой войны может быть охарактеризован как классическое взаимодействие региона-миграционного донора и регионов-реципиентов. Характер и результаты переселений между регионами подтверждают идею об обусловленности процессов миграции социально-экономическими факторами.

Наиболее интенсивно процессы переселения на прибалтийские территории шли в первые годы после окончания Великой Отечественной войны. В 1940–1950-е гг. главную роль играли организованные формы миграции, в том числе сельскохозяйственное переселение. Непродолжительные периоды, когда Кировская область имела положительное сальдо миграции с балтийскими регионами России и прибал-

тийскими республиками, – это годы социально-экономических и политических потрясений накануне и сразу после распада Советского Союза. Миграционное взаимодействие Кировской области с Литовской, Латвийской и Эстонской ССР носило иной характер, нежели с балтийскими регионами России. Интенсивность миграционных связей по выбытию в Санкт-Петербург, Ленинградскую и Калининградскую области в течение всего рассматриваемого периода имела высокие и повышенные значения, тогда как значения КИМС для выбытия в союзные республики были заметно ниже. Статус Кировской области как региона-миграционного донора для Балтики подтверждается также результатами переписей населения, программы которых включали вопрос о месте рождения (1989, 2002, 2010 гг.), а также микропереписи 2015 г. Переселенцы из Кировской области внесли свой вклад в развитие балтийских регионов России, Литвы, Латвии, Эстонии.

Список литературы

1. Клемешев А. П., Корнеев В. С., Пальмовский Т., Студжиницки Т., Федоров Г. М. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 4. С. 7–28. DOI: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-4-1>.
2. Костяшов Ю. В. Заселение Калининградской области после Второй мировой войны // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты: материалы Всероссийского конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук 1994 г. – Москва: Международный Научный Фонд, 1996. С. 82–88.
3. Чернышев К. А. Ретроспектива миграционных связей региона-донора // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8. № 1. С. 150–178. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i1.12397>.
4. Barcus H., Halfacree K. An Introduction to Population Geographies: Lives across Space. London: Routledge, 2018. 413 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203855843>.
5. Воробьева О. Д., Топилин А. В., Гребенюк А. А., Лебедева Т. В. Анализ миграционных процессов по данным переписей населения в России // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 1. С. 175–188. DOI: <https://doi.org/10.17059/2016-1-13>.
6. Ахметова Г. Ф. Местные уроженцы и мигранты в структуре населения России и Башкортостана // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 86–95. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.7>.
7. Абылкаликов С. И. Уроженцы стран бывшего СССР в структуре населения современной России // Социологические исследования. 2016. № 4 (384). С. 42–49.
8. Poston D. L. Jr., Bouvier L. F. Population and Society. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 456 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781107337237>.
9. Абылкаликов С. И. Роль миграции в формировании населения регионов России в конце XIX–XXI вв.: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.00 / Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экон.». – Москва, 2018. – 233 с.
10. Рыбаковский О. Л. Миграция между регионами: проблемы методологии и методики анализа. – Москва: Экон-Информ, 2008. – 288 с. ISBN: 978-5-9506-0341-9.
11. Рязанцев С. В. Внутривососсийская миграция населения: тенденции и социально-экономические последствия // Вопросы экономики. 2005. № 7. С. 37–49. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2005-7-37-49>.
12. Мкртчян Н. В. Изменение межрайонных миграционных связей в современной России и ее регионах: автореферат дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.02 / Моск. пед. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Москва, 1997. – 16 с.
13. Карачурина Л. Б. Географический анализ интенсивности миграционных связей России и ее регионов с республиками Ближнего Зарубежья: 1969–1997 гг.: автореферат дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.02. – Москва, 1999. – 24 с.
14. Тарасова Н. В. Современные межрегиональные миграционные связи внутри России: ситуация и прогноз. – Москва: Ин-т соц.-полит. исслед. РАН, 2004. – 45 с.
15. Горбачев О. В. Белоруссия и Средний Урал: эволюция форм миграционного взаимодействия в первой половине XX века // Историческая демография. 2016. № 1 (17). С. 27–33.

16. Хилажева Г. Ф. Миграционный обмен между регионами различных типов (на примере Республики Башкортостан и Тюменской области) // Регион: экономика и социология. 2019. № 2 (102). С. 185–206. DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20190208>.
17. Lyalina A. Intensity of the Kaliningrad Region's Migration Links with Russian Territories and Former Soviet Republics in 1992–2013. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. № 6. P. 181–189. DOI: <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n6s7p181>.
18. Воробьев Н. В. Региональная организация миграции населения в сибирских условиях / Отв. ред. С. В. Рященко; Рос. акад. наук. Сиб. отд.-ние. Ин-т географии. – Новосибирск: Наука, 2001. – 152 с. ISBN: 5-02-030633-9.
19. Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграций. – Москва: Статистика, 1973. – 159 с.
20. Ступин Ю. А. Трансформация территориальной организации населения Карельского перешейка в XX веке: период до 1944 г. // Известия Русского географического общества. 2017. Т. 149. № 1. С. 79–93.
21. Население России в XX веке: Исторические очерки: [В 3 т.] / Рос. акад. наук. Отд.-ние истории. Науч. совет по ист. демографии и ист. географии, Ин-т рос. истории; [Отв. ред. Ю. А. Поляков]. – Москва: РОССПЭН, 2000-. ISBN: 5-8243-0016-X.
22. Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – Москва: ОГИ, 2001. – 315 с.
23. Чернышева Н. В., Бровцин А. В. Трудовые миграции населения Кировской области в 1945–1967 годы. – Киров: Радуга-ИРЕСС, 2015. – 234 с. ISBN: 978-5-906544-85-8.
24. Чернышева Н. В. Советская переселенческая политика и ее реализация в 1945–1953 гг. (на материалах Кировской области) // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 128–140. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2017.108>.
25. Манкевич Д. В. 1950-е годы в демографической истории Калининградской области // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 1 (45). С. 398–413.

Сведения об авторе:

Чернышев Константин Анатольевич, кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kochern@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0003-3543-4776; PИИЦ Author ID: 623010; Scopus Author ID: 57190411299; Web of Science Researcher ID: H-6630-2016.

Статья поступила в редакцию 13.01.2022; принята в печать 17.03.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

EVOLUTION OF MIGRATION INTERACTION OF THE KIROV REGION WITH THE SOVIET AND POST-SOVIET BALTICS

Konstantin A. Chernyshev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: kochern@rambler.ru

For citation: Konstantin A. Chernyshev. Evolution of Migration Interaction of the Kirov Region with the Soviet and Post-Soviet Baltics. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2. No 2. Pp. 107–120. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.8>. EDN: ESHVKZ.

Abstract. For a long period of time, the Kirov oblast acts as a donor region in internal migration. The aim of the work is the analysis of migrations from the Kirov region to Baltic in 1946–2020. It is relevant to consider the migration interaction of the two territories with the involvement of an inseparable array of archival data over a long period of time. The work provides a review of data sources on internal interregional migration in the period after the end of World War II to the present. The conclusion is drawn on the incomparability in time of the indicators of the volumes of relocation and the need to use additional tools for a retrospective analysis of inter-regional migration ties. For this purpose, it is proposed to calculate the coefficients of the intensity of migration ties and the coefficients of the effectiveness of migration exchange. Based on the current accounting data, a periodization of

population migration is proposed, for each period the intensity and effectiveness of migration ties of the Kirov region with St. Petersburg and the Leningrad region, the Kaliningrad region, as well as Lithuania, Latvia and Estonia during their entry into the USSR are determined. Analysis of interregional migration in 1989–2015 supplemented by census and microcensus data. The most intensively and effectively for the Baltic regions the resettlement was carried out in the period after the end of the war until the end of the 1980s. Subsequently, the intensity of departures from the Kirov region and the proportion of natives in the population of the Baltic regions decreased. Migration ties with the Kaliningrad region, St. Petersburg and the Leningrad region were more intense than with Estonia, Latvia and Lithuania, even during their entry into the USSR.

Keywords: Kirov Oblast, region-migration donor, registration of migrants, intensity of migration ties, censuses, Baltic region.

References

1. Klemeshev A. P., Korneevets V. S., Palmowski T., Studzieniecki T., Fedorov G. M. Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region. *Baltic Region*. 2017. Vol. 9. No. 4. Pp. 4–20. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-4-1>. (In Russ.)
2. Kostyashov Yu. V. Zaseleniye Kaliningradskoy oblasti posle Vtoroy mirovoy voyny [The settlement of the Kaliningrad region after World War II]. In: *Gumanitarnaya nauka v Rossii: Sorosovskiy laureaty [Humanitarian science in Russia: Soros laureates]*: Materials of the All-Russian competition of research projects in the field of the humanities in 1994. Moscow: International Science Foundation, 1996. P. 82–88. (In Russ.)
3. Chernyshev K. A. A Retrospective Analysis of Migration Links of a Donor Region. *Demographic Review*. 2021. Vol. 8. No. 1. Pp. 150–178. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i1.12397>. (In Russ.)
4. Barcus H., Halfacree K. *An Introduction to Population Geographies: Lives across Space*. London: Routledge, 2018. 413 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203855843>.
5. Vorobieva O. D., Topilin A. V., Grebenyuk A. A., Lebedeva T. V. The Analysis of Migration Processes in Russia According to the Census. *Economy of Regions*. 2016. Vol. 12. No. 1. Pp. 175–188. DOI: <https://doi.org/10.17059/2016-1-13>. (In Russ.)
6. Akhmetova G. F. Natives and Migrants in the Population Structure of Russia and Bashkortostan. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No. 2. Pp. 86–95. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.7>. (In Russ.)
7. Abylkalikov S. I. Natives of the Former Soviet Union Countries in Contemporary Russia. *Sociological Studies*. 2016. No. 4 (384). Pp. 42–49. (In Russ.)
8. Poston D. L. Jr., Bouvier L. F. *Population and Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 456 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781107337237>.
9. Abylkalikov S. I. *Roľ migratsii v formirovanií naseleniya regionov Rossii v kontse XIX–XXI vv. [The role of migration in the formation of the population of Russian regions at the end of the 19th–21st centuries]*: dissertation for a candidate degree in sociological sciences: 22.00.00 / National Research University Higher School of Economics. Moscow, 2018. 233 p. (In Russ.)
10. Rybakovsky O. L. *Migratsiya mezhdu regionami: problemy metodologii i metodiki analiza [Migration between regions: problems of methodology and methods of analysis]*. Moscow: Ekon-Inform, 2008. 288 p. ISBN: 978-5-9506-0341-9. (In Russ.)
11. Riazantsev S. V. Internal Migration of the Russian Population: Tendencies and Social and Economic Consequences. *Voprosy ekonomiki*. 2005. No. 7. Pp. 37–49. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2005-7-37-49>. (In Russ.)
12. Mkrtchyan N. V. *Izmeneniye mezhrayonnykh migratsionnykh svyazey v sovremennoy Rossii i yeye regionakh [Changes in inter-district migration relations in modern Russia and its regions]*: abstract of dissertation for a candidate degree in geographical sciences: 11.00.02 / Lenin Moscow State Pedagogical University. Moscow, 1997. 16 p. (In Russ.)
13. Karachurina L. B. *Geograficheskiy analiz intensivnosti migratsionnykh svyazey Rossii i yeye regionov s respublikami Blizhnego Zarubezh'ya: 1969–1997 gg. [Geographical analysis of the intensity of migration ties between Russia and its regions with the republics of the Near Abroad: 1969–1997]*: abstract of dissertation for a candidate degree in geographical sciences: 11.00.02. Moscow, 1999. 24 p. (In Russ.)
14. Tarasova N. V. *Sovremennyye mezhregional'nyye migratsionnyye svyazi vnutri Rossii: situatsiya i prognoz [Modern interregional migration relations within Russia: situation and forecast]*. Moscow: Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, 2004. 45 p. (In Russ.)
15. Gorbachev O. V. Belarus and the Middle Urals: The Evolution of Forms of Migration Interaction in the First Half of the 20th Century. *Istoricheskaya demografiya [Historical demographics]*. 2016. No. 1 (17).

Pp. 27–33. (In Russ.)

16. Khilazheva G. F. Migration Exchange Between Regions of Different Types (Case Study of Tumen Oblast and the Republic of Bashkortostan). *Region: Economics and Sociology*. 2019. No. 2 (102). Pp. 185–206. DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20190208>. (In Russ.)

17. Lyalina A. Intensity of the Kaliningrad Region's Migration Links with Russian Territories and Former Soviet Republics in 1992–2013. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. № 6. P. 181–189. DOI: <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n6s7p181>.

18. Vorobyov N. V. *Regional'naya organizatsiya migratsii naseleniya v sibirskikh usloviyakh [Regional organization of population migration in Siberian conditions]* / Ed. by S. V. Ryashchenko; Russian Academy of Sciences. Siberian Branch. Institute of Geography. Novosibirsk: Nauka, 2001. 152 p. ISBN: 5-02-030633-9. (In Russ.)

19. Rybakovskiy L. L. *Regional'nyy analiz migratsiy [Regional analysis of migrations]*. Moscow: Statistika, 1973. 159 p. (In Russ.)

20. Stupin Yu. A. Transformation of the Territorial Organization of Karelian Isthmus Population in XX Century: Period before 1944. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshestva*. 2017. Vol. 149. No. 1. Pp. 79–93. (In Russ.)

21. *Naseleniye Rossii v XX veke: Istoricheskiye ocherki [The population of Russia in the XX century: Historical essays]*: [In 3 vols.] / Russian Academy of Sciences. Department of history. Scientific Council on Historical Demography and Historical Geography, Institute of Russian History; [Ex. ed. Yu. A. Polyakov]. Moscow: ROSSPEN, 2000-. ISBN: 5-8243-0016-X. (In Russ.)

22. Polyak P. M. *Ne po svoey vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsiy v SSSR [Not by their own will ... History and geography of forced migrations in the USSR]*. Moscow: OGI, 2001. 315 p. (In Russ.)

23. Chernysheva N. V., Brovtin A. V. *Trudovyye migratsii naseleniya Kirovskoy oblasti v 1945–1967 gody [Labor migrations of the population of the Kirov region in 1945–1967]*. Kirov: Raduga-PRESS, 2015. 234 p. ISBN: 978-5-906544-85-8. (In Russ.)

24. Chernysheva N. V. The Soviet Resettlement Policy and its Implementation in 1945–1953 (on the Materials of Kirov Region). *Modern History of Russia*. 2017. No. 1 (18). Pp. 128–140. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2017.108> (In Russ.)

25. Mankevich D. V. The 1950s in the Demographic History of the Kaliningrad Region. *Izvestia Of Smolensk State University*. 2019. No. 1 (45). Pp. 398–413. (In Russ.)

Bio note:

Konstantin A. Chernyshev, Candidate of Geographical Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kochern@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0003-3543-4776; RSCI Author ID: 623010; Scopus Author ID: 57190411299; Web of Science Researcher ID: H-6630-2016.

Received on 13.01.2022; accepted for publication on 17.03.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЯ РЫНКА ТРУДА

DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.9

EDN: ALPMCX

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И МИГРАЦИИ НА РЫНОК ТРУДА БЕЛАРУСИ

Морозова Н. Н.

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

E-mail: morozova7373@mail.ru

Для цитирования: Морозова Н. Н. Влияние демографического старения населения и миграции на рынок труда Беларуси // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 121–137. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.9>. EDN: ALPMCX.

Аннотация. Цель данного исследования заключается в оценке демографической ситуации и миграционных процессов, оказывающих влияние на функционирование и трансформацию рынка труда в условиях депопуляции, что будет способствовать обеспечению демографической безопасности и обоснованию мер по совершенствованию политики занятости населения. Объект исследования – закономерности трансформации рынка труда в Республике Беларусь. Предмет исследования – демографическое старение населения как существующий базис формирования рабочей силы. Гипотеза исследования состоит в том, что демографическое старение населения и воспроизводство трудовых ресурсов определяют основной потенциал рабочей силы, формирующий рынок труда. В статье показано, что эффективное развитие экономики в условиях цифровизации должно сопровождаться повышением качества человеческого потенциала, а невозможность полного замещения пенсионеров лицами дотрудоспособного возраста может быть компенсирована благодаря притоку мигрантов, причем с более высоким уровнем образования и соответствующей квалификацией. В исследовании представлены группировки населения в разрезе возрастных групп, отражена динамика выхода на пенсию с учетом пенсионных реформ, проводимых в стране, и возможности активного использования пенсионеров в качестве ресурса на рынке труда. Положительное сальдо миграции нивелирует отрицательную естественную убыль населения Беларуси, но не решает проблемы эффективности рынка труда. В статье обозначены социально-экономические и демографические аспекты, предусматривающие обоснование мер для обеспечения демографической безопасности и совершенствования государственной политики в сфере занятости населения. В работе были использованы экономико-статистические, демографические и аналитические методы исследования. Результатом и, соответственно, научным вкладом исследования является теоретическое обоснование положения о том, что ситуацию в стране, где нет общего прироста населения, нельзя назвать демографически благополучной, поскольку с экономических позиций будет наблюдаться недостаток рабочей силы для формирования эффективной занятости на рынке труда. Применение результатов исследования позволит проводить грамотную политику на рынке труда с учетом возрастного состава населения; осуществлять разработку программ развития активной и пассивной политики занятости и прогнозирования состояния рынка труда на областном и национальном уровнях, принимая во внимание возрастную состав населения; реализовать меры в рамках исполнения Госпрограммы «Рынок труда и содействие занятости» в Республике Беларусь; обосновать механизм проведения миграционной политики, обеспечивающей количественный и качественный состав рабочей силы на рынке труда.

Ключевые слова: Республика Беларусь, рынок труда, занятость, трудовые ресурсы, рабочая сила, воспроизводство населения, демографическое благополучие, демографические факторы, демографическое старение населения, человеческий потенциал, трудоспособное население, миграция, интеллектуальная миграция, цифровизация.

Введение

Трансформация (лат. *transformatio* – изменение) рынка труда представляет собой преобразование спроса и предложения, форм и способов приложения труда, изме-

нение структуры активной и пассивной политики занятости и др. под воздействием естественных экономических процессов и глобализации. Развитие под воздействием инновационной, цифровой экономики – это необходимый и абсолютно естественный процесс, который влияет на составляющие рынка труда и требует новых подходов к процессу занятости, его базису – рабочей силе, анализу складывающейся ситуации и обоснованию оптимальных методов воздействия и способов регулирования. Рынок труда это достаточно сложная социально-экономическую система, поскольку ресурсом выступает человек. Сегодня работодателя интересуют работники с определенными квалификационными навыками и компетенциями, которые позволят получать выгоду, не вкладывая средства в их профессиональное развитие либо делая минимальные вложения, но при этом получая максимальную отдачу. Следовательно, на рынке труда предложение со стороны рабочей силы должно быть в достаточном объеме. Соответственно ресурсом выступает население трудоспособного возраста, а также работники моложе и старше данного возраста.

Воспроизводство трудовых ресурсов является более узким понятием, чем воспроизводство населения, учитывающее демографические факторы, связанные с естественным и миграционным приростом [1, с. 7]. Однако здесь необходимо заметить, что большая часть факторов, определяющих уровень рождаемости и характер воспроизводства населения, проявит свое воздействие на воспроизводство трудовых ресурсов лишь через 15–25 лет, когда новорожденные достигнут трудоспособного возраста. Кроме того, некоторые факторы (например, те, которые определяют уровень инвалидности трудоспособного населения либо уровень занятости подростков и пенсионеров) оказывают значительно большее влияние на воспроизводство трудовых ресурсов, чем на воспроизводство населения в целом. Для достижения социально-экономического эффекта и развития страны необходимо изучение рынка труда с учетом старения населения, преобладания женщин в возрастной группе пенсионного возраста и влияния негативных последствий миграции. Безусловно, число потенциальной рабочей силы зависит от миграции трудовых ресурсов, иммиграции и соответственно их уровня занятости. Поэтому особая роль отводится рассмотрению миграционных процессов, которые в опосредованной форме меняют этнический и половозрастной состав населения, что может сказываться на предпочтениях в сфере занятости. В дополнение на трансформацию рынка труда сегодня влияет цифровизация, как новая форма коммуникационного взаимодействия, предусматривающая иной формат социально-трудовых отношений. Важным фактором цифровой экономики выступает качество рабочей силы, ее половозрастной состав, уровень образования, причем сегодня работодателя интересуют и кадры высшей научной квалификации, способные быстро внедрять инновационные разработки. Неотъемлемой частью становится «обучение через всю жизнь», происходящее через доучивание, переучивание, переподготовку и повышение квалификации, в целях наращивания человеческого потенциала и увеличения человеческого капитала.

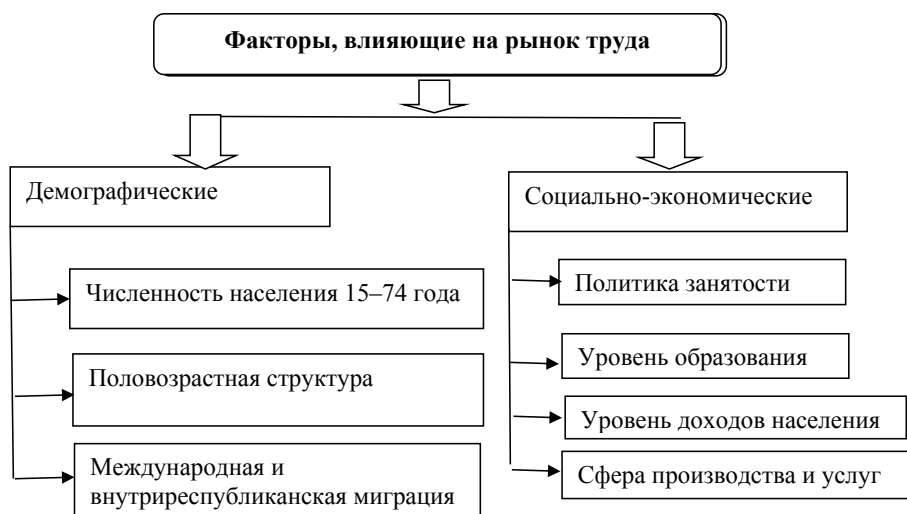
Обзор литературы

В процессе формирования человеческого капитала воспроизводство населения является первым этапом, предусматривающим естественное движение населения, процессы миграции, социальную мобильность. Коренным базисом выступает демографический процесс, проявляющийся через смену поколений в результате рождаемости и смертности.

Основа теоретических исследований рынка труда была заложена в фундаментальных трудах А. Смита, Д. Рикардо, Дж. Кейнса, А. Маршалла, К. Маркса. Исследованию демографических процессов и их влиянию на социально-экономическое развитие, связанному с проблематикой рынка труда, посвящены работы российских ученых А. Г. Вишневого, А. В. Топилина, В. А. Безвербного, Л. И. Бардаковой, В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капельюшникова и др. Проблемы формирования трудового потенциала в зависимости от демографических показателей, трудовой миграции отражены в работах С. В. Рязанцева.

Исследования факторов трудовой миграции населения, влияющих на формирование рынка труда, система показателей, характеризующих миграционные потоки и функционирование рынка труда, приводятся в работах российских ученых В. П. Бардовского, О. Д. Воробьевой, Ю. В. Долженковой, Ж. А. Зайончковской, Т. И. Заславской, И. Е. Золина, П. В. Панькина, Г. Г. Руденко, Л. Л. Рыбаковского, С. В. Рязанцева, А. В. Топилина, И. А. Шичкина. Миграционные риски освещены в работах Р. Р. Фахрутдинова, В. Т. Сакаева, Р. И. Измайлова и др. Миграция труда в контексте цифровой экономики нашла отражение в работах Г. И. Глущенко и Т. В. Черевичко.

Вопросы формирования рынка труда с учетом демографических критериев, флексибилизации (процесс повышения гибкости рынка труда, при котором его участники – работодатели и работники, приспосабливаются к экономическим, социальным и технологическим изменениям) изучались белорусскими учеными: Е. В. Ванкевич, Л. С. Боровик, Т. Н. Мироновой, А. Г. Бобровой и др.

Рис. 1. Факторы, оказывающие воздействие на формирование рынка труда

Fig. 1. Factors influencing the formation of the labor market

Источник: составлено автором

Методы исследования и источники информации

В ходе написания статьи были использованы методы сравнения, анализа и синтеза, статистических величин, данные демографических исследований ученых и международных организаций системы ООН, республиканские показатели национального статистического комитета Республики Беларусь. Метод системного анали-

за позволил рассмотреть тенденции и социально-демографические характеристики миграционных процессов, их генезис.

На формирование и развитие рынка труда оказывают влияние факторы, основными из которых являются демографические и социально-экономические (рис. 1).

Первичным звеном пополнения трудовых ресурсов на рынке труда является демографический фактор, поскольку процесс воспроизводства работников определяет их спрос и предложение.

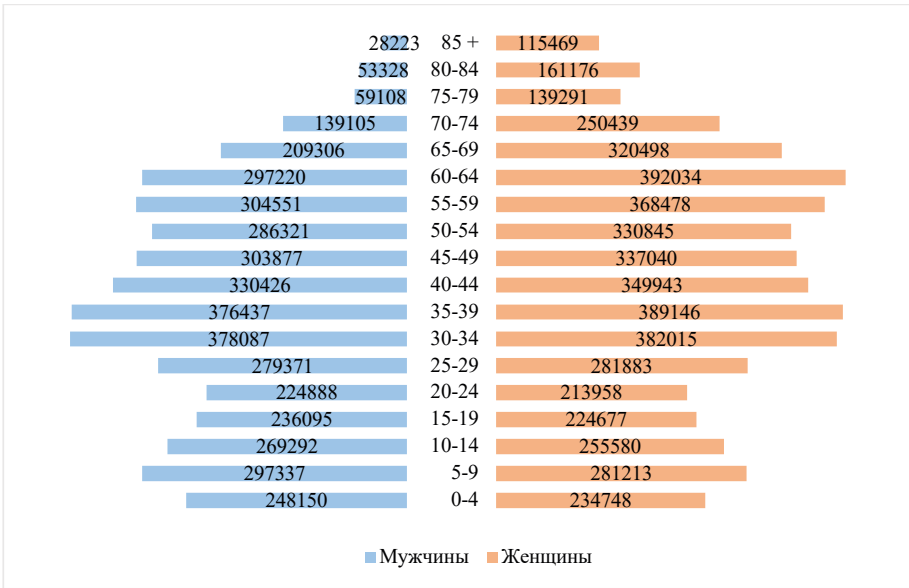
Тенденции демографического развития в Республике Беларусь

Трудовая активность, в результате которой осуществляется реализация интеллектуального и физического потенциала рабочей силы в процессе трудовой деятельности, считается тем выше, чем большую долю в составе работников занимают лица в возрасте 20–49 лет [2, с. 87]. Согласно резолюции 19-й Международной конференции статистиков труда, установленные возрастные границы рабочей силы определяются возрастом в 15–74 года. Для Республики Беларусь характерен низкий уровень рождаемости (в 2019 г. он составлял 9,3‰) в сочетании с высоким уровнем смертности (в 2019 г. – 12,8‰), при этом естественная убыль составила 3,5 ‰. Тенденции протекания демографических процессов в Беларуси и России, как отмечают российские эксперты-демографы, характерны для «пятой» стадии (decline или депопуляция), сопровождающейся сокращением численности населения и усилением процесса старения. «Суженный тип воспроизводства, который фиксируется в последние годы, формируется под влиянием не только системных социально-демографических факторов (таких, как изменение репродуктивного поведения, падение значимости института брака и др.), но также является следствием «постаревшей» возрастной структуры населения» [3, с. 20].

В соответствии с последними данными Национального статистического комитета Республики Беларусь, численность населения с учетом гендерного разделения можно наглядно представить с помощью половозрастной пирамиды (рис. 2). Отчетливо видно, что при вступлении в статус рабочей силы с 15 лет число лиц мужского пола превышает число лиц женского пола на 5% (236 095 и 224 677 человек), в то время как по лицам пенсионного возраста картина складывается противоположная.

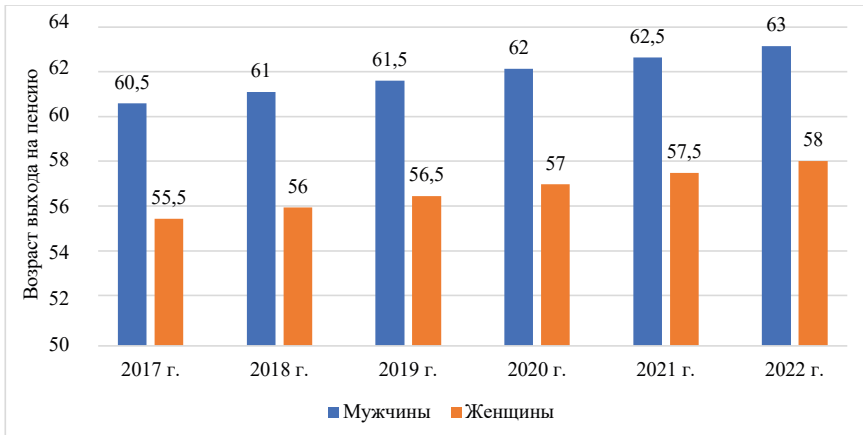
Для Республики Беларусь подобная ситуация складывается с 2017 г., что совпало с годом начала реформирования пенсионной системы, в ходе которой в течение шести лет поэтапно период выхода на пенсию увеличится на три года, как для мужчин, так и для женщин, и в 2022 г. составит 63 и 58 лет соответственно (рис. 3). В настоящее время в Беларуси проживают около 2,5 млн пенсионеров по возрасту.

Нами была составлена группировка распределения численности населения Республики Беларусь по возрасту, в соответствии с классификацией ВОЗ, для определения уровня демографического старения (рис. 4). Согласно классификации ООН, население считается старым, если доля лиц в возрасте 65 лет и старше составляет 7% и более.

Рис. 2. Половозрастная пирамида населения Беларуси на начало 2021 г., человек
Fig. 2. Population pyramid of Belarus as of the beginning of 2021, people

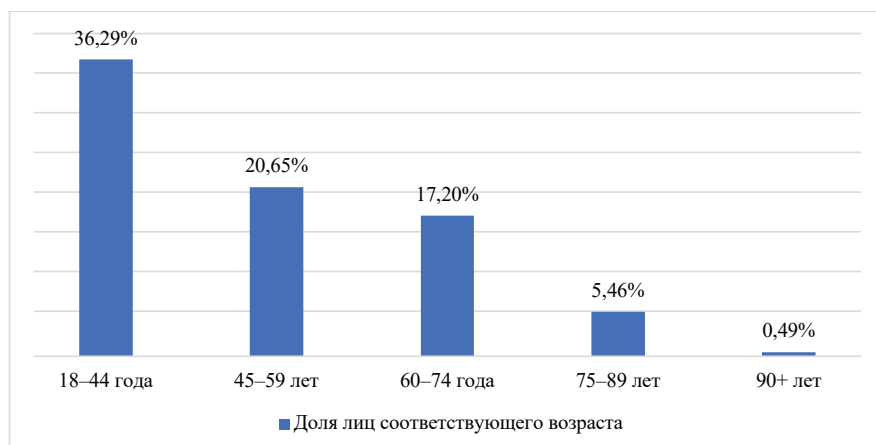
Источник: составлено автором на основе данных Белстата¹

Рис. 3. Повышение пенсионного возраста в Республике Беларусь
Fig. 3. Raising the retirement age in the Republic of Belarus

Источник: составлено автором

¹ Население и миграция // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/> (дата обращения: 08.10.2021).

Рис. 4. Распределение населения Беларуси по возрастным группам в 2020 г., %
Fig. 4. Distribution of the population of Belarus by age groups as of 2020, %

Источник: составлено автором на основе данных Белстата²

Соответственно графику можно утверждать: в Республике Беларусь очень высокий уровень демографической старости – доля лиц в возрасте от 60 лет и старше по состоянию на 2020 г превышает 18% и составляет 23,15%. Как отмечают в своей работе российские ученые В. А. Безвербный и Л. И. Бардакова, процесс увеличения доли пожилых людей в результате снижения рождаемости и смертности, роста продолжительности жизни, при незначительном приросте населения и стремящийся к снижению носит название «старение» (или “post-transition”) и относится к четвертой стадии смены типов воспроизводства населения [3].

Анализ демографической ситуации в Республике Беларусь свидетельствует о постепенном сокращении численности населения, которая за 20 лет уменьшилась на 6,1 % (табл. 1). В разрезе гендерной составляющей в большей степени уменьшилась численность мужчин (7,44 %) по сравнению с женщинами (-4,92 %), что составляет 2,52 процентных пункта. Отрицательным моментом выступает превышение количества лиц старше трудоспособного возраста над дотрудоспособным, что сказывается на сокращении потенциальной рабочей силы. Данные анализа свидетельствуют о росте городского населения по сравнению с сельским, что отражает процесс прогрессирующей урбанизации, при этом из семи регионов страны (шесть областей и город Минск) наибольший приток мигрантов идет в столицу и в областные города с развитой инфраструктурой и лучшим выбором сферы приложения труда, и как следствие более высоким уровнем оплаты. Демографическое старение населения создает дисбаланс между потребностью в молодых кадрах и их наличием, причем в большей степени для сельских территорий. Переезд в города наиболее активной части молодого поколения в города приводит к негативным последствиям для развития аграрного сектора, агрогородков и т. п.: ухудшает демографическую ситуацию на селе; неблагоприятно сказывается на замещении старших поколений и преемственности; создает проблемы с нехваткой рабочей силы и дисбалансом на рынке труда.

² Население и миграция // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/> (дата обращения: 08.10.2021).

Таблица 1.

Динамика численности населения по полу и возрасту на конец года, человек

Table 1.

Population dynamics by sex and age at the end of the year, people

Показатель	2000	2005	2010	2015	2019	2020	Темп роста, %
Все население Беларуси	9 956 684	9 630 354	9 472 064	9 469 093	9 410 259	9 349 645	93,90
<i>в том числе:</i>							
мужчины	4 668 206	4 489 208	4 392 778	4 377 032	4 350 459	4 321 122	92,56
женщины	5 288 478	5 141 146	5 079 286	5 092 061	5 059 800	5 028 523	95,08
<i>в возрасте:</i>							
моложе трудоспособного	1 989 113	1 615 886	1 514 020	1 643 794	1 686 171	1 678 547	84,39
трудоспособном	5 842 426	5 943 793	5 799 220	5 475 798	5 408 499	5 401 931	92,46
старше трудоспособного	2 125 145	2 070 675	2 158 824	2 349 501	2 315 589	2 269 167	106,78
<i>Удельный вес в общей численности населения, процентов</i>							
городского	70,1	72,2	74,8	76,7	77,6	77,9	111,13
сельского	29,9	27,8	25,2	23,3	22,4	22,1	73,91

Источник: составлено автором на основе данных Белстата³

Примечание: Данные на 1 января 2010–2019 гг. пересчитаны с учетом итогов переписи населения Республики Беларусь 2019 г.

По итогам выборочного обследования домашних хозяйств в целях изучения проблем занятости населения по состоянию на 2020 г., численность рабочей силы (общая численность занятых и безработных, без учета неактивного населения) в возрасте 15–74 года составляла 5091,6 тыс. человек, в том числе 4885,4 тыс. человек (96%) были заняты экономической деятельностью и 206,2 тыс. человек (4%) не имели занятия, но активно искали работу (в соответствии с методологией Международной организации труда (МОТ) они классифицируются как безработные)⁴. Следует отметить высокую долю занятых среди лиц предпенсионного и пенсионного возраста: в возрастной группе 50–59 лет она составляла 70,2%, а среди 60–74-летних – 20,4 %. Это объясняется экономической активностью населения, стремлением к получению дополнительного дохода и выступает критерием удовлетворения потребности на рынке труда и сглаживания влияния ухудшающейся демографической ситуации. Причем среди работающих пенсионеров преобладала работа по найму. При изучении сферы приложения труда наблюдалась следующая тенденция: для молодежи приоритет был отдан сфере услуг, а пенсионеры в большей степени были задействованы в сфере материального производства. Среди занятых женщин 67,5% имели высшее и среднее специальное образование, а среди мужчин – 46,4%.

Рассмотренные демографические аспекты следует учитывать при прогнозировании рынка труда страны.

Миграционные процессы и регулирование интеллектуальной миграции

Трудовая миграция – неотъемлемый процесс, в который вовлечены практически все страны. Для развития экономики Республики Беларусь на фоне ухудшения демо-

³ Население и миграция // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/> (дата обращения: 08.10.2021).

⁴ Труд и занятость в Республике Беларусь, 2020 // // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_18061/ (дата обращения: 08.10.2021).

графической ситуации требуется привлечение высококвалифицированных кадров. Как известно, если идет приток низкоквалифицированных кадров, то страна несет экономические потери, поскольку потреблять такие работники будут больше, нежели обеспечивать необходимый прирост ВВП [4, с. 20]. Развитие цифровой экономики и приток мигрантов в определенной степени оказывают влияние на формирование флексибилизации рынка труда. В результате проведенного нами анализа было установлено, что мигранты, работавшие в Беларуси в последние 10 лет, были в основном задействованы в сфере материального производства, причем более 80% трудовых мигрантов были заняты физическим трудом.

В Беларусь приезжают трудовые мигранты из 60 стран мира, однако самую значительную долю составляют граждане России, Украины, Узбекистана. Дальнее зарубежье представлено работниками из Турции, Вьетнама, Китая (обусловлено развитием совместных компаний и реализацией инвестиционных проектов на территории Республики Беларусь).

Международная организация по миграции (МОМ) с 2000 г. ежегодно готовит доклады о миграционной ситуации в мире⁵, которые призваны улучшить понимание текущих стратегических проблем в области миграции во всем мире. Международная миграция выступает важнейшим элементом глобализации. Результатом интеграционных процессов является взаимозависимость экономик различных стран, расширение открытого национального хозяйства, обмен ресурсами, в том числе и трудовыми. Однако эта взаимозависимость имеет как отрицательную, так и положительную стороны. Важно не допустить проявления негативных тенденций в процессе обмена, например, «утечки умов». Для Беларуси, где наблюдается достаточно высокий уровень подготовки специалистов во многих сферах экономики, данный вопрос является весьма актуальным [5, с. 486].

Трудовая миграция – часть международных экономических отношений, которая дает определенные преимущества странам, принимающим у себя потоки конкурентоспособной рабочей силы. В то же время движение трудовых потоков порождает определенные финансовые обязательства перед принимающей стороной, в особенности, если они перемещаются из менее развитых государств. В странах-донорах могут возникнуть серьезные проблемы по причине большого оттока эмигрантов, т. к. эти государства лишаются наиболее мобильной и прогрессивной части своего человеческого потенциала, ибо значение каждого высококвалифицированного работника чрезвычайно велико, и его потеря обходится государству недешево. Анализируя потоки интеллектуальных мигрантов, следует отметить среди них высокий удельный вес молодежи, выступающей базисом улучшения демографической обстановки в стране. Зачастую иностранцы оказываются в Беларуси в рамках ротации внутри международных корпораций. К тому же высококвалифицированных иностранных специалистов чаще приглашают крупные частные компании страны или компании с зарубежным капиталом. В случаях, когда иностранный бизнес инвестировал средства в Беларусь, то руководить белорусским проектом часто ставят человека из своей страны. Иностранцев также приглашают в целях развития отраслей, которые в Беларуси недостаточно развиты.

Большинство принимающих государств использует селективный подход при регулировании иммиграции: государство не препятствует въезду работников, ко-

⁵ World Migration Report // International Organization for Migration [сайт]. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/reports> (accessed on 08.10.2021).

торые нужны в данной стране, при этом ограничивая въезд всем остальным. Среди иммигрантов есть рабочие, которые за минимальную оплату труда выполняют тяжелую и неквалифицированную работу. В то же время для любой страны ценны мигранты, являющиеся специалистами новых и перспективных видов экономической деятельности; лица, инвестирующие в принимающую страну свой капитал и создающие новые рабочие места; работники специфических или малораспространенных профессий; известные люди – спортсмены, ученые, врачи. Проведенный нами анализ показывает, что численно эмиграционные и иммиграционные потоки Республики Беларусь характеризуются показателями, отражающими положительное сальдо миграции за последние годы, невзирая на динамичный вариационный характер (табл. 2).

Таблица 2.

Динамика миграции населения Беларуси, человек

Table 2.

Dynamics of population migration in Belarus, people

	2000	2005	2010	2015	2019	Темп роста, %
Прибывшие – всего	20 9767	238 317	228 429	274 020	275 240	131,21
Международная миграция	25 943	13 031	17 169	28 349	34 846	13,43
со странами СНГ	23 492	11 426	14 303	22 505	22 533	95,92
со странами вне СНГ	2 451	1 605	2 866	5 844	12 313	502,37
Миграция внутри республики	183 824	225 286	211 260	245 671	240 394	130,77
межобластная	75 559	97 221	94 507	115 646	127 436	168,66
внутриобластная	108 265	128 065	116 753	130 025	112 958	104,33
межрайонная	93 788	106 165	90 469	90 846	83 154	88,66
внутрирайонная	14 477	21 900	26 284	39 179	29 804	205,87
Выбывшие – всего	197 636	236 368	218 126	255 526	261 370	132,25
Международная миграция	13 812	11 082	6 866	9 855	20 976	151,87
со странами СНГ	7 249	7 520	5 040	6 679	12 941	178,52
со странами вне СНГ	6 563	3 562	1 826	3 176	8 035	122,43
внутриреспубликанская	183 824	225 286	211 260	245 671	240 394	130,77
межобластная	75 559	97 221	94 507	115 646	127 436	168,66
внутриобластная	108 265	128 065	116 753	130 025	112 958	104,33
межрайонная	93 788	106 165	90 469	90 846	83 154	88,66
внутрирайонная	14 477	21 900	26 284	39 179	29 804	205,87
Миграционный прирост, убыль (-)	12 131	1 949	10 303	18 494	13 870	114,34
Международная миграция	12131	1949	10303	18494	13870	114,34
со странами СНГ	16243	3906	9263	15826	9592	59,05
со странами вне СНГ	-4 112	-1957	1040	2668	4278	-104,04

Источник: составлено автором на основе данных Белстата⁶

⁶ Население и миграция // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/> (дата обращения: 08.10.2021).

Данные таблицы 2 свидетельствуют о миграционном приросте за 20 лет, который составляет 14,34%. При этом следует отметить, что в последние годы значительно возрос приток мигрантов из стран вне СНГ, в то время как число прибывающих из стран СНГ сократилось. Для любой страны проблему представляет качественная составляющая мигрантов, поскольку низкоквалифицированные работники не обладают потенциалом для работы в условиях инновационной и цифровой экономики. Но здесь есть и некоторый положительный момент, а именно: дешевизна рабочей силы. Отрицательным моментом для любого государства является ситуация, когда из страны выезжает высококвалифицированная молодежь в возрасте до 30 лет, в которую государство инвестировало немалые ресурсы. В то же время через процесс реэмиграции в страну поступает приток новых знаний, проявляющихся в форме развития бизнеса и предпринимательства. Мигранты, которые возвращаются из более развитых стран, могут принести с собой новые знания и технологии, которые компенсируют потери от их имевшего ранее место отъезда. Однако большинство позитивных последствий интеллектуальной миграции проявляются с лагом в 10–15 лет. Заметим, что за 10 лет количество мигрантов, проживающих на территории Республики Беларусь не с рождения, выросло на 16%, причем приток идет в города с лучшей культурной составляющей, образом жизни, большей сферой приложения труда, вызванной ростом потребности в рабочей силе со стороны промышленности и сферы услуг.

Таблица 3.

Население по длительности проживания по месту постоянного жительства, человек

Table 3.

Population by duration of residence at the place of permanent residence, people

	Всего		Из них проживают по постоянному месту жительства				
	2009	2019	с рождения		не с рождения (мигранты)		Темп роста, %
			2009	2019	2009	2019	
Все население	9 503 807	9 413 446	5 607 506	4 977 198	3 720 356	4 317 432	116,05
Городское население	7 064 529	7 299 989	4 104 120	3 760 925	2 788 747	3 443 930	123,49
Сельское население	2 439 278	2 113 457	1 503 386	1 216 273	931 609	873 502	93,76

Источник: составлено автором на основе данных Белстата⁷

Потеря человеческого капитала происходит, когда высококвалифицированные люди мигрируют. Порой только возвратная миграция может нейтрализовать отток рабочей силы. В экономической литературе основное внимание уделяется воздействию денежных переводов на экономику направляющей страны, которые составляют определенную часть ее ВВП, а во многих развивающихся государствах доля таких переводов весьма значительна, что влияет на потерю дохода в направляющих странах. Экономический рост государства и положительный эффект от миграции зависит от уровня образования мигрантов, их производительности и эффективности труда в принимающей стране. Существует и связь между эмиграцией и международной торговлей: в условиях сокращения затрат наличие межнациональных групповых

⁷ Миграционные характеристики населения Республики Беларусь по данным переписи населения 2019 г.: стат. бюллетень. – Минск, 2021. – 31 с.

связей может способствовать преодолению барьеров в двусторонней торговле. Объем торговли и ВВП может быть увеличен вследствие хорошей информированности иммигрантов о своей стране. К тому же миграция может повлиять на торговлю через эффект потребления: иммигранты могут проявлять высокий спрос на товары, произведенные на их родине, тем самым увеличивая импорт из стран своего происхождения [5, с. 488].

Очевиден факт: перемещение населения трудоспособного возраста влияет на конъюнктуру рынка труда, в частности, на соотношение спроса и предложения как территории въезда, так и выезда, что, в свою очередь, может приводить к ускорению или замедлению кругооборота занятости. Как следствие, происходит снижение стоимости рабочей силы на рынке труда и увеличение ее предложения или наоборот. Кроме этого, как отмечает П. В. Панькин, «трудовая миграция может оказывать воздействие на социально-экономическое и научно-техническое развитие страны в связи с высокой экономической выгодой использования дешевой иностранной рабочей силы, что является негативным фактором для развития социально-экономических условий работников и использования результатов научно-технических исследований» [6, с. 12].

Постоянно наблюдается маятниковая миграция, например, переезды, связанные с профессиональной деятельностью, учебой, туристические поездки с совмещением удаленной работы. По мнению экономиста Т. В. Черевичко, это формирует новое миграционное пространство, в рамках которого происходят трансграничные перемещения текущих мигрантов, составляющих глобальный рынок труда [7, с. 92]. Формирующая цифровая глобализация способствует появлению новых форм миграции: смешанной – в результате диффузии разных форм миграции и проявляющейся в форме инновационно-интеллектуальной миграции; комбинированной – объединение форм миграции при сохранении собственного содержания, где миграция труда проявляется как результат занятости по запросу. Сегодня мы наблюдаем положительный миграционный прирост, однако его объемов недостаточно для компенсации убыли населения. Государственная политика Республики Беларусь в данном направлении должна взять курс на создание условий для привлечения специалистов в приоритетные виды экономической деятельности; на предоставление миграционных льгот иностранным студентам и аспирантам, успешно окончившим образовательные учреждения страны. Для стабилизации демографической ситуации необходимо проведение компенсирующей иммиграции на основе дифференцированного подхода к различным категориям мигрантов с учетом национальных интересов, а также для сохранения и приумножения собственного интеллектуального и творческого потенциала.

В контексте «интеллектуальной миграции» следует отметить, что в Республике Беларусь в декабре 2017 г. был принят декрет «О развитии цифровой экономики»⁸. Документ, действие которого определено до 2049 г., разрешает иностранным гражданам наравне с гражданами Беларуси учреждать компании в особой экономической зоне «Парк высоких технологий» (ПВТ). Для привлечения большего количества зарубежных специалистов Беларусь ввела упрощенные условия выдачи стартап-виз,

---

⁸ Декрет Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» № 8 от 21 декабря 2017 г. // Президент Республики Беларусь. Официальный сайт Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716> (дата обращения: 08.10.2021).

предусматривающих специальные условия получения вида на жительство. Комплексное регулирование блокчейн разрешит повсеместно разрабатывать и внедрять систему, а также оказывать любые услуги бирж, обмена, привлечения финансирования в криптовалютах (ICO), в то время как ранее законы страны не позволяли вести такую деятельность. В результате число организаций-резидентов ПВТ в 2020 г. составило 962 ед. (в 2017 г. – 191 ед.), чему способствовали притягивающие факторы. Увеличение занятых в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в Беларуси возросло как за счет подготовки собственных кадров, так и в определенной степени за счет притока специалистов из-за рубежа. Удельный вес исследователей, занятых в секторе ИКТ, в общем количестве исследователей, выполняющих научные исследования и разработки, возрос с 4,8% в 2017 г. до 5,2% в 2020 г., а удельный вес экспорта услуг сферы ИКТ в общем объеме экспорта услуг вырос с 18,4% до 30,7% соответственно⁹.

В современных исследованиях отмечается, что искусственный интеллект, большие данные, роботизация и автоматизация, наряду с глобализацией и демографическими изменениями, приводят к цифровой трансформации рынков труда, например, появлению онлайн-платформ цифрового труда [8, с. 57]. Как отмечает Г. И. Глущенко, «индийские или китайские специалисты по компьютерным технологиям, работающие в США, до появления виртуального рынка труда вынуждены были становиться иммигрантами, но цифровая революция сняла эту необходимость, связав онлайн-работника с работодателем через платформу, создав в области трудовой миграции такую инновацию, как “виртуальная трудовая миграция”» [8, с. 58]. Благодаря информатизации удалось снизить риски с социальной напряженностью на рынке труда в период неблагоприятной эпидемиологической обстановки в мире в 2020–2021 гг. Развитие цифровой экономики изменяет технологический уклад общества и открывает широкие возможности для формирования эффективной занятости, а постепенная адаптация рабочей силы к изменяющимся условиям производства и найма, методам труда и его организации в перспективе позволит обеспечить необходимыми рабочими местами всех желающих и способных трудиться [9, с. 17].

В программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. обозначено, что для стабилизации численности населения предстоит разработать комплекс мер по сокращению эмиграционного оттока, прежде всего молодежи. Этому, на наш взгляд, может способствовать развитие цифровых платформ, создание благоприятных условий, обеспечивающих возвратный характер внешней миграции, а также стимулирующих приток в Республику высококвалифицированных иностранных специалистов.

Как отмечает С. В. Рязанцев, страна въезда трудовых мигрантов может получить позитивные эффекты от демографических последствий трудовой миграции: компенсация численности населения, омолаживание возрастной структуры населения, возможность заселения мигрантами пустующих земель. В качестве позитивных социальных последствий трудовой миграции страна въезда трудовых мигрантов получает занятость мигрантов в «непрестижных» сферах экономики и содействие вертикальной мобильности местных работников, появляется возможность отбора качественной рабочей силы, повышается занятость в малом бизнесе и предпринимательстве

---

⁹ Информационное общество в Республике Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь: ст. сб. – Минск, 2021. – 95 с.

[10, с. 456]. Население Республики Беларусь в основном толерантно и в целом позитивно воспринимает интернациональную миграцию.

Следует отметить, что иногда смена места жительства и переезд в другую страну связаны со стремлением к обеспечению экономической безопасности, обусловленной, как правило, следующими причинами: вооруженные конфликты международного характера; внутригосударственные конфликты; бедность населения и отсутствие скорых перспектив ее преодоления; негативные последствия изменения климата; преследование за политические, социальные, религиозные взгляды и действия, выражение которых преследуется в уголовном и административном порядке тех или иных государствах. Такие мигранты могут создать напряженность на рынке труда вследствие увеличения спроса на рабочие места.

Важно обратить внимание на то, что правительствами и международными организациями предприняты необходимые меры по международно-правовому регулированию миграции. Тем не менее, как международно-правовые акты, так и национальное законодательство государств не позволяют в полной мере решить проблемные вопросы трудовой миграции. Практически каждое государство заинтересовано в притоке молодых и квалифицированных кадров, соблюдающих местное законодательство, уважающих национальные традиции и культуру страны пребывания. Как отмечается в многочисленных публикациях на тему миграции, основные потоки мигрантов перемещаются, как правило, из наиболее неблагоприятных и бедных регионов Ближнего и Среднего Востока, Африки, Южной и Центральной Америки в Западную Европу и Северную Америку. Значительная часть мигрантов из вышеупомянутых регионов мира не обладает необходимыми квалификационными требованиями, уровнем образования и культуры. У многих мигрантов основная цель – это получить возможность жить в стране с более высоким уровнем развития и безопасности, порой, не ставя перед собой цели легально работать, изучать язык и культуру страны пребывания, т. е. полноценно интегрироваться в новое сообщество.

Ряд экономистов считает, что риск снижения интеллектуального потенциала общества определяется качественным составом трудовых ресурсов и привлечением неквалифицированных иностранных рабочих из стран СНГ, задействованных в строительстве, сельском хозяйстве, торговле и сфере обслуживания, что связано с оттоком образованного населения из регионов [11, с. 119]. Для Беларуси характерны те же риски миграционных потоков, что и для России, например, масштабное привлечение относительно дешевой неквалифицированной иностранной рабочей силы является фактором риска для экономического развития, так как не способствует модернизации производства [11, с. 146].

Миграция дифференцированно воздействует на уровень занятости и заработков различных групп местного населения, что в свою очередь отражается на национальной безопасности и правопорядке принимающих территорий, способствует нарастанию общей социальной напряженности [12, с. 120]. Миграция становится одним из важнейших рычагов управления трудовой сферой в целях обеспечения диверсификации на рынках высокотехнологических товаров и интеллектуальных услуг, способствует появлению «новых инновационных компаний во всех секторах экономики, в первую очередь в сфере экономики знаний», формирует необходимый кадровый потенциал. Миграция решает проблемы сбалансированности спроса и предложения на региональных рынках труда, способствует выравниванию социально-экономического положения территорий [12, с. 121].

Безусловно, ни одна страна, да и группа стран не в состоянии полностью решить проблемы миграции, т. к. последняя носит комплексный характер. Ужесточение отдельных мер миграционной политики обосновано ввиду упреждения потенциальных угроз для экономической и социальной сферы, таких как разбалансированность и нестабильность рынка труда, безработица, усиление социальной напряженности, роста преступности и т. д.

Заключение

Таким образом, в ходе научного исследования было выявлено, что демографическая ситуация в Беларуси характеризуется суженным режимом воспроизводства населения – сокращением численности рабочей силы и ростом доли лиц пенсионного возраста. Мы считаем, что эффективное государственное регулирование в обеспечении экономической безопасности в социальной и демографической сферах возможно благодаря: успешной реализации государственных программ «Активное долголетие», «Здоровье народа и демографическая безопасность» на период 2021–2025 годы; достижению на национальном уровне Целей устойчивого развития в области эффективной занятости; снижению процессов урбанизации; недопущению оттока высококвалифицированных кадров из страны; обеспечению оптимизации внутренних и внешних миграционных потоков, обеспечивая положительное сальдо в части интеллектуальной миграции и т. п. Решение данных вопросов позволит на макроуровне в определенной степени обеспечить демографическое благополучие «как сбалансированное соотношение количественных и качественных показателей демографического развития страны» [13, с. 8]. С экономико-правовой точки зрения целесообразно упрощать правила и процедуры привлечения квалифицированных работников по профессиям, востребованным на рынке труда, и устанавливать более жесткие административные и экономические барьеры при приеме на работу временных трудовых мигрантов, способных осуществлять либо малоквалифицированный, либо неквалифицированный труд. Выявление факторов, определяющих состояние и трансформацию рынка труда, будет способствовать грамотному прогнозированию его развития.

Список литературы

1. Морозова Н. Н. Воспроизводство и развитие человеческого потенциала в регионе: учебно-методические материалы / Н. Н. Морозова, В. П. Шорохов. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2006. – 125 с. ISBN: 985-480-195-2.
2. Морозова Н. Н. Рынок труда в контексте демографического развития: состояние и государственное регулирование // Проблемы управления. 2021. № 4 (82). С. 83–94.
3. Безвербный В. А., Бардакова Л. И. Демографический переход в странах СНГ: тенденции и предварительные итоги // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 3. С. 11–22. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.3.2>.
4. Морозова Н. Н. Влияние миграционных процессов на рынок труда: использование опыта Германии // Беларусь в современном мире: материалы XII Международной конференции, посвященной 92-летию образования Белорусского государственного университета, 30 октября 2013 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. С. 330–332.
5. Морозова Н. Н. Проблемы и регулирование интеллектуальной миграции предприятия // Наука и общество: история и современность: материалы международной научно-практической конференции. Минск, 16–17 октября 2014 г.; ред. кол.: Котляров И. В. (гл. ред.) и др.; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2014. С. 486–490.
6. Панькин П. В. Регулирование рынка труда с учетом особенностей трудовой миграции: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Панькин Павел Владимирович; ФГБОУ ВО «ЕГУ им. И.А. Бунина». – Елец, 2018. – 32 с.

7. Черевичко Т. В. Миграция труда в контексте цифровой экономики // Вестник СГСЭУ. 2019. № 4 (78). С. 90–92.
8. Глуценко Г. И. Развитие виртуальной миграции в контексте цифровизации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 57–64. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.4>.
9. Золин И. Е. Социальные факторы регулирования российского рынка труда: автореф. дис. ... д-ра. социол. наук: 22.00.03 / Золин Игорь Евгеньевич. – Нижний Новгород, 2020. – 36 с.
10. Рязанцев С. В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование / Российская акад. наук, Ин-т социально-политических исслед. – Москва: Формула права, 2007. – 572 с.
11. Миграционные риски как фактор возникновения конфликтов: евразийский и европейский опыт решения: монография / Р. Р. Фахрутдинов, В. Т. Сакаев, Р. И. Измайлов и др. – Казань: Издательство Казанского университета, 2020. – 252 с. ISBN: 978-5-00130-350-3.
12. Миграция населения: теория, политика: учебное пособие / Воробьева О. Д., Топилин А. В., Мукомель В. И. и др.; под редакцией О. Д. Воробьевой, А. В. Топилина. – Москва: Экономическое образование, 2012. – 364 с. ISBN: 978-5-7425-0160-2.
13. Рязанцев С. В., Мирязов Т. Р. Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1>.

Сведения об авторе:

Морозова Наталья Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий отделом экономики сферы услуг Института экономики Национальной академии наук Беларуси; докторант кафедры экономики организации Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.

Контактная информация: e-mail: morozova7373@mail.ru; ORCID ID 0000-0002-0591-1933; РИНЦ Author ID: 843072.

Статья поступила в редакцию 02.02.2022; принята в печать 07.04.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

THE IMPACT OF POPULATION AGING AND MIGRATION ON THE LABOR MARKET IN BELARUS

Natalia N. Morozova

Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

E-mail: morozova7373@mail.ru

For citation: Natalia N. Morozova. The Impact of Population Aging and Migration on the Labor Market in Belarus. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2. No 2. Pp. 121–137. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.9>. EDN: ALPMCX.

Abstract. The purpose of the study is to assess the demographic situation and migration processes that affect the functioning and transformation of the labor market in conditions of depopulation, which would allow to ensure demographic security and justify measures to improve the population employment policy. The object of the study is the patterns of transformation of the labor market in the Republic of Belarus. The subject of the study is the demographic aging of the population as the existing basis for the formation of the labor force. The hypothesis of the study is that the demographic aging of the population and the reproduction of labor resources constitute the main potential of the labor force, which forms the labor market. It is shown that the effective development of the economy in the context of digitalization should be accompanied by an increase in the quality of human potential, and the impossibility of completely replacing pensioners with persons of pre-working age can be compensated by the influx of migrants with a higher level of education and relevant qualifications. The study presents groupings of the population by age groups, reflects the dynamics of retirement, taking into account the pension reforms carried out in the country, and the possibility of actively using pensioners as a resource in the labor market. The positive net migration offsets the negative natural decline in the population of Belarus, but does not solve the problem of labor market efficiency. The article outlines the socio-economic and demographic aspects that provide justification for measures to ensure demographic security and improve state policy in the field of employment. The research is based upon economic-statistical, demographic and analytical research methods. The result and, accordingly, the scientific contribution of the study is the theoretical substantiation of the position that the situation in a country where there is no general population growth cannot be called demographically prosperous, since from an economic standpoint there will be a shortage of labor force to form effective employment in the labor market. The application

of the research results would make it possible to conduct a competent policy in the labor market, taking into account the age composition of the population; carry out programs for the development of active and passive employment policies and forecasting the state of the labor market at the regional and national levels taking into account the age composition of the population; implement measures within the framework of the State Program "Labor Market and Employment Promotion" in the Republic of Belarus; to substantiate the mechanism for implementing a migration policy that ensures the quantitative and qualitative composition of the labor force in the labor market.

Keywords: Republic of Belarus, labor market, employment, labor resources, labor force, population reproduction, demographic well-being, demographic factors, demographic aging of the population, human potential, able-bodied population, migration, intellectual migration, digitalization.

References

1. Morozova N. N. *Vosproizvodstvo i razvitiye chelovecheskogo potentsiala v regione [Reproduction and development of human potential in the region]: teaching materials* / N. N. Morozova, V. P. Shorokhov. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University, 2006. 125 p. ISBN: 985-480-195-2. (In Russ.)
2. Morozova N. N. Labor Market in the Context of Demographic Development: Current Situation and State Regulation. *Problemy upravleniya*. 2021. No. 4 (82). Pp. 83–94. (In Russ.)
3. Bezverbny V. A., Bardakova L. I. Demographic Transition in The CIS Countries: Trends and Preliminary Results. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No. 3. Pp. 11–22. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.3.2>. (In Russ.)
4. Morozova N. N. Vliyanie migratsionnykh protsessov na rynek truda: ispol'zovaniye opyta Germanii [The impact of migration processes on the labor market: using the experience of Germany]. In: *Belarus' v sovremennom mire [Belarus in the modern world]: proceedings of the XII International Conference dedicated to the 92nd anniversary of the Belarusian State University, October 30, 2013* / ed. by V. G. Shadursky, et al. Minsk: BSU Publishing Center, 2013. Pp. 330–332. (In Russ.)
5. Morozova N. N. Problemy i regulirovaniye intellektual'noy migratsii predpriyatiya [Problems and regulation of intellectual migration of an enterprise]. In: *Nauka i obshchestvo: istoriya i sovremennost' [Science and society: history and modernity]: proceedings of the international scientific and practical conference*. Minsk, October 16–17, 2014; ed. by Kotlyarov I. V., et al.; Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus. Minsk: Law and Economics, 2014. Pp. 486–490. (In Russ.)
6. Pankin P. V. *Regulirovaniye rynka truda s uchetom osobennostey trudovoy migratsii [Regulation of the labor market taking into account the peculiarities of labor migration]: abstract of the dissertation for a candidate degree in economic sciences: 08.00.05* / Pankin Pavel Vladimirovich; Yelets State I. Bunin University. Yelets, 2018. 32 p. (In Russ.)
7. Cherevichko T. V. Labor Migration in the Context of Digital Economy. *Bulletin Of Saratov State Socio-Economic University*. No. 4 (78). Pp. 90–92. (In Russ.)
8. Glushchenko G. I. Development of Virtual Migration in the Context of the Ongoing Digitalization. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No. 2. Pp. 57–64. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.4>. (In Russ.)
9. Zolin I. E. *Sotsial'nyye faktory regulirovaniya rossiyskogo rynka truda [Social factors of regulation of the Russian labor market]: abstract of the dissertation for a doctoral degree in sociological sciences: 22.00.03* / Zolin Igor Evgenievich. Nizhny Novgorod, 2020. 36 p. (In Russ.)
10. Ryazantsev S. V. *Trudovaya migratsiya v stranakh SNG i Baltii: tendentsii, posledstviya, regulirovaniye [Labor migration in the CIS and Baltic countries: tendencies, consequences, regulation]* / Russian acad. Sciences, Institute of Socio-Political Research. Moscow: Formula Prava, 2007. 572 p. (In Russ.)
11. *Migratsionnyye riski kak faktor vozniknoveniya konfliktov: yevraziyskiy i yevropeyskiy opyt resheniya [Migration risks as a factor in the emergence of conflicts: Eurasian and European experience in resolving]: monograph* / R. R. Fakhruddinov, V. T. Sakaev, R. I. Izmailov et al. Kazan: Kazan University Press, 2020. 252 p. ISBN: 978-5-00130-350-3. (In Russ.)
12. *Migratsiya naseleniya: teoriya, politika [Population migration: theory, policy]: textbook* / Vorobieva O. D., Topilin A. V., Mukomel V. I. et al.; ed. by O. D. Vorobieva, A. V. Topilin. Moscow: Economic education, 2012. 364 p. ISBN: 978-5-7425-0160-2. (In Russ.)
13. Ryazantsev S. V., Miryazov T. R. Demographic Well-Being: Theoretical Approaches to Definition and Assessment Methodology. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No. 4. Pp. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1>. (In Russ.)

Bio note:

Natalya N. Morozova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head Department for Economics of the Service Sector, Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus; doctoral student, Department for Economics of Organization, Institute of Management Personnel, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.

Contact information: e-mail: morozova7373@mail.ru; ORCID ID 0000-0002-0591-1933; RSCI Author ID: 843072.

Received on 02.02.2022; accepted for publication on 07.04.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.10

EDN: ALERFK

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА В РОССИИ

Борзунова Т. И.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: tiber53@mail.ru

Морозова Г. Ф.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: gmoroz46@mail.ru

Для цитирования: Борзунова Т. И., Морозова Г. Ф. Демографические аспекты развития региональных рынков труда в России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 138–147. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.10>. EDN: ALERFK.

Аннотация. В статье исследуются условия формирования численности населения по федеральным округам России и ее изменения под влиянием естественного и миграционного движения за 2017–2019 гг. Анализируется динамика общей численности населения страны и ее регионов как одного из важнейших показателей их развития. Изучаются особенности изменения численности населения на основе группировки субъектов Российской Федерации в зависимости от взаимодействия и сочетания естественного и миграционного движения. Анализируются численность трудоспособного населения страны в 2019 г. и его доля в общей численности населения, а также исследуются различия в формировании численности трудоспособного населения по федеральным округам. Рассматриваются изменения среднегодовой численности занятого населения по федеральным округам России за 2017–2019 гг. в зависимости от естественного и миграционного движения. Проведена группировка территорий России по среднегодовой численности занятых. Дана характеристика участия занятых в экономическом развитии регионов России. Анализируются данные по группировке территорий России в потребности в работниках, заявленных работодателями в органы службы занятости, а также и по зарегистрированным безработным.

Ключевые слова: численность населения, естественный прирост, миграционный прирост, трудоспособное население, занятость, безработица, потребность в работниках.

Введение

Совокупность направлений в демографии служит научным фундаментом для планирования и принятия политических решений по экономическому развитию на отраслевом, региональном, национальном и глобальном уровнях. [1; 2; 3]. Динамика общей численности населения является одним из важнейших показателей, используемых при анализе общих тенденций изменения территории в контексте эффективности социальных и экономических программ [4; 5]. Это позволяет получить общую характеристику реакции населения на политическую и экономическую ситуацию в данной местности для выработки стратегии ее дальнейшего развития [6; 7].

Большое значение имеют данные по занятости населения [8; 9; 10], как характеристики его участия в экономическом развитии страны. Дополняет картину занятости населения изучение численности безработных [11]. В свою очередь, данные о потребности в трудовых ресурсах нужны для перспективных планов экономического и социального развития регионов страны. Актуальность этих проблем сохраняется и в настоящее время.

В представленной статье рассматриваются статистические материалы по численности населения России за 2017–2019 гг., позволяющие проследить тенденции в его изменении. На основе этих данных анализируется статистика по трудоспособному населению, его занятости, потребности в нем и численности безработных.

Тенденции демографического развития регионов России

В настоящей работе дается анализ миграционного и естественного прироста населения по группам регионов с разной интенсивностью и проводится систематизация первичных данных Федеральной службы государственной статистики за период 2017–2019 гг. по численности населения, его занятости, потребности в трудовых ресурсах и уровню безработицы. Для более детального анализа влияния естественного и миграционного движения на численность населения все территории в восьми федеральных округах (ФО) условно распределены на шесть групп в зависимости от комбинации этого влияния.

Население Российской Федерации, как свидетельствует официальная статистика, в период с 2017 по 2019 гг. по своей численности было достаточно стабильным (табл. 1). Так, численность населения России с 2017 по 2019 гг. уменьшилась на 128 тыс. человек.

Изменение численности населения в регионах страны происходит под влиянием процессов естественного и миграционного движения, которые в разных субъектах Российской Федерации имеют свои особенности. Так, в 2019 г. население сократилось в двух из восьми федеральных округов: Приволжском и Сибирском. Максимальное сокращение населения отмечалось в Сибирском ФО. Сокращение населения только в этих двух округах привело к сокращению населения по стране в целом.

Таблица 1.

Численность населения по федеральным округам России в 2017–2019 гг. (оценка на конец года, тыс. человек)

Table 1.

Population by federal districts of Russia in 2017–2019 (as of the end of the year, thousand people)

№	Федеральные округа РФ	Изменение численности населения с 2017 по 2019 гг.			
		2017 г.	2018 г.	2019 г.	2017–2019 гг.
1	Россия	146 877	146 781	146 749	-128
2	Центральный ФО	39 311	39 378	39 434	123
3	Северо-Западный ФО	13 952	13 972	13 982	30
4	Южный ФО	16 441	16 455	16 466	25
5	Северо-Кавказский ФО	9 823	9 867	9 931	108
6	Приволжский ФО	29 542	29 397	29 288	-254
7	Уральский ФО	12 356	12 350	12 361	5
8	Сибирский ФО	19 287	17 173	17 118	-2 169
9	Дальневосточный ФО	6 165	8 189	8 169	2 004

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата¹

Максимальное увеличение численности населения в стране в 2019 г. по сравнению с 2017 г. отмечалось в Дальневосточном ФО. За эти годы население здесь увели-

¹ Демография // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.11.2021).

чилось более чем на 2 млн человек, что было связано с передачей Бурятии и Забайкальского края из состава Сибирского ФО в Дальневосточный ФО. Второе место по росту численности населения принадлежит Центральному ФО, третье – Северо-Кавказскому ФО.

В этих федеральных округах в 37 территориях сокращение шло за счет как миграционного оттока населения, так и его естественной убыли. Максимальное сокращение населения за счет названных факторов отмечалось в Саратовской области Приволжского ФО. В данном округе из входящих в него 14 субъектов в 10 отмечалось сокращение населения за счет этих двух факторов. Одновременно в Северо-Кавказском ФО таких территорий в 2019 г. не отмечалось, а в Уральском ФО выявлена всего одна территория – Курганская область.

В 2019 г. по сравнению с 2017 г. рост численности населения происходил не во всех территориях каждого округа. Например, в Центральном ФО численность населения увеличилась на 123 тыс. человек. В то же самое время только в одной Москве население увеличилось на 125 804 человек, а в Московской области – на 79 915 человек, и в целом по этим двум территориям увеличение численности населения составило 205 719 человек. Это почти в два раза больше, чем по всему Центральному ФО, где в остальных 16 областях шло сокращение населения. Наибольшие потери были в Тверской и Владимирской областях. В результате Москва и Московская область сдерживали сокращение численности населения в Центральном ФО, на долю которого приходилось 27,0% всего населения страны.

В 2019 г. по сравнению с 2017 г. численность населения в России снизилась на 128 тыс. человек. В четырех ФО европейской части страны население незначительно увеличилось. В эти же годы в восточной части страны численность населения значительно уменьшилась в Сибирском ФО.

По словам ведущего российского демографа Л. Л. Рыбаковского, «в России в последнее десятилетие XX века, наряду с эмиграцией стали происходить изменения в территориальной направленности внутренних миграционных процессов: на смену вектора «запад-восток», сохранявшемуся 200–250 лет, с переходом страны к рыночной экономике, сформировался вектор «восток-запад», набирающий силу в XXI столетии [12].

Трудоспособное население России

Россия обладает уникальными человеческими и интеллектуальными ресурсами. По данным А. В. Топилина [7], из 146 млн человек населения 77,1 млн составляли экономически активную часть. По данным Росстата, на 01.01.2019 г. в стране насчитывался 81 млн человек трудоспособного населения, что составляло 55,4% общей численности населения. Увеличение численности трудоспособного населения положительно сказывается на общей экономической ситуации в государстве [13].

В Северо-Кавказском и Дальневосточном ФО отмечался максимальный процент этой категории населения по сравнению с общероссийским показателем (соответственно на 2% и 1,5% выше). Одновременно в Приволжском и Южном ФО настоящий показатель был на 0,6% и 0,9% ниже общероссийского.

В таблице 2 представлены данные по численности трудоспособного населения Российской Федерации по состоянию на начало 2019 г., показывающие значительный региональный разброс по обеспеченности трудовыми ресурсами.

В абсолютном выражении максимальное число трудоспособного населения проживало в Центральном и Приволжском ФО. В Центральном ФО почти половина трудоспособного населения сосредоточена в Москве и Московской области. Подобная ситуация отмечалась и в Северо-Западном ФО, где более половины трудоспособного населения проживает в городе Санкт-Петербург и Ленинградской области.

Таблица 2.

Численность трудоспособного населения России на 01.01.2019 г. (человек)

Table 2.

The able-bodied population of Russia as of January 1, 2019 (people)

№	Федеральные округа РФ	Численность трудоспособного населения на 01.01.2019 г.	Доля трудоспособного населения в общей численности населения на 1 января 2019 г.
1	Россия	81 361 671	55,4
2	Центральный ФО	21 880 103	55,6
3	Северо-Западный ФО	7 809 909	55,9
4	Южный ФО	9 010 903	54,8
5	Северо-Кавказский ФО	5 659 974	57,4
6	Приволжский ФО	16 036 136	54,5
7	Уральский ФО	6 849 528	55,5
8	Сибирский ФО	9 455 907	55,1
9	Дальневосточный ФО	4 659 211	56,9

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата²

Такое же распределение трудоспособного населения фиксируется в Южном ФО (в Краснодарском крае и Ростовской области), в Северо-Кавказском ФО (в Республике Дагестан и Ставропольском крае), в Уральском ФО (в Свердловской и Тюменской областях с автономными округами). Таким образом, трудоспособное население распределяется в федеральных округах неравномерно. Оно сосредоточено, главным образом, в промышленно развитых территориях.

Занятость и безработица в России

В народном хозяйстве страны занято 72,8 млн человек, из которых 30,4% имеют высшее профессиональное образование, еще 26,2% – среднее профессиональное образование. Кроме того, 20% работающих получили начальную подготовку по различным профессиям³. В 2018 г. по сравнению с 2017 г. численность занятого населения в России сократилась на 281 тыс. человек. Такое сокращение продолжалось и в 2019 г., за который численность этой категории населения уменьшилась по сравнению с 2018 г. почти в два раза. Статистические данные (см. табл. 3) показывают, что максимальное число занятого населения проживало в Центральном и Приволжском ФО. Во всех федеральных округах занятое население сосредоточено в промышленно развитых территориях.

² Демография // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.11.2021).

³ Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 20.11.2021).

Таблица 3.

**Численность занятого населения по федеральным округам России в 2017–2019 гг.
(тыс. человек)**

Table 3.

Employed population by federal districts of Russia in 2017–2019 (thousands of people)

№	Федеральные округа РФ	Численность занятого населения в 2017 г.	Численность занятого населения в 2019 г.	Изменение численности занятого населения в 2019 г. по сравнению с 2017 г.
1	Россия	71 842,7	71 064,5	-778,2
2	Центральный ФО	21 259,7	21 171,2	-88,5
3	Северо-Западный ФО	7 161,5	7 065,3	-96,2
4	Южный ФО	7 455,0	7 417,3	-37,6
5	Северо-Кавказский ФО	3 839,6	3 904,1	64,5
6	Приволжский ФО	13 854,8	13 434,6	-420,2
7	Уральский ФО	6 366,7	6 322,1	-44,6
8	Сибирский ФО	7 865,6	7 795,2	-70,4
9	Дальневосточный ФО	4 039,7	3 954,7	-85,0

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата⁴

Максимальное сокращение численности занятого населения в 2019 г. по сравнению с 2017 г. отмечалось в Приволжском ФО (на 420,2 тыс. человек – более 50% от общего сокращения по стране). Второе место занимал Северо-Западный ФО, где численность занятого населения уменьшилась почти на 100 тыс. человек. На третьем месте был Центральный ФО. Как видим, три первых места по сокращению численности занятого населения приходятся на европейскую часть страны, т. е. наиболее промышленно развитые ФО. Увеличение среднегодовой численности занятого населения наблюдалось в эти годы лишь в одном Северо-Кавказском ФО.

Сокращение занятости населения за счет естественной убыли и миграционного оттока происходило только в 37 из 85 субъектах РФ. Из них в 18 субъектах – за счет превышения естественной убыли над миграционным приростом и в 3 субъектах – за счет превышения миграционного оттока над естественным приростом. Итак, в 58 из 85 территорий РФ численность занятого населения сокращалась.

Рост занятости населения из 85 субъектов РФ происходил в восьми субъектах за счет естественного и миграционного приростов, в двух территориях отмечалось увеличение численности занятого населения за счет превышения естественного прироста над миграционным, и в двух – за счет превышения миграционного прироста над естественным. Итак, в 12 из 85 территорий РФ численность занятого населения увеличивалась.

Потребность в работниках

Важное значение в плане занятости населения имеет такой показатель, как потребность в работниках, заявленная работодателями в органы службы занятости. Анализ статистических данных выявил, что в 58 субъектах из 85 происходило снижение потребности в работниках, тогда как в остальных наблюдалось повышение потребности при сильном варьировании данных и общей тенденции к снижению потребности за 2017–2019 гг.

⁴ Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 20.11.2021).

Группировка территорий РФ по потребности в работниках, заявленная работодателями в органы службы занятости за 2017-2019 гг., позволила условно выделить несколько групп. Так, 1-я группа включила территории, где население сокращалось за счет естественной убыли и миграционного оттока населения. В эту группу вошли 37 субъектов РФ. В 19 территориях работодатели заявляли о потребности в работниках.

Среди всех субъектов РФ лишь одна территория – Сахалинская область – не нуждалась в привлечении дополнительной рабочей силы. Более того, в 2019 г. по сравнению с 2017 г. потребность в работниках сократилась там более чем на 7 тыс. человек.

В шести территориях страны – в Республиках Мордовия и Хакасия, Красноярском и Хабаровском краях, Ульяновской и Архангельской областях (без Ненецкого АО) – в 2018 г. потребность в работниках уменьшилась. А в 2019 г. по сравнению с 2018 г. в этих территориях потребность в работниках увеличилась.

Противоположная ситуация сложилась в 11 субъектах РФ: в Республике Башкортостан, Чувашской Республике, Алтайском и Камчатском краях, Астраханской, Брянской, Волгоградской, Вологодской, Кемеровской, Орловской, Тамбовской областях. В этих территориях в 2018 г. потребность в работниках увеличивалась по сравнению с 2017 г., а в 2019 г. она стала снижаться.

Вторая группа объединила 18 территорий РФ. В этих территориях население также сократилось, но за счет превышения естественной убыли над миграционным приростом. В восьми субъектах РФ в 2019 г. по сравнению с 2017 г. произошло увеличение потребности в работниках, и лишь в Липецкой области зафиксировано сокращение потребности в работниках.

В четырех территориях – Приморском крае, Амурской, Воронежской, Ярославской областях – в 2018 г. фиксировалось повышение потребности в работниках, а в 2019 г. – ее снижение.

В пяти территориях – Республике Марий Эл, Новгородской, Рязанской, Самарской, Челябинской областях – наоборот, в 2018 г. отмечалось снижение, а в 2019 г. увеличение потребности в работниках.

В третьей группе, самой малочисленной, три территории: Республики Калмыкия, Карачаево-Черкесская и Северная Осетия-Алания. В них также отмечалось сокращение населения за счет превышения миграционного оттока над естественным приростом. В двух территориях: Республиках Карачаево-Черкесская и Северная Осетия-Алания – потребность в рабочей силе увеличилась.

Во всех трех группах на фоне снижения численности населения отмечалось постоянное увеличение потребности в работниках (в 29 субъектах РФ из 58). В половине субъектов РФ на фоне сокращения численности населения росла потребность в работниках.

Наряду с занятым населением в различных отраслях народного хозяйства в стране существует группа населения, которая относится к категории безработных. В 2019 г. в России эта часть населения составляла 691,4 тыс. человек. Статистические данные, приведенные в таблице 4, свидетельствуют о том, что в 2019 г. по сравнению с 2017 г. численность безработных в стране уменьшилась на 84 тыс. Уменьшение данной группы населения отмечалось по всем федеральным округам. Минимальная численность безработных как в 2017 г., так и в 2019 г. отмечалась в Дальневосточном и Южном ФО.

Таблица 4.

Численность зарегистрированных безработных по федеральным округам России в 2017–2019 гг. (тыс. человек)

Table 4.

Number of registered unemployed by federal districts of Russia in 2017–2019 (thousand people)

№	Федеральные округа РФ	Численность безработных в 2017 г.	Численность безработных в 2019 г.	Изменение численности безработных в 2019 г. по сравнению с 2017 г.
1	Россия	775,5	691,4	-84,1
2	Центральный ФО	134,0	121,0	-13,0
3	Северо-Западный ФО	63,3	60,1	-3,2
4	Южный ФО	59,9	57,8	-2,1
5	Северо-Кавказский ФО	136,0	119,4	-16,6
6	Приволжский ФО	135,0	123,8	-11,2
7	Уральский ФО	70,7	59,2	-11,5
8	Сибирский ФО	117,3	100,9	-16,4
9	Дальневосточный ФО	59,4	49,1	-10,3

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата⁵

Наименьшее сокращение численности безработных в 2019 г. по сравнению с 2017 г. фиксировалось в Южном и Северо-Западном федеральных округах, а максимальное отмечалось в Северо-Кавказском ФО.

В половине субъектов РФ, где население сокращалось, в течение трех лет (2017–2019 гг.) число зарегистрированных безработных повсеместно снижалось. В 27 территориях, в которых население увеличивалось, отмечалось сокращение безработных в 2018 г. по сравнению с 2017 г. и их рост в 2019 г. по сравнению с 2018 г.

Следует обратить внимание на статистические данные по Чеченской Республике. Здесь в 2019 г. насчитывалось более 50 тыс. безработных. По этому показателю республика занимала первое место среди других российских территорий. На третьем месте по данному показателю стоит Республика Ингушетия (22,8 тыс. человек), а четвертое место занимает Республика Дагестан (20,3 тыс. человек). Особое место по числу безработных принадлежит Москве (28,9 тыс. человек), что обусловлено несоответствием между числом прибывающих мигрантов и наличием рабочих мест. Таким образом, первые места по количеству зарегистрированных безработных занимают республики Закавказья.

Заключение

Согласно данным официальной статистики, по субъектам Российской Федерации уже с 2018 г. численность населения начинает уменьшаться. В 2019 г. по сравнению с 2017 г. она снизилась на 23 тыс. человек. Изменение численности населения в регионах страны происходит под влиянием процессов естественного и миграционного движения. Трудоспособное население сосредоточено главным образом в промышленно развитых территориях. Численность трудоспособного населения взаимосвязана со среднегодовой численностью занятого населения. Численность занятого населения в России с 2017 г. сокращалась. Среди территорий, в которых население сокращалось, преобладали субъекты РФ с ростом потребности в работниках. В группе территорий, в

⁵ Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 20.11.2021).

которых население увеличивалось, потребность в работниках не отмечалась. Численность зарегистрированных безработных за 2017–2019 гг. снизилась незначительно.

Выявленные тенденции в формировании трудовых ресурсов и потребности в дополнительной рабочей силе требуют проведения активной политики в поддержке занятости населения, разработке региональных программ по социально-экономическому развитию Сибири и Дальнего Востока.

Список литературы

1. Борисов В. А. Демография: Учеб. для студентов вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Nota Bene, 2003. – 343 с. ISBN: 5-8188-0060-1.
2. Рыбаковский Л. Л. Прикладная демография: Работы 2001–2003 гг. / Л. Л. Рыбаковский; Институт социально-политических исследований Российской академии наук. – Москва: ИСПИ РАН, 2003. – 206 с.
3. Рыбаковский Л. Л. История и теория миграции населения: монография / Л. Л. Рыбаковский; Институт социально-политических исследований Российской академии наук. – Москва: ИСПИ РАН, 2016-. Кн. 1: Мировые миграции: исторические фрагменты и их детерминанты. – 2016. – 210 с. ISBN: 978-5-9908112-0-1.
4. Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Рыбаковский Л. Л. Результативность демографической политики России / под ред. Л. Л. Рыбаковского; Институт социально-политических исследований Российской академии наук. – Москва: Экон-Информ, 2016. – 307 с. ISBN: 978-5-9908284-8-3.
5. Гагарина Г. Ю., Мирошников С. Н. Некоторые вопросы управления социально-экономическим развитием субъектов Российской Федерации на основе системы стратегического планирования // Управленческое консультирование. 2018. № 12 (120). С. 79–90. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-12-79-90>.
6. Основы теории народонаселения / Под ред. Д. И. Валентя. – Москва: Высшая школа, 1973. – 328 с.
7. Топилин А. В. Миграция населения и формирование трудовых ресурсов в СССР и на постсоветском пространстве: тенденции и регулирование. – Москва: Экон-Информ, 2020. – 479 с. ISBN: 978-5-907233-44-7.
8. Бризгалова А. С. Статистическое исследование занятости населения Российской Федерации // Вопросы экономики и управления. 2016. № 3–1. С. 96–101.
9. Гагаринова К. С. Роль государства в регулировании в сферы занятости населения // Вестник науки и образования. 2019. № 12–3 (66). С. 21–23.
10. Васильева Е. М. Государственное регулирование занятости населения // Вестник современных исследований. 2018. № 1.1 (16). С. 188–191.
11. Горшенина Е. В. Занятость и безработица // Экономические исследования. 2017. № 3. С. 5–12.
12. Рыбаковский Л. Л. История и теория миграции населения: монография / Л. Л. Рыбаковский; Институт социально-политических исследований Российской академии наук. – Москва: ИСПИ РАН, 2016-. Кн. 3: Теория трех стадий миграционного процесса. – 2019. – 218 с. ISBN: 978-5-907057-90-6.
13. Воробьева О. Д., Рыбаковский Л. Л., Рыбаковский О. Л. Миграционная политика России: история и современность. – Москва: Экон-Информ, 2016. – 192 с. ISBN: 978-5-9908695-1-6.

Сведения об авторах:

Борзунова Татьяна Ивановна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: tibor53@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-2406-583X; РИНЦ Author ID: 600042.

Морозова Галина Федоровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: gmoroz46@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-6908-2206; РИНЦ Author ID: 73307.

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; принята в печать 29.03.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC ASPECTS OF RUSSIAN REGIONAL LABOR MARKET DEVELOPMENT

Tatiana I. Borzunova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: tiber53@mail.ru

Galina F. Morozova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: gmoroz46@mail.ru

For citation: Tatiana I. Borzunova, Galina F. Morozova. Demographic Aspects of Russian Regional Labor Market Development. DEMIS. Demographic Research. 2022. Vol. 2. No 2. Pp. 138–147. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.10>. EDN: ALERFK.

Abstract. *The article examines the conditions for the formation of the population in the federal districts of Russia and its changes under the influence of the natural and migration movement for 2017–2019. The dynamics of the total population of the country and its regions is analyzed as one of the most important indicators of their development. Peculiarities of population change are studied based on the grouping of subjects of the Russian Federation depending on the interaction and combination of natural and migratory movements. The number of the working-age population of the country in 2019 and its share in the total population are analyzed, and the differences in the formation of the working-age population by federal districts are also examined. The changes in the average annual number of the employed population in the federal districts of Russia for 2017–2019 are considered dependent on natural and migratory movements. A grouping of the territories of Russia according to the average annual number of employees is carried out. The characteristic of the participation of the Russian regions employed in the economic development is given. Data are analyzed on the grouping of Russian territories in terms of the need for workers declared by employers to the employment service, as well as on the registered unemployed.*

Keywords: *population, natural increase, migration increase, able-bodied population, employment, unemployment, need for workers.*

References

1. Borisov V. A. *Demografiya [Demography]: Textbook for university students*. 3rd ed., rev. and add. Moscow: Nota Bene, 2003. 343 p. ISBN: 5-8188-0060-1. (In Russ.)
2. Rybakovsky L. L. *Prikladnaya demografiya: Raboty 2001–2003 gg. [Applied demography: Works 2001–2003] / L. L. Rybakovsky; Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences*. Moscow: ISPR RAS, 2003. 206 p. (In Russ.)
3. Rybakovsky L. L. *Istoriya i teoriya migratsii naseleniya [History and theory of population migration]: monograph / L. L. Rybakovsky; Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences*. Moscow: ISPR RAS, 2016-. Book. 1: Mirovyye migratsii: istoricheskiye fragmenty i ikh determinant [World migrations: historical fragments and their determinants]. 2016. 210 p. ISBN: 978-5-9908112-0-1. (In Russ.)
4. Arkhangelsky V. N., Ivanova A. E., Rybakovsky L. L. *Rezultativnost' demograficheskoy politiki Rossii [The effectiveness of Russia's demographic policy] / ed. by L. L. Rybakovsky; Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences*. Moscow: Ekon-Inform, 2016. 307 p. ISBN: 978-5-9908284-8-3. (In Russ.)
5. Gagarina G. Yu., Miroshnikov S. N. Some Issues of Management of Social and Economic Development of Territorial Subjects of the Russian Federation Based on the System of Strategic Planning. *Administrative Consulting*. 2018. No. 12 (120). Pp. 79–90. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-12-79-90>. (In Russ.)
6. *Osnovy teorii narodonaseleniya [Fundamentals of the theory of population] / Ed. by D. I. Valentey*. Moscow: Vysshaya shkola, 1973. 328 p. (In Russ.)
7. Topilin A. V. *Migratsiya naseleniya i formirovaniye trudovykh resursov v SSSR i na postsovetском prostranstve: tendentsii i regulirovaniye [Migration of the population and the formation of labor resources in the USSR and the post-Soviet space: trends and regulation]*. Moscow: Ekon-Inform, 2020. 479 p. ISBN: 978-5-907233-44-7. (In Russ.)

8. Brizgalova A. S. Statisticheskoye issledovaniye zanyatosti naseleniya Rossiyskoy Federatsii [Statistical study of the employment of the population of the Russian Federation]. *Voprosy ekonomiki i upravleniya [Issues of Economics and Management]*. 2016. No. 3–1. Pp. 96–101. (In Russ.)
9. Gagarinova K. S. Role of the State in the Regulation of Employment. *Bulletin of Science and Education*. 2019. No. 12–3 (66). Pp. 21–23. (In Russ.)
10. Vasilyeva E. M. Gosudarstvennoye regulirovaniye zanyatosti naseleniya [State regulation of employment of the population]. *Vestnik sovremennykh issledovaniy [Bulletin of modern research]*. 2018. No. 1.1 (16). Pp. 188–191. (In Russ.)
11. Gorshenina E. V. *Zanyatost' i bezrabotitsa [Employment and unemployment]*. Ekonomicheskiye issledovaniya [Economic research]. 2017. No. 3. P. 5–12. (In Russ.)
12. Rybakovsky L. L. *Istoriya i teoriya migratsii naseleniya [History and theory of population migration]*: monograph / L. L. Rybakovsky; Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences. Moscow: ISPR RAS, 2016-. Book. 3: Teoriya trekh stadiy migratsionnogo protsesssa [The theory of three stages of the migration process]. 2019. 218 p. ISBN: 978-5-907057-90-6. (In Russ.)
13. Vorobieva O. D., Rybakovsky L. L., Rybakovsky O. L. *Migratsionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost' [Migration policy of Russia: history and modernity]*. Moscow: Ekon-Inform, 2016. 192 p. ISBN: 978-5-9908695-1-6. (In Russ.)

Bio note:

Tatiana I. Borzunova, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: tibor53@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-2406-583X; RSCI Author ID: 600042.

Galina F. Morozova, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: gmoroz46@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-6908-2206; RSCI Author ID: 73307.

Received on 31.01.2022; accepted for publication on 29.03.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.11

EDN: NDOZAF

ВЛИЯНИЕ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЫНКИ ТРУДА В РОССИИ

Акьюлов Р. И.

Уральский институт управления РАНХиГС, Екатеринбург, Россия

E-mail: akuyulov-ri@ranepa.ru

Акьюлова Е. И.

Уральский институт управления РАНХиГС, Екатеринбург, Россия

E-mail: akuyulova-ei@ranepa.ru

Для цитирования: Акьюлов Р. И., Акьюлова Е. И. Влияние нелегальной миграции на региональные рынки труда в России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 148–161. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.11>. EDN: NDOZAF.

Аннотация. В статье раскрываются проблемы влияния нелегальной миграции на региональные рынки труда и увеличения теневой занятости, которые оказывают отрицательное влияние на экономику регионов. Дается анализ негативных факторов и аспектов нелегальной миграции. Представлены и проанализированы официальные статистические данные о количестве правонарушений, совершенных иностранными мигрантами, о теневой занятости в стране, а также данные исследований Института общественных наук РАНХиГС, касающиеся частоты проявления склонности к нелегальной деятельности и вовлеченности работников в теневой рынок труда в России. Теневой сектор экономики является очень привлекательным для экономически активного населения и каждый год пополняется новыми группами наиболее активных, молодых участников экономической деятельности по мере их взросления и вхождения в трудоспособный возраст в результате осознанной стратегии предприимчивых людей, не желающих платить государству значимую часть своих доходов в виде налогов и социальных взносов, а также наемных работников, которые частично или полностью заняты в теневом секторе экономики, частью которых являются трудовые мигранты. В данной статье в качестве объекта исследования выступает региональный рынок труда на примере Свердловской области, а в качестве предмета – характер влияния нелегальной миграции иностранных граждан и россиян, проживающих в других регионах, приезжающих в рассматриваемый регион и осуществляющих в нем нелегальную предпринимательскую и трудовую деятельность. В исследовании представлена типология нелегальной миграции, критерием которой выступает характер ее влияния на региональный рынок труда. Проведен анализ причин воспроизводства теневой экономики, увеличения количества экономических субъектов, функционирующих в теневом секторе, присоединение к нему новых видов экономической деятельности, что способствует увеличению в нем оборота капитала и отрицательно влияет на экономическую безопасность России. Анализируются негативные тенденции в социально-трудовой сфере в связи с трудовой миграцией, факторы, способствующие росту теневого сектора. Дана оценка влияния нелегальной миграции на региональные рынки труда. Предложен комплекс мер по борьбе с коррупцией, теневой экономикой, направленных на минимизацию нелегальной миграции, теневого и развитие официального рынка труда, как на региональном, так и на федеральном уровне.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, нелегальная миграция, теневая занятость, трудовые мигранты, правонарушения иностранных мигрантов, государственная миграционная политика.

Введение

В последние годы на рынках труда в российских регионах накопилась масса проблем, обусловленных увеличением размеров теневой экономики, пандемией, вызванной COVID-19, вынужденным спадом деловой активности, локдауном. Наблюдается экономическая стагнация в большинстве регионов, а в более развитых регионах экономический рост практически незаметен. В большей части регионов страны происходит настоящая депопуляция и снижение численности трудоспособ-

ного населения. Исключение составляет Москва, Московская область, Санкт-Петербург и северокавказские республики.

Происходит кумуляция негативных трендов – от роста теневой экономики, заболеваемости и пандемии, сковывающей экономическое развитие, до банального вымирания населения, что приводит к еще большему сжатию совокупного спроса и, следовательно, к экономическому спаду. Вместе с тем в экономике страны еще с советских времен существует теневой сектор, который и без криминальных видов деятельности характеризуется такими чертами, как устойчивость его воспроизводящих неформальных институтов, высокий уровень адаптивности к изменяющимся условиям, активное распространение и проникновение во все сферы экономики и общественных отношений.

Двойственный характер данного явления не раз отмечали экономисты, специалисты, занимающиеся проблемами теневой экономики, которая, с одной стороны, наносит безусловный вред бюджету страны, государства, уменьшая объем налоговых поступлений, а с другой – дает отчасти положительный эффект в периоды перманентных экономических кризисов, проявляющийся в обеспечении занятости, сохранении бизнеса предпринимателей и стабилизируя уровень доходов населения. Если приводить официальные статистические данные, то доля теневого сектора в российской экономике имеет величину, превышающую аналогичный показатель в развитых странах. В докладе Международного валютного фонда представлены результаты исследования теневой экономики в 150 странах. «При этом в общем рейтинге Россия занимает 49 место, с долей теневой экономики равной 38,4% ВВП» [1, с. 163].

Серьезным вызовом для российских регионов стала высокая смертность, а в условиях пандемии, вызванной вирусом COVID-19, еще и рост смертности населения в трудоспособном возрасте, усугубив вымирание экономически активных мужчин. Целесообразно проанализировать проблемы развития рынка труда, воспроизводства человеческих ресурсов, занятости населения, трудовой миграции и их нелегальных форм на региональном уровне, поскольку «регион, являясь своеобразной «узловой» точкой, несет двойной груз ответственности (региональный и федеральный компоненты) за обеспечение оптимальных условий развития человеческих ресурсов, сбалансированности численности рабочих мест и специалистов» [2, с. 102].

Ситуация на рынке труда и миграция (на примере Свердловской области)

Разберем ситуацию на примере такого типичного российского региона, как Свердловская область. В последние годы в большинстве российских регионов и в Свердловской области, в частности, наблюдается ухудшение демографической ситуации, падает рождаемость, повышается смертность, продолжается старение населения, в 2020 г. негативный вклад внесла пандемия, вызванная вирусом COVID-19 (табл. 1).

Следует отметить, что в Свердловской области, являющейся типичным представителем российских регионов, практически по всем характеристикам, включая демографические и социально-трудовые, начиная с 2016 г., наблюдается естественная убыль населения. В 2017 г. убыль выросла пятикратно относительно 2016 г., а в 2020 г. произошло двукратное увеличение, когда смертность превысила рождаемость в 1,5 раза. Можно, конечно, рассчитывать на то, что в ближайшем будущем благодаря широкому распространению в экономике технологий искусственного интеллекта многие занятые работники «в результате процессов роботизации потеряют рабо-

ту, в первую очередь, в промышленном производстве, розничной торговле, сфере транспорта, государственном управлении, сельском хозяйстве, строительстве» [3, с. 35]. А поскольку роста численности трудоспособного населения при данной тенденции не произойдет, то удастся избежать взрывного роста безработицы. Однако пока такая картина в среднесрочной перспективе для российской экономики не выглядит очевидной. Ряд специалистов, оценивая сложившуюся ситуацию, утверждает, что «одна из важнейших функций семьи – репродуктивная – также претерпевает негативные демографические изменения для общества. Тенденция к снижению рождаемости в России привела к появлению новой социальной нормы – бездетности» [4, с. 57].

Таблица 1.

Динамика показателей естественного движения населения Свердловской области в 2008–2020 гг.

Table 1.

Dynamics of natural population movement indicators in the Sverdlovsk Region in 2008–2020

Год	Число родившихся, чел.	Число родившихся на 1000 чел. населения	Число умерших, чел.	Число умерших на 1000 чел. населения	Естественный прирост / убыль (-), чел.	Естественный прирост / убыль (-) на 1000 чел. населения
2008	54 364	12,6	64 702	15,0	-10 338	-2,4
2009	56 323	13,1	63 045	14,6	-67 22	-1,5
2010	57 540	13,4	61 486	14,3	-3 946	-0,9
2011	58 038	13,5	60 814	14,1	-2 776	-0,6
2012	61 649	14,3	60 155	14,0	1 494	0,3
2013	62 229	14,4	59 266	13,7	2 963	0,7
2014	62 600	14,5	60 386	14,0	2 214	0,5
2015	62 232	14,4	61 222	14,1	1 010	0,3
2016	59 840	13,8	60 831	14,0	-991	-0,2
2017	53 386	12,3	57 685	13,3	-4 299	-1,0
2018	50 254	11,6	58 511	13,5	-8 257	-1,9
2019	46 039	10,7	57 392	13,3	-11 353	-2,6
2020	44 343	10,3	67 381	15,7	-23 038	-5,4

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата¹

Возрастная структура человеческих ресурсов в регионах отражает заметное старение населения. Например, в Свердловской области с 2016 г. каждый год росла доля населения старше трудоспособного возраста, с одновременным снижением доли населения в трудоспособном возрасте. Лишь в 2020 г. доля населения старше трудоспособного возраста выросла на 0,9% за счет увеличения возраста выхода на пенсию у мужчин с 60 до 65 лет, у женщин – с 55 до 60 лет (табл. 2). В результате с каждым годом все более актуализируется проблема обеспечения экономики региона трудовыми ресурсами, решение которой предполагает более активное использование трудовых

¹ Население // Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области [сайт]. URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/29698> (дата обращения: 10.03.2022).

мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья. Внутренние трудовые мигранты, с одной стороны, для работодателей предпочтительнее, поскольку у них нет языкового барьера, их знания и навыки формировались в парадигме советской (российской) образовательной системы, как общего, так и профессионального среднего и высшего образования, они также обладают знанием норм и правил трудового и социального взаимодействия. С другой стороны, мигранты из стран с более низким уровнем жизни, чем в России, несмотря на отсутствие у них преимуществ работников-россиян, могут быть более привлекательными, т. к. они менее требовательны к уровню вознаграждения за труд, к условиям труда и отдыха и редко требуют официального трудоустройства.

Таблица 2.

Численность населения Свердловской области по полу и возрастным группам на 1 января 2016–2020 гг.

Table 2.

Population of the Sverdlovsk Region by sex and age groups as of January 1, 2016–2020

Все население	2016 г.		2017 г.		2018 г.		2019 г.		2020 г.	
	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%
	4 330 006		4 329 341		4 325 256		4 315 699		4 310 681	
в т. ч. в возрасте, лет:										
0	61 891		59 490		53 149		50 052		45 881	
0–14	768 440		788 620		799 365		804 959		805 518	
0–17	881 204		902 570		919 423		931 018		937 279	
16–29	748 488		708 233		669 529		638 871		617 286	
15–49	2 049 530		2 030 141		2 016 233		2 002 920		1 996 194	
50–54	288 262		270 893		256 829		246 693		242 903	
55–59	320 568		318 926		313 553		303 482		289 934	
60–64	298 085		297 591		297 048		298 176		295 050	
65–69	224 505		238 345		248 396		258 936		262 571	
70 лет и старше	380 616		384 825		393 832		400 533		418 511	
население в возрасте:										
моложе трудоспособного	806 507	18,6	827 782	19,1	841 741	19,5	849 064	19,7	850 470	19,7
и трудоспособном	2 438 394	56,3	2 400 067	55,4	2 367 093	54,7	2 337 774	54,2	2 375 450	55,1
старше трудоспособного	1 085 105	25,1	1 101 492	25,5	1 116 422	25,8	1 128 861	26,1	1 084 761	25,2

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата²

В экономически развитых странах в той или иной степени также имеются проблемы, связанные с демографическим спадом, старением населения, обусловленным снижением рождаемости. «Поскольку уровень рождаемости во многих промышленно развитых странах падает ниже уровня воспроизводства, многие правительства проводят политику финансового стимулирования создания семьи» [5, с. 23].

Можно констатировать, что в последние годы в Свердловской области наблюдается негативная тенденция снижения численности населения, человеческих ресурсов, состоящих из экономически активного населения и населения младше трудо-

² Население // Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области [сайт]. URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/29698> (дата обращения: 10.03.2022).

способного возраста, что во многом обусловлено неэффективной государственной политикой в социально-трудовой сфере. Таким образом, для экономического развития региона необходимое количество рабочей силы может быть обеспечено в таких условиях миграционными процессами, иммиграцией в регионы жителей других регионов или иностранных работников. Увеличение масштабов миграционных процессов вследствие глобализации экономики, роста объемов производства и перемещения товаров, финансовых ресурсов ведет к росту нелегальной миграции. Особенно это актуально для России и ее регионов, в которой доля теневого сектора почти сравнялась с объемом официальной экономики, достигая в некоторых сферах 50% ВВП. Любое экономическое развитие не только невозможно, но и обусловлено миграционными процессами.

Таблица 3.

Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по уровню образования и субъектам Российской Федерации в 2020 г.

Table 3.

Distribution of migrants aged 14 years and older by level of education and subjects of the Russian Federation in 2020

	Число прибывших в возрасте 14 лет и старше	В т. ч. имеющих образование:					
		высшее профессиональное (высшее)	неполное высшее профессиональное (незаконченное высшее)	среднее профессиональное (среднее специальное)	начальное профессиональное	среднее общее (полное)	уровень образования не указан
Российская Федерация	6 832 866	1 479 962	526 480	1 641 808	197 526	1 446 086	901 926
Уральский федеральный округ	622 628	118 304	54 046	168 210	18 016	136 054	63 260
Курганская область	47 752	7 178	2 756	12 852	1 156	12 190	3 746
Свердловская область	177 866	31 758	15 542	39 810	5 406	45 440	20 584
Тюменская область	250 844	52 076	25 150	72 464	5 786	45 840	29 600
Ханты-Мансийский авт. округ	118 064	25 422	7 764	33 242	2 940	23 986	14 304
Ямало-Ненецкий авт. округ	46 812	13 100	3 608	13 150	966	7 828	5 746
Тюменская область без авт. округов	85 968	13 554	13 778	26 072	1 880	14 026	9 550
Челябинская область	146 166	27 292	10 598	43 084	5 668	32 584	9 330

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата³

³ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 10.03.2022).

Если рассматривать образовательную структуру прибывающих мигрантов в экономически активном возрасте, то можно констатировать, что в 2020 г. в страну прибыли 21,6% мигрантов с высшим образованием, а в Свердловскую область – 17,8%; со средним профессиональным образованием – 24% и 22,4%, соответственно. Доля мигрантов с начальным профессиональным образованием оказалась 3% как в масштабе страны, так и в масштабе региона (табл. 3). Следовательно, можно констатировать, что в последние годы соотношение прибывающих мигрантов с различным образовательным уровнем стабильно и на региональном уровне примерно такое же, как и в целом по стране. Пятая часть иммигрантов имеет высшее образование, одна четверть – среднее профессиональное, т. е. в совокупности квалифицированные специалисты составляют около половины от всего потока иммигрантов. При этом миграционные процессы сопровождаются таким негативным побочным явлением, как нелегальная миграция. Это свидетельствует об изменении ранее сложившейся ситуации, когда на территорию российских регионов прибывала преимущественно низкоквалифицированная рабочая сила. Во многом это обусловлено реализацией программ подготовки специалистов в странах, откуда прибывают трудовые мигранты, реализуемых на межправительственном уровне Россией и странами Средней Азии.

Помимо позитивного значения внешней и внутренней трудовой миграции имеются негативные аспекты, связанные с нелегальной миграцией, в значительной степени являющейся следствием несовершенного миграционного законодательства и коррупционных правонарушений, осуществляемых должностными лицами, занимающимися вопросами регулирования миграционных процессов.

Проблема нелегальной миграции

Нелегальная миграция – один из основных источников теневой экономики. Незаконная миграция характеризуется Международной организацией по миграции (МОМ) как «перемещение, которое происходит с нарушением законодательства стран отправления, транзита и приема мигрантов. Мигранты с неурегулированным статусом могут подпадать под одно или несколько из следующих обстоятельств: они могут въезжать в страну нерегулярно, например, с поддельными документами или без пересечения границы на официальном пункте пересечения границы; могут проживать в стране нерегулярно, например, в нарушение условий въездной визы или вида на жительство; или работать в стране нерегулярно, например, могут иметь право проживать, но не иметь оплачиваемую работу в стране» [6, с. 29].

Основные причины нелегальной миграции – коррупция в органах государственного управления, относительная дороговизна оформления документов для осуществления иностранцами законной трудовой деятельности на территории России. Специалисты отмечают, что «безвизовый въезд для большого числа трудоспособных граждан и ограничение в виде нерационального использования квот привело к тому, что появились предпосылки к возникновению коррупции в сфере миграции» [7].

Усугубляет ситуацию наличие многочисленных недобросовестных посредников и просто мошенников, предлагающих свои услуги по оформлению вида на жительство, патента или права на работу, делающих фальшивые документы, а также незнание мигрантами русского языка, российских законов, отсутствие межгосударственных программ в области трудовой миграции. Разрабатываемые региональными правительствами квоты на привлечение иностранной рабочей силы полностью не удовлетворяет растущий на нее спрос предпринимателей. Кроме того, сказывается

менталитет мигрантов из стран Средней Азии, когда один паспорт с оформленным видом на жительство и разрешением на работу может использоваться сразу на несколько человек.

По мнению специалистов, «крайне опасны коррупционные преступления, связанные с незаконной миграцией, совершаемые высокопоставленными должностными лицами» [8, с. 68]. Поскольку более высокий уровень занимаемой должности позволяет чиновнику единолично решать вопрос о квотах на въезд мигрантов в страну для трудовой деятельности и разрешений на работу. Этим пользуются коммерсанты, давая взятки чиновникам для получения данной документации.

«Чаще всего субъектами получения взятки в рассматриваемой сфере выступали должностные лица территориальных органов ФМС России: 72,1% осужденных по изученным приговорам о преступлениях, предусмотренных ст. 290 УК РФ, и 48,4% – ст. 291 УК РФ. Также достаточно часто взятка предназначалась должностным лицам органов внутренних дел (участковые уполномоченные, сотрудники ЛОВД, ГИБДД и др.): 18,6% осужденных по изученным приговорам о преступлениях, предусмотренных ст. 290 УК РФ, и 37,1% – ст. 291 УК РФ. Случаи вовлеченности в коррупцию, связанную с незаконной миграцией, должностных лиц иных органов (например, территориальных органов ФССП России, подразделений пограничного контроля ФСБ России» [8, с. 69] менее распространены. Масштабы влияния на экономическую безопасность страны и всю серьезность проблемы иллюстрируют экспертные оценки коррупции в сфере регулирования миграции. В частности, специалисты констатируют, что «совокупные коррупционные доходы в миграционной сфере в России составляют до 30 млрд долл. в год» [9, с. 2].

Нелегальная миграция является сопутствующим элементом развития массовых миграционных процессов, возрастающих в результате глобализации мировой экономики, сопровождающейся увеличением международных потоков капитала, товаров и рабочей силы, влияющей на экономику различных регионов.

«Влияние нелегальной миграции на осуществление социально-экономических изменений, происходящих в российском обществе» [10, с. 18], необходимо оценивать в связи тем, что она стимулирует развитие теневой экономики и обусловлена следующими основными факторами:

- рост коррупции во всех сферах экономики и общественной жизни;
- высокий уровень бюрократизации и неэффективность государственного аппарата управления;
- неэффективная занятость населения и структурный характер безработицы;
- спрос работодателей на нелегальную иностранную рабочую силу из-за возможности экономить на налогах и сборах с заработной платы работников, недоступной для учета фискальными службами;
- падение численности населения в трудоспособном возрасте из-за низкой рождаемости, высокой смертности.

Согласно официальным статистическим данным, «за 12 месяцев 2020 г. территориальными органами МВД России пресечено 40 989 правонарушений, связанных с незаконным осуществлением иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в РФ, что на 40% меньше, чем в 2019 г. Снизилось и число

нарушений правил въезда либо режима пребывания в стране. Всего нарушений выявлено более 204 тыс.»⁴.

Результаты

Очевидно, что нелегальная миграция подпитывает теневой рынок труда и теневую экономику в целом. Так, по сути, проявляются рыночные принципы функционирования экономики – спрос предпринимателей на нелегальную и дешевую рабочую силу рождает предложение рабочей силы наемными работниками. Нелегальные мигранты в этом деле как нельзя лучше подходят, поскольку многие из них не знают русского языка, не могут заплатить за патент, не знают, как официально оформиться на работу.

Согласно точке зрения ряда исследователей, «незаконная миграция является понятием условным, так как на сегодняшний день закон, который определяет уголовную ответственность за миграцию и за ее организацию, отсутствует» [11, с. 628]. По нашему мнению, нелегальную трудовую миграцию следует трактовать как процесс перемещения людей с одной территории на другую с пересечением государственных границ с нарушением законодательства принимающей страны.

«В условиях рыночной экономики полная ликвидация нелегальной иммиграции невозможна, однако реально снижение ее масштабов, для чего необходимы меры урегулирования легальных каналов найма иностранной рабочей силы, что позволит удержать иммигрантов от секторов теневой экономики» [12, с. 46].

Очевидной выглядит взаимосвязь нелегальной миграции, теневого рынка труда и в целом теневой экономики. Нельзя не согласиться с утверждением специалистов о том, что «наличие масштабного контингента нелегальных мигрантов содействует расширению и процветанию теневого бизнеса, предоставляя недобросовестным работодателям непрерывно пополняемый резервуар дешевой рабочей силы» [13, с. 31].

Эти процессы подкреплены действием рыночных принципов экономики – спрос собственников, владельцев бизнеса на рабочую силу, действующую в «тени», сталкивается с готовностью потенциальных работников предложить ее по правилам неформальных социально-трудовых отношений. Поэтому для сокращения объема теневого рынка труда необходимо, прежде всего, создать условия, при которых у представителей бизнеса существенно упадет спрос на рабочую силу по бесконтрактному найму, который в условиях теневого рынка труда является основой формирования социально-трудовых отношений.

Теневой рынок труда представляет собой большое разнообразие форм, но самыми распространенными в современной России являются бесконтрактный найм и несоответствие формальных условий найма фактическим. Такая форма теневого рынка труда, как бесконтрактный найм, очень широко представлена в большинстве секторов экономики, формируя ее теневую часть. Бесконтрактный найм позволяет получать основной и дополнительный доход для нелегальных мигрантов, а также россиян, занятых в теневой экономике. Он достаточно широко встречается в различных сферах российской экономики – от получения дополнительных доходов работников на официальном месте работы, не оформленных должным образом, до полностью неофициального трудоустройства.

⁴ Число нелегально работающих в России мигрантов снизилось почти наполовину в 2020 году // ТАСС. Информационное агентство. 05.04.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11067427> (дата обращения: 28.02.2022).

Эксперты считают, что бесконтрактный найм в основном охватывает слои населения, которые в меньшей мере обладают ресурсами для отстаивания своих интересов: женщины с маленькими детьми, религиозные и национальные меньшинства, низкоквалифицированные рабочие, долговременные безработные, а также переселенцы и беженцы. На формальном рынке труда очень трудно найти работу для этих слоев населения, в итоге теневой рынок труда становится их единственным выбором [14, с.178]. Теневой рынок труда, в свою очередь, является социальным институтом, функционирующим на основе неформальных норм, договоренностей, правил и понятий. В последние годы сохраняются существенные размеры теневого рынка труда.

Опасения специалистов, руководителей регионов вызывает не столько наличие теневого рынка труда, сколько его стабильное функционирование с тенденцией постепенного роста. В целом, по данным исследования Института общественных наук РАНХиГС, доля работников, вовлеченных в некриминальный (не связанный с незаконной деятельностью) теневой рынок труда России, в 2017 г. составила 44,8%, или порядка 33 млн человек. В 2016 г. вовлеченность россиян в теневую занятость составляла 40,3%, в 2013-м – 44,5%, в 2006 г. – 45,1%. Таким образом, после некоторого спада теневая занятость в российских регионах в последние годы вновь начала расти [15].

Нельзя полностью отрицать мнение некоторых экспертов, отмечающих, что ряд эффектов функционирования теневого рынка труда можно расценивать как положительные – от средства получения дополнительного дохода наемными работниками, предотвращения банкротства частных лиц и предприятий, а также повышение уровня жизни населения. Вместе с тем неоспоримым является то, что «во время экономического подъема или в периоды преодоления кризисных явлений существенно увеличивается роль деструктивной функции теневого сектора, а компенсационное влияние становится незаметным» [16, с. 254].

Теневой рынок труда, нелегальная миграция сужают возможности реализации социальных программ и способствуют росту нелегального оборота капитала и рабочей силы, снижению доходной части бюджетов всех уровней в результате снижения собираемости налогов. Это не позволяет в достаточной мере финансировать социальную сферу, включая медицину, образование, науку, спорт. Перспективы индексации уровня заработной платы работников бюджетной сферы, выплат социальных льгот, пенсий и пособий определяются величиной доходной части государственного бюджета, формируемой во многом налоговыми поступлениями, что отражается на уровне жизни социально незащищенных слоев и на экономическом развитии.

Основную массу прибывающих в российские регионы из-за рубежа трудовых мигрантов составляют малоимущие слои населения, направляющиеся на территории, где можно извлечь из продажи рабочей силы большой доход. Они, как правило, не очень грамотны, недостаточно полно владеют языком титульной нации принимающей страны, поэтому у них не такой большой выбор. Условия на новом рынке труда диктует работодатель, который заинтересован в нелегальном характере трудовых отношений с нанимаемыми работниками. Мигрантам приходится идти на условия работодателя, т. к. они не в состоянии отстаивать свои права по причине незнания законов, языка и нежелания сталкиваться с государственными службами. Поэтому многие из них пополняют ряды нелегальных мигрантов.

Нелегальные мигранты являются частью нелегальной рабочей силы, представляющей собой совокупность нерегулярно занятых социальных групп, к которым относятся работники с низкой конкурентоспособностью, имеющие нелегальный

социальный статус по разным причинам, самозанятые предприниматели, а также работники, имеющие официальное рабочее место и дополнительную неформальную занятость. Отдельно стоит выделить группу занятых в криминальной сфере (наркобизнес, торговля оружием, проституция, грабежи и т. д.). Нелегальная миграция всегда сопровождается большим количеством правонарушений, отличающихся лишь степенью тяжести и опасности для общества. В основном это административные нарушения, но примерно 5–6% из них подпадают под категорию уголовных преступлений.

В 2020 г. в стране складывалась следующая картина: «с января по сентябрь 2020 г. в Россию прибыло более 4,3 млн иностранцев. За это время мигранты совершили 25 273 преступления и 466 195 административных нарушений»⁵. Высокий уровень нелегальной миграции и большое количество совершаемых в этой связи правонарушений подтверждают данные официальной статистики и заявления официальных лиц, занимающихся вопросами миграции. В частности, согласно информации главного управления по вопросам миграции МВД РФ, было выявлено «около 800 тыс. нарушителей. В основном речь идет о нарушении правил въезда-выезда, правил пребывания на территории Российской Федерации (превышается срок пребывания в 90 суток). Есть и нарушения в трудовой сфере, когда люди работают без разрешительных документов»⁶.

Выводы

Следует признать, что достаточно сложно оценивать объем и количественные данные нелегальной миграции в регионах. Возможность безвизового въезда из стран Средней Азии и отсутствие четких критериев, маркеров нелегального проживания и экономической активности нерезидентов на территории России не позволяют точно выделить из всего потока прибывающих в страну иностранных граждан из республик Средней Азии тех, кто едет с туристическими, гостевыми или деловыми целями. Отсюда оценки масштаба нелегальной миграции, особенно в регионах, носят в основном экспертный характер. Нелегальное пребывание на территории региона провоцирует незаконопослушных мигрантов к противоправным действиям и правонарушениям. Но стоит отметить, что в Свердловской области, по данным регионального ГУ МВД, в 2021 г. число преступлений, совершенных мигрантами, снизилось на 11,5% в сравнении с 2020 г. – с 896 до 792 правонарушений. Однако в целом по стране миграционная преступность выросла на 5,9%⁷. По экспертным оценкам, в Свердловской области количество нелегальных мигрантов не превышает 10 тыс. В частности, «по примерным подсчетам службы занятости, количество незарегистрированных

---

⁵ В МВД огласили последние данные по уровню преступности мигрантов // МиграNews. Информационно-новостной канал о миграции. 14.10.2020. URL: https://migranews.ru/articles/news/v_mvd_oglasili_poslednie_dannye_po_urovnyu_prestupnosti_migrantov/ (дата обращения: 25.01.2022).

⁶ МВД в 2019 году выявило порядка 800 тыс. нарушителей миграционного законодательства // ТАСС. Информационное агентство. 28.01.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7619871> (дата обращения: 25.01.2022).

⁷ «Если им не нравится, они не должны жить в нашей стране»: Свердловский губернатор велел разобраться с правонарушениями «южан» // Коммерсантъ. Газета. 17.02.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5218915> (дата обращения: 29.01.2022).

гостей из стран СНГ на территории Свердловской области может составлять порядка 5–6 тыс. человек»⁸.

Такое количество мигрантов не может оказывать существенное влияние на уровень напряженности на региональном рынке труда, где трудится более 2 млн занятых. Вместе с тем численность нелегальных мигрантов может динамично меняться, и само их наличие создает условия для теневой деятельности в среде мигрантов, развития теневой занятости и теневого рынка труда.

Отсюда следует, что для уменьшения масштабов нелегальной миграции и теневого рынка труда необходимо разрабатывать стратегию государственного регулирования рынка труда и занятости населения, интегрировав ее с мерами по совершенствованию миграционной политики на региональном и федеральном уровнях. Предлагаем в рамках данной стратегии осуществлять такие актуальные мероприятия, как:

– системный подход к реализации Национальной стратегии противодействия коррупции (Указ Президента РФ от 16.08.2021 г. № 478⁹) в целях повышения доверия населения к государству;

– повышение прозрачности использования бюджетных трансфертов в социальной политике для стимулирования населения к уплате налогов;

– комплекс мер стимулирующего характера, направленных на повышение социальной ответственности бизнеса и занятого населения;

– повышение эффективности деятельности государственных ведомств по профилактике нарушений трудового, миграционного и налогового законодательства работодателями в связи с предоставлением нелегальных рабочих мест;

– организация современных высокопроизводительных и высокодоходных рабочих мест и снижение уровня безработицы;

– совершенствование системы налогообложения в части создания благоприятных условий для малого бизнеса и самозанятых;

– реализация государственных инвестиционных проектов, позволяющих развивать социально-трудовую сферу, включая создание новых рабочих мест и упрощение процедуры легализации статуса и официального трудоустройства иностранных граждан.

Список литературы

1. Левшукова О. А., Петров Н. Р., Копнина А. И. Анализ масштабов развития теневой экономики в России // Вестник Академии знаний. 2019. № 3 (32). С. 162–167.
2. Акьюлов Р. И. Социально-экономические критерии и показатели воспроизводства человеческих ресурсов региона // Вопросы управления. 2012. № 4 (21). С. 102–105.
3. Акьюлов Р. И., Сквпень А. А. Роль искусственного интеллекта в трансформации современного рынка труда // Дискуссия. 2019. № 3 (94). С. 30–40. DOI: <https://doi.org/10.24411/2077-7639-2019-10029>.
4. Donina O. I., Salikhova A., Aryabkina I. V., Kovardakova M. A., Chernova Yu. A. Normative Models

⁸ Баранова А. Национальный состав изменился: в Свердловскую область снова хлынули мигранты // Царьград. Информационно-аналитический интернет-телеканал. 15.06.2021. URL: https://ckb.tsargrad.tv/articles/nacionalnyj-sostav-izmenilsja-v-sverdlovskuju-oblast-snova-hlynuli-migranty_368397 (дата обращения: 30.01.2022).

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // Президент России. Официальное интернет-представительство президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47119> (дата обращения: 30.01.2022).

and Trends in the Development of Intra-Family Relations in Modern Conditions. Amazonia Investiga. 2021. Vol. 10. No. 38. Pp. 51–58. DOI: <https://doi.org/10.34069/AI/2021.38.02.5>.

5. Kelley H. H., LeBaron A. B., Hill E. J. Family Matters: Decade Review from Journal of Family and Economic Issues. Journal of Family and Economic Issues. 2021. Vol. 42. Pp. 20–33. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10834-020-09706-8>.

6. Vespe M., Natale F., Pappalardo L. Datasets on Irregular Migration and Irregular Migrants in the European Union. Migration Policy Practice. 2017. Vol. 7. No. 2. Pp. 26–33.

7. Богданова Н. Н. Уголовно-правовая политика государства по борьбе с коррупцией в сфере незаконной миграции // E-Scio. 2019. №7 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-politika-gosudarstva-po-borbe-s-korrupsiey-v-sfere-nezakonnoy-migratsii>.

8. Красникова Е. В., Павловская Н. В. Состояние коррупционной преступности в сфере миграции // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2018. № 1 (63). С. 65–71.

9. Поставнин В. А. Настроить на лучшее // Миграция XXI век. 2015. № 3 (30). С. 2–3.

10. Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Малева Т. М., Кириллова М. К. Миграция и рынок труда / Ю. Ф. Флоринская, Н. В. Мкртчян, Т. М. Малева, М. К. Кириллова; Ин-т социального анализа и прогнозирования. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 108 с. ISBN: 978-5-7749-1042-7.

11. Дубонос С. М., Ковалев А. А., Сороколет Д. А., Алтатииков В. В. Незаконная миграция как угроза национальной безопасности РФ и странам СНГ // Молодой ученый. 2016. № 13 (117). С. 628–630.

12. Рязанцев С. В., Очирова Г. Н. Методы борьбы с незаконной иммиграцией (опыт США, Евросоюза и России) // Полис. Политические исследования. 2021. Т. 30. № 2. С. 46–63. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.04>.

13. Гончаренко Г. С. Системные взаимосвязи проблем миграции и коррупции // Юристы-Правоведь. 2016. № 7. С. 31–34.

14. Барсукова С. Ю. Теневой и фиктивный рынки труда в современной России // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 1. С. 174–194.

15. Акьюлов Р. И. Современные тенденции развития теневой занятости в российской экономике // Дискуссия. 2020. № 2 (99). С. 50–57. DOI: <https://doi.org/10.24411/2077-7639-2019-10059>.

16. Перевезенцева Е. В. Теневой рынок труда России: оценка масштаба и сфера распространения // Вестник московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 253–256. DOI: <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10234>.

Сведения об авторах:

Акьюлов Роберт Ишкалеевич, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Уральского Института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: akyulov-ri@ranepa.ru; ORCID ID: 0000-0001-5468-7336; РИНЦ Author ID: 256795.

Акьюлова Елена Игоревна, заместитель начальника общего отдела Уральского Института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: akyulova-ei@ranepa.ru; ORCID ID: 0000-0002-0491-8834; РИНЦ Author ID: 569736.

Статья поступила в редакцию 18.02.2022; принята в печать 20.04.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

THE IMPACT OF ILLEGAL MIGRATION ON REGIONAL LABOR MARKETS IN RUSSIA

Robert I. Akyulov

Ural Institute of Management, RANEPa, Ekaterinburg, Russia

E-mail: akyulov-ri@ranepa.ru

Elena I. Akyulova

Ural Institute of Management, RANEPa, Ekaterinburg, Russia

E-mail: akyulova@uapa.ru

For citation: Robert I. Akyulov, Elena I. Akyulova. The Impact of Illegal Migration on Regional Labor Markets in Russia. DEMIS. Demographic Research. 2022. Vol. 2. No 2. Pp. 148–161. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.11>. EDN: NDOZAF.

Abstract. *The article reveals the problems of the impact of illegal migration on regional labor markets, and the increase in shadow employment, which have a negative impact on the economy of the regions. The paper analyzes negative factors and aspects of illegal migration. The authors present and analyze official statistical data on the number of offenses committed by foreign migrants, on shadow employment in the country, as well as research data from the Institute of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences concerning the frequency of manifestations of propensity to illegal activities and the involvement of workers in the shadow labor market in Russia. The shadow sector of the economy is very attractive for the economically active population, which is replenished every year with new groups of the most active, young participants in economic activity as they grow up and enter working age, as a result of a conscious strategy of enterprising people who do not want to pay the state a significant part of their income in the form of taxes and social contributions, as well as employees who are partially or fully employed in the shadow sector of the economy, part of which are migrant workers. The object of the research is the regional labor market on the example of the Sverdlovsk region, and the subject is the nature of the impact of illegal migration of foreign citizens and Russians living in other regions, coming to the region and carrying out illegal business and labor activities. The study presents a typology of illegal migration, the criterion of which is the nature of its impact on the regional labor market. The article analyzes the reasons for the reproduction of the shadow economy, the increase in the number of economic entities operating in the shadow sector, the accession of new types of economic activities to it, which contributes to an increase in capital turnover in it and negatively affects the national security of Russia. The paper considers negative trends in the social and labor sphere in connection with labor migration, factors contributing to the growth of the shadow sector, and assesses the impact of illegal migration on regional labor markets. The authors propose a set of measures implemented within the framework of the state strategy to combat the shadow economy, aimed at minimizing illegal migration, shadow and development of the official labor market, both at the regional and federal levels.*

Keywords: *human resources, illegal migration, shadow employment, labor migrants, offenses of foreign migrants, state migration policy.*

References

1. Levshukova O. A., Petrov N. P., Kopnina A. I. Analysis of the Scale of Development of the Shadow Economy in Russia. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2019. No. 3 (32). Pp. 162–167. (In Russ.)
2. Akyulov R. I. Socio-Economic Criteria and Indicators of the Human Resources Reproduction in the Region. *Management Issues*. 2012. No. 4 (21). Pp. 102–105. (In Russ.)
3. Akyulov R. I., Skovpen' A. A. The Role of Artificial Intelligence in Transforming Today's Labor Market. *Discussion*. 2019. No. 3 (94). Pp. 30–40. DOI: <https://doi.org/10.24411/2077-7639-2019-10029>. (In Russ.)
4. Donina O. I., Salikhova A., Aryabkina I. V., Kovardakova M. A., Chernova Yu. A. Normative Models and Trends in the Development of Intra-Family Relations in Modern Conditions. *Amazonia Investiga*. 2021. Vol. 10. No. 38. Pp. 51–58. DOI: <https://doi.org/10.34069/AI/2021.38.02.5>.
5. Kelley H. H., LeBaron A. B., Hill E. J. Family Matters: Decade Review from Journal of Family and Economic Issues. *Journal of Family and Economic Issues*. 2021. Vol. 42. Pp. 20–33. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10834-020-09706-8>.
6. Vespe M., Natale F., Pappalardo L. Datasets on Irregular Migration and Irregular Migrants in the European Union. *Migration Policy Practice*. 2017. Vol. 7. No. 2. Pp. 26–33.
7. Bogdanova N. N. Uголовно-правовая политика государства по борьбе с коррупцией в сфере незаконной миграции [Criminal law policy of the state to combat corruption in the sphere of illegal migration]. *E-Scio*. 2019. No. 7 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-politika-gosudarstva-po-borbe-s-korruptsiyey-v-sfere-nezakonnoy-migratsii>. (In Russ.)
8. Krasnikova E. V., Pavlovskaya N. V. Current State of Corruption Crime in the Field of Migration. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2018. No. 1 (63). Pp. 65–71. (In Russ.)
9. Postavnin V. A. Nastroit'sya na luchsheye [Attitude for the better]. *Migratsiya XXI vek [Migration 21st century]*. 2015. No. 3 (30). Pp. 2–3. (In Russ.)
10. Florinskaya Yu. F., Mkrtychyan N. V., Maleva T. M., Kirillova M. K. *Migratsiya i rynek truda*

[*Migration and labor market*] / Yu. F. Florinskaya, N. V. Mkrtchyan, T. M. Maleva, M. K. Kirillov; Institute of Social Analysis and Forecasting. Moscow: Publishing house "Delo" RANEPa, 2015. 108 p. ISBN: 978-5-7749-1042-7. (In Russ.)

11. Dubonos S. M., Kovalev A. A., Sorokolet D. A., Alpatikov V. V. Nezakonnaya migratsiya kak ugroza natsional'noy bezopasnosti RF i stranam SNG [Illegal migration as a threat to the national security of the Russian Federation and CIS countries]. *Young Scientist*. 2016. No. 13 (117). Pp. 628–630. (In Russ.)

12. Ryazantsev S. V., Ochirova G. N. Is the Fight Against Illegal Immigration Effective (Experience of the USA, European Union and Russia)? *Polis. Political Studies*. 2021. No. 2. P. 46–63. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.04>. (In Russ.)

13. Goncharenko G. S. System Interconnection of Migration and Corruption Problems. *Jurist-Pravoved*. 2016. No. 7. Pp. 31–34. (In Russ.)

14. Barsukova S. Yu. Tenevoy i fiktivnyy rynki truda v sovremennoy Rossii [Shadow and fictitious labor markets in modern Russia]. *Pro et Contra*. 2000. Vol. 5. No. 1. Pp. 174–194. (In Russ.)

15. Akyulov R. I. Current Trends in the Development of Shadow Employment in the Russian Economy. *Discussion*. 2020. No. 2 (99). Pp. 50–57. DOI: <https://doi.org/10.24411/2077-7639-2019-10059>. (In Russ.)

16. Perevezentseva E. V. The Shadow Labor Market of Russia: Assessment of the Scale and Scope of Distribution. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. No. 4. Pp. 253–256. DOI: <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10234>. (In Russ.)

Bio note:

Robert I. Akyulov, Doctor of Economics, Professor, Department of Economics and Management, Ural Institute of Management, branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPa), Yekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: akyulov-ri@ranepa.ru; ORCID ID: 0000-0001-5468-7336; RSCI Author ID: 256795.

Elena I. Akyulova, Deputy Head, General Department, Ural Institute of Management, branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPa), Yekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: akyulova-ei@ranepa.ru; ORCID ID: 0000-0002-0491-8834; RSCI Author ID: 569736.

Received on 18.02.2022; accepted for publication on 20.04.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.12

EDN: BIKHGJ

РОЛЬ СУБЪЕКТОВ МИГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ЗДОРОВЬЯ МИГРАНТОВ

Оставная А. Н.

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко,

Тирасполь, Молдова

E-mail: alaost@rambler.ru

Для цитирования: Оставная А. Н. Роль субъектов миграционного процесса в решении проблем здоровья мигрантов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 162–175. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.12>. EDN: BIKHGJ.

Аннотация. Статья посвящена теме регулирования здоровья мигрантов. Цель – определить потенциал решения проблем здоровья мигрантов при участии всех заинтересованных сторон. Теоретико-методологической основой исследования выступили теории транснационализма и миграционных мостов С. В. Рязанцева. Основное содержание статьи базируется на аналитическом обзоре зарубежных и российских научных источников, а также осмыслении субъектности стран отправления и самих мигрантов по результатам картографирования миграции из Приднестровья и Республики Молдова. Проанализированы эффекты здоровья мигрантов для трех субъектов миграционного процесса, дифференцированы факторы обеспечения здоровья мигрантов в зависимости от стран отправления и приема мигрантов и самих мигрантов. Сделан вывод о том, что проблемы здоровья мигрантов негативным образом влияют на все субъекты миграционного процесса, а их решение видится во взаимодействии трех указанных сторон миграционного процесса. Сформулированы направления работы субъектов миграционного процесса в обеспечении здоровья мигрантов. Описан кейс субъектности Республики Молдова как страны отправления мигрантов и молдавских мигрантов за рубежом в решении проблем здоровья мигрантов. Выявлено неравномерное отражение проблемы здоровья мигрантов по субъектам миграционного процесса. Отмечена перспективность исследований, направленных на: мониторинг эффектов здоровья мигрантов для всех участников миграционного процесса; анализ фактора эмиграции для системы здравоохранения и здоровья населения стран отправления мигрантов; этнокультурный анализ культуры поведения в сфере здравоохранения различных мигрантских сообществ; описание успешных кейсов субъектности мигрантского сообщества и стран отправления мигрантов в решении проблем здоровья мигрантов. Результаты исследования могут быть использованы при планировании миграционной политики при участии стран отправления и приема мигрантов и мигрантского сообщества.

Ключевые слова: здоровье мигрантов, миграционная политика, страна отправления мигрантов, страна приема мигрантов, диаспора.

Введение

Процесс миграции сопровождается множественными рисками для здоровья мигрантов, связанными с небезопасными перемещениями, плохими условиями жизни и труда, ограниченным доступом к медицинскому обслуживанию, психосоциальными потрясениями, языковыми и культурными барьерами и необходимостью адаптации [1, с. 209].

В настоящее время рассмотрение проблемы здоровья мигрантов не ограничивается лишь контекстом прав мигрантов на здоровье. Актуален подход, согласно которому вопросы здоровья мигрантов становятся фактором социального развития для самих мигрантов и стран их отправления и приема. Так, важную роль в стремительном глобальном распространении вируса COVID-19 сыграли мигранты и туристы [2].

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении проблем мигрантов (в частности, их здоровья) с точки зрения субъектности трех участников миграци-

онного процесса: стран отправления, стран приема мигрантов и самого мигрантского сообщества. В этом контексте субъектность участника миграционного процесса означает способность стран отправления и приема мигрантов и самого мигрантского сообщества к использованию комплекса имеющихся ресурсов для становления в качестве агента социальных изменений в сфере миграционного регулирования.

Значимость исследования состоит в осмыслении негативных эффектов здоровья мигрантов не только для самих мигрантов и стран их приема, но и для стран отправления мигрантов. Мы поставили перед собой цель определить потенциал решения проблем здоровья мигрантов при участии всех заинтересованных сторон.

Теоретико-методологической основой исследования выступили несколько теорий. Согласно теории транснационализма, мигранты включены в многосторонние взаимодействия, а их влияние распространяется через границы как на страны происхождения, так и на страны приема [3, с. 8]. Согласно теории миграционных мостов С. В. Рязанцева, мигранты выступают в качестве посредников развития между странами отправления и странами приема мигрантов [4].

Содержание настоящего исследования основано на аналитическом обзоре зарубежных и российских научных источников по теме здоровья мигрантов и осмыслении субъектности стран отправления и самих мигрантов по результатам картографирования миграции из Приднестровья [5] и Республики Молдова [6] при поддержке представительства Международной организации по миграции (МОМ) в Молдове.

Теоретический анализ

Современная миграциология представлена множеством теорий и концепций, однако лишь немногие из них рассматривают миграционную проблематику в контексте трех субъектов миграционного процесса: стран отправления, стран приема мигрантов и самих мигрантов как социальных структур.

Представители теории транснационализма – одни из первых исследователей, обративших внимание на отсутствие в исследованиях миграции аналитических парадигм рассмотрения практик иммигрантов в отношении их родных государств, на возрастающую роль трансмигрантов, которые посредством своих организаций способны мобилизовать большие слои иммигрантского населения из разных классов и придать им публичное лицо [3]. Тем самым теория транснационализма переосмыслила представления о миграционном процессе, фокусируясь не только на странах приема мигрантов, но и на странах их отправления, а также на самих мигрантах как влиятельных транснациональных социальных субъектах.

В отечественной науке подобная трактовка миграционного процесса принадлежит С. В. Рязанцеву. Теория миграционных мостов фокусируется на изучении влияния социальных структур мигрантов на страны их выезда и въезда. Отмечается множество позитивных и негативных последствий миграции для стран выезда и въезда мигрантов, включая ухудшение состояния здоровья населения, распространение некоторых видов заболеваний, бесплодие, самоубийства и др. [4, с. 463, 494].

В рамках названной теории рассматривается значимость горизонтальных связей социальных структур мигрантов (диаспор, общин, общностей, социальных групп) в качестве первичных ячеек объединения и отстаивания интересов мигрантов. Они аккумулируют значительные людские и материальные ресурсы, обладают весомым авторитетом, опытом, знаниями, «изнутри» чувствуют проблему той социальной группы, которую представляют, т. е. имеют высокий самоорганизующийся

потенциал, могут эффективно и оперативно влиять на членов группы, семьи, общности. [4, с. 332–334].

В зарубежной и отечественной научной литературе множество работ посвящено здоровью мигрантов. В рамках настоящей статьи для обзора были отобраны те из них, которые рассматривают проблематику здоровья мигрантов в соответствии с обозначенным теоретико-методологическим подходом – в контексте роли субъектов миграционного процесса.

А. М. Баллер, В. Вака, Г. Стокрос, Р. Борленд и К. Циммерман в исследовании «Трудовая эксплуатация, торговля людьми и здоровье мигрантов» [7] в Аргентине, Перу и Казахстане выделили множество рисков для здоровья мигрантов. Они могут быть классифицированы по характеристике субъектов миграционного процесса. К общим факторам риска для здоровья мигрантов, характеризующим всех трех субъектов миграционного процесса, можно отнести: 1) документы, удостоверяющие личность; 2) обучение; 3) информацию и осведомленность перед отправлением; 4) миграционные контракты; 5) прием на работу.

К факторам риска для здоровья мигрантов, характеризующим сообщество мигрантов и страны их приема, можно отнести: 1) свободу передвижения; 2) сверхурочную работу; 3) условия жизни и питание; 4) жестокое обращение и насилие; 5) стресс, связанный с работой; 6) инфекционные заболевания; 7) наличие доступа к медицинским услугам и их использование.

К факторам, характеризующим страны приема мигрантов, можно отнести: 1) погоду и окружающую среду; 2) малые и крупные предприятия; 3) организацию оплаты труда; 4) опасные и вредные производственные факторы, и травмы; 5) средства индивидуальной защиты; 6) охрану здоровья и безопасность, болезни.

К факторам риска для здоровья мигрантов, характеризующим самих мигрантов, можно отнести: 1) мотивацию к миграции; 2) гендерные аспекты миграции; 3) представления о рисках для здоровья; 4) наличие общин соотечественников (воспроизводящих нездоровые практики образа жизни и небезопасные практики медицинской помощи).

Отдельных факторов рисков для здоровья мигрантов, обусловленных только страной отправления мигрантов, выделено не было [7].

Л. Ю. Иванова [8] при рассмотрении проблем здоровья трудовых мигрантов обращает внимание как на гуманистический, так и на прагматический аспекты. С точки зрения стран приема мигрантов важными являются следующие моменты: 1) создание договорно-правовой базы со странами исхода и работодателями по вопросу оказания медицинских услуг мигрантам; 2) правовое и институциональное обеспечение пребывания и занятости трудовых мигрантов, гарантии их безопасности; 3) непродуманность организации медицинского освидетельствования иностранных работников; 4) отсутствие единой информационной базы о здоровье мигрантов, включающей информацию от государственных и негосударственных медучреждений; 5) обязанность работодателей оформлять страховые медицинские полисы работникам; 6) обязательность наличия медицинского полиса при оформлении разрешения на работу и патента; 7) наличие контроля за заболеваниями, при обнаружении которых иностранным гражданам и лицам без гражданства запрещена трудовая деятельность на территории России; 8) восприятие мигрантов как инфекционных агентов для стран приема мигрантов; 9) доступность медицинской помощи; возможность и условия социальной адаптации мигрантов; 10) условия труда мигрантов, их соот-

ветствие санитарно-гигиеническим требованиям; 11) возможность лечения мигрантов за счет бюджетных средств; 12) роль профсоюзов и общественных организаций в обеспечении прав мигрантов.

Восприятие проблемы здоровья мигрантов и ее регулирования с точки зрения страны их отправления заключаются в следующем: 1) мигранты как инфекционные агенты для стран отправления мигрантов; 2) медицинское освидетельствование мигрантов в стране их отправления.

Для страны отправления мигрантов необходимо регулировать проблему их здоровья посредством медицинского освидетельствования каждого, так как мигранты рассматриваются как инфекционные агенты.

Проблемы здоровья мигрантов для них самих заключаются в следующем: 1) отсутствии медицинских документов; 2) неготовности к расходам на медицинское обследование; 3) практике приобретения поддельных медицинских справок; 4) социально-демографических и этнокультурных особенностях; 5) культурно-языковой характеристике, а именно «близости» к местному населению; 6) обособленности мигрантов – их анклавизации в рамках мигрантского сообщества; 7) вынужденном самосохранительном поведении; 8) рискованном поведении в отношении здоровья и инфекционных заболеваний (включая рискованное сексуальное поведение); 9) практике откладывания лечения; 10) нелегальной, низкоквалифицированной занятости; 11) условиях быта, несоответствии места проживания санитарно-гигиеническим требованиям; 12) информированности мигрантов о своих правах и доверии к системе здравоохранения; 13) наличии организаций, диаспоры как представителей интересов мигрантов [8].

Аналогичный подход в рассмотрении проблемы здоровья мигрантов используют И. Б. Кузнецова, Л. М. Мухарямова, Г. Г. Вафина [9]. Они акцентируют внимание на роль стран приема мигрантов и самих мигрантов. В качестве факторов здоровья мигрантов, характеризующих страны их приема, исследователи рассматривают следующие обстоятельства: 1) несовершенство российского законодательства о порядке оформления страхового полиса временно пребывающего в РФ; 2) несоблюдение закона о необходимости наличия медицинского полиса у мигрантов из стран, с которыми Россия поддерживает безвизовый режим (страны СНГ); 3) отсутствие единства в координации действий государственных структур и общественных организаций, связанных с обеспечением доступности медицинского обслуживания для мигрантов; 4) отсутствие данных о расходах бюджета на медицинскую помощь мигрантам; 5) отсутствие учета о заболеваниях мигрантов; 6) парадокс между обязанностями мигрантов выплачивать налоги и отсутствием права на медицинское обслуживание; 7) непонятные и невыгодные условия медицинских страховых компаний, предлагающих договор на групповое обслуживание иностранных работников; 8) прием на работу мигрантов без документов о прохождении медицинского освидетельствования; 9) отсутствие мотивации у работодателей к охране здоровья мигрантов; 10) трудоемкость процедуры прохождения медицинского осмотра; 11) фальсификацию медицинских документов; 12) наличие условий для реализации права мигрантов на здоровье и медицинское обслуживание; 13) дискриминацию со стороны медицинского персонала; 14) сложности осмысления здоровья мигрантов как социальной проблемы и лоббирования вопросов здравоохранения мигрантов; 15) наличие взаимодействия между медицинскими учреждениями и мигрантскими сообществами (диаспорами, землячествами).

Роль стран отправления мигрантов рассматривается в контексте прибытия мигрантов из эндемичных стран и возможности мигрантов получить медицинское обслуживание на родине.

Характеристика мигрантского сообщества в вопросах здравоохранения мигрантов связана со следующими факторами: 1) «эффектом здоровых мигрантов» (подразумевается, что в трудовую миграцию вовлекаются молодые и здоровые люди, способные выполнять работу); 2) правовым статусом мигрантов (легальность и вид миграции); 3) мотивацией мигрантов и членов их семей к формированию навыков здорового образа жизни и профилактике социально значимых заболеваний; 4) информированностью мигрантов о способах заражения инфекциями и мерах их профилактики; 5) неготовностью к издержкам оплаты медицинского полиса и получения услуг здравоохранения; 6) практикой необращения за медицинскими услугами; 7) самолечением (в том числе с помощью лекарств, присланных родными); 8) обращением к народной медицине и целителям; 9) обращением к врачам, не обладающим лицензией; 10) обращением к врачам из этнического сообщества; 11) поездками за лечением на родину; 12) наличием взаимодействия между медицинскими учреждениями и мигрантскими сообществами (диаспорами, землячествами) [9; 10].

Пандемия COVID-19 вызвала новые проблемы в сфере здравоохранения относительно мигрантов. Л. Гуаданьо [11] систематизировал 22 уязвимости мигрантов в условиях COVID-19. Из них 8 уязвимостей можно отнести к особенностям стран приема мигрантов, это: 1) отсутствие права на медицинское обслуживание и приоритета при предоставлении услуг; 2) отсутствие доступа к объектам инфраструктуры; 3) невозможность получить своевременную помощь; препятствия для правильного захоронения умерших; 4) беспокойство, связанное с ограничениями передвижения, потенциальным арестом или вероятностью стать жертвой ксенофобских действий; 5) прекращение предоставления базовой помощи и услуг по интеграции; 6) потеря ненадежной, незащищенной работы; 7) недоступность программ материальной поддержки населения во время пандемии COVID-19, а также субсидий и льгот на аренду или приобретение жилья; 8) неспособность поддерживать статус регулярной миграции. Пять уязвимостей обусловлены особенностями поведения самих мигрантов, это: 1) ограниченная осведомленность о рекомендуемых профилактических мерах, в том числе из-за языковых барьеров; 2) ограниченная осведомленность о вариантах или праве на получение медицинской помощи; 3) языковые барьеры, мешающие общению с поставщиками услуг; 4) нежелание обращаться за помощью из-за страха ареста или стигматизации; 5) изоляция и неспособность общаться [11].

Таким образом, анализ зарубежных и российских публикаций, посвященных исследованиям проблематики здоровья мигрантов, показал, что исследователи не используют дифференцированный подход к изучению этой темы в зависимости от роли субъектов миграционного процесса. Тем не менее ряд из них отмечает совокупность факторов, влияющих на здоровье мигрантов, которые зависят от самих мигрантов и стран их приема, и реже, стран их отправления.

Мигрантское сообщество и его потенциал в решении проблем здоровья мигрантов

Согласно И. В. Воробьевой, мигранты относятся к прекарному классу. Им присущи такие характеристики прекарного класса, как: условный, усеченный статус; неустойчивое социальное положение; негарантированная и неофициальная занятость;

нахождение в нестабильном социально-экономическом состоянии; социальная незащищенность (включая гарантии по охране здоровья, организации отдыха и т. п.) [12].

Прямым следствием precariousного положения мигрантов является состояние их здоровья. Особенности политико-правового положения мигрантов (легальность и вид миграции) влияют на права мигрантов в области здравоохранения. Особенности экономико-бытового положения мигрантов (занятость, доходы, качество жизни) влияют на риски мигрантов в сфере здоровья и возможности доступа к медицинскому обслуживанию. Особенности социокультурного положения мигрантов (адаптация и интеграция в принимающее общество, социальный капитал, восприятие со стороны местного населения) влияют на образ жизни мигрантов и практику поведения в сфере здравоохранения и получения медицинских услуг.

Проблемы здоровья мигрантов имеют ряд негативных последствий для самих мигрантов. Во-первых, состояние здоровья мигрантов является важным фактором выбора жизненной траектории: места жительства, трудоустройства и профессиональной самореализации, семейного планирования (включая деторождение). Во-вторых, проблемы со здоровьем и недоступность медицинской помощи оказывают влияние на самочувствие мигранта (включая психологическое состояние), его возможности занятости, социального взаимодействия, склонности к антисоциальному поведению, суициду. В-третьих, проблемы со здоровьем могут привести к частичной или полной потере трудоспособности. При неучастии мигрантов в программах медицинского страхования их ограничивают в праве на социальную защиту и медицинское обслуживание как в странах приема, так и в странах отправления мигрантов. Бремя обеспечения и ухода за такими мигрантами ложится на членов их семей.

Роль мигрантского сообщества в решении проблем здоровья мигрантов может исходить из следующего алгоритма:

- 1) институционального развития диаспорных и земляческих сообществ, деятельность которых будет направлена на артикуляцию проблем мигрантов и лоббирование их решения (в том числе в сфере здравоохранения) при взаимодействии со странами отправления и приема мигрантов, международными организациями;
- 2) повышения роли диаспорных и земляческих сообществ в обеспечении безопасной миграции, помощи за рубежом в адаптации и интеграции вновь прибывших мигрантов, привитии конструктивных норм и практик поведения мигрантам в сфере здорового образа жизни и получения медицинских услуг;
- 3) повышения роли диаспорных и земляческих сообществ в информировании мигрантов о механизмах получения медицинских услуг за рубежом; правовой, материальной, социокультурной помощи мигрантам в получении доступа к услугам здравоохранения, лечения, реабилитации, социальной защите, репатриации на родину в связи с возникшими проблемами здоровья.

Страны отправления мигрантов и их потенциал в решении проблем здоровья мигрантов

Проблемы здоровья мигрантов влияют и на страны их отправления. Во-первых, транснациональное перемещение мигрантов, отсутствие медико-санитарного контроля за ними способствуют «импорту» и распространению инфекционных заболеваний среди населения страны. Во-вторых, мигранты с подорванным здоровьем нередко возвращаются на родину для лечения и реабилитации, тем самым увеличи-

вается нагрузка на государственную социальную и медицинскую инфраструктуру, в которую они как налогоплательщики не вкладывались. В-третьих, мигранты, предпочитающие лечиться на родине в период праздников и отпусков, формируют неравномерный спрос на медицинские услуги. В итоге местное население в этот период имеет ограниченные возможности медицинского обслуживания.

У стран отправления мигрантов есть нескольких приоритетных задач в решении проблем здоровья мигрантов.

1. Межгосударственное сотрудничество со странами приема мигрантов по вопросам обеспечения легальной и безопасной миграции, гарантий их социальных прав в условиях пребывания за рубежом. Подобное сотрудничество может предполагать осуществление страной отправления мигрантов предмиграционной подготовки мигрантов в части их медицинского обследования, обеспечения их медицинскими карточками международного образца, сотрудничества с зарубежными медицинскими учреждениями в случае возникновения необходимости оперативного вмешательства, получения мигрантами травм и увечий, необходимости их репатриации на родину.

2. Институциональное развитие дипломатических и консульских структур на территории стран приема мигрантов. Выполнение ими функций консульского учета, лоббирования интересов и прав граждан в стране миграции; представительство интересов мигрантов при взаимодействии с государственными структурами, работодателями; помощь мигрантам, оказавшимся в чрезвычайной ситуации (в том числе по проблемам здоровья); взаимодействие с диаспорными и земляческими сообществами.

3. Разработка и внедрение целевых программ профилактики, обследования и лечения граждан, участвующих в процессах миграции и имеющих заболевания в зависимости от состояния обеспеченности социальных прав в стране миграции и сферы трудоустройства. Обеспечение социальных прав мигрантов, как правило, зависит от их правового статуса в стране пребывания. Наиболее уязвимы нелегальные мигранты. Менее уязвимы участники программ репатриации и переселения, учебные и высококвалифицированные мигранты. Работа мигрантов в сфере тяжелого физического труда (сельское хозяйство, строительство и т. п.) требует физической реабилитации; работа, сопряженная с психоэмоциональными перегрузками (уход за больными и пр.), требует психологической поддержки и психиатрического лечения; жертвы торговли людьми требуют комплексного лечения, правовой, экономической и психосоциальной поддержки.

Страны приема мигрантов и их потенциал в решении проблем здоровья мигрантов

Для стран приема мигрантов проблемы здоровья мигрантов вызывают несколько негативных последствий. Во-первых, пребывание мигрантов из эпидемиологически опасных стран и регионов, отсутствие эффективных механизмов медицинского обследования и лечения мигрантов, въезжающих на территорию страны или проживающих в ней, увеличивают риск заболевания местного населения. Во-вторых, мигранты усиливают нагрузку на инфраструктуру здравоохранения. Острой является проблема медицинского обслуживания мигрантов, не участвующих в формировании налоговых поступлений и не вносящих вклад в финансирование системы здравоохранения. В-третьих, ряд категорий мигрантов (учебные и высококвалифицированные мигран-

ты, переселенцы, дети мигрантов) рассматриваются в качестве демографического резерва. Проблемы здоровья этих категорий мигрантов (особенно в репродуктивной сфере) ухудшают их демографический потенциал.

Страны приема мигрантов могут сыграть важную роль в решении проблем здоровья мигрантов, предприняв некоторые шаги.

1. Межгосударственное сотрудничество со странами отправления мигрантов по вопросам обеспечения легальной и безопасной миграции, гарантий социальных прав мигрантов на территории страны. Подобное сотрудничество может быть направлено на целевой отбор отдельных категорий мигрантов, их документирование, в том числе в части медицинского обследования, применение в их отношении систем медицинского страхования, установление норм и правил, источников финансирования в случае заболевания мигрантов, получения ими травм и увечий.

2. Применение единого системного подхода в регулировании вопросов мониторинга и обеспечения здоровья мигрантов, включающего законодательное регулирование, источники финансирования, межведомственное сотрудничество, институциональную инфраструктуру, механизмы функционирования, разграничение полномочий на федеральном и местном уровнях власти, а также между различными ведомствами.

3. Снижение барьеров доступа мигрантов к медицинским услугам, связанных с правовым статусом мигрантов, их социокультурными особенностями и негативным восприятием (в том числе со стороны медицинского персонала). Эта задача может предполагать реализацию комплексных программ профилактики мигрантофобии, а также картографирование медицинских учреждений по принципу приветливого приема групп мигрантов определенного вероисповедания, этничности, восприятия гендерных вопросов и телесности.

Решение проблем здоровья мигрантов. Кейс Республики Молдова

Молдова – одна из стран с высоким показателем миграции населения. Согласно информации Бюро национальной статистики Республики Молдова, в 2019 г. численность резидентов на ее территории составляла 3,5 млн человек, тогда как численность населения с обычным местом жительства (не менее 12 месяцев) – 2,7 млн человек¹. Это обстоятельство свидетельствует о вовлечении значительного количества граждан (0,8 млн человек) в процессы временной миграции. Общий контингент молдавских граждан за рубежом может составлять порядка 1 млн человек.

Проблематика здоровья мигрантов является одной из ключевых тем миграционного регулирования Республики Молдова. Правительство страны проводит активную политику в области партнерства со странами приема мигрантов, в том числе по вопросам их социальной защиты и здравоохранения. Двусторонние соглашения подписаны с Болгарией (2008 г.), Португалией (2009 г.), Румынией (2010 г.), Люксембургом (2010 г.), Австрией (2011 г.), Эстонией (2011 г.), Чехией (2011 г.), Италией (2011 г.), Израилем (2012 г.), Польшей (2013 г.), Венгрией (2013 г.), Турцией (2015 г.), Бельгией (2015 г.), Литвой (2015 г.), Германией (2017 г.), Беларусью (2019 г.). Кроме того, в 2014 г. между Молдовой и Германией подписана Декларация о сотрудничестве в области миграции медицинского персонала.

¹ Population and demographic processes // Statistica Moldovei. National Bureau of Statistics of the Republic of Moldova [site]. URL: <https://statbank.statistica.md/PxWeb/pxweb/en/20%20Populatia%20si%20procesele%20demografice/?rxid=b2ff27d7-0b96-43c9-934b-42e1a2a9a774> (accessed on 20.02.22).

Молдова инициировала ряд программ, направленных на социальную защиту и здравоохранение молдавских мигрантов и членов их семей на территории Республики Молдова. Так, план действий по поддержке реинтеграции молдавских граждан, возвратившихся из-за рубежа, включает задачу реинтеграции возвратных мигрантов в систему обязательного медицинского страхования и социальной защиты Республики Молдова. Национальная система перенаправления представляет собой интегрированную систему оказания комплексной помощи жертвам торговли людьми и уязвимым лицам, включая детей и пожилых людей, оставленных без присмотра, путем перенаправления их в местные органы власти и к поставщикам услуг из среды гражданского общества.

В 2016 г. принят план действий по управлению мобильностью медицинских работников. Он включает задачи по получению молдавскими мигрантами медицинского образования за рубежом, созданию удаленных обучающих платформ, реинтеграции вернувшихся медицинских работников-мигрантов. В 2021 г. с целью формирования виртуального пространства для диалога и сотрудничества исследователей в области медицинских наук, независимо от страны, где они работают и живут, была создана сеть медицинской научной диаспоры Республики Молдова «DiaMed.MD». Цель платформы – построение постоянного механизма сотрудничества между медицинским научным сообществом Молдовы и соотечественниками, работающими за рубежом, для осуществления совместной деятельности в сфере исследований и инноваций².

В рамках проведения ежегодных Дней диаспоры для повышения потенциала молдавской диаспоры в области социальной защиты и здравоохранения мигрантов организуются тематические семинары. При взаимодействии с ассоциациями молдавской диаспоры за рубежом проводятся кампании по информированию мигрантов о доступе к программам социальной защиты, здравоохранения и благотворительности за рубежом, мероприятия по формированию здорового образа жизни и конструктивных практик в сфере здравоохранения (медицинское страхование, скрининг и профилактические осмотры, вакцинация и др.); реализован проект «Твое здоровье – твое будущее» (молдавские мигранты в Италии имели возможность бесплатно проконсультироваться с врачами разного профиля из Республики Молдова); оказывается поддержка по проведению благотворительных акций, включающих доставку и распределение медицинских товаров среди местного населения³.

Среди ключевых акторов реализации политики в области миграции и диаспоры – международные организации (Международная организация по миграции, Международная организация труда, Агентство ООН по делам беженцев, Программа Развития ООН, Фонд ООН в области народонаселения, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Европейский инвестиционный фонд, Международный центр развития миграционной политики и пр.), правительственные и неправительственные структуры отдельных стран (Германии, Греции, Дании, Ита-

² DiaMed.MD – сеть медицинской научной диаспоры Республики Молдова [DiaMed.MD – rețeaua diasporei științifice medicale a Republicii Moldova] // Государственный университет медицины и фармакологии им. Н. Тестемитану Республики Молдова [Universitatea de Stat de Medicină și Farmacie „Nicolae Testemițanu” din Republica Moldova] [сайт]. URL: <https://relatii publice.usmf.md/ru/node/29031> (дата обращения: 20.02.22). (На румынском).

³ Отчеты о деятельности [Raportare de activitate] // Бюро по связям с диаспорой Республики Молдова [Biroul relații cu diaspora din Republica Moldova] [site]. URL: <https://brd.gov.md/ro/advanced-page-type/rapoarte-de-activitate> (дата обращения: 20.02.22). (На румынском).

лии, Кипра, Лихтенштейна, Норвегии, Румынии, Финляндии, Чехии, Швейцарии, Швеции, Японии и др.).

В рамках картографирования миграции из Молдовы и Приднестровья при участии В. Мошняги [6] и автора настоящей статьи [5] был получен обширный материал, раскрывающий практики молдавских и приднестровских мигрантов в сфере здравоохранения, осмыслен потенциал субъектности мигрантов в решение проблем своего здоровья в процессе миграции. В этом контексте основные выводы исследования сводятся к следующему:

1. Здоровье мигрантов – одна из ключевых проблемных областей, сопровождающих процесс миграции и возвращения на родину. Состояние здоровья мигрантов находится в прямой зависимости от миграционной политики стран отправления и приема мигрантов, а также социально-демографических особенностей и культуры поведения в сфере здравоохранения самих мигрантов.

2. Среди мигрантов сохраняется губительная практика игнорирования проблем со здоровьем, приобретения фальшивых документов о состоянии здоровья, самолечения, получения непрофессиональных медицинских услуг, обращения к специализированной медицинской помощи с заболеваниями, находящимися в запущенной стадии, и пр.

3. Легальная миграция существенным образом улучшила возможность безопасного трудоустройства, получения регулярных доходов и обеспечения качества жизни мигрантов за рубежом. Это напрямую отразилось на возможности сохранения здоровья мигрантов. Также улучшился доступ мигрантов к системам социальной защиты и здравоохранения мигрантов в странах их приема.

4. Значительная часть мигрантов предпочитает проходить медицинские осмотры и оздоровительные процедуры в период временного возвращения на родину. В случае срочной медицинской помощи используют современные информационно-коммуникационные средства для консультации с врачами на родине. Мигранты по направлению стран дальнего зарубежья предпочитают использовать фармацевтическую продукцию, приобретенную на родине.

5. Практика получения медицинских услуг мигрантами на территории страны приема в основном сводится к обращению к специалистам из числа соотечественников либо в широкой среде представителей русскоязычной диаспоры стран постсоветского пространства.

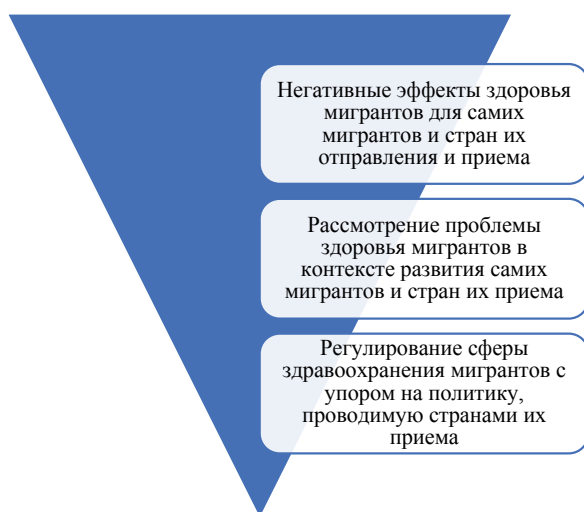
6. Сообщество мигрантов играет двойственную роль в процессах здравоохранения мигрантов. Проживание в рамках мигрантского анклава нередко сопряжено с низкими стандартами качества жизни, ведением нездорового образа жизни, вовлечением в делинквентные формы поведения, а также использованием небезопасных методов лечения. В то же время организации диаспоры и их лидеры играют положительную роль в формировании позитивных практик в сфере здравоохранения мигрантов (установка на здоровый образ жизни, прохождение профилактических осмотров, вакцинация, получение профессиональных медицинских услуг и прочее), а также прямой помощи в случае возникновения проблем со здоровьем.

7. Мигранты реализуют свою субъектность в сфере здравоохранения в отношении членов дистантных семей и соотечественников на родине. Так, денежные переводы мигрантов используются членами дистантных семей для улучшения качества жизни и получения услуг здравоохранения. На фокус-группах и интервью были выявлены случаи посредничества мигрантов в вопросах получения медицинских услуг

для пациентов-соотечественников в учреждениях России, Германии, Израиля, Италии (информирование, сбор средств, сопровождение и др.). Высококвалифицированные медицинские работники из числа мигрантов, трудоустроенные за рубежом, посредством образовательных мероприятий (семинаров, стажировок) способствуют обмену опытом и повышению квалификации медицинских кадров, оставшихся на родине.

Обсуждение

Настоящее исследование показало, что вопросы здоровья мигрантов находятся в фокусе внимания многих исследователей, однако имеет место неравномерное отражение этой проблемы по субъектам миграционного процесса (см. рис. 1). Так, проблемы здоровья мигрантов негативно влияют на всех трех субъектов миграционного процесса. Рассмотрение проблемы здоровья мигрантов в основном происходит в контексте стран приема мигрантов и самих мигрантов, тогда как негативное влияние здоровья мигрантов на страны их происхождения современными исследователями в качестве проблемы обозначаются редко. Предложения по регулированию сферы здравоохранения мигрантов в основном концентрируются вокруг миграционной политики и социальной защиты мигрантов в стране их приема, тогда как решение проблем здоровья мигрантов с использованием потенциала стран их отправления и мигрантского сообщества практически не рассматривается.

Рис 1. Отражение проблем здоровья мигрантов в научной литературе по субъектам миграционного процесса

Fig. 1. Reflection of migrants' health problems in academic literature by the subjects of migration process

Источник: составлено автором

Перспективными видятся исследования, направленные на: мониторинг эффектов здоровья мигрантов для всех участников миграционного процесса; анализ фактора эмиграции для системы здравоохранения и здоровья населения стран отправления мигрантов; этнокультурный анализ поведения в сфере здравоохранения различных

мигрантских сообществ; описание успешных кейсов субъектности мигрантского общества и стран отправления мигрантов в решении проблем здоровья мигрантов.

Выводы

Здоровье мигрантов является актуальной проблемой социального развития как для самих мигрантов, так и для стран их отправления и приема. Большинство авторов научных публикаций по теме здоровья мигрантов не используют дифференцированный подход к изучению этой темы в зависимости от роли субъектов миграционного процесса. Преимущественное внимание уделяется рассмотрению проблем здоровья мигрантов в контексте эффектов на страны приема мигрантов, они же рассматриваются в качестве ключевых субъектов политики в сфере здоровья мигрантов.

Аналитический обзор зарубежных и российских научных публикаций продемонстрировал, что здоровье мигрантов находится в прямой зависимости от совокупности факторов, характеризующих самих мигрантов и страны их отправления и приема. Анализ кейса миграции из Республики Молдова как страны отправления мигрантов показал положительные результаты политики и программ, направленных на обеспечение социальной защиты и улучшение здравоохранения мигрантов за рубежом. Повышается значимость диаспорных структур молдавских мигрантов в решении проблем здоровья в условиях миграции.

Таким образом, делается вывод о высоком потенциале мигрантов и стран их отправления в решении проблем здоровья мигрантов. Перспективным видится взаимодействие трех участников миграционного процесса, в котором вопросы здоровья мигрантов являются элементом системного механизма совокупных политик в отношении мигрантов.

Список литературы

1. World Migration Report 2020. Geneva: International Organization for Migration, 2019. 480 p. ISSN: 1561-5502.
2. Berger Z. D., Evans N. G., Phelan A. L., Silverman R. D. Covid-19: Control Measures Must Be Equitable and Inclusive. *British Medical Journal*. 2020. 368:m1141. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.m1141>.
3. Basch L. G., Glick Schiller N., Szanton Blanc C. Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States. Langhorne: Gordon and Breach, 1994. 356 p. ISBN: 9782881246302.
4. Рязанцев С. В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2001. – 542 с. ISBN: 5-7644-0933-0.
5. Ostavnaia A. Mapping Migration from Transnistria. Chisinau: International Organization for Migration, Mission to Moldova, 2017. 178 p. ISBN: 978-9975-3187-4-7.
6. Mosneaga V. Mapping Moldovan Diaspora in Germany, UK, Israel, Italy, Portugal and Russia. Chisinau: International Organization for Migration, Mission to Moldova, 2017. 212 p. ISBN: 978-9975-4469-6-9.
7. Buller A., Vaca V., Stoklosa H., Borland R., Zimmerman C. Labour Exploitation, Trafficking and Migrant Health: Multi-Country Findings on the Health Risks and Consequences of Migrant and Trafficked Workers. Geneva: International Organization for Migration, 2015. 174 p. ISBN: 978-92-9068-715-3.
8. Иванова Л. Ю. Социальные риски для здоровья трудовых мигрантов // Вестник института социологии. 2013. № 5. С. 130–145.
9. Кузнецова И. Б., Мухарямова Л. М., Вафина Г. Г. Здоровье мигрантов как социальная проблема // Казанский медицинский журнал. 2013. № 3. С. 367–372.
10. Кузнецова И. Б., Мухарямова Л. М. Трудовые мигранты в системе медицинских услуг: формальные и неформальные стратегии // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 1. С. 7–20.

11. *Guadagno L.* Migrants and the COVID-19 Pandemic: An Initial Analysis. Migration Research Series No. 60. Geneva: International Organization for Migration, 2020. 25 p. ISBN: 978-92-9068- 833-4.

12. *Воробьева И. В.* Можно ли считать мигрантов частью precarious класса? // Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / Под ред. Ж. Т. Тощенко. – Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. – С. 272–283. ISBN: 978-5-906001-76-4.

Сведения об авторе:

Оставная Алла Николаевна, старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, Тирасполь, Молдова.

Контактная информация: e-mail: alaost@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-3011-6034; PИНЦ Author ID: 851227; Web of Science Researcher ID: AAF-8999-2020.

Статья поступила в редакцию 11.02.2022; принята в печать 11.04.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

THE ROLE OF SUBJECTS OF MIGRATION PROCESS IN SOLVING MIGRANT HEALTH PROBLEMS

Alla N. Ostavnaia

Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Moldova

E-mail: alaost@rambler.ru

For citation: Alla N. Ostavnaia. The Role of Subjects of Migration Process in Solving Migrant Health Problems. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2. No 2. Pp. 162–175. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.12>. EDN: BIKHGJ.

Abstract. The article is devoted to the issues of regulating the health of migrants. The goal of the study is to identify the potential for solving migrant health problems with the participation of all stakeholders. The theoretical and methodological basis of the study is the theory of transnationalism and migration bridges by S. V. Ryazantsev. The main content of the article is based on an analytical review of foreign and Russian scientific sources, as well as understanding the subjectivity of the sending countries and the migrants themselves based on the results of mapping migration from Transnistria and the Republic of Moldova. The research analyzes the effects of migrants' health for three subjects of the migration process, and differentiates the factors for ensuring migrants' health depending on sending and receiving countries, as well as the migrants themselves. The author concludes that migrant health problems have a negative impact on all subjects of the migration process, and their solution is in the interaction of the three indicated sides of the migration process. The directions of work of the subjects of the migration process in ensuring the health of migrants are formulated. The case of the subjectivity of the Republic of Moldova as a country of departure of migrants and Moldovan migrants abroad in solving the health problems of migrants is described. An uneven reflection of the health problem of migrants by subjects of the migration process is revealed. The prospects of further research are aimed at: monitoring the effects of migrant health on all participants of the migration process; analyzing the impact of emigration on health care system and population health in the countries of origin; ethno-cultural analysis of the behavior of various migrant communities in the healthcare sector; describing successful cases of migrant communities and countries of origin of migrants in solving migrant health problems. The results of the study might be used for the development of migration policies with the participation of sending and receiving countries and the migrant community.

Keywords: migrant health, migration policy, country of origin, migrant receiving country, diaspora.

References

1. *World Migration Report 2020*. Geneva: International Organization for Migration, 2019. 480 p. ISSN: 1561-5502.
2. Berger Z. D., Evans N. G., Phelan A. L., Silverman R. D. Covid-19: Control Measures Must Be Equitable and Inclusive. *British Medical Journal*. 2020. 368:m1141. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.m1141>.
3. Basch L. G., Glick Schiller N., Szanton Blanc C. *Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States*. Langhorne: Gordon and Breach, 1994. 356 p. ISBN: 9782881246302.
4. Ryazantsev S. V. *Vliyaniye migratsii na sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Yevropy: sovremennyye tendentsii [Influence of migration on the socio-economic development of Europe: current trends]*. Stavropol: Stavropol'skoye knizhnoye izdatel'stvo, 2001. 542 p. ISBN: 5-7644-0933-0. (In Russ.)

5. Ostavnaia A. *Mapping Migration from Transnistria*. Chisinau: International Organization for Migration, Mission to Moldova, 2017. 178 p. ISBN: 978-9975-3187-4-7.
6. Mosneaga V. *Mapping Moldovan Diaspora in Germany, UK, Israel, Italy, Portugal and Russia*. Chisinau: International Organization for Migration, Mission to Moldova, 2017. 212 p. ISBN: 978-9975-4469-6-9.
7. Buller A., Vaca V., Stoklosa H., Borland R., Zimmerman C. *Labour Exploitation, Trafficking and Migrant Health: Multi-Country Findings on the Health Risks and Consequences of Migrant and Trafficked Workers*. Geneva: International Organization for Migration, 2015. 174 p. ISBN: 978-92-9068-715-3.
8. Ivanova L. Yu. Social Risks for the Health of Migrant Workers. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2013. No. 5. Pp. 130–145. (In Russ.)
9. Kuznetsova I. B., Mukharyamova L. M., Vafina G. G. Health of the Migrants as a Social Problem. *Kazan Medical Journal*. 2013. No. 3. Pp. 367–372. (In Russ.)
10. Kuznetsova I. B., Mukharyamova L. M. Labor Migrants and Health Care Access in Russia: Formal and Informal Strategies. *Journal of Social Policy Studies*. 2014. Vol. 12. No. 1. Pp. 7–20. (In Russ.)
11. Guadagno L. *Migrants and the COVID-19 Pandemic: An Initial Analysis*. Migration Research Series No. 60. Geneva: International Organization for Migration, 2020. 25 p. ISBN: 978-92-9068-833-4.
12. Vorobieva I. V. *Mozhno li schitat' migrantov chast'yu prekarnogo klassa?* [Can migrants be considered part of the precarious class?] In: *Precariat: The Emergence of a New Class* (collective monograph) / Ed. Zh. T. Toshchenko. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing, 2020. Pp. 272–283. ISBN: 978-5-906001-76-4. (In Russ.)

Bio note:

Alla N. Ostavnaia, Senior Lecturer, Department of Sociology and Social Technologies, Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Moldova.

Contact information: e-mail: alaost@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-3011-6034; RSCI Author ID: 851227; Web of Science Researcher ID: AAJ-8999-2020.

Received on 11.02.2022; accepted for publication on 11.04.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.13

EDN: ASGDWQ

ЭМИГРАЦИЯ ИЗ ГВИНЕИ И ВКЛАД ГВИНЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ

Рязанцев С. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

МГИМО МИД России, Москва, Россия

E-mail: riazan@mail.ru

Камара Сафияту

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-mail: safiatoucamara161714@gmail.com

Для цитирования: Рязанцев С. В., Камара С. Эмиграция из Гвинеи и вклад гвинейской диаспоры в социально-экономическое развитие страны // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 176-189. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.13>. EDN: ASGDWQ.

Аннотация. В статье анализируются тенденции эмиграции из Гвинеи, которая является одной из беднейших стран мира. Целью данного исследования стало выявление вклада гвинейской диаспоры в социально-экономическое развитие страны. В статье определяются факторы и основные направления эмиграции из Гвинеи, анализируется современное положение гвинейской диаспоры в принимающих странах, дается оценка влиянию эмиграции и диаспор на демографическую и социально-экономическую ситуацию в республике, а также предлагаются рекомендации по управлению миграцией и взаимодействию с диаспорой в интересах развития. Исследование опирается на анализ статистических данных международных и зарубежных организаций, кроме того, анализируются результаты социологических опросов, проведенных среди различных категорий гвинейских мигрантов. Эмиграция из Гвинеи имеет продолжительную историю и достаточно разнообразна с точки зрения факторов и трендов. Определяющую роль на формирование эмиграции оказывает расположение страны в зоне ЭКОВАС. Но постепенно эмиграция диверсифицируется и переориентируется на Европу и Северную Америку. Другими новыми направлениями эмиграции гвинейцев за последние пять лет стали нефтедобывающие государства Магриба и Ближнего Востока. Эмиграционные потоки из Гвинеи отличаются высокой долей молодежи, которая рассматривает эмиграцию как средство социально-экономической мобильности и способ реализации жизненных планов и стратегий. Усиливается вовлеченность женщин в потоки эмигрантов, прежде всего, на европейском направлении. К сожалению, растет доля незаконных эмигрантов из Гвинеи в европейские страны в общем эмиграционном потоке, в первую очередь на итальянском направлении. Выявлена существенная дифференциация образовательного уровня эмигрантов в зависимости от каналов, целей и географии миграции. Имеют место денежные переводы и инвестиции гвинейской диаспоры, но пока они не играют решающей роль в социально-экономическом развитии страны. Скорее денежные переводы представляют собой скрытый и не до конца реализованный потенциал развития Гвинейской Республики.

Ключевые слова: Гвинея, ЭКОВАС, эмиграция, диаспора, денежные переводы, социально-экономическое развитие.

Введение

Несмотря на то, что в Гвинее сосредоточено почти две трети мировых запасов бокситов и других важных полезных ископаемых (золота, алмазов и никеля), эти природные богатства распределяются крайне неравномерно и не приносят прямого дохода всему населению страны. Гвинейская Республика является одной из наименее

развитых стран мира. По индексу человеческого развития она занимает 174-е место из 189 стран¹. Гвинея сталкивается со многими социально-экономическими ограничениями, в основном связанными с безработицей, бедностью домохозяйств, низкой социальной защитой населения, гендерным неравенством в доступе к ресурсам. На национальном рынке труда преобладают первичный сельскохозяйственный сектор (соответствует более 60% рабочих мест) и неформальная деятельность (92,5%), которые характеризуются нестабильностью, тяжелыми условиями труда и низким доходом².

По данным последней переписи населения и жилищного фонда Гвинеи, в 2014 г. население страны составляло 10 599 848 человек. Население растет быстрыми темпами – на 2,2% в год. Население является молодым, и большая его часть проживает в сельской местности. Почти каждый второй житель Гвинеи (около 45%) моложе 16 лет, и только 3,8% населения старше 65 лет. И хотя уровень грамотности в стране увеличился с 25,4% в 1996 г. до 32% в 2018 г., по-прежнему важными проблемами гвинейского общества остаются безработица, маргинализация и люмпенизация молодежи. В настоящее время бедность затрагивает в большей степени сельское население (65%), чем горожан (35%)³.

Гвинейская Республика включает четыре природно-географических региона: Нижняя Гвинея, Лесная Гвинея, Средняя Гвинея и Верхняя Гвинея. Два последних региона являются наиболее засушливыми и наименее обеспеченными ресурсами, особенно сельскохозяйственными, и представляют собой районы происхождения (Маму, Лабэ и Канкан) мигрантов, в том числе внутренних и внешних. Эмиграция из страны достаточно распространена и приводит к формированию крупной гвинейской диаспоры за пределами государства.

Целью настоящего исследования являлось выявление вклада гвинейской диаспоры в социально-экономическое развитие республики. В статье определяются факторы и основные направления эмиграции из Гвинеи, анализируется современное положение гвинейской диаспоры в принимающих странах, дается оценка влиянию эмиграции и диаспор на демографическую и социально-экономическую ситуацию в Гвинеи, а также предлагаются рекомендации по управлению миграцией и взаимодействию с диаспорой в интересах развития.

Исследование опирается на анализ статистических данных международных и зарубежных организаций: Международной организации по миграции (МОМ), Управления верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ) ООН, Международной организации труда (МОТ), Департамента по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ) ООН, Всемирного банка, Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС), Организации сотрудничества и развития (ОЭСР), Евростата, Международного центра развития миграционной политики (ICMPD), Французского управления по защите беженцев и лиц без гражданства (OFPRA), Национального статистического института Италии (ISTAT), Бельгийского статистического управления (Statbel), сведений Национального статистического института Гвинеи (Institut

---

¹ Human Development Data Center // Human Development Reports / United Nations Development Programme [site]. URL: <https://hdr.undp.org/en/data> (accessed on 09.03.2022).

² Institut national de la statistique de Guinée [Национальный институт статистики Гвинеи] [сайт]. URL: <https://www.stat-guinee.org/> (дата обращения: 09.03.2022). (На франц.)

³ Ibid.

National de la Statistique (INS)). Помимо этого, анализируются результаты социологических опросов, проведенных среди различных категорий гвинейских мигрантов.

Современные тенденции и социально-демографическая структура эмиграции из Гвинеи.

Эмиграция из Гвинеи имеет продолжительную историю и достаточно разнообразна с точки зрения факторов и трендов. Прежде всего, расположение Гвинейской Республики в зоне ЭКОВАС с прозрачностью границ для перемещения товаров, услуг и населения, в сочетании с описанными выше социально-экономическими проблемами, сделали государство активным донором эмигрантов. Продолжительное время поток эмигрантов из Гвинеи был направлен именно в страны зоны ЭКОВАС, а поток в Европу и США на этом фоне был незначительным.

С 2015 г. тренды эмиграции меняются – отмечается постепенное увеличение гвинейской эмиграции в Европу через транзитные государства Северной Африки и Средиземное море. Также новыми направлениями эмиграции гвинейцев за последние пять лет стали нефтедобывающие страны Ближнего Востока и Магриба.

Из Гвинеи традиционно в основном эмигрировали мужчины. Эмиграция женщин обычно описывалась как «сопутствующая мобильность» в контексте брака или воссоединения семьи. Однако теперь отмечается явная феминизация эмиграции: в 2015 году около 43% гвинейских эмигрантов составляли женщины. Как и везде в Западной Африке, в Гвинее женщины сейчас более склонны к самостоятельной миграции для удовлетворения своих экономических потребностей, а не просто для того, чтобы присоединиться к мужу или другому члену семьи. Такая феминизация миграции в поисках работы может быть связана с повышенным спросом в развитых странах на услуги на дому, услуги медсестер и ряд других профессий, где традиционно более востребованы женщины.

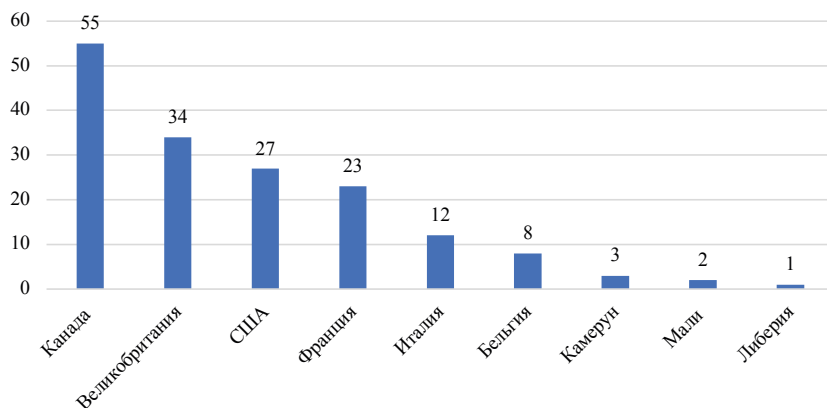
Согласно данным ДЭСВ ООН, около 57% гвинейцев, проживающих за границей, – молодые люди. Это и не удивительно, поскольку большая часть эмигрантов была в возрасте от 15 до 34 лет, а внутри этой возрастной группы наиболее многочисленными когортами являются молодые люди в возрастах 20–24 и 25–29 лет (примерно по 13% эмигрантов). Это показывает, что эмиграция из Гвинеи очень молодая, соответствует возрастной структуре населения, и что страна, к сожалению, активно теряет молодежь в результате эмиграционного оттока⁴.

Исследование Международного центра развития миграционной политики и МОМ продемонстрировало, что эмиграция из Гвинеи имеет характер «утечки умов» [1]. Эмигранты в 2014 г. были более образованы, чем местное население: 14% имели высшее образование, в то время как среди местного населения его имели только 6%. Значительно отличается образовательная структура гвинейских эмигрантов, которые направляются в экономически развитые страны Запада и соседние африканские государства. В целом данные по странам ОЭСР показывают, что среди гвинейских эмигрантов в 2000–2010 гг. около 25% составляли высокообразованные специалисты с высшим образованием, а около 50% гвинейцев не окончили колледж⁵. Самым об-

⁴ Global Migration Database // United Nations Population Division [site]. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/data/global-migration-database> (accessed on 09.03.2022).

⁵ Database on Immigrants in OECD and non-OECD Countries: DIOC // Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) [site]. URL: <https://www.oecd.org/els/mig/dioc.htm> (accessed on 09.03.2022).

разованным поток гвинейцев был в Канаду – 55% гвинейцев имели высшее образование. В других развитых государствах данный показатель был ниже, однако сильно варьировался от 34% в Великобритании, до 8% в Бельгии. Очевидно, он сильно зависел от причин въезда в страну. Франция, Италия и Бельгия в большей степени привлекали вынужденных мигрантов из Гвинеи, в то время как Канада, США и Великобритания – трудовых мигрантов (рис. 1).

Рис. 1. Доля гвинейцев с высшим образованием среди членов диаспоры в некоторых странах в 2015 г., %

Fig. 1. Share of Guineans with higher education among diaspora members in some countries in 2015, %

Источник: составлено авторами на основе данных INS⁶

Как уже отмечалось выше, с 2015–2016 гг. начинается активная эмиграция гвинейцев в Европу, в том числе открываются каналы опасной для жизни незаконной миграции через Средиземное море. Гвинейские мигранты, чтобы добраться до Европы, сначала по суше через Нигер переезжали в страны Магриба, затем добирались до Ливии, Марокко или Туниса, а потом на лодках переправлялись в Италию. В 2016 г. 13 345 гвинейцев прибыли в Италию морем, что было существенно больше, чем в 2015 г. – 8 937 человек. Гвинея была третьей страной по количеству мигрантов, прибывших в Италию после Эритреи и Нигерии.

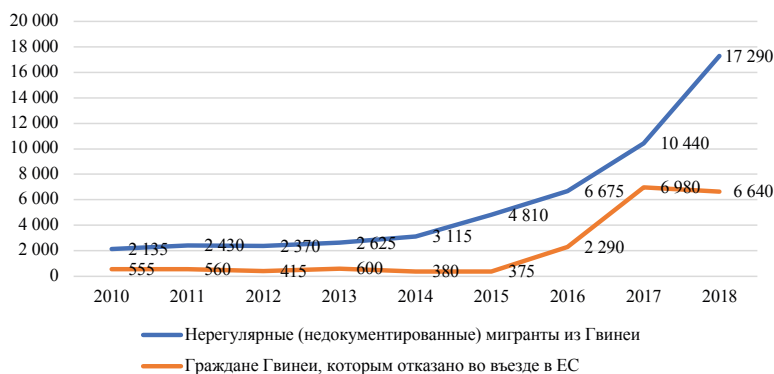
В январе 2017 г. в Италию прибыли 796 гвинейцев, что уступало только численности выходцев из Кот д'Ивуара, въехавших в эту страну. В 2018 г. в Европейском Союзе было выявлено 17 290 гвинейских нерегулярных (недокументированных) мигрантов, что демонстрировало резкий рост по сравнению с 2014 г. (3 115 человек) (рис. 2). Кроме того, с 2015 г. наблюдался значительный рост гвинейцев, которым было отказано во въезде на внешних границах Европейского Союза (рис. 2).

Исследование И. О. Абрамовой также показывает, что поток нелегальных мигрантов из Гвинеи, Камеруна и Кот д'Ивуара был достаточно интенсивным. Большинство мигрантов использует территорию Марокко в основном как транзитную, стремясь перебраться дальше в Испанию, Италию или на Мальту. Но и эти страны

⁶ Annuaire statistique 2018 [Статистический ежегодник 2018]. Conakry [Конакри]: Institut national de la statistique de Guinée [Национальный институт статистики Гвинеи], 2019. 355 p. URL: http://www.stat-guinee.org/images/Documents/Publications/INS/annuelles/annuaire/INS_annuaire_2018.pdf. (На франц.)

оказываются зачастую транзитными, поскольку мигранты стремятся во Францию, Германию, Нидерланды, Великобританию, а отдельные – в страны Скандинавии [2].

Постепенно государствами Евросоюза были приняты меры по сокращению незаконной миграции из Африки. В данной связи сократилось количество прибытий мигрантов в Европу морским путем, а Испания стала основной страной въезда в Европу для гвинейцев. В 2019 г. гвинейцы были второй по численности группой мигрантов из африканских стран после выходцев из Марокко, прибывших в январе – сентябре 2019 г. При этом росло количество гвинейцев, оказавшихся в центрах содержания под стражей в Ливии, поскольку морской путь в Италию был ограничен.

Рис. 2. Численность нерегулярных (недокументированных) мигрантов из Гвинеи в Европейском Союзе в 2010–2018 гг., человек

Fig. 2. Number of irregular (undocumented) migrants from Guinea in the European Union in 2010–2018, people

Источник: составлено авторами на основе данных INS⁷

В незаконную миграцию в основном вовлечена молодежь. Это сравнительно новое явление, обусловленное целым рядом социально-экономических факторов. Согласно исследованию МОМ, в 2019 г. среди вернувшихся из Европы в Гвинею мигрантов большинство составляли мужчины (85%) молодой возрастной группы (15–24 года), преимущественно из городских домохозяйств (86%) [3].

Отсутствие экономических возможностей на родине было названо 69% респондентов основной причиной эмиграции из Гвинеи. В докладе МОМ «Молодежь и мобильность: дети и молодежь в движении» было отмечено, что безработные молодые выпускники гвинейских школ составляют почти 60% потенциальных эмигрантов в Европу [3].

По данным МОТ, уровень безработицы среди молодежи в 2019 г. составил 5,5%⁸. Молодые гвинейские эмигранты, направляющиеся в Северную Африку и Европу, имеют более высокий уровень образования, чем молодые эмигранты из региона За-

⁷ Annuaire statistique 2018 [Статистический ежегодник 2018]. Conakry [Конакри]: Institut national de la statistique de Guinée [Национальный институт статистики Гвинеи], 2019. 355 p. URL: http://www.stat-guinee.org/images/Documents/Publications/INS/annuelles/annuaire/INS_annuaire_2018.pdf. (На франц.)

⁸ Statistics on unemployment and supplementary measures of labour underutilization // ILOSTAT / International Labour Organization [site]. URL: <https://ilostat.ilo.org/topics/unemployment-and-labour-underutilization/> (accessed on 09.03.2022).

падной Африки в целом. Также эмиграции способствуют социальные факторы: ухудшение жизненных перспектив, развитие социальных сетей гвинейцев и распространение информации о более благополучной жизни и возможностях для молодежи за рубежом.

В сравнении с соседними государствами Гвинея имеет сравнительно небольшую численность беженцев. По данным УВКБ ООН, на начало 2019 г. в стране насчитывалось 23 458 беженцев. Также 33 028 выходцев из Гвинеи стали беженцами или соискателями убежища за границей⁹. Причинами вынужденной эмиграции из Гвинейской Республики были как политические и религиозные преследования; угрозы, связанные с сексуальной ориентацией; насилие в отношении женщин (изнасилование, принудительные браки), так и связанные с ухудшением окружающей среды и санитарных условий (засухи, наводнения, голод, конфликты землепользования, лихорадка Эбола).

По данным ОЭСР, наибольшее количество соискателей убежища из Гвинеи отмечается в трех странах Европейского Союза: Германии, Франции и Бельгии (рис. 3). Максимальная численность соискателей убежища из Гвинеи была достигнута в 2019 г. во Франции – 7 045 человек¹⁰. Во Франции гвинейцы занимают второе место после афганцев. В 2020 г. в этой стране искали убежище 4 690 гвинейских граждан. Согласно отчету OFPRA, в 2018 г. Гвинея входила в первую четверку стран после Афганистана, Албании и Грузии по количеству поданных просьб о предоставлении убежища во Франции – 6 454 человека (5% всех соискателей убежища)¹¹.

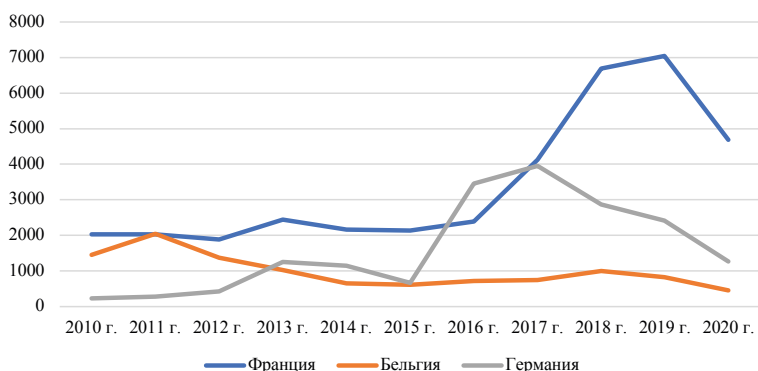
По данным ОЭСР, в Германии гвинейцы занимали в 2020 г. 12-ое место среди соискателей убежища – 1 270 человек. Пика их численность достигла в 2017 г. – 3 955 человек. И наконец, в Бельгии пик численности гвинейцев пришелся на 2011 г. – 2 046 человек. По итогам 2020 г. они занимали седьмое место среди всех стран, их численность составляла 455 человек (рис. 3).

Одним из направлений эмиграции гвинейцев является Российская Федерация. И хотя это не основная страна назначения, сюда прибывает достаточно значительное количество студентов, а также есть небольшое число трудовых мигрантов. В 2021 г. было зарегистрировано 1 192 гражданина Гвинеи с целью учебы (табл. 1). Здесь возможен и двойной учет, но в принципе это показывает, что образовательный канал миграции является основным для гвинейцев в России. В России также отмечаются единичные случаи получения гвинейцами разрешения на временное проживание, вида на жительство и даже российского гражданства. В 2021 г. девять гвинейцев стали гражданами Российской Федерации (табл. 1).

⁹ Refugee Data Finder // United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR) [site]. URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/download/> (accessed on 09.03.2022).

¹⁰ Statistical annex. New asylum requests by nationality // OECD iLibrary / Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) [site]. https://www.oecd-ilibrary.org/sites/29f23e9d-en/1/4/1/index.html?itemId=/content/publication/29f23e9d-en&_csp_=a9da7d4f182770aaa63ad86232529333&itemIGO=oecd&itemContentType=book#tablegrp-d1e117858 (accessed on 09.03.2022).

¹¹ Rapport d'activité 2018 [Отчет о деятельности за 2018 г.]. Paris []: Office français de protection des réfugiés et apatrides (OFPRA) [Французское ведомство по защите беженцев и лиц без гражданства], 2019. 126 p. URL: <https://ofpra.gouv.fr/fr/l-ofpra/actualites/publication-du-rapport-d-activite-7> (дата обращения: 09.03.2022). (На франц.)

Рис. 3. Новые запросы о соискании убежища гражданами Гвинеи в трех странах Европейского Союза в 2010–2020 гг., человек

Fig. 3. New asylum requests by Guinean citizens in three countries of the European Union in 2010–2020, people

Источник: составлено авторами на основе данных OECD¹²

Таблица 1.

Некоторые показатели миграционного потока граждан Гвинеи в Российской Федерации в 2019-2021 гг., человек

Table 1.

Some indicators of the migration of Guinean citizens to the Russian Federation in 2019-2021, people

	Оформлено виз	Факты постановки на миграционный учет, в том числе:		по месту жительства (постоянная регистрация)		по месту пребывания (временная регистрация), в том числе		В том числе по целям въезда в Россию						Выдано РВП		Действующие РВП		Выдано ВНЖ		Действующие ВНЖ		Получившие российское гражданство	Оформлено разрешений на работу	Имели действительные разрешения на работу	Уведомлений работодателей
		по месту жительства (постоянная регистрация)	по месту пребывания (временная регистрация)	деловая	туризм	учеба	работа	частная	иное	Выдано РВП	Действующие РВП	Выдано ВНЖ	Действующие ВНЖ												
2017 г.	426	830	13	817		21	342	31	42	73	11	14	6	18	3										
2018 г.	663	1 463	17	1 446		34	687	42	87	76	8	15	7	18	3										
2019 г.	903	1 934	21	1 913		69	866	24	39	168	12	24	8	22	6										
2020 г.	814	1 437	11	1 426		6	581	39	19	97	4	20	8	20	5										
2021 г.	788	1 468	24	1 444	25	9	1 192	107	45	66	9	18	10	17	9	2	4								

Источник: составлено авторами на основе данных МВД России¹³

¹² Statistical annex. New asylum requests by nationality.

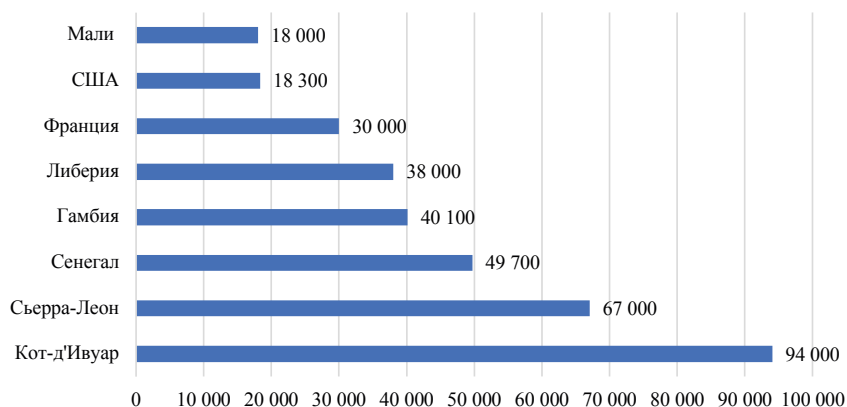
¹³ Статистические сведения по миграционной ситуации // Министерство внутренних дел Российской Федерации (МВД России) [сайт]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 09.03.2022).

Формирование гвинейской диаспоры: расселение и занятость

По экспертным оценкам, гвинейская диаспора в мире насчитывает не менее 3 млн человек. Большинство гвинейцев расселены в Западной Африке, в том числе в Сенегале, Кот-д'Ивуаре, Мали, Либерии. Также значительная численность отмечается в Европе и Северной Америке, в том числе во Франции, Бельгии, США, Канаде. Около 78% гвинейцев за границей составляли мужчины (в 2014 г.). Фрагментарность имеющихся данных о социально-демографических характеристиках гвинейцев за границей затрудняет формирование точного профиля гвинейской диаспоры.

По данным ДЭСВ ООН, численность гвинейских эмигрантов, проживавших за рубежом, составила 426 941 человек (3,4% населения страны)¹⁴. Следует заметить, что несмотря на масштабную эмиграцию, эта цифра несколько снизилась по сравнению с 1990 г. (тогда 5,8% населения проживали за границей) в связи с масштабной возвратной миграцией гвинейцев из соседних стран в связи с конфликтами (Сьерра-Леоне, Либерия, Кот-д'Ивуар).

В 2015 г. три четверти гвинейских эмигрантов (около 74%) проживали в странах ЭКОВАС, в том числе в соседних государствах: Кот-д'Ивуаре – 94 тыс. человек (22%), Сьерра-Леоне – 67 тыс. (16%), Сенегале – около 50 тыс. (12%), Гамбии – 40 тыс. (10%), Либерии – 38 тыс. (9%), Мали – 18 тыс. человек (4%). Около 17% зарубежных гвинейцев проживали в Европе, в том числе около 30 тыс. человек или 7% – во Франции, 3% – в Бельгии. Более 18 тыс. гвинейских эмигрантов или 4% проживали в США (рис. 4).

Рис. 4. Численность гвинейских эмигрантов в некоторых странах мира в 2015 году, человек

Fig 4. The number of Guinean emigrants in some countries of the world in 2015, people

Источник: составлено авторами на основе данных INS¹⁵

Данные ОЭСР свидетельствуют о том, что большая часть гвинейцев за рубежом являются долгосрочными эмигрантами: около 45% живут за границей более десяти

¹⁴ Global Migration Database // United Nations Population Division [site]. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/data/global-migration-database> (accessed on 09.03.2022).

¹⁵ Annuaire statistique 2018 [Статистический ежегодник 2018]. Conakry [Конакри]: Institut national de la statistique de Guinée [Национальный институт статистики Гвинеи], 2019. 355 p. URL: http://www.stat-guinee.org/images/Documents/Publications/INS/annuelles/annuaire/INS_annuaire_2018.pdf. (На франц.)

лет, 30% – от трех до десяти лет и только 25% – менее трех лет¹⁶. В 2014 г. более 4 тыс. гвинейцев получили гражданство стран ОЭСР, в том числе более трети – гражданство Франции, а 22% – гражданство США. По данным Евростата, по итогам 2015 г. 53 170 гвинейцев имели вид на жительство в одной из стран-членов Европейского Союза, в то время как в 2008 г. их численность составляла 33 562 разрешения¹⁷. В 2015 г. около 41% видов на жительство в государствах Евросоюза гвинейским гражданам были выданы по семейным обстоятельствам, 15% – после предоставления статуса беженца, 6% – для трудоустройства, 5% – по учебе и 3% – по другим причинам. Практически все эти виды на жительство (более 97%) выдавались сроком на 12 месяцев и более, причем 44% видов на жительство в Европе были выданы гвинейцам во Франции.

По данным ISTAT, на начало 2018 г. численность гвинейских граждан в Италии составила 11 240 человек, увеличившись более чем вдвое по сравнению с предыдущим годом. Около 86% составляли мужчины. Главным образом диаспора формировалась за счет беженцев и лиц, ищущих убежище. Среди общего числа разрешений, выданных в 2017 г. мужчинам в возрасте от 18 до 30 лет, явно преобладали разрешения на основе гуманитарной защиты (81%); вторую категорию составляли мигранты по семейным обстоятельствам (всего 16%) [4]. Уровень образования гвинейцев был очень низким: 41% респондентов имел неполное среднее образование, 30% окончили начальную школу, 5% получили среднее образование и 5% – высшее. Остальные 19% не получили никакого формального образования [5].

Основные организации гвинейской диаспоры в Италии объединяются в Совет гвинейцев за рубежом, который был создан в 2017 г. при активной поддержке Министерства иностранных дел Гвинеи в рамках мер по поддержке диаспор. Создание совета поощрялось с целью укрепления транснационального сотрудничества между гвинейскими властями и организациями гвинейской диаспоры за рубежом. Общими интересами ассоциаций являются: предотвращение незаконной миграции в Европу, поддержка вновь прибывших гвинейских граждан, а также развитие Гвинеи через развитие потребностей населения в образовании и профессиональной подготовке, снижение уровня безработицы среди молодежи, улучшение доступа к местным социальным и медицинским услугам. Ассоциации активно поддерживают и оказывают помощь большому числу граждан Гвинейской Республики, прибывающих морем, в партнерстве с местными учреждениями и центрами приема в Италии.

Гвинейская диаспора быстро растет в Бельгии. Здесь диаспора имеет невысокий уровень образования, но высокий потенциал предпринимательской активности. Бельгийское статистическое управление в 2017 г. насчитывало 9 657 гвинейцев¹⁸. Данные цифры не включают гвинейцев, которые получили бельгийское гражданство или не имели официального статуса в стране. Если учесть мигрантов, подавших заявление о предоставлении убежища, то численность гвинейцев возрастает до 15 тыс. человек. Около 30% мигрантов связаны с воссоединением семей, более 20% – со ста-

¹⁶ Immigrants by duration of stay // OECD Statistics. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=DIOC_DURATION_STAY (accessed on 09.03.2022).

¹⁷ Residence permits by reason, length of validity and citizenship // Eurostat. Statistical office of the European Union [site]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/explore/all/popul?lang=en&subtheme=migr.migr_man.migr_res&display=list&sort=category&extractionId=MIGR_ACQ (accessed on 09.03.2022).

¹⁸ Population by place of residence, nationality, marital status, age and sex // Statbel. Belgian statistical office [site]. URL: <https://statbel.fgov.be/en/open-data/population-place-residence-nationality-marital-status-age-and-sex-10> (accessed on 03.05.2022).

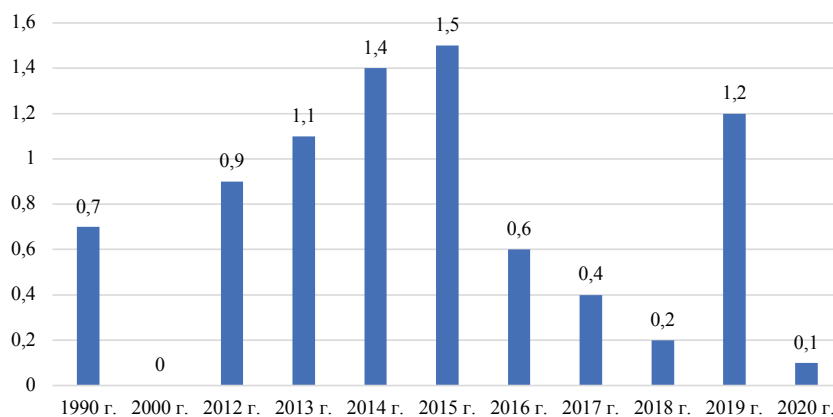
тусом беженца, 20% – с гуманитарными причинами, 3% – с получением образования. В Бельгии диаспоральные организации гвинейцев организованы по региональным, этническим и конфессиональным признакам. Например, ассоциации фута-Джаллон, Земли Суссу, Мандинго Союза Бенилюкса, ли Хаали Пулаар Бельгии и т. п.

Денежные переводы и инвестиции гвинейской диаспоры на родину

Многие семьи в Гвинее получают денежные переводы от гвинейцев, проживающих за границей. Примерно 80% средств переводится неофициально, хотя заключены соглашения с банками о переводе средств по более низкой цене. Неформальные переводы принимают форму физического перевода денег во время путешествия самого мигранта или через третьих лиц в стране происхождения, которые собирают и распределяют деньги, отправленные мигрантами, по их домам, соответствующим общинам. Официальные переводы в основном происходят через специализированных операторов, таких как Western Union или Money Gram.

По сведениям Всемирного банка, объемы денежных переводов в Гвинею стабильно росли: в 2005 г. – 42 млн, в 2010 г. – 46 млн, в 2015 г. – 93 млн долл. США. Основной поток денежных переводов в Гвинею отмечался из Кот-д'Ивуара, Франции, Сьерра-Леоне и США. В относительном измерении также вклад денежных переводов вырос: с 1% в 2005 г. до 1,53% в 2015 г. В 2020 г. из-за пандемии COVID-19 доля денежных переводов в ВВП снизилась до 0,1% (рис. 5).

По данным ОЭСР, в 2013 г. денежные переводы в Гвинею из стран-членов ОЭСР составили 66 млн долл. США. По оценкам Банка Италии, в 2017 г. из Италии в Гвинею было отправлено 9 млн евро, что стало значительным увеличением по сравнению с 1,5 млн евро, отправленными в 2012 г.

Рис. 5. Доля денежных переводов из-за рубежа в ВВП Гвинеи, %
Fig. 5. Share of remittances in Guinea's GDP, %

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного банка¹⁹

Денежные переводы являются одним из основных и наиболее очевидных положительных последствий эмиграции и взаимодействия диаспоры с родиной. Но можно выделить и некоторые ограничения.

¹⁹ Personal remittances, received (% of GDP) // World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS> (accessed on 09.03.2022).

Во-первых, денежные переводы используются больше для покрытия текущих расходов, чем для долгосрочного инвестирования, что в результате приводит к незначительному экономическому росту страны. Но безусловно, денежные переводы позволяют многим гвинейцам прокормить семьи, получить образование, т. е. обеспечить воспроизводство человеческого потенциала.

Во-вторых, денежные переводы, как правило, сильно дифференцированы по регионам происхождения мигрантов, что в итоге закрепляет и усиливает пространственное неравенство в стране. А поскольку эмиграция менее распространена среди беднейших семей, то эти семьи фактически не получают денежных переводов, оставаясь в «ловушке бедности». Тем не менее даже бедные семьи, не имеющие родственников-эмигрантов, получают некоторые косвенные выгоды от их денежных переводов, поскольку семьи-получатели создают новые рабочие места, вкладывают средства в социальную инфраструктуру (дороги, коммуникации, школы).

Помимо денежных переводов диаспора также стимулирует рост регионов и страны происхождения за счет своих инвестиций и увеличения коммерческих сделок. Если бы гвинейская диаспора была бы лучше информирована о торговых и инвестиционных возможностях родины, то опираясь на сеть контактов как в Гвинее, так и в принимающей стране, она могла бы служить отличным медиатором для стимулирования торговли и инвестиций в Гвинее.

В любом случае, чтобы денежные переводы и инвестиции диаспоры оказали прямое влияние на социально-экономическое развитие страны, необходимо, чтобы существовала некая координационная структура на уровне правительства Гвинее. На данный момент такой структуры нет.

Миграционная политика Республики Гвинея: направления и перспективы

В контексте бурного развития миграции и диверсификации миграционных потоков власти Республики Гвинея в последние годы приложили немало усилий для стимуляции процесса управления миграцией. Эти усилия привели к созданию институтов и законодательной базы в различных областях управления миграцией. Однако все еще не привели к реальной межведомственной координации и созданию единого органа власти, отвечающего за управление миграцией в стране и работу с диаспорой за границей.

Процесс разработки миграционной политики Гвинее с целью создания глобальной и скоординированной системы политик и институтов для управления ключевыми аспектами миграции начат. Поставлены следующие конкретные задачи в области миграционной политики:

- создать комплексную основу для охраны границ и управления свободным передвижением;
- разработать меры против торговли людьми;
- предотвратить принудительную миграцию и миграцию несовершеннолетних детей без сопровождения взрослых;
- содействовать законной трудовой миграции в целях социально-экономического развития Гвинее;
- содействовать росту вклада миграции в развитие страны.

В качестве приоритетных направлений реализуются следующие меры миграционной политики:

- создание и улучшение работы ключевых институтов и законов для управления различными аспектами миграции;
- содействие межведомственному сотрудничеству, координация работы органов власти страны на основе межинституционального принципа с сохранением прозрачности правил и миграционных процедур;
- обеспечение доступности данных о миграции и создание интегрированных информационных систем;
- укрепление навыков и технического потенциала для решения проблем, связанных с миграцией.

Заключение.

Эмиграция из Гвинеи имеет продолжительную историю и достаточно разнообразна с точки зрения факторов и трендов. Определяющую роль на формирование эмиграции оказывает расположение Гвинеи в зоне ЭКОВАС. Но постепенно эмиграция диверсифицируется и переориентируется на Европу и Северную Америку. Также новыми направлениями эмиграции гвинейцев за последние пять лет стали нефтедобывающие страны Магриба и Ближнего Востока.

Эмиграционные потоки из Гвинейской Республики отличаются высокой долей молодежи, которая рассматривает эмиграцию как средство социально-экономической мобильности и способ реализации жизненных планов и стратегий. Усиливается вовлеченность женщин в потоки эмигрантов, прежде всего на европейском направлении. К сожалению, растет доля незаконных эмигрантов из Гвинеи в европейские страны в общем эмиграционном потоке, в первую очередь на итальянском направлении.

Выявлена существенная дифференциация образовательного уровня эмигрантов в зависимости от каналов и целей миграции, а также географии эмиграции. Наиболее образованная часть гвинейцев эмигрирует в Канаду и Великобританию, где преобладает трудовая, причем квалифицированная миграция, а менее образованные потоки эмигрантов направляются в Италию, Францию и Бельгию, которые принимают значительное количество вынужденных мигрантов из Гвинеи.

Денежные переводы и инвестиции диаспоры имеют место, но пока не играют решающей роли в социально-экономическом развитии Гвинейской Республики. Скорее денежные переводы представляют собой скрытый и не до конца реализованный потенциал развития страны. В этой связи требуется создание специального органа власти в Гвинее по реализации идеи привлечения диаспоры к развитию местных сообществ и гвинейского общества в целом.

Список литературы

1. Migration en Guinée: Profil Migratoire National 2020 [Миграция в Гвинее: национальный миграционный профиль 2020 г.] / Ed. Verdeil M. [под ред. Вердейл М.]. Genève [Женева]: Organisation internationale pour les migrations (OIM) [Международная организация по миграции (МОМ)], 2020. 110 p. ISBN: 978-92-9068-940-9. (На франц.)
2. Абрамова И. О. Африканская миграция: опыт системного анализа. – Москва: Ин-т Африки РАН, 2009. – 352 с. ISBN: 978-5-91298-053-4.
3. Komah A., Kaba A., Camara D., Conte I. S. [Комох А., Каба А., Камара Д., Конте И. С.] Guinée – Rapport de recherche – Migrer pour réussir: Analyse des trajectoires migratoires de la jeunesse à travers l'expérience des migrants de retour (Janvier 2020) [Гвинея – Исследовательский отчет – Миграция ради успеха: анализ траекторий миграции молодежи на основе опыта возвратных мигрантов (январь 2020 г.)]. Genève [Женева]: Organisation internationale pour les migrations (OIM) [Международная ор-

ганизация по миграции (МОМ)], 2019. 58 p. (На франц.)

4. Scarabello S. Diaspora Mapping: Profile of the Gambia, Guinea and Guinea-Bissau Diasporas in Italy. Rome: International Organization for Migration, 2019. 92 p.

5. International Migration Report 2017 – Highlights. New York: United Nations, 2017. 34 p. DOI: <https://doi.org/10.18356/5e2626a2-en>.

Сведения об авторах:

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России; директор Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5306-8875; РИНЦ Author ID: 77673; Web of Science Researcher ID: F-7205-2014; Scopus Author ID: 22136228700.

Камера Сафияту, студентка экономического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН), Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: safiatoucamara161714@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-4956-618X.

Благодарности и финансирование:

Статья подготовлена при поддержке Совета Президента РФ по поддержке ведущих научных школ Российской Федерации (грант No НШ-53.2022.2).

Статья поступила в редакцию 09.01.2021; принята в печать 11.03.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

EMIGRATION FROM GUINEA AND THE CONTRIBUTION OF THE GUINEAN DIASPORA TO THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE COUNTRY

Sergey V. Ryazantsev

Institute for Demographic research FCTAS RAS

MGIMO University, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

Safiatou Camara

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: safiatoucamara161714@gmail.com

For citation: Sergey V. Ryazantsev, Safiatou Camara. Emigration from Guinea and the Contribution of the Guinean Diaspora to the Socio-Economic Development of the Country. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2. No 2. Pp. 176–189. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.13>. EDN: ASGDWQ.

Abstract. The article analyzes the trends of emigration from Guinea, which is one of the poorest countries in the world. The purpose of this study was to identify the contribution of the Guinean diaspora to the socio-economic development of the country. The article identifies the factors and main directions of emigration from Guinea, analyzes the current situation of the Guinean diaspora in the host countries, assesses the impact of emigration and diasporas on the demographic and socio-economic situation in Guinea, and also offers recommendations for managing migration and interacting with the diaspora for development. The study is based on the analysis of statistical data from international and foreign organizations, and also analyzes the results of sociological surveys conducted among various categories of Guinean migrants. Emigration from Guinea has a long history and is quite diverse in terms of factors and trends. Guinea's location in the ECOWAS zone plays a decisive role in the formation of emigration. But gradually emigration diversifies and reorients itself towards Europe and North America. Also, oil-producing countries of the Maghreb and the Middle East have become new directions for the emigration of Guineans over the past five years. Emigration flows from Guinea are distinguished by a high proportion of young people who see emigration as a means of socio-economic mobility and a way to implement life plans and strategies. The involvement of women in the flows of emigrants is increasing, primarily in the European direction. Unfortunately, the share of illegal emigrants from Guinea to European countries

in the total emigration flow is increasing, primarily in the Italian direction. A significant differentiation of the educational level of emigrants was revealed depending on the channels and goals of migration, as well as the geography of emigration. Remittances and investments from the diaspora take place, but do not yet play a decisive role in the socio-economic development of the country. Rather, remittances represent a hidden and underutilized development potential of a country.

Keywords: Guinea, ECOWAS, emigration, diaspora, remittances, socio-economic development.

References

1. *Migration en Guinée: Profil Migratoire National 2020 [Migration in Guinea: National Migration Profile 2020]* / Ed. Verdeil M. Genève: Organisation internationale pour les migrations (OIM) [International Organization for Migration (IOM)], 2020. 110 p. ISBN: 978-92-9068-940-9. (In French)
2. Abramova I. O. *Afrikanskaya migratsiya: opyt sistemnogo analiza [African migration: experience of system analysis]*. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 2009. 352 p. ISBN: 978-5-91298-053-4. (In Russ.)
3. Komah A., Kaba A., Camara D., Conte I. S. *Guinée – Rapport de recherche – Migrer pour réussir: Analyse des trajectoires migratoires de la jeunesse à travers l'expérience des migrants de retour (Janvier 2020) [Guinea – Research report – Migrating to succeed: Analysis of youth migration trajectories through the experience of return migrants (January 2020)]*. Genève: Organisation internationale pour les migrations (OIM) [International Organization for Migration (IOM)], 2019. 58 p. (In French)
4. Scarabello S. *Diaspora Mapping: Profile of the Gambia, Guinea and Guinea-Bissau Diasporas in Italy*. Rome: International Organization for Migration, 2019. 92 p.
5. *International Migration Report 2017 – Highlights*. New York: United Nations, 2017. 34 p. DOI: <https://doi.org/10.18356/5e2626a2-en>.

Bio note:

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head Department for Demographic and Migration Policy, MGIMO University; Director, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5306-8875; RSCI Author ID: 77673; Web of Science Researcher ID: F-7205-2014; Scopus Author ID: 22136228700.

Safiatou Camara, student, Faculty of Economics, RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia), Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: safiatoucamara161714@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-4956-618X.

Acknowledgements and financing:

The article was prepared with the support from the Council of the President of the Russian Federation for the support of leading scientific schools of the Russian Federation (Grant No. NSh-53.2022.2).

Received on 09.01.2021; accepted for publication on 11.03.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.14

EDN: NDPTJG

ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Драгун М. В.

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

E-mail: dragun.maria.v@gmail.com

Для цитирования: Драгун М. В. Возможные направления миграционной политики Республики Беларусь // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 190–200. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.14>. EDN: NDPTJG.

Аннотация. В статье представлено авторское видение миграционной политики Республики Беларусь по следующим основным направлениям: направления воздействия на внешнюю миграцию, в том числе: эмиграцию (выезд) и иммиграцию (въезд), и направления воздействия на внутреннюю миграцию. Осуществление указанных направлений возможно посредством комплекса разработанных автором программ, среди которых программа «Диаспоры», программа «Собирание нации», программа «Идейное объединение эмигрантов», программа «Формирование благоприятного имиджа Беларуси», программа «Наука и предпринимательство», программа «Предприниматель в селе / районном центре». В целях аргументации и обоснованности, выдвигаемых автором направлений для миграционной политики Республики Беларусь, проведен комплексный анализ, включающий: обзор миграционной ситуации в стране; анализ правового регулирования миграционных процессов. Обзор миграционной ситуации в Республике Беларусь сделан за последние двадцать лет. В статье дана общая информация об изменении численности населения страны, отмечена сохраняющаяся ситуация естественной убыли населения. Проведена оценка внешней миграции, установлено, что в течение всего исследуемого периода сохранялось положительное миграционное сальдо. Рассчитан коэффициент интенсивности международной миграции, среднее значение которого за исследуемое двадцатилетие составило 2,92%. Проанализированы внешние миграционные потоки по направлениям, при этом выявлено, что основной миграционный обмен у Республики Беларусь происходил со странами СНГ; значительно менее интенсивный миграционный обмен – со странами дальнего зарубежья. Также исследована внутриреспубликанская миграция населения и установлено, что она занимает доминирующее положение в миграционных процессах страны в целом. Рассчитан коэффициент интенсивности внутриреспубликанской миграции, результаты расчета показали рост данного показателя в 1,4 раза в 2019 г. по отношению к 2000 г. Проанализированы внутренние миграционные потоки по направлениям и между территориальными единицами. Сделан вывод о том, что внутриреспубликанской миграции присущ центристский характер. Исследовано правовое регулирование миграционных процессов в Республике Беларусь; а также международное сотрудничество страны в сфере миграции.

Ключевые слова: внутренняя миграция, межобластная миграция, внутриобластная миграция, миграционные потоки, коэффициент интенсивности миграции, миграционный прирост, сальдо миграции, международная миграция, нормативные правовые акты, миграционная политика, диаспоры, диаспоральные организации.

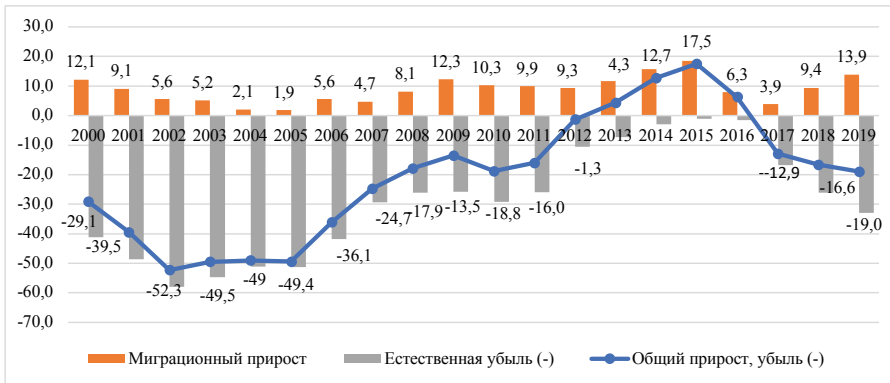
Введение

В сложной иерархии мер внутренней и внешней политики любого государства миграционная политика занимает самостоятельное место. В тоже время она тесно связана с основными блоками государственной политики, влияет на них и одновременно зависит от них [1, с. 332]. Согласно концепции управления миграцией, предлагаемой Международной организацией по миграции (далее – МОМ), управление миграцией – всеобъемлющий термин, обозначающий ряд мер, необходимых для эффективного решения проблем миграции на национальном, региональном и глобальном уровнях. Предлагаемая МОМ концепция управления миграцией связана с разработкой четкой и всеобъемлющей политики, законов и административных мероприятий, направленных на то, чтобы перемещение населения было взаимовыгодным для мигрантов, общества и правительств [2, с. 11]. Как правило, алгоритм управ-

ления миграционными процессами состоит из следующих этапов: анализ и прогноз ситуации; разработка общей идеи и задач этого управления; расчет экономических возможностей для достижения поставленных целей; поиск оптимального решения и разработка мер, необходимых для достижения этих целей; законодательное оформление реализации необходимых мер; финансовое и институциональное обеспечение их проведения [3, с. 5]. Ввиду того, что на данный момент в Республике Беларусь (РБ) отсутствует комплексный правовой акт, регулирующий вопросы миграции, но при этом существует объективная необходимость систематизации и структурировании взглядов по исследуемой проблематике, в данной статье представлены основные возможные направления миграционной политики страны.

Обзор миграционной ситуации в Республике Беларусь за последнее двадцатилетие

Согласно официальным статистическим данным, в течение последнего двадцатилетия в Республике Беларусь фиксировалась естественная убыль населения. Как видно из рис. 1, ситуация развивалась волнообразно.

Рис. 1. Компоненты изменения численности населения Республики Беларусь за период 2000–2019 гг.

Fig. 1. Components of population change in the Republic of Belarus in 2000–2019

Источник: составлено автором на основе данных Белстата¹

В течение 2000–2006 гг. численность населения ежегодно сокращалась в среднем на 49,5 тыс. человек; в течение 2007–2011 гг. – на 27,2 тыс. человек. С 2012 г. по 2016 г. включительно ситуация начала стабилизироваться в лучшую сторону. Численность населения в данный период времени продолжала сокращаться, но значительно в меньших размерах – в среднем на 4,7 тыс. человек в год (это более чем в 10 раз меньше, нежели в 2000 – 2006 гг.). А в 2015 г. достигла рекордного минимума: естественная убыль населения составила 1 тыс. человек. Начиная с 2017 г. вновь зафиксировано ухудшение ситуации: естественная убыль населения начала расти и в 2019 г. составила 32,9 тыс. человек.

¹ Демографическая и социальная статистика // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/> (дата обращения: 20.03.2022).

В таких условиях единственным источником депопуляции в стране были внешние мигранты. Так, в течение исследуемого периода миграционный прирост в среднем ежегодно компенсировал естественную убыль населения Беларуси на 8,9 тыс. человек; а в 2013–2016 гг. за счет внешних мигрантов был зафиксирован общий прирост населения на 10,2 тыс. человек в среднем в год (рис. 1).

Оценка внешней миграции

Внешние миграционные движения в течение 2000–2019 гг. были не стабильны. Оценка статистических данных показала, что максимальное значение прибывших в страну мигрантов было в 2019 г. – 34,8 тыс. человек; минимальное в 2005 г. – 13,00 тыс. человек. Максимальное значение выбывших из страны было в 2019 г. – 21,0 тыс. человек; минимальное в 2010 г. – 6,9 тыс. человек. При этом в течение всего периода сохранялось положительное сальдо миграции (средние ежегодные темпы роста составили 115%). Среднее значение коэффициента интенсивности международной миграции за период 2000–2019 гг. составило 2,92‰; максимальное значение было в 2019 г. (3,7‰), минимальное – в 2005 г. (1,35‰).

Таблица 1.

Общие итоги международной миграции населения, человек

Table 1.

General results of international population migration, persons

Показатели	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2018 г.	2019 г.
Прибывшие – всего	25 943	13 031	17 169	28 349	24 601	34 846
со странами СНГ	23 492	11 426	14 303	22 505	17 008	22 533
с другими странами	2 451	1 605	2 866	5 844	7 593	12 313
Выбывшие – всего	13 812	11 082	6 866	9 855	15 239	20 976
со странами СНГ	7 249	7 520	5 040	6 679	9 829	12 941
с другими странами	6 563	3 562	1 826	3 176	5 410	8 035
Миграционный прирост, убыль (-)	12 131	1 949	10 303	18 494	9 362	13 870
со странами СНГ	16 243	3 906	9 263	15 826	7 179	9 592
с другими странами	-4 112	-1 957	1 040	2 668	2 183	4 278

Источник: составлено автором на основе данных Белстата²

Основные внешние миграционные потоки в Республике Беларусь происходили со странами СНГ (табл. 1). В среднем 80% всех прибывших в Беларусь мигрантов были из стран СНГ; выбывших из Беларуси в страны СНГ – 66% (от общего числа выбывших из страны). Среднее значение темпа роста миграционного прироста со странами СНГ – 105%, при этом максимальное значение было в 2018 г. – 192%, минимальное в 2016 г. – 42%.

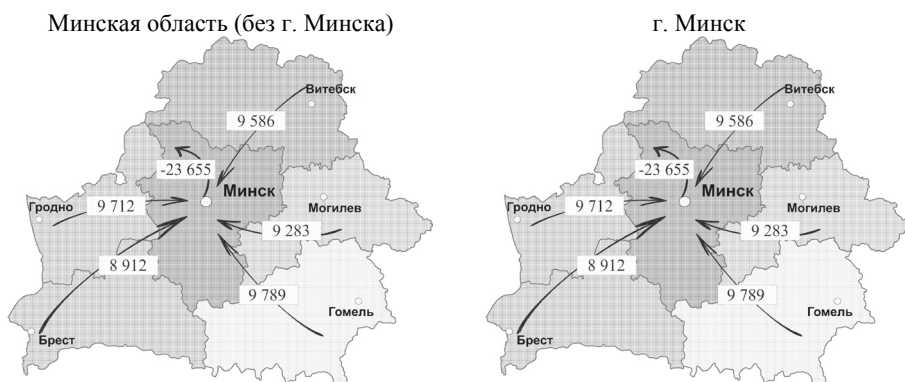
В течение последних восьми лет (2012–2019 гг.) основные миграционные потоки в Беларусь были из Украины, России и Туркменистана. За данный период численность Беларуси пополнилась за счет граждан Украины на 28,4 тыс. человек (при этом большая часть украинских мигрантов пришлось на 2014–2015 гг.); за счет граждан Российской Федерации – на 18,2 тыс. человек; Туркменистана – 10,6 тыс. человек.

² Демографическая и социальная статистика // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/> (дата обращения: 20.03.2022).

Оценка внутренней миграции

Анализ показал, что за последние двадцать лет внутриреспубликанские перемещения занимали ведущее место в миграционных процессах страны: на их долю приходилось 91% всех перемещений. Подтверждением чему является рост коэффициента интенсивности внутриреспубликанской миграции с 18,46‰ в 2000 г. до 25,55‰ в 2019 г. Среднее значение данного коэффициента за период 2000–2019 гг. составило 22,79‰.

Рис. 2. Миграционные связи Минской области и г. Минска (2000–2019 гг.)
Fig. 2. Migration ties between the Minsk Region and the city of Minsk (2000–2019)

Источник: составлено автором на основе данных Белстата³

В течение анализируемого периода основная доля внутриреспубликанских миграций приходилась на перемещение населения внутри областей – в среднем 54,3% оборота всей миграции. Движение населения между территориальными единицами страны в 2000–2019 гг. происходило следующим образом: из города в город – 40%, из села в город – 30%. Ежегодный отток населения из села в город составил около 16,4 тыс. человек. При этом, начиная с 2016 г., прирост сельского населения в город сократился и составил в 2016 г. 10,4 тыс. человек, в 2017 г. – 3,3 тыс. человек, в 2018 г. – 10,4 тыс. человек, в 2019 г. – 9,9 тыс. человек.

Анализ выявил и то, что основная доля внутренних миграционных потоков приходилась на Минскую область и город Минск (рис. 2). Как видно из рис. 2, центральный регион прирастает за счет всех областей. В свою очередь Минск также пополнялся за счет населения, которое изначально прибыло в Минскую область, а затем переместилось в столицу. Важно отметить, что начиная с 2015 г. по 2019 г. включительно, прирост численности населения столицы сократился более чем в два раза по отношению к 2010–2014 гг. и почти в три раза по отношению к 2005–2009 гг.

Правовое регулирование миграционных процессов в Республике Беларусь

В Республике Беларусь государственное регулирование в области миграции осуществляет Департамент по гражданству и миграции МВД (далее – Департамент)⁴.

³ Демографическая и социальная статистика // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/> (дата обращения: 20.03.2022).

⁴ Департамент по гражданству и миграции МВД РБ [сайт]. URL: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/departament-po-grazhdanstvu-i-migraci> (дата обращения: 01.11.2021).

Среди основных задач Департамента совершенствование правового регулирования вопросов гражданства и миграции, контроль за миграционными процессами и миграционной ситуацией в стране, организация научных исследований и другие. Также Республика Беларусь участвует в работе МОМ, начиная с 1994 г. МОМ уделяет особое внимание реализации в стране проектов, направленных на противодействие торговле людьми, обустройство границ, развитие трансграничного сотрудничества, совершенствование национальной нормативно-правовой базы в области миграции⁵. Беларусь является активным участником всех универсальных конвенций ООН в области борьбы с торговлей людьми, Конвенции Совета Европы «О противодействии торговле людьми», Конвенции о приграничном сотрудничестве государств-участников СНГ, Конвенции о межрегиональном сотрудничестве государств-участников СНГ, Соглашения государств-участников СНГ о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся мигрантов и соответствующих концепций и планов, а кроме того, одним из разработчиков проекта «Унифицированная система поиска “Работа без границ”»⁶.

Отдельно стоит упомянуть о Концепции миграционной политики Союзного государства Беларуси и России, утвержденной 04 ноября 2021 г., которая направлена на углубление интеграции в сфере миграции, социально-экономического и демографического развития, безопасности обеих стран путем формирования единого миграционного пространства. В рамках данного документа, в частности, предполагается унификация нормативных правовых актов и системы учетов в сфере миграции Беларуси и России, создание общих информационных ресурсов, реализация совместных миграционных программ, развитие научного и информационного сопровождения миграционной политики, финансовое и ресурсное обеспечение⁷.

В целях государственного регулирования миграционных процессов в Республике Беларусь издан ряд нормативных правовых актов (далее – НПА)^{8,9,10,11,12,13,14,15}. Данные

---

⁵ Международная организация по миграции // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [сайт]. URL: <https://mfa.gov.by/multilateral/organization/list/c803c6ae5eb14b11.html> (дата обращения: 01.11.2021).

⁶ Добровольный обзор Республики Беларусь осуществления Глобального договора о безопасной, упорядоченной и регулярной миграции // United Nations Network on Migration [сайт]. URL: https://migrationnetwork.un.org/sites/default/files/docs/belarus_national_voluntary_report_-_gcm_ru_0.pdf (дата обращения: 10.11.2021).

⁷ Постановление Высшего государственного совета Союзного государства от 4 ноября 2021 г. № 6 «О Концепции миграционной политики Союзного государства» // Эталон Online. Правовая система. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=a22100025&q_id=4799711 (дата обращения: 04.04.2022).

⁸ Закон Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь» 136-3 от 1.08.2002 г. // Kodeksy-by.com. Правовая система. URL: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_grazhdanstve.htm (дата обращения: 10.11.2021).

⁹ Закон Республики Беларусь «О Государственной границе Республики Беларусь» от 21 июля 2008 г. № 419-3 // Kodeksy-by.com. Правовая система. URL: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_gosudarstvennoj_granitse_respubliki_belarus.htm (дата обращения: 10.11.2021).

¹⁰ Закон Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» от 4 января 2010 г. № 105-3 // Kodeksy-by.com. Правовая система. URL: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_pravovom_polozhenii_inostrannyh_grazhdan_i_lits_bez_grazhdanstva.htm (дата обращения: 10.11.2021).

¹¹ Закон Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции» от 30 декабря 2010 г. № 225-3 // Kodeksy-by.com. Правовая система. URL: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_vneshnej_trudovoj_migratsii.htm (дата обращения: 10.11.2021).

НПА, в большинстве своем, регулируют процессы внешней миграции. Также изданы правовые акты, которые, в том числе, направлены на регулирование внутренней миграции^{16, 17, 18, 19, 20}. Но при этом в стране отсутствует комплексная государственная миграционная политика.

Возможные направления для миграционной политики Республики Беларусь

В первую очередь определимся с терминологией. Изучение специальной литературы показало, что многие ученые используют такой традиционный подход, как формулирование определения миграционной политики в широком и узком смысле слова [4, с. 109]; считаем рациональным в контексте нашего исследования применить именно его. В широком смысле слова миграционная политика представляет собой государственную доктрину или концепцию регулирования миграционных процессов. В узком смысле миграционная политика направлена на то, чтобы изменить численность, состав, направление движения и расселение мигрантов, повлиять на их характеристики, тесно связанные с пропорциями трудовых ресурсов

¹² Закон Республики Беларусь «О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь» от 20 сентября 2009 г. № 49-3 // Kodeksy-by.com. Правовая система. URL: https://kodeksyby.com/zakon_rb_o_poryadke_vyezda_iz_respubliki_bielarus_i_vezda_v_respubliku_bielarus_grazhdan_respubliki_bielarus.htm (дата обращения: 10.11.2021).

¹³ Закон Республики Беларусь «О противодействии торговле людьми» № 350-3 от 7.01.2012, ред. 212-3 от 16.12.2014 // Kodeksy-by.com. Правовая система. URL: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_protivodejstvii_torgovle_lyud_mi.htm (дата обращения: 10.11.2021).

¹⁴ Закон Республики Беларусь «О регистре населения» от 21 июля 2008 г. № 418-3 // Kodeksy-by.com. Правовая система. URL: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_registre_naseleniya.htm (дата обращения: 10.11.2021).

¹⁵ Закон Республики Беларусь «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь» от 23 июня 2008 г. № 354-3 // Kodeksy-by.com. Правовая система. URL: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_predostavlenii_inostrannym_grazhdanam_i_litsam_bez_grazhdanstva_statusa_bezhentsa_dopolnitelnoj_i_vremennoj_zawity_v_respublike_bielarus.htm (дата обращения: 10.11.2021).

¹⁶ Директива № 6 «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли» от 4 марта 2019 г. // Президент Республики Беларусь. Официальный сайт Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/direktiva-6-ot-4-marta-2019-g-20628> (дата обращения: 20.10.2021).

¹⁷ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 19 января 2021 г. № 28 «О Государственной программе “Здоровье народа и демографическая безопасность” на 2021–2025 годы» // БИП – Университет права и социально-информационных технологий. URL: <https://bip-ip.by/upload/программа%20здоровье%20народа%20и%20демографическая%20безопасность%20на%202021-2025%20гг.pdf> (дата обращения: 13.10.2021).

¹⁸ Постановление Совета Министров Республики Беларусь «О комплексе мер по реализации положений Директивы Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 г. № 6 “О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли”» // Совет Министров Республики Беларусь. Официальный сайт. URL: <http://pda.government.by/upload/docs/file651311a6b7a7175e.pdf> (дата обращения: 20.10.2021).

¹⁹ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 9 октября 2019 г. № 689 «Об утверждении плана развития отдельных регионов, отстающих по уровню социально-экономического развития» // Совет Министров Республики Беларусь. Официальный сайт. URL: <http://www.government.by/upload/docs/file6354ea6405132e7d.pdf> (дата обращения: 20.10.2021).

²⁰ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 9 сентября 2019 г. № 604 «Об утверждении Типового положения об областном (районном) совете по развитию предпринимательства» // Совет Министров Республики Беларусь. Официальный сайт. URL: <http://www.government.by/upload/docs/file6354ea6405132e7d.pdf> (дата обращения: 20.10.2021).

и демографии [4, с. 109]. Миграция населения, будучи объективным социально-экономическим процессом, имеет несколько основных, тесно взаимосвязанных составляющих – внутренняя миграция, эмиграция и иммиграция. Следовательно, миграционная политика – это целое, а иммиграционная, эмиграционная, внутренняя миграционная политика – ее составляющие [3, с. 129]. По нашему мнению, именно данный подход наиболее приемлем для формирования миграционной политики Беларуси. Таким образом, авторское видение предполагаемой миграционной политики Республики Беларусь можно структурировать по следующим основным направлениям: направления воздействия на внешнюю миграцию (в том числе: эмиграцию (выезд) и иммиграцию (въезд)) и направления воздействия на внутреннюю миграцию. Каждое из указанных направлений предлагается реализовывать комплексом программ (табл. 2).

Таблица 2.

Возможные направления миграционной политики Республики Беларусь

Table 2.

Possible directions of the migration policy of the Republic of Belarus

Программы миграционной политики	Детализация проводимых мероприятий
<p>Диаспоры</p> <p><i>Направление миграционной политики – эмиграция и иммиграция.</i></p> <p>Вовлечение диаспоральных организаций в интеграционные процессы иммигрантов в странах приема (межкультурный диалог, поддержка предпринимательской активности, содействие интеграции на рынке труда).</p> <p>Включение диаспоральных организаций в процесс государственного управления Беларуси.</p>	<p>Межкультурный диалог, популяризация культуры между странами приема и исхода.</p> <p>Информационное обеспечение в стране исхода о правилах въезда / пребывания / проживания в стране приема.</p> <p>Содействие диаспоральной предпринимательской активности / информационная поддержка о правилах ведения бизнеса в странах исхода и приема.</p> <p>Содействие развитию внешнеторговых связей, наращиванию внешнеторгового оборота, международного туризма между странами исхода и приема иммигрантов.</p> <p>Содействие в возвращении и репатриации иммигрантов в стране исхода.</p> <p>Лоббирование прав иммигрантов в стране приема в интересах страны исхода.</p> <p>Развитие системы стипендий и тренингов членами диаспор по повышению квалификации населения стран исхода.</p> <p>Содействие коммуникации между иммигрантом и страной исхода [5].</p>
<p>Собирание нации</p> <p><i>Направление миграционной политики – иммиграция.</i></p> <p>Предоставление гражданства всем этническим белорусам.</p> <p>Адаптация реэмигрантов.</p>	<p>Автоматическое предоставление гражданства для каждого белоруса, в том числе лицам, имеющим белорусские корни.</p> <p>Адаптация реэмигрантов: предоставление жилья, первоначальная денежная помощь, информационная поддержка, трудоустройство, поддержка предпринимательской активности.</p> <p>Региональное распределение населения [6].</p>

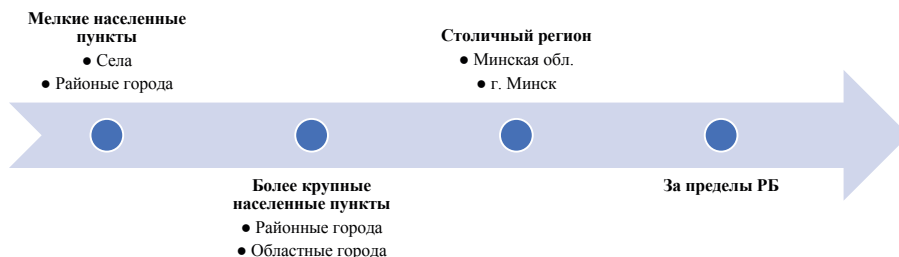
Программы миграционной политики	Детализация проводимых мероприятий
<p>Идейное объединение эмигрантов</p> <p><i>Направление миграционной политики – эмиграция.</i></p> <p>Мотивация эмигрантов идеями «Где бы не находился белорус, он будет способствовать процветанию Беларуси».</p>	<p>Привлечение зарубежного белорусского капитала. Освоение мирового рынка за счет эмигрантов. Расширение и укрепление связей выехавших белорусов в странах приема. Поступление капитала, кадров, техники, информации из-за рубежа в страну от белорусов-эмигрантов.</p>
<p>Формирование благоприятного имиджа Беларуси</p> <p><i>Направление миграционной политики – иммиграция.</i></p> <p>Туризм, образование, бизнес и инвестиции.</p>	<p>Продвижение / трансляция рекламных-информационных роликов (в т. ч. по направлениям: туризм, образование, бизнес) на крупнейших всемирно известных информационных площадках.</p>
<p>Наука и предпринимательство</p> <p><i>Направление миграционной политики – эмиграция и иммиграция; внутренняя миграция.</i></p> <p>Экосистемы, научные хабы.</p>	<p>Создание и поддержка развития технологических и научных хабов (таких как Кремниевая долина в США, Silicon Wadi в Израиле, Бангалор в Индии, Чжунгуаньчунь в Китае и др.). Создание и поддержка развития экосистем, пространств для развития науки и технологии, в частности при высших учебных заведениях (таких как Westmont Enterprise Hub, University of West London, Лондон, Великобритания; Business Incubation Centre Overview, Hamdan Bin Mohammed Smart University, Дубай, ОАЭ; the Entrepreneurship Hub, University of Ottawa, Оттава, Канада и др.). Государственная поддержка развития технологических экосистем и научных хабов в сельской местности и районных центрах.</p>
<p>Предприниматель в селе / районном центре</p> <p><i>Направление миграционной политики – внутренняя миграция.</i></p> <p>Развитие и содействие предпринимательской активности в селе и районных центрах.</p>	<p>Создание благоприятных условий для развития и ведения частного бизнеса в сельской местности и районных центрах (предоставление налоговых льгот, налоговых каникул, льготных условий кредитования; информационно-разъяснительная поддержка, льготные условия продвижения (рекламы) в государственных СМИ). Сохранение и улучшение качества жизни в сельских регионах.</p>

Источник: разработки автора

Заключение

Общая миграционная ситуация в стране складывается следующим образом. В условиях стабильно фиксируемой за последнее двадцатилетие естественной убыли населения внешняя миграция является единственным источником депопуляции в стране. Внешние миграционные потоки в течение всего исследуемого периода имели положительное сальдо, отличались волнообразным, нестабильным характером. Основной миграционный обмен у Беларуси происходил со странами СНГ, значительно менее активными были миграционные движения со странами дальнего зарубежья. Касательно движения населения внутри Беларуси стоит отметить, что внутриреспубликанская миграция занимает доминирующее место в общих миграционных движениях страны, при этом из года в год ее интенсивность только возрастает. Наиболее

значительные миграционные потоки внутри страны происходили из города в город и из села в город [7]. В исследуемом периоде продолжил иметь место отток населения из села. Преобладающее направление внутривнутриреспубликанской миграции – это Минская область и г. Минск. Обобщив миграционные движения населения страны, можно структурировать их направления следующим образом: население движется из мелких населенных пунктов в более крупные населенные пункты, затем в столичный регион и за рубеж (рис. 3).

Рис. 3. Миграционные движения населения Республики Беларусь

Fig. 3. Population movement in the Republic of Belarus

Источник: разработано автором

Анализ регулирования миграционных процессов в Республике Беларусь показал, что на данный момент издан ряд нормативных правовых актов, регулирующих вопросы внешней и внутренней миграции; Беларусь участвует в работе МОМ; страна на постоянной основе наращивает региональное и международное сотрудничество в сфере миграции. Наряду с этим в стране отсутствует комплексная Государственная миграционная политика.

На основании проведенного системного анализа автором предлагается собственное видение миграционной политики Республики Беларусь, включающее такие основные направления, как воздействие на внешнюю миграцию и воздействие на внутреннюю миграцию. Каждое из указанных направлений предлагается реализовывать комплексом программ. Автором разработаны следующие программы: программа «Диапоры» (направлена на вовлечение диаспоральных организаций в интеграционные процессы иммигрантов в странах приема, включение диаспоральных организаций в процесс государственного управления страной); программа «Собирание нации» (направлена на упрощение процедуры получения белорусского гражданства, ускорение адаптации реэмигрантов); программа «Идейное объединение эмигрантов» (направлена на формирование мотивации эмигрантов идеей о том, что где бы не находился белорус, он будет способствовать процветанию Беларуси); программа «Формирование благоприятного имиджа Беларуси»; программа «Наука и предпринимательство» (направлена на создание экосистем, научных / бизнес хабов); программа «Предприниматель в селе / районном центре» (направлена на развитие и содействие предпринимательской активности в селе и районных центрах).

Список литературы

1. Миграция населения: теория, политика: Учебное пособие / Под редакцией О. Д. Воробьевой, А. В. Топилина. – Москва: Экономическое образование, 2012. – 364 с. ISBN: 978-5-7425-0160-2.
2. Мировой опыт миграционной политики: ретроспектива и новейшие тенденции / Международная организация по миграции, Бюро МОМ в России, Бюро МОМ в Казахстане; под ред. Г. Вит-

ковской. – Москва: Гендальф, 2004. – 350 с. ISBN: 5-88044-156-3.

3. Миграция населения: Приложение к журналу. Миграция в России / Под общ. ред. О. Д. Воробьевой. – Москва: Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации, 2001. Вып. 6: Миграционная политика / [О. Д. Воробьева]. 2001. – 175 с.

4. Миграционная политика: опыт России и зарубежных стран: учебник для студентов высших учебных заведений / В. М. Капицын. – Москва: ИНФРА-М, 2019. – 416 с. ISBN: 978-5-16-013052-1.

5. Молодикова И. Н., Лялина А. В., Емельянова Л. Л. Взаимодействие с диаспорами и диаспоральными организациями как ключ к успешной политике интеграции мигрантов в ЕС // Балтийский регион. 2018. № 3. С. 58–79. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-3>.

6. Миграция в ритме времени: сборник статей / В. Переведенцев; Фонд Новая Евразия. – Москва: МАКС Пресс, 2010. – 79 с. ISBN: 978-5-317-03183-1.

7. Драгун М. В. Основные тенденции внутренней безвозвратной миграции в Республике Беларусь // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Том. 1. № 3. С. 53–66. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.3.5>.

Сведения об авторе:

Драгун Мария Витальевна, старший преподаватель кафедры международного менеджмента экономического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.

Контактная информация: e-mail: dragun.maria.v@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-6840-6483; PИНЦ Author ID: 805525.

Статья поступила в редакцию 17.12.2021; принята в печать 18.02.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

POSSIBLE DIRECTIONS FOR MIGRATION POLICY IN BELARUS

Maria V. Dragun

Belarusian State University, Minsk, Belarus

E-mail: dragun.maria.v@gmail.com

For citation: Maria V. Dragun. Possible Directions for Migration Policy in Belarus. DEMIS. Demographic Research. 2022. Vol. 2. No 2. Pp. 190–200. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.14>. EDN: NDPTJG.

Abstract. The article presents the main directions of the Concept of the state migration policy of the Republic of Belarus. The concept contains the following main directions: directions of influence on external migration, directions of influence on internal migration. To implement these areas, the author has developed programs: the program “Diaspora”, the program “Gathering the Nation”, the program “Ideological Association of Emigrants”, the program “Formation of a Favorable Image of Belarus”, the program “Science and Entrepreneurship”, the program “Entrepreneur in the village / district center”. For the argumentation and validity of the proposed proposals, the author carried out a comprehensive analysis. An overview of the migration situation in the country is made. The legal regulation of migration processes is analyzed. A review of the migration situation in the Republic of Belarus has been carried out over the past twenty years. The article provides general information about the change in the population of the country. The continuing situation of natural population loss is noted. External migration has been assessed. It was found that during the entire study period, a positive migration balance was maintained. The coefficient of intensity of international migration was calculated, its average value was 2.92 ppm. Analyzed external migration flows by directions. It was revealed that the main migration exchange in the Republic of Belarus took place with the CIS countries; significantly less intensive migration exchange with non-CIS countries. The intra-republican migration of the population is also investigated. It has been established that it occupies a dominant position in the migration processes of the country as a whole. The coefficient of intensity of intra-republican migration is calculated. The results of the calculation showed an increase in this indicator by 1.4 times in 2019 compared to 2000. Internal migration flows were analyzed by direction and between territorial units. It is concluded that intra-republican migration has a centripetal character. The legal regulation of migration processes in the Republic of Belarus has been studied.

Key words: internal migration, interregional migration, intraregional migration, migration flows, migration intensity coefficient, migration gain, migration balance, international migration, regulatory legal acts, migration policy, diasporas, diaspora organizations.

References

1. *Migratsiya naseleniya: teoriya, politika [Population migration: theory, politics]*. Textbook / Ed. by O. D. Vorobieva, A. V. Topilin. Moscow: Economic Education, 2012. 364 p. ISBN: 978-5-7425-0160-2. (In Russ.)

2. *Mirovoy opyt migratsionnoy politiki: retrospektiva i noveyskiye tendentsii [International experience in migration policy: retrospective and latest trends]* / International Organization for Migration, IOM Office in Russia, IOM Office in Kazakhstan; ed. by G. Vitkovskaya. Moscow: Gandalf, 2004. 350 p. ISBN: 5-88044-156-3. (In Russ.)
3. *Migratsiya naseleniya [Population migration]*: Supplement to the journal. Migration in Russia / Ed. by O. D. Vorobieva. Moscow: Ministry of Federation Affairs, National and Migration Policy of the Russian Federation, 2001. Issue. 6: Migration policy / [O. D. Vorobieva]. 2001. 175 p. (In Russ.)
4. *Migratsionnaya politika: opyt Rossii i zarubezhnykh stran [Migration policy: the experience of Russia and foreign countries]*: a textbook for students of higher educational institutions / V. M. Kapitsyn. Moscow: INFRA-M, 2019. 416 p. ISBN: 978-5-16-013052-1. (In Russ.)
5. Molodikova I. N., Lyalina A. V., Yemelyanova L. L. Contacts with Diasporas and Diaspora Organisations as a Key to a Successful Migrant Integration Policy in the EU. *Baltic Region*. 2018. Vol. 10. No. 3. Pp. 58–79. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-4>. (In Russ.)
6. *Migratsiya v ritme vremeni [Migration in the rhythm of time]*: collection of articles / V. Perevedentsev; New Eurasia Foundation. Moscow: MAKS Press, 2010. 79 p. ISBN: 978-5-317-03183-1. (In Russ.)
7. Dragun M. V. Trends in internal migration in the Republic of Belarus. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No. 3. Pp. 53–66. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.3.5>. (In Russ.)

Bio note:

Maria V. Dragun, Senior Lecturer, Department of International Management, Faculty of Economics, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Contact information: e-mail: dragun.maria.v@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-6840-6483; RSCI Author ID: 805525.

Received on 17.12.2021; accepted for publication on 18.02.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.15

EDN: MIRPGA

МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

Рахимова М. А.

Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Узбекистан

E-mail: muattara161@mail.ru

Рязанцев С. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

МГИМО МИД России, Москва, Россия

E-mail: riazan@mail.ru

Для цитирования: Рахимова М. А., Рязанцев С. В. Меры поддержки населения в Республике Узбекистан во время пандемии COVID-19 // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 201–209. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.15>. EDN: MIRPGA.

Аннотация. Пандемия COVID-19 привела к значительному снижению объемов производства, темпов экономического роста, потребления в крупнейших национальных экономиках и мировой экономике в целом. Власти Узбекистана достаточно оперативно отреагировали на пандемию коронавируса: правительством был разработан целый пакет мер, направленных на ускорение восстановления экономики в 2020–2021 гг. В стране было принято несколько нормативных правовых актов, которые заложили основу механизма снижения негативного воздействия пандемии COVID-19 на экономику. Был создан Антикризисный фонд при Министерстве финансов Республики Узбекистан. Среди ключевых направлений его деятельности были выделены следующие: финансирование мероприятий по борьбе с коронавирусной инфекцией, поддержка предпринимательства и занятости населения, расширение поддержки социально незащищенных слоев населения. Были существенно снижены налоги на бизнес, торговлю, население, продлен срок подачи декларации и уплаты налогов населением. В результате Узбекистан стал одной из немногих стран, которым в условиях пандемии коронавируса удалось сохранить экономический рост. Обеспечение занятости населения – важный приоритет проводимой Республикой Узбекистан социально-экономической политики, а основным результатом в сфере занятости и трудовой миграции в период пандемии является смягчение ее негативных последствий. В стране кардинально усилилась система социальной защиты и адресной помощи населению, особенно в части трудоустройства нуждающихся слоев населения.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, Указ Президента, Республика Узбекистан, антикризисный фонд, занятость, молодежь, женщины, трудовая миграция.

Введение

12 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила о начале пандемии коронавирусной инфекции, в результате которой абсолютное большинство стран мира были вынуждены ввести режим карантина в своих государствах, тем самым существенно ограничив работу фактически всех компаний и организаций, не задействованных в системе здравоохранения. Пандемия COVID-19 привела к значительному снижению объемов производства, темпов экономического роста, потребления в крупнейших национальных экономиках и мировой экономике в целом. Кроме того, пандемия привела к существенному нарушению глобальных производственных и торговых связей и цепочек, ухудшилась конъюнктура на мировых финансовых и сырьевых рынках [1].

Первый случай COVID-19 в Узбекистане был выявлен 15 марта 2020 г. в лаборатории Института вирусологии у гражданина, вернувшегося из Франции. В течение одних суток, 14 марта 2020 г., в Узбекистан 38 авиарейсами прибыли 4 800 человек, по железной дороге – 1 860 человек, через пограничные пункты – 38 тыс. человек. Из стран с неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановкой в Узбекистан к середине марта 2020 г. вернулись 7 700 человек, которые по возвращении на родину были отправлены на домашний карантин¹.

За время пандемии в стране было зафиксировано 239 788 заболевших и 1 637 умерших (данные на 15 мая 2022 г.). Пиковыми периодами пандемии стали август – сентябрь 2020 г., август 2021 г., январь 2022 г.²

С 19 июля 2021 г. в Узбекистане была введена обязательная вакцинация от коронавирусной инфекции для граждан старше 18 лет, работающих в сферах торговли, общепита, услуг и образования, а также для сотрудников силовых структур. В августе 2021 г. вступили в силу поправки, дающие работодателю право отстранять от работы отказавшихся от вакцинации. Население страны может получить вакцины шести препаратов: узбекско-китайского производства «ZF-UZ-VAC 2001», российского – «Спутник-V», шведско-британского – «AstraZeneca», американского – «Moderna», американско-немецкого – «Pfizer/BioNTech», китайского – «CoronaVac». По данным на 24 апреля 2022 г., одну дозу вакцины получили 19 169 тыс. человек (56% населения страны), две дозы – 14 552 тыс. человек (42,5%), а ревакцинацию прошли 4 572 человека (13,4%)³.

С 1 марта 2022 г. в Узбекистане отменили обязательный режим ношения масок. А с 16 марта 2022 г. было снято требование для иностранных граждан при визите в страну сдавать ПЦР-тест или экспресс-тест на антиген коронавируса. При этом правила безвизового въезда в Узбекистан остались прежними.

Источники информации

В статье использованы данные национальной демографической, социально-экономической статистики и законодательства Республики Узбекистан⁴, данные Государственного комитета статистики Республики Узбекистан⁵ и статистического комитета СНГ⁶, мировой базы данных о вакцинации COVID-19⁷, сведения базы данных Университета Джона Хопкинса о заболеваемости COVID-19⁸.

---

¹ Первый случай коронавируса зарегистрирован в Узбекистане // Газета.uz. Информационный сайт. 15.03.2020. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/03/15/covid/> (дата обращения: 16.02.2022).

² Коронавирус: статистика // Яндекс. Интернет-портал. URL: <https://yandex.ru/covid19/stat> (дата обращения: 15.05.2022).

³ Ситуация с COVID-19 в Узбекистане // Sputnik Узбекистан. Новостное агентство. 13.04.2022. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20220413/situatsiya-s-covid-19-v-uzbekistane-23944395.html> (дата обращения: 24.04.2022).

⁴ LexUZ on-line. Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/> (дата обращения: 16.02.2022).

⁵ Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике [сайт]. URL: <https://stat.uz/ru/> (дата обращения: 16.02.2022).

⁶ Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств (Статкомитет СНГ) [сайт]. URL: <http://new.cisstat.org/> (дата обращения: 16.02.2022).

⁷ Coronavirus (COVID-19) Vaccinations // Our World in Data. Некоммерческий электронный проект. URL: <https://ourworldindata.org/covid-vaccinations> (дата обращения: 16.02.2022).

⁸ Johns Hopkins Coronavirus Resource Center [site]. URL: <https://coronavirus.jhu.edu/> (accessed on 16.02.2022).

Реакция властей Республики Узбекистан на пандемию COVID-19

Власти Узбекистана достаточно оперативно отреагировали на пандемию коронавируса: правительством был разработан целый пакет мер, направленных на ускорение восстановления экономики в 2020–2021 гг. В результате Узбекистан стал одной из немногих стран, которым в условиях пандемии COVID-19 в 2020 г. удалось сохранить свой экономический рост [2] – ВВП вырос на 101,6%. В стране было принято несколько нормативных правовых актов, заложивших основу механизма снижения негативного воздействия пандемии COVID-19 на экономику:

Указ Президента Республики Узбекистан «О первоочередных мерах по смягчению негативного воздействия на отрасли экономики коронавирусной пандемии и глобальных кризисных явлений» от 19 марта 2020 г.⁹;

Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по смягчению коронавирусной пандемии, кардинальному совершенствованию системы санитарно-эпидемиологического благополучия и охраны здоровья населения» от 25 июля 2020 г.¹⁰;

Распоряжение Президента Республики Узбекистан «Об образовании Специальной республиканской комиссии по подготовке Программы мер по предупреждению завоза и распространения нового типа коронавируса в Республике Узбекистан» от 29 января 2020 г.¹¹;

Постановление Кабинета Министров «О дополнительных мерах по предотвращению распространения коронавирусной инфекции» от 23 марта 2020 г.¹²

В Указе Президента «О первоочередных мерах по смягчению негативного воздействия...» отмечалась необходимость принятия мер для поддержки отраслей экономики и населения: *«Экономика Узбекистана, являясь частью глобальной экономической системы, также подвергается влиянию указанных факторов, что требует принятия действенных упреждающих мер по смягчению их негативного воздействия. Особое внимание необходимо уделить поддержке и обеспечению устойчивости таких быстроразвивающихся отраслей экономики республики, как туризм, транспорт, фармацевтическая и текстильная промышленность. Предусматриваются меры, направленные на обеспечение макроэкономической стабильности, стимулирования внешнеэкономической деятельности, бесперебойной*

---

⁹ Указ Президента Республики Узбекистан, от 19.03.2020 г. № УП-5969 «О первоочередных мерах по смягчению негативного воздействия на отрасли экономики коронавирусной пандемии и глобальных кризисных явлений» // LexUZ on-line. Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4770763> (дата обращения: 16.02.2022).

¹⁰ Указ Президента Республики Узбекистан, от 25.07.2020 г. № УП-6035 «О мерах по смягчению коронавирусной пандемии, кардинальному совершенствованию системы санитарно-эпидемиологического благополучия и охраны здоровья населения» // LexUZ on-line. Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/4914694> (дата обращения: 16.02.2022).

¹¹ Распоряжение Президента Республики Узбекистан, от 29.01.2020 г. № Р-5537 «Об образовании Специальной республиканской комиссии по подготовке Программы мер по предупреждению завоза и распространения нового типа коронавируса в Республике Узбекистан» // LexUZ on-line. Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/4720408> (дата обращения: 16.02.2022).

¹² Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан, от 23.03.2020 г. № 176 «О дополнительных мерах по предотвращению распространения коронавирусной инфекции» // LexUZ on-line. Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4773760> (дата обращения: 16.02.2022).

работы отраслей и сфер экономики, а самое главное – недопущения резкого снижения доходов населения страны»¹³.

Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиев охарактеризовал кризис COVID-19 как возможность для разработки более сильных механизмов социально-экономических реформ. В своей речи на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН он отметил: «В целях смягчения негативных последствий пандемии в стране кардинально усиливается система социальной защиты и здравоохранения, оказывается адресная помощь населению, отраслям экономики и бизнесу. Для этого созданы специальные фонды»¹⁴.

Президентским указом был создан Антикризисный фонд при Министерстве финансов Республики Узбекистан в объеме 10 трлн сумов. Среди ключевых направлений его деятельности были выделены следующие: финансирование мероприятий по борьбе с коронавирусной инфекцией, поддержка предпринимательства и занятости населения, расширение поддержки социально незащищенных слоев населения. Были существенно снижены налоги на бизнес, торговлю, население, продлен срок подачи декларации и уплаты налогов населением. Так, например, Антикризисный фонд имел возможность поддерживать развитие малого бизнеса и предпринимательства; реализацию инфраструктурных проектов в регионах республики, направленных на расширение экономической активности и занятости; строительство инженерных коммуникаций; оказывать социальную поддержку малообеспеченным семьям¹⁵.

Влияние пандемии COVID-19 на демографическую ситуацию, миграцию и занятость населения в Узбекистане

По данным Государственного комитета статистики, численность населения Республики Узбекистан на 1 января 2022 г. составила 35 271 тыс. человек¹⁶. Страна обладает крупнейшим демографическим потенциалом и является одним из густонаселенных государств в Центральной Азии. Население отличается молодой возрастной структурой и является крупным миграционным донором в Евразии. Согласно данным Министерства занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан, численность трудовых ресурсов (мужчины 16–59 лет и женщины 15–54 лет) составляет 19 млн человек¹⁷. Достаточно широко в стране распространена неформальная занятость, которая исчисляется примерно в 5,6 млн человек. Около двух миллионов граждан Узбекистана трудятся за рубежом, главным образом в Российской Федерации, Республике Казахстан, Республике Корея и ряде других стран [3].

---

¹³ Указ Президента Республики Узбекистан, от 19.03.2020 г. № УП-5969 «О первоочередных мерах по смягчению негативного воздействия на отрасли экономики коронавирусной пандемии и глобальных кризисных явлений».

¹⁴ Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиева на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций // Президент Республики Узбекистан. Официальный сайт. 21.09.2021. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/4632> (дата обращения: 16.02.2022).

¹⁵ Указ Президента Республики Узбекистан, от 19.03.2020 г. № УП-5969 «О первоочередных мерах по смягчению негативного воздействия на отрасли экономики коронавирусной пандемии и глобальных кризисных явлений».

¹⁶ Демография // Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике [сайт]. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography> (дата обращения: 16.02.2022).

¹⁷ Рынок труда // Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике [сайт]. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/labor-market> (дата обращения: 16.02.2022).

Республика Узбекистан является социально ориентированным государством. Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиев в инаугурационной речи в ноябре 2021 г. объявил своим приоритетным принципом *«Во имя чести и достоинства человека»*. При этом он отметил: *«Говоря о достоинстве человека, мы имеем в виду создание достойных условий жизни и современной инфраструктуры, квалифицированное медицинское обслуживание, качественное образование, социальную защиту и здоровую экологическую среду для каждого жителя страны»*¹⁸.

Во время пандемии COVID-19 в Узбекистане безработица возросла с 9% до 10,5% экономически активного населения. Государством в условиях карантина был разработан комплекс мер по поддержке занятости населения с целью предотвращения падения уровня доходов и материального положения [4]. Меры и инструменты смягчения экономических последствий COVID-19, реализованные Правительством Республики Узбекистан, содействовали достаточно быстрому восстановлению рынка труда, а также позволяли обеспечить продуктивную занятость и достойный труд для граждан страны в кризисный период.

На постоянные рабочие места по направлениям Центров содействия занятости Министерства занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан были трудоустроены 198,9 тыс. граждан. В период пандемии 206 компаний получили субсидии на общую сумму 6,1 млрд сумов на обучение своих сотрудников с целью сохранения рабочих мест. Около 37 тыс. безработных получили пособия по новому порядку¹⁹.

В период пандемии COVID-19 в стране в целях социальной поддержки населения были открыты списки семей, нуждающихся в материальной помощи и поддержке, так называемая «железная тетрадь» («темир дафтар»). Списки формируются представителями махаллинских комитетов. Должностные лица вносят информацию в «железную тетрадь» в электронном виде на сайте sakhovat.argos.uz с использованием ключа электронной подписи [4]. По сути, это электронная база данных о нуждающихся семьях в Республике Узбекистан.

В настоящее время определены пять категорий нуждающихся семей: 1) наличие нетрудоспособных и хронически больных членов семьи; 2) семьи, состоящие из одиноких престарелых людей, вдов и малообеспеченных людей, людей, нуждающихся в уходе; 3) семьи с пятью и более детьми; 4) граждане, потерявшие работу и источники дохода в результате карантинных мер, включая вернувшихся мигрантов; 5) семьи, находящиеся за чертой бедности, нуждающиеся в помощи и финансовой поддержке²⁰. Такой перечень позволяет органам власти иметь исчерпывающую информацию о социально-экономическом положении, социально-демографических характеристиках нуждающихся семей и оказывать помощь более адресно и эффективно.

Аналогично на уровне каждой махалли, района, города и области были сформированы «молодежная тетрадь» и «женская тетрадь». В эти списки включаются нуждающиеся в поддержке молодые люди и женщины, а также те, кто стремится приоб-

¹⁸ Выступление вновь избранного Президента Узбекистана Шавката Мирзиева на церемонии инаугурации // Экономическое обозрение. Журнал. 08.11.2021. URL: <https://review.uz/post/vstuplenie-ynov-izbrannogo-prezidenta-uzbekistana-shavkata-mirziyoyeva-na-ceremonii-inauguracii> (дата обращения: 16.02.2022).

¹⁹ Закон Республики Узбекистан, от 20.10.2020 г. № ЗРУ-642 «О занятости населения» // LexUZ on-line. Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/5055696> (дата обращения: 16.02.2022).

²⁰ О социальной помощи в период пандемии // Газета.uz. Информационный сайт. 14.08.2020. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/08/14/social-support/> (дата обращения: 16.02.2022).

рести новые знания и профессии. Таким образом, налажена планомерная, адресная работа с данной категорией нуждающихся в социальной, правовой и психологической поддержке²¹.

С принятием Концепции развития государственной молодежной политики в Республике Узбекистан до 2025 г. была принята «дорожная карта» по ее реализации в 2021–2022 гг. Концепция предусматривает выделение грантовых средств на инновационные, практичные и перспективные молодежные стартап-проекты, профессиональное обучение безработной молодежи в рамках программы «Молодежь: 1+1». К примеру, в период пандемии COVID-19 были предоставлены субсидии в объеме 73,5 млрд сумов на строительство теплиц с легкой конструкцией, приобретение семян и саженцев, оросительной техники. Их получили 11,7 тыс. женщин и 7,3 тыс. представителей молодежи [5].

Налоговые преференции для бизнеса и населения в Узбекистане во время пандемии COVID-19

Снижение налоговой нагрузки является важным аспектом поддержки населения в кризисной ситуации. Во время пандемии COVID-19 в Узбекистане Указом Президента «О первоочередных мерах...»²² и в соответствии с Налоговым Кодексом²³, органам государственной власти на местах предоставлялись полномочия по принятию решений об изменении сроков уплаты соответствующих налогов, а также снижению налоговых ставок; им также было рекомендовано предоставить хозяйствующим субъектам сроком на шесть месяцев отсрочку (рассрочку) по уплате налога на имущество, земельного налога и налога за пользование водными ресурсами без взимания процентов. Предоставление такого вида отсрочки (рассрочки) осуществляется согласно заявлению налогоплательщика с соответствующим заключением руководителей региональных подразделений Министерства экономики и промышленности и Министерства финансов без истребования других документов.

Ставки налога за пользование водными ресурсами по объемам, используемым для орошения сельскохозяйственных угодий, снизились в 2020 г. на 50 процентов от установленных ставок; а срок уплаты налога на имущество и земельного налога физических лиц был продлен до 15 октября 2020 г. До 1 января 2021 г. было приостановлено проведение налогового аудита деятельности субъектов предпринимательства, за исключением налогового аудита, проводимого в рамках уголовных дел и в связи с ликвидацией юридического лица. При этом налоговые органы приостанавливают начисление пени по налогу на имущество, земельному налогу и налогу за пользование водными ресурсами хозяйствующим субъектам, если данные субъекты испытывают временные трудности, а также не принимают меры принудительного взыскания налоговой задолженности.

Указом Президента Республики «О первоочередных мерах...» предусматривались меры для субъектов предпринимательства (работодателей) в области защиты

²¹ О социальной помощи в период пандемии // Газета.uz. Информационный сайт. 14.08.2020. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/08/14/social-support/> (дата обращения: 16.02.2022).

²² Указ Президента Республики Узбекистан, от 19.03.2020 г. № УП-5969 «О первоочередных мерах по смягчению негативного воздействия на отрасли экономики коронавирусной пандемии и глобальных кризисных явлений».

²³ Налоговый кодекс Республики Узбекистан // LexUZ on-line. Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4674893> (дата обращения: 16.02.2022).

прав детей. Например, предусматривалась выплата пособий по временной нетрудоспособности в размере 100 процентов от средней заработной платы родителям (лицам, их заменяющим, опекунам, попечителям), помещенным в карантин в связи с заражением коронавирусной инфекцией или подозрением на заражение, а также лицам, осуществляющим уход за их ребенком в возрасте до 14 лет. Или другой пример: запрещалось расторжение по инициативе работодателя трудового договора с работником, являющимся родителем (лицом, его заменяющим, опекуном, попечителем) ребенка, зараженного коронавирусной инфекцией или помещенного в карантин, и не достигшего 14-летнего возраста.

3 апреля 2020 г. Президент Республики Узбекистан подписал Указ «О дополнительных мерах поддержки населения...», которым вводились меры по обеспечению стабильности функционирования отраслей экономики и оказанию поддержки отдельным хозяйствующим субъектам. На целый ряд товаров до 31 декабря 2020 г. обнулялись ставки таможенной пошлины и акцизного налога; предусматривалась дополнительная оптимизация налогов для определенных категорий налогоплательщиков; до 1 октября 2020 г. устанавливался мораторий на инициирование процедур банкротства и объявления банкротами предприятий; приостанавливалось начисление и взыскание арендных платежей за использование государственного имущества и т. п.²⁴

Заключение

Власти Узбекистана достаточно оперативно отреагировали на пандемию коронавируса: Правительством был разработан пакет мер, направленных на ускорение восстановления экономики в 2020–2021 гг. В стране было принято несколько нормативных правовых актов, заложивших основу механизма снижения негативного воздействия пандемии COVID-19 на экономику. В результате Узбекистан стал одной из немногих стран, которой в условиях пандемии коронавируса удалось сохранить экономический рост.

Был создан Антикризисный фонд при Министерстве финансов Республики Узбекистан. Среди ключевых направлений его деятельности были выделены следующие: финансирование мероприятий по борьбе с коронавирусной инфекцией, поддержка предпринимательства и занятости населения, расширение поддержки социально незащищенных слоев населения. Существенно были снижены налоги на бизнес, торговлю, население, продлен срок подачи декларации и уплаты налогов на селением.

Экстренные меры во время пандемии коронавирусной инфекции со стороны государства в Республике Узбекистан оказали стабилизирующее воздействие на занятость и доходы населения, при этом содействуя достижению Целей устойчивого развития ООН в области борьбы с бедностью, расширения охвата социальной защитой, а также полной и производительной занятости и достойному труду для женщин и мужчин. Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёев охарактеризовал кризис COVID-19 как возможность для разработки более сильных механизмов социально-экономических реформ.

---

²⁴ Указ Президента Республики Узбекистан, от 03.04.2020 г. № УП-5978 «О дополнительных мерах поддержки населения, отраслей экономики и субъектов предпринимательства в период коронавирусной пандемии» // LexUZ on-line. Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4780477> (дата обращения: 16.02.2022).

Обеспечение занятости населения является важным приоритетом проводимой в Узбекистане социально-экономической политики. Основным результатом в сфере занятости и трудовой миграции в период пандемии становится смягчение ее негативных последствий. В стране кардинально усилилась система социальной защиты и адресной помощи населению, особенно в части трудоустройства нуждающихся слоев населения.

Список литературы

1. Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие: [монография] / Торкунов А. В., Рязанцев С. В., Левашов В. К. [и др.]; Под ред. А. В. Торкунова С. В. Рязанцева, В. К. Левашова. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – 248 с. ISBN: 978-5-7567-1139-4. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4>.2021.
2. Мигранова Л. А. Влияние пандемии на экономику и доходы населения России в 2020 году // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2021. № 3. С. 7–24. DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2021-3-01>.
3. Красинец Е. С. Трудовые мигранты в России в период пандемии коронавируса // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2021. № 3. С. 83–90. DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2021-3-07>.
4. Возвратная миграция: международные подходы и региональные особенности Центральной Азии. Учебное пособие / Под общ. ред. Рязанцева С. В. – Алматы: Международная организация по миграции, 2020. – 234 с. ISBN: 978-92-9068-850-1.
5. Каримова Д. М. Реформы в сфере занятости и внешней трудовой миграции в Узбекистане. – Ташкент: Институт прогнозирования и макроэкономических исследований, 2020. – 12 с. URL: https://ifmr.uz/files/files/publications_620032.pdf.

Сведения об авторах:

Рахимова Муаттара Абдусаттаровна, кандидат юридических наук, доцент, и. о. профессора Университета мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Узбекистан.

Контактная информация: e-mail: muattara161@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-1542-1425.

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России; директор Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5306-8875; PИИЦ Author ID: 77673; Web of Science Researcher ID: F-7205-2014; Scopus Author ID: 22136228700.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60479.

Статья поступила в редакцию 16.12.2021; принята в печать 18.02.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

MEASURES TO SUPPORT THE POPULATION IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Muattara A. Rakhimova

University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan

E-mail: muattara161@mail.ru

Sergey V. Ryazantsev

Institute for Demographic research FCTAS RAS

MGIMO University, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

For citation: Muattara A. Rakhimova, Sergey V. Ryazantsev. Measures to Support the Population in the Republic of Uzbekistan during the COVID-19 Pandemic. DEMIS. Demographic Research. 2022. Vol. 2. No 2. Pp. 201-209. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.15>. EDN: MIRPGA.

Abstract. The COVID-19 pandemic has led to a significant decline in production, economic growth, consumption in the largest national economies and the global economy as a whole. The authorities of Uzbekistan reacted quite quickly to the coronavirus pandemic: the government adopted a package of measures aimed at accelerating economic recovery in 2020-2021. The country adopted several regulatory legal acts that laid the foundation for a mechanism to reduce the negative impact of the COVID-19 pandemic on the economy. An Anti-Crisis Fund was created under the Ministry of Finance of the Republic of Uzbekistan. Among the key areas of its activity, financing of measures to combat coronavirus infection, support for entrepreneurship and employment of the population, and expansion of support for socially unprotected segments of the population were highlighted. Taxes on business, trade, the population were significantly reduced, the deadline for filing a declaration and paying taxes by the population was extended. As a result, Uzbekistan has become one of the few countries that managed to maintain economic growth during the coronavirus pandemic. Ensuring employment of the population is an important priority of the ongoing socio-economic policy of Uzbekistan, and the main result in the field of employment and labor migration during the pandemic is the mitigation of the negative consequences of the pandemic, the country has dramatically strengthened the system of social protection and targeted assistance to the population, especially in terms of employment of the needy segments of the population.

Keywords: pandemic, COVID-19, Presidential Decree, Republic of Uzbekistan, anti-crisis fund, employment, youth, women, labor migration.

References

1. *Pandemiya COVID-19: Vyzovy, posledstviya, protivodeystviye [COVID-19 Pandemic: Challenges, consequences, counteraction]:* [monograph] / Torkunov A. V., Ryazantsev S. V., Levashov V. K. [et al.]; Ed. A. V. Torkunov, S. V. Ryazantsev, V. K. Levashov. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2021. 248 p. ISBN: 978-5-7567-1139-4. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021>. (In Russ.)
2. Migranova L. A. Impact of the Pandemic on the Russian Economy and Population Income in 2020. *Scientific Review. Series 1. Economics and Law*. 2021. No. 3. Pp. 7–24. DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2021-3-01>. (In Russ.)
3. Krasinets E. S. Labor Migrants in Russia during Coronavirus Pandemic. *Scientific Review. Series 1. Economics and Law*. 2021. No. 3. P.83–90. DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2021-3-07>. (In Russ.)
4. *Vozvratnaya migratsiya: mezhdunarodnyye podkhody i regional'nyye osobennosti Tsentral'noy Azii [Return migration: international approaches and regional features of Central Asia]*. Textbook / Ex. ed. Ryazantsev S. V. Almaty: International Organization for Migration, 2020. 234 p. ISBN: 978-92-9068-850-1. (In Russ.)
5. Karimova D. M. *Reformy v sfere zanyatosti i vneshney trudovoy migratsii v Uzbekistane [Reforms in the field of employment and external labor migration in Uzbekistan]*. Tashkent: Institute for Forecasting and Macroeconomic Research, 2020. 12 p. URL: https://ifmr.uz/files/files/publications_620032.pdf. (In Russ.)

Bio note:

Muattara A. Rakhimova, Candidate of Juridical Sciences, Docent, Deputy Professor, University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan.

Contact Information: e-mail: muattara161@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-1542-1425.

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head Department for Demographic and Migration Policy, MGIMO University; Director, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5306-8875; RSCI Author ID: 77673; Web of Science Researcher ID: F-7205-2014; Scopus Author ID: 22136228700.

Acknowledgements and financing:

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research project № 20-04-60479.

Received on 16.12.2021; accepted for publication on 18.02.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.16

EDN: MHOIFI

СТРАНЫ БАЛТИИ КАК НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИИ ИЗ БЕЛАРУСИ, КАЗАХСТАНА, МОЛДОВЫ И ТАДЖИКИСТАНА

Оставная А. Н.

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко,

Тирасполь, Молдова

E-mail: alaost@rambler.ru

Масленкова Е. В.

Международный университет «МИТСО», Минск, Беларусь

E-mail: maslenkoff@mail.ru

Рахмонов А. Х.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: abubak.93@mail.ru

Жампеисов Даурен А.

Университет Алихана Бокейхана, Семей, Казахстан

E-mail: daurxxvek@bk.ru

Жампеисов Думан А.

Университет Алихана Бокейхана, Семей, Казахстан

E-mail: duman_d@mail.ru

Для цитирования: Оставная А. Н., Масленкова Е. В., Рахмонов А. Х., Жампеисов Даурен А., Жампеисов Думан А. Страны Балтии как новые направления миграции из Беларуси, Казахстана, Молдовы и Таджикистана // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 210–233. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.16>. EDN: MHOIFI.

Аннотация. Страны Балтии одновременно выступают регионом происхождения, назначения и транзита мигрантов. Основные потоки иммигрантов в этих странах сформированы из граждан постсоветских государств. В статье предпринята попытка комплексно рассмотреть процесс миграции в страны Балтии населения из Беларуси, Казахстана, Молдовы и Таджикистана. Обозначенная тема не нашла достаточного отражения в научной библиографии, и это несмотря на то, что в последние годы налицо тенденция роста потока мигрантов из указанных стран по направлению государств Балтии. Миграция населения в страны Балтии обусловлена традиционными выталкивающими и притягивающими факторами, характерными для миграционных перемещений населения исследуемых стран. Главным выталкивающим мотивом миграционных перемещений в государства Балтии выступают экономические причины, при том, что в последние годы миграция вызвана и политическими факторами. На основании статистических данных портала Eurostat описаны виды и тренды миграции. Это стремительный рост иммигрантов из изучаемых стран в страны Балтии (особенно в Литве), низкие возможности доступа иммигрантов к приобретению гражданства, привлечение государствами Балтии студентов из рассматриваемых стран (особенно Литвой), рост количества просителей убежища. Интенсивность миграционного процесса поименованных стран со странами Балтии зависит от нескольких факторов. Это численность населения как стран отправления, так и стран приема мигрантов, расстояние между государствами, политическая и социально-экономическая ситуация в странах отправления мигрантов, иммиграционная политика стран приема мигрантов и состояние двусторонних отношений между государствами Балтии и исследуемыми странами. Правительства стран Балтии в целом проводят сдержанную миграционную политику. Адаптация

мигрантов из Беларуси, Казахстана, Молдовы и Таджикистана в государствах Балтии имеет схожие черты и связана с общим историческим прошлым этих стран в рамках Советского Союза, знанием местным населением русского языка и проживанием на территории стран Балтии русскоязычных диаспор из постсоветских государств. За 30 лет все страны прошли совершенно разные пути развития и имеют различный миграционный профиль. Результаты исследования будут полезны органам государственной власти, реализующим миграционную политику как в отправляющих, так и принимающих странах.

Ключевые слова: миграция населения, эстонская иммиграция, латвийская иммиграция, литовская иммиграция, белорусская миграция, казахстанская миграция, молдавская миграция, таджикская миграция, постсоветская диаспора.

Введение

На современном этапе развития государства Балтии одновременно выступают регионом происхождения, назначения и транзита мигрантов, территорией разнохарактерных, разнонаправленных и разномасштабных миграционных потоков. Актуальность представленного исследования определяется увеличением потока мигрантов из Беларуси, Казахстана, Молдовы и Таджикистана в страны Балтии и тем, что наряду с общими чертами, характерными для взаимодействия в сфере миграции стран Балтии с каждым из данных государств, имеются свои специфические особенности.

Цель настоящей работы – анализ состояния миграции из Беларуси, Казахстана, Молдовы и Таджикистана в страны Балтии. Достижение поставленной цели осложняется необходимостью сравнительного анализа государств, характеризующихся значительной разницей в миграционных профилях, сложностью сбора статистических данных, их релевантного сопоставления и обобщения в единый комплексный аналитический документ.

Теоретический анализ

За последние два десятилетия появилось значительное количество работ, посвященных проблематике международной миграции населения на постсоветском пространстве. Большинство проведенных исследований и публикаций содержит в себе важную информацию, раскрывающую динамику, направления и виды миграционных потоков, а также характеристики мигрантов. Одним из направлений научного поиска стало изучение эффектов и последствий миграции как для стран отправления и приема мигрантов, так и самих мигрантов.

К примеру, в работах С. В. Рязанцева и др. представлены результаты исследований по трудовой миграции в странах СНГ и Балтии, рассмотрены вопросы терминологии и классификации трудовой миграции, факторы и динамика трудовой миграции в страны и из стран СНГ и Балтии, миграционные политики государств бывшего СССР и пр. [1; 2; 3].

В статье Т. Ю. Кузнецовой анализируются миграционные потоки в Балтийском регионе в 1950–2009 гг. и оценивается влияние миграций на социально-экономическую обстановку в регионе [4]. В статье Л. Л. Емельяновой даны результаты комплексных исследований, которые включали в себя как изучение самих миграционных процессов в регионе Юго-Восточной Балтики (объемы, структура, направления), так и анализ факторов, влияющих на миграционную подвижность населения, оценку влияния миграции на социально-экономическое развитие приграничных территорий [5]. В статье Т. Г. Хришкевич раскрываются особенности миграционной системы стран Балтийского региона в условиях миграционного кризиса [6]. В статье Р. Х. Симонян анализируются миграционные процессы государств Балтии после вступления в Евросоюз [7]. В статье В. В. Воротникова и А. А. Габарта проанализированы особен-

ности миграции граждан государств постсоветского пространства в страны северо-восточной периферии ЕС (Польшу, Литву, Латвию, Эстонию). Отмечается, что это в основном высококвалифицированные работники, обладающие хорошим образованием, знанием языков, большим опытом работы, специализированными навыками, имеющие высокую мотивацию к труду и серьезно относящиеся к своим задачам, при этом у данной категории мигрантов нет высоких ожиданий относительно заработной платы и их проще привлечь к работе в выходные и праздничные дни [8].

Из зарубежных авторов, например, М. Хазанс дает комплексную характеристику проблем эмиграции из стран Балтии. Отмечается, что государства Балтики столкнулись с интенсивным оттоком рабочей силы в течение первых пяти лет после вступления в ЕС, а эмиграция из стран Балтии в кризисные и посткризисные 2009–2012 гг. достигла уровней, угрожающих воспроизводству населения, устойчивости систем социальной защиты и экономическому развитию [9]. К. Яаратс (Эстония), И. Инданс (Латвия), В. Таргоскене (Литва) представляют комплексную характеристику иммиграционной политике этих государств: иммиграционный режим (визовая политика, правила постоянного и временного проживания и т. д.), соответствие иммиграционной политики международному праву и иммиграционному режиму стран ЕС, результаты иммиграционной политики, сотрудничество с третьими странами и др. [10].

В зарубежной научной литературе тема иммиграции населения стран СНГ в Балтийские государства не находит должного отражения. Вместе с тем большое число авторов обращается к теме функционирования русскоязычных диаспор в странах Балтии. Так, А. Романов [11], Р. Симонян [12], Г. Смит [13], А. Ческин [14], Т. Вихалемм и пр. [15] исследуют состояние, идентичность, медиа потребление, политические ориентации, русскоязычных диаспор в государствах Балтии. Отмечаются проблемы вступления в гражданство и противоречивые тенденции языкового поведения (с одной стороны, сложность сохранения языковой идентичности, с другой – проблема языковой ассимиляции и ориентация на «языкового покровителя»). Подчеркивается, что именно культурные факторы увеличивают потенциал консолидированной групповой идентичности русскоязычных диаспор в странах Балтии.

В Беларуси процессы миграционного обмена со государствами Балтии изучены несколько хуже, чем миграция в западном или восточном векторе. Отдельные аспекты в изучении миграционных связей Республики Беларусь со странами Балтии затрагивались в работах Е. В. Масленковой – Л. Е. Тихоновой [16; 17; 18], Л. В. Фокиевой [19]. В них большое внимание уделяется становлению миграционной системы на постсоветском пространстве, исследованию влияния международной миграции на демографическое развитие, рассмотрению взаимосвязей миграции, занятости и рынка труда, вопросам образовательной миграции и академической мобильности, оценке миграционного потенциала взаимодействия между соседними странами и т. д.

В Казахстане вопросы миграции населения в страны Балтии изучены мало. Существуют научные труды, в которых исследуется отдельные аспекты миграции в государства Балтии. Так, например, в диссертации Е. А. Поповой проведен комплексный анализ миграционной политики Венгрии, Польши, Чехии и Словакии на современном этапе, раскрыты приоритеты и стратегии в миграционной сфере [20]. В диссертации Р. С. Елмурзаевой осуществлено комплексное и системное исследование эволюции и современного уровня взаимоотношений Казахстана и Германии в области регулирования миграционных проблем [21].

В Молдове на протяжении последнего десятилетия при поддержке Правительства и Миссии Международной организации по миграции в Молдове реализован ряд масштабных исследовательских проектов, отражающих миграционное поведение граждан. В восьми изданиях расширенного миграционного профиля осуществлена комплексная статистическая характеристика миграционных процессов в регионе, а также состояние политики миграции и взаимодействия с диаспорой в Республике Молдова. В четырех изданиях картографирования молдавской диаспоры за рубежом проведен анализ состояния молдавской диаспоры по различным миграционным маршрутам. Авторами исследований в разные годы выступили Д. Кеяну-Андрей [22], В. Мукомель [23], В. Мошняга [24], А. Оставная [25]. Н. Владическу, осуществив в своих работах картографирование ассоциаций молдавских диаспор за рубежом [26].

В расширенных миграционных профилях Республики Молдова за период 2017–2019 гг. приведена следующая информация о состоянии миграционных процессов со странами Балтии: о расчетном количестве молдавских граждан за рубежом по данным дипломатических и консульских представительств Республики Молдова и о числе молдавских граждан, учащих за границей¹. В «Картографировании ассоциаций из диаспоры» Н. Владическу указывается на функционирование нескольких молдавских диаспорных организаций в государствах Балтии, их достижения и сотрудничество по вопросам реализации совместных проектов [26, с. 16–26].

Работы ученых А. Х. Рахмонова [27] и С. Караева² посвящены изучению эмиграции, социально-экономической адаптации и интеграции таджикских трудовых мигрантов в европейских странах, в том числе в государствах Балтии. Авторы считают, что адаптация таджикских иммигрантов сопровождается некоторыми сложностями. Главная из них – поиски работы, которые занимают обычно несколько месяцев.

В целом анализ научной проработки исследуемых вопросов показал, что на текущий момент создана серьезная теоретическая и методологическая основа для анализа процессов в сфере миграции и разработки мер миграционной политики. Вместе с тем не до конца исследованными остаются вопросы, охватывающие комплексный анализ факторов, тенденций и перспектив миграционного взаимодействия Беларуси, Казахстана, Молдовы, Таджикистана, с одной стороны, и стран Балтии, с другой стороны, на современном этапе развития государств, изучения новых видов миграции и социально-экономический вызовов, их сопровождающих.

Состояние миграционных процессов в странах Балтии

Для государств Балтии характерен отток граждан на Запад. Этот процесс начался с обретением независимости республиками и приобрел еще большие масштабы с вступлением в ЕС в 2004 г. и присоединению к Шенгенскому соглашению. Это обстоя-

---

¹ Статистический сборник: Расширенный миграционный профиль Республики Молдова за 2017–2019 гг. [Compendiul Statistic al Profilului Migrațional Extins al Republicii Moldova pentru anii 2017-2019]. Chișinău [Кишинев]: Управление по миграции и беженцам Министерства внутренних дел Республики Молдова [Biroului migrație și azil al Ministerului Afacerilor Interne al Republicii Moldova], 2020. – 40 p. URL: http://bma.gov.md/sites/default/files/sites/default/files/atasamente/comunicate/cs_al_rpe_2017-2019_ed_2020.pdf (дата обращения: 20.03.2022). (На румынском).

² Караев С. Новый курс миграции. Как работает таджикским мигрантам в Странах Прибалтики // Asia-Plus. Медиагруппа. 09.01.2020. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20200109/novii-kurs-migratsii-kak-rabotaetsya-tadzhikskim-migrantam-v-stranah-pribaltiki> (дата обращения: 20.01.2022).

ительство вызвало угрозу депопуляции. С начала 1990-х гг. население Латвии сократилось на 25 %, Эстонии – на 17%, Литвы – на 21 % [6, с. 34].

Иммиграция в Балтийских странах могла бы стать средством решения демографических проблем и сокращения трудовых ресурсов, однако рассматриваемые государства имеют меньшую миграционную привлекательность, чем другие страны ЕС. Это обусловлено рядом факторов. Так, страны Балтии находятся в стороне от основных потоков проникновения в ЕС, имеют небольшой размер территории, и в них маленькая численность населения (Эстония – 1,3 млн, Латвия – 1,9 млн, Литва – 2,8 млн). По сравнению с другими государствами ЕС и Балтийского региона для стран Балтии характерен низкий уровень ВВП на душу населения (в Эстонии – 23,1, в Латвии – 17,5, в Литве – 19,7 тыс. евро, тогда как в среднем по 27 странам ЕС – 32,3 тыс. евро)³. Государства Балтии характеризует недружелюбная миграционная политика в отношении как мигрантов, так и беженцев, а общественное мнение населения этих стран отличает высокий уровень мигрантофобии [6, с. 36–37].

Указанные обстоятельства привели к тому, что страны Балтии, как правило, являются территориями транзита мигрантов и беженцев для переезда на запад Евросоюза, а основные потоки иммигрантов сформированы из граждан постсоветских стран (прежде всего, Украины, Беларуси и России).

Состояние миграционных процессов из Беларуси, Казахстана, Молдовы и Таджикистана

Согласно национальным ведомствам статистики, к 2021 г. численность населения Беларуси составила 9,3 млн человек⁴, Казахстана – чуть более 19 млн человек⁵, Молдовы – 2,6 млн человек⁶, Таджикистана – 9,5 млн человек⁷.

Аналитический доклад Института демографии РАН «Демографическое развитие постсоветских стран (1991–2021): тренды, демографическая политика, перспективы» [3] содержит информацию о состоянии миграционных процессов в рассматриваемых государствах в ретроспективе 30 лет. Из него следует, что для Беларуси и Казахстана в разные годы были характерны как миграционный прирост, так и миграционная убыль населения, тогда как для Молдовы и Таджикистана сальдо миграции за отмеченный период было отрицательным. (см. табл. 1) В 2020 г. для Беларуси миграционный прирост составил 24,0 тыс. человек, а для остальных рассматриваемых стран была характерна миграционная убыль: в Казахстане – 17,7 тыс. человек, в Молдове – 1,2 тыс. человек (2019 г.), в Узбекистане – 12,6 тыс. человек [8].

³ Main GDP aggregates per capita // Eurostat. European Statistical Office. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/NAMA_10_PC/default/table (accessed on 20.03.2022).

⁴ Численность населения на 1 января 2022 г. по областям и г. Минску // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ssrd-mvf_2/natsionalnaya-stranitsa-svodnyh-dannyh/naselenie_6/chislennost-naseleniya1_yan_poobl/ (дата обращения: 20.01.2022).

⁵ Демографическая статистика // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [сайт]. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/6> (дата обращения: 20.01.2022).

⁶ Население и демографические процессы // Национальное Бюро статистики Республики Молдова [сайт]. URL: <https://statistica.gov.md/category.php?l=ru&idc=103> (дата обращения: 20.01.2022).

⁷ Социально-демографический сектор // Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан [сайт]. URL: <https://stat.tj/ru/database-socio-demographic-sector> (дата обращения: 20.01.2022).

Таблица 1.

Миграционный прирост (убыль) населения Беларуси, Казахстана, Молдовы и Таджикистана по пятилетним периодам в 1990–2019 гг., тыс. человек

Table 1.

Migration increase (decrease) in the population of Belarus, Kazakhstan, Moldova and Tajikistan for five-year periods in 1990–2019, thousand people

	1990–1994 г.	1995–1999 г.	2000–2004 г.	2005–2009 г.	2010–2014 г.	2015–2019 г.
Беларусь	-70	38,8	-3,5	52,7	83,7	46,9
Казахстан	-1373,5	-1378,4	-62,1	2,7	140,6	-38,2
Молдова	-135,4	-167,3	-26,6	-44,5	-7,4	-7,8
Таджикистан	-225,5	-241,1	-160,2	-143	-141,1	-89,7

Источник: [3]

В 2019 г. за пределы Беларуси выбыли 20,9 тыс. человек⁸. По временным формам миграции из Беларуси информация носит противоречивый характер. Имеются данные, согласно которым в 2019 г. в Российскую Федерацию прибыли 18,4 тыс. граждан Беларуси [8, с. 138] из них 5,7 тыс. человек были образовательными мигрантами⁹.

В 2019 г. из Казахстана на ПМЖ выехали 45,2 тыс. человек, в качестве образовательных мигрантов – 52,9 тыс., в качестве этнических мигрантов – 42 тыс. Казахстанские статистические данные не выделяют трудовую эмиграцию как отдельный вид. В стране сохраняется установка, что для казахстанцев трудовая миграция нехарактерна. Однако известно, что по основному вектору трудовой миграции из Казахстана в Россию в последней в 2019 г. находились 136,2 тыс. человек. Основные направления казахстанской миграции пролегают в Россию, Германию, Беларусь¹⁰.

В 2019 г. из Республики Молдова на ПМЖ выехали 4 тыс. человек, во временной миграции за рубежом находились 743,5 тыс., в качестве образовательных мигрантов – 5,7 тыс., в качестве вынужденных мигрантов – 5,7 тыс. человек. Основные направления миграции из Молдовы – Россия, Италия, Румыния, Франция, Израиль¹¹.

В 2019 г. из Таджикистана на ПМЖ выехали 9,7 тыс. граждан, в трудовую миграцию были вовлечены 530,9 тыс. человек¹², в образовательную – 20 тыс. человек [28],

⁸ База данных «Статистика СНГ» // Межгосударственный статистический комитет СНГ [сайт]. URL: <http://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home> (дата обращения: 20.01.2022).

⁹ Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Выпуск 10 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – Москва: ГИРЯ им. А. С. Пушкина, 2020. С. 43. ISBN: 978-5-98269-234-4.

¹⁰ Казахстан: Расширенный миграционный профиль 2014–2019. – Алматы: Миссия Международной организации по миграции (МОМ) в Казахстане – Субрегиональный координационный офис по Центральной Азии, 2020. – 196 с.

¹¹ Статистический сборник: Расширенный миграционный профиль Республики Молдова за 2017–2019 гг. [Compendiul Statistic al Profilului Migrațional Extins al Republicii Moldova pentru anii 2017–2019]. Chișinău [Кишинев]: Управление по миграции и беженцам Министерства внутренних дел Республики Молдова [Biroului migrație și azil al Ministerului Afacerilor Interne al Republicii Moldova], 2020. – 40 p. URL: http://bma.gov.md/sites/default/files/sites/default/files/atasamente/comunicate/cs_al_pme_2017-2019_ed_2020.pdf (дата обращения: 20.03.2022). (На румынском).

¹² Демографический ежегодник Республики Таджикистан. – Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2020. – 362 с.

вынужденными мигрантами стали около 4,7 тыс. человек¹³. Таджикские граждане в основном мигрируют в Россию, Турцию, Германию, США, Польшу.

Причины и факторы миграции

Миграция населения в страны Балтии обусловлена традиционными выталкивающими и притягивающими факторами, характерными для миграционных перемещений населения исследуемых стран. Главным выталкивающим мотивом миграционных перемещений в государства Балтии выступают экономические причины. Однако ряд исследователей отмечает усложнение экономической мотивации мигрантов: если раньше экономическая миграция была обусловлена такими выталкивающими факторами, как безработица и бедность, то на современном этапе увеличивается число благополучных граждан, вовлеченных в миграцию из соображений повышения материального благополучия, качества жизни и увеличения человеческого капитала за рубежом [29; 30]. Таким образом, происходит изменение форм миграции (увеличение количества постоянных мигрантов) и диверсификация направлений миграции в пользу государств с высокими показателями качества жизни и проводимыми социальными политиками.

Значительный экономический разрыв между странами отражает положение государств в рейтинге по Индексу человеческого развития (ИЧР). Так, в 2020 г. Эстония занимала 29-е место среди всех стран по Индексу человеческого развития, Литва – 34-е место, Латвия – 37-е место. В то время как Казахстан, Беларусь, Молдова и Таджикистан – 51-е, 53-е, 90-е и 125-е места соответственно (см. табл. 2).

Таблица 2.

Ранжирование стран по Индексу человеческого развития (ИЧР) в 2020 г.

Table 2.

Countries' ranking by the Human Development Index (HDI) in 2020

Место в рейтинге	Страна	ИЧР
29	Эстония	0.892
34	Литва	0.882
37	Латвия	0.866
51	Казахстан	0.825
52	Россия	0.824
53	Беларусь	0.823
90	Молдова	0.750
125	Таджикистан	0.668

Источник: Индекс человеческого развития¹⁴

Еще одним показателем, отражающим экономический разрыв между государствами, является ВВП на душу населения по паритету покупательной способности. В 2020 г. ВВП на душу населения в странах Балтии был выше, чем в Беларуси, Казахстане, Молдове и Таджикистане (см. табл. 3).

¹³ Refugee Data Finder. UNHCR. The UN Refugee Agency [site]. URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/> (accessed on 20.01.2022).

¹⁴ Индекс человеческого развития (ИЧР) // NoNews. Информационный сайт. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/index-human> (дата обращения: 20.01.2022).

Таблица 3.

Рейтинг стран по ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности) в 2020 г.

Table 3.

Countries' ranking by GDP per capita (purchasing power parity) in 2020

Место в рейтинге	Страна	ВВП на душу населения, долл. США
32	Литва	38 735
34	Эстония	38 395
41	Латвия	32 019
50	Казахстан	26 729
62	Беларусь	20 200
88	Молдова	13 002
139	Таджикистан	3 858

Источник: Рейтинг стран по ВВП на душу населения¹⁵

Анализ уровня оплаты труда на начало 2022 г. показывает значительный разрыв в размерах средней заработной платы в странах Балтии, с одной стороны, и в Беларуси, Казахстане, Молдове и Таджикистане – с другой (см. табл. 4).

Итак, миграция из Беларуси, Казахстана, Молдовы и Таджикистана в государства Балтии на текущем этапе характеризуются как притягивающими факторами (состояние рынка труда, уровень доходов и качество жизни), так и выталкивающими (отсутствие рабочих мест, низкий уровень доходов, плохие условия труда, неудовлетворенность условиями политического развития страны и т. п.).

Таблица 4.

Уровень зарплат в странах на начало 2022 г.

Table 4.

The level of wages in the countries at the beginning of 2022

Место в рейтинге	Страна	Уровень средней зарплаты в месяц, долл. США	Уровень средней зарплаты в год, долл. США
32	Эстония	1 560	18 720
37	Литва	1 419	17 028
42	Латвия	1 217	14 604
61	Беларусь	545	6 540
65	Казахстан	486	5 832
71	Молдова	437	5 244
85	Таджикистан	155	1 860

Источник: Насколько хорошо за границей или средние зарплаты в мире¹⁶

Виды и тренды миграции

Ряд статистических источников Беларуси, Казахстана, Молдовы и Таджикистана характеризует миграционный процесс названных стран со странами Балтии. Однако имеющаяся национальная статистика в части единой методологии учета миграции, полноты и открытости данных несовершенна. Это обстоятельство препятствует возможности сравнительного описания миграционного поведения населения перечис-

¹⁵ Рейтинг стран по ВВП на душу населения (ППС) // NoNews. Информационный сайт. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/gdp-per-capita-ppp> (дата обращения: 20.01.2022).

¹⁶ Насколько хорошо за границей или средние зарплаты в мире // VisaSam.ru. Визовый миграционный центр [сайт]. 18.04.2022. URL: <https://visasam.ru/emigration/vybor/srednya-zarplata-v-mire.html> (дата обращения: 20.04.2022).

ленных стран по маршрутам миграции. Тем не менее существование международных статистических баз данных, таких как Eurostat, позволяет описать примерные тенденции миграционного поведения в коридоре определенных стран и регионов, а также по видам миграции и с точки зрения социально-демографических профилей мигрантов.

В период 2010–2019 гг. в государствах Балтии имеет место стремительный рост иммигрантов из изучаемых стран. За 10 лет количество иммигрантов из Беларуси в государства Балтии выросло с 274 до 7051 человек, из Казахстана – с 10 до 268 человек, из Молдовы – с 20 до 378 человек, из Таджикистана – с 1 до 163 человек. Страной приема иммигрантов в основном становилась Литва (см. табл. 5).

Согласно статистической информации за 2019 г., 93,1% белорусских, 60,1% казахских, 89,4% молдавских и 86,9% таджикских иммигрантов – это мужчины. Поскольку численность иммигрантов в основном представлена временными трудовыми мигрантами, то такая гендерная особенность иммигрантов в государства Балтии отражает потребности рынков труда этих стран в трудовых ресурсах мужского пола.

С точки зрения возраста, 79,5 белорусских, 63,1% казахских, 66,1% молдавских и 68,0% таджикских иммигрантов – в возрасте 20–44 лет.

Таблица 5.

Иммиграция по гражданству, 2010–2019 гг., человек

Table 5.

Immigration by citizenship, 2010–2019, persons

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Беларусь										
Эстония	19	50	35	50	45	91	118	133	191	258
Латвия	0	0	0	0	299	0	0	254	372	405
Литва	255	254	363	486	520	387	1 157	2 714	3 257	6 388
Балтийские страны, всего	274	304	398	536	864	478	1 275	3 101	3 820	7 051
Казахстан										
Эстония	2	12	18	16	6	28	35	28	18	52
Латвия	0	21	0	0	36	0	0	90	83	85
Литва	8	0	22	50	47	36	58	48	66	131
Балтийские страны, всего	10	33	40	66	89	64	93	166	167	268
Молдова										
Эстония	4	13	8	10	3	9	17	19	18	31
Латвия	0	0	0	0	12	0	0	22	36	53
Литва	16	11	14	18	12	22	127	139	134	294
Балтийские страны, всего	20	24	22	28	27	31	144	180	188	378
Таджикистан										
Эстония	0	0	0	1	0	1	1	4	5	4
Латвия	0	0	0	0	7	0	0	18	40	79
Литва	1	3	6	13	11	10	10	28	57	70
Балтийские страны, всего	1	3	6	14	18	11	11	50	102	153

Источник: Eurostat¹⁷

Несмотря на отмеченные темпы увеличения количества иммигрантов из рассмотренных государств в страны Балтии, количество иммигрантов, получивших гражданство, увеличилось незначительно. В 2010–2019 гг. гражданство стран Балтии

¹⁷ Immigration by age group, sex and citizenship // Eurostat. European Statistical Office [site]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/migr_imm1ctz/default/table?lang=en (accessed on 20.01.2022).

приобрели 313 белорусских, 46 казахских, 49 молдавских и 3 таджикских гражданина (см. табл. 6).

С точки зрения гендерной структуры приобретателей гражданства стран Балтии, 63,9% иммигрантов из Беларуси, 58,7% из Казахстана и 57,1% из Молдовы – это женщины, тогда как 66,7% иммигрантов из Таджикистана – мужчины.

Таблица 6.

Получение гражданства по гражданству мигранта, 2010–2019 гг., человек

Table 6.

Acquisition of citizenship by citizenship, 2010–2019, persons

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Беларусь										
Эстония	3	1	5	2	3	0	5	6	6	4
Латвия	10	12	14	12	15	12	14	17	19	20
Литва	13	12	13	16	14	10	10	15	24	6
Балтийские страны, всего	26	25	32	30	32	22	29	38	49	30
Казахстан										
Эстония	1	3	1	1	1	1	1	0	0	0
Латвия	0	2	1	2	0	0	1	2	3	2
Литва	3	0	1	6	1	2	7	1	1	2
Балтийские страны, всего	4	5	3	9	2	3	9	3	4	4
Молдова										
Эстония	2	0	0	0	2	0	3	0	0	1
Латвия	2	0	1	1	4	2	9	5	4	2
Литва	0	0	1	1	0	3	0	2	2	2
Балтийские страны, всего	4	0	2	2	6	5	12	7	6	5
Таджикистан										
Эстония	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1
Латвия	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Литва	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
Балтийские страны, всего	0	0	0	2	0	0	0	0	0	1

Источник: Eurostat¹⁸

Государства Балтии привлекают студентов из-за рубежа. Студенты из Беларуси и Молдовы в основном обучаются в Литве, а студенты из Казахстана и Таджикистана – в Латвии. Эстония в меньшей мере привлекает студентов из изучаемых стран (см. табл. 7).

Выявлены гендерные особенности контингента студентов, обучающихся в странах Балтии. В 2019 г. 71,5% студентов из Беларуси и 56,9% из Молдовы – это студенты женского пола, тогда как 81,6% студентов из Таджикистана и 52,6% из Казахстана – это студенты мужского пола. Данное обстоятельство отражает гендерные особенности контингента студентов в странах отправления.

¹⁸ Acquisition of citizenship by age group, sex and former citizenship // Eurostat. European Statistical Office [site]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/migr_acq/default/table?lang=en (accessed on 20.01.2022).

Таблица 7.

Иностранцы студенты по странам происхождения, 2013–2019 гг., человек

Table 7.

Mobile students from abroad enrolled by country of origin, 2013–2019, persons

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Беларусь							
Эстония	18	19	29	31	31	33	49
Латвия	107	171	200	190	136	129	125
Литва	1 894	1 738	1 312	1 068	1 152	962	882
Балтийские страны, всего	2 019	1 928	1 541	1 289	1 319	1 124	1 056
Казахстан							
Эстония	0	4	8	11	14	21	30
Латвия	116	143	257	327	276	306	214
Литва	41	21	34	66	66	67	117
Балтийские страны, всего	157	168	299	404	356	394	361
Молдова							
Эстония	6	8	0	9	7	10	12
Латвия	26	36	35	33	32	32	30
Литва	52	55	39	44	45	35	9
Балтийские страны, всего	84	99	74	86	84	77	51
Таджикистан							
Эстония	0	1	0	0	0	0	0
Латвия	18	25	20	23	34	33	24
Литва	8	11	10	10	9	8	14
Балтийские страны, всего	26	37	30	33	43	41	38

Источник: Eurostat¹⁹

В том же году, с точки зрения уровня получаемого образования, на бакалавриате обучались 76% студентов из Беларуси, 63,1% из Казахстана, 56,9% из Молдовы, 78,9% из Таджикистана. Магистерскую степень в странах Балтии получали 21% студентов из Беларуси, 28% из Казахстана, 37,3% из Молдовы, 15,8% из Таджикистана.

За период 2011–2020 гг. государства Балтии стали прибежищем для 495 просителей убежища из Таджикистана, 300 из Беларуси, 30 из Казахстана, 5 из Молдовы. 81,9% просителей убежища из перечисленных стран были приняты Литвой, 14,5% – Латвией, 3,6% – Эстонией (см. табл. 8).

Толчком к увеличению количества вынужденных мигрантов из Таджикистана в страны ЕС, в том числе в государства Балтии, стало признание в 2015 г. Республикой Таджикистан Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) террористической организацией. И как следствие – члены этой партии были вынуждены покинуть Таджикистан по соображениям безопасности²⁰. В 2016–2020 гг. среди граждан Таджикистана – просителей убежища в государствах Балтии 57,3% оказались мужчинами, 79,2% составили молодые граждане в возрасте до 34 лет.

Стремительное увеличение количества просителей убежища из Беларуси в странах Балтии произошло по причине политического кризиса в Республике Беларусь в

¹⁹ Mobile students from abroad enrolled by education level, sex and country of origin // Eurostat. European Statistical Office [site]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/educ_uae_mobs02/default/table?lang=en (accessed on 20.01.2022).

²⁰ Таджикистан засекретил приговор лидеру оппозиционной исламской партии // Интерфакс. Информационное агентство. 09.02.2021. URL: <https://www.interfax.ru/world/750039> (дата обращения: 20.01.2022).

2020 г. в связи с объявлением официальных итогов выборов Президента. В этом году 80 граждан Беларуси попросили убежище в Литве и 45 в Латвии. Из них 64% – это мужчины и 72% – молодые граждане в возрасте до 34 лет.

Таблица 8.

Просители убежища по гражданству, 2011–2020 гг., человек

Table 8.

Asylum applicants by, citizenship, 2011–2020, persons

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Беларусь										
Эстония	5	5	5	5	0	0	5	0	0	0
Латвия	0	0	0	0	0	5	5	0	5	45
Литва	15	15	5	10	15	10	35	15	15	80
Балтийские страны, всего	20	20	10	15	15	15	45	15	20	125
Казахстан										
Эстония	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Латвия	0	0	0	0	5	0	15	0	0	0
Литва	0	0	0	0	0	5	0	0	5	0
Балтийские страны, всего	0	0	0	0	5	5	15	0	5	0
Moldova										
Эстония	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Латвия	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Литва	0	0	0	0	0	0	0	5	0	0
Балтийские страны, всего	0	0	0	0	0	0	0	5	0	0
Таджикистан										
Эстония	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5
Латвия	0	0	0	0	0	15	15	5	5	
Литва	5	0	0	5	5	20	50	120	205	40
Балтийские страны, всего	5	0	0	5	5	35	65	125	210	45

Источник: Eurostat²¹

Вынужденная миграция из Беларуси в 2020 г. происходила в разгар пандемии COVID-19. Однако, несмотря на фактически закрытые из-за эпидемиологических ограничений границы, Литва оставила для белорусов возможность въезда по гуманитарному коридору. Так, с августа 2020 г. по апрель 2021 г. литовские гуманитарные визы получили более 800 белорусов, а 133 попросили политическое убежище²². Еще 7 490 граждан Республики Беларусь получили разрешение на временное проживание в Литве, а 12 496 – литовские национальные визы (данные за период август 2020 г. – февраль 2021 г.)²³.

²¹ Asylum applicants by type of applicant, citizenship, age and sex - monthly data (rounded) // Eurostat. European Statistical Office [site]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/migr_asyappctzm/default/table?lang=en (accessed on 20.01.2022).

²² МВД: 805 гражданам Беларуси разрешили въезд в Литву по гуманитарным соображениям [VRM: atvykti į Lietuvą dėl humanitarinių priežasčių leista 805 Baltarusijos piliečiams] // Министерство внутренних дел Литовской Республики [Lietuvos Respublikos vidaus reikalų ministerija] [сайт]. 19.04.2021. URL: <https://vrm.lrv.lt/lt/naujienos/vrm-atvykti-i-lietuva-del-humanitariniu-priezasciu-leista-805-baltarusijos-pilieciams> (дата обращения: 20.01.2022). (На литовском).

²³ Слюнькин П., Шрайбман А., Губарева А. Беларусь и страны Балтии: последствия затяжного политического кризиса. Friedrich-Ebert-Stiftung, 2021. – 30 p. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/ukraine/18026-20210623.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).

Поддержка белорусских граждан властями Литвы происходила и по линии учебной миграции: вузы Литвы выделили специальные стипендии для студентов из Беларуси, отчисленных либо иным образом пострадавших от действий белорусских властей. Университет Витовта Великого в Каунасе предоставили квоту для 50 человек, а Вильнюсский университет принял на учебу 90 белорусских студентов, освободив их от оплаты на весь период обучения²⁴.

Атмосфера, воцарившаяся в Беларуси после выборов Президента, спровоцировала волну эмиграции работников сферы IT и открытие офисов их компаний в сопредельных странах. По состоянию на апрель 2021 г., из Беларуси уехали около 15% всех IT-специалистов, большинство из которых считаются элитой белорусского IT-сектора²⁵. 43 белорусские компании начали процесс релокации своих сотрудников в Литву, 37 компаний такую возможность рассматривают. Всего интерес к Литве проявляют 110 белорусских компаний, которые могли бы создать здесь около трех тыс. новых рабочих мест²⁶. Свои офисы в Вильнюсе среди прочих открыли наиболее известные IT-бренды Беларуси – EPAM, Wargaming, Flo²⁷. Исход IT-компаний из Беларуси затронул также Латвию и Эстонию, хотя масштаб релокации здесь не такой значимый.

Белорусский политический кризис 2020 г., как сугубо внутреннее противостояние, вскоре повлек за собой далеко идущие последствия для всего восточноевропейского региона и государств за его пределами. Кризис изменил базовые рамочные условия отношений Беларуси с ее соседями. Так, весной 2021 г. по причине наплыва нелегальных мигрантов (в основном из Ирака и Сирии, и в меньшей степени из Афганистана и африканских стран), пытающихся попасть в страны ЕС, возник миграционный кризис на границе Республики Беларусь.

Весной 2021 г., на фоне ухудшения отношений с Беларусью (санкции и т. п.), Литва заявила о растущем потоке нелегальных мигрантов, проникающих на ее территорию через белорусско-литовскую границу²⁸. По данным Службы охраны государственной границы (СОГГ), число задержанных нелегалов с января по июль 2021 г. превысило отметку в 1,5 тыс. Чуть позже была названа цифра в 2,2 тыс. нелегальных мигрантов²⁹ (для сравнения, в 2020 г. в страну сумели просочиться лишь 74 иностранца, в 2019 г. – 36).

²⁴ «Вильнюс – это мир без геноцида». Белорусские студенты – об учебе в ВУ, протестах и будущем Беларуси // LRT. Литовское национальное радио и телевидение. 02.03.2021. URL: <https://www.lrt.lt/ru/novosti/17/1355479/vil-ni-us-eto-mir-bez-genotsida-belorusskie-studenty-ob-uch-ebe-v-vu-protestakh-i-budushchem-belarusi> (дата обращения: 20.01.2022).

²⁵ Апрель: уже уехали 15%. Третий не собирается назад (4х по сравнению с январем) // Dev.by. Медиа об IT-индустрии в Беларуси. 14.04.2021. URL: <https://devby.io/news/relocate-april-2021> (дата обращения: 20.01.2022).

²⁶ Интерес к Литве проявляют 110 белорусских компаний // LRT. Литовское национальное радио и телевидение. 12.05.2021. URL: <https://www.lrt.lt/ru/novosti/17/1407917/interes-k-litve-proiaivaiut-110-belorusskikh-kompanii> (дата обращения: 20.01.2022).

²⁷ Молчаливый исход? Еще 8 IT-компаний из топ-50 открыли офисы в Литве или Польше // Dev.by. Медиа об IT-индустрии в Беларуси. 03.03.2021. URL: <https://devby.io/news/molchaliviyi-ishod> (дата обращения: 20.01.2022).

²⁸ Главная проблема Литвы прямо сейчас – нелегальные мигранты из Беларуси. Их стало больше в 39 раз // Meduza. Интернет-издание (средство массовой информации, выполняющее функции иностранного агента). 29.07.2021. URL: <https://meduza.io/feature/2021/07/29/glavnaya-problema-litvy-ryamo-seychas-nelegalnye-migranty-iz-belarusi-ih-stalo-bolshe-v-39-raz> (дата обращения: 20.01.2022).

²⁹ Нелегальные хроники: мигранты сводят Литву с ума // Baltnews. Информационное агентство. 23.07.2021. URL: https://baltnews.lt/vnutri_Lithuania_politika_novosti/20210723/1020941009/Nelegalnye-khroniki-migranty-svodiat-Litvu-s-uma.html (дата обращения: 20.01.2022).

В связи с нарастающим миграционным кризисом власти Литвы объявили чрезвычайную ситуацию государственного уровня. Новые трудности возникли после того, как в конце июня 2021 г. Беларусь заморозила соглашение с ЕС о реадмиссии нелегальных мигрантов. Вскоре ежедневно по несколько десятков человек незаконно начали переходить литовскую границу. С 3 августа 2021 г. Литва в принудительном порядке начала возвращать задержанных на границе нелегальных мигрантов в Беларусь. С 4 августа 2021 г. были приостановлены авиарейсы из Ирака в Беларусь. В результате количество нарушений границы снизилось с более чем 200 в день до почти единичных случаев³⁰.

В августе 2021 г. незадокументированные, нерегулярные мигранты стали разрабатывать новый маршрут – пересекать границу Беларуси с Латвией: за четыре дня за незаконное пересечение латвийско-белорусской границы были задержаны 218 человек, это в семь раз больше количества задержанных нарушителей восточного участка за 2020 г. 9 августа латвийскими пограничниками за незаконное пересечение границы с Беларусью было задержано почти 200 человек. В связи с резко увеличившимся потоком незаконных мигрантов 11 августа 2021 г. Правительство Латвии объявило в Лудзенском, Краславском, Аугшдаугавском краях и Даугавпилсе режим чрезвычайной ситуации до 10 ноября (позже режим ЧС был продлен до 10 февраля 2022 г.)³¹.

Адаптация и интеграция мигрантов

Согласно Индексу политики интеграции мигрантов (MIREX), Эстонию характеризует средний уровень его значения, тогда как индекс в Латвии и Литве характеризуется скорее, как неблагоприятный. Основные проблемы интеграции мигрантов в этих странах связаны с доступом мигрантов к гражданству, политическому участию и здравоохранению.

Схожие черты адаптации мигрантов из Беларуси, Казахстана, Молдовы и Таджикистана в страны Балтии связаны с общим историческим прошлым перечисленных государств в рамках Советского Союза, знанием местным населением русского языка и проживанием на территории стран Балтии русскоязычных диаспор из постсоветских стран. Согласно данным М. Хазанс, непосредственно перед расширением ЕС в 2004 г. в государствах Балтии проживала большая доля этнических меньшинств (в основном русскоязычных в Эстонии и Латвии, поляков и русскоязычных в Литве), которые составляли 41%, 32% и 16% населения Латвии, Эстонии и Литвы соответственно [9; с. 3].

В адаптации белорусских мигрантов помогают другие белорусские мигранты и этнические белорусы, которые жили и живут в странах Балтии³². Например, по состоянию на 1 января 2021 г. численность белорусского населения Латвии состав-

---

³⁰ Белорусский коридор перестал быть привлекательным для мигрантов в ЕС: Как возник кризис с беженцами на границе с Литвой и почему он так быстро закончился // РБК. Деловая газета. 14.08.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/08/2021/611516079a7947ef39055d38> (дата обращения: 20.01.2022).

³¹ Правительство Латвии ввело режим ЧС на границе с Белоруссией // ТАСС. Информационное агентство. 10.08.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12098891> (дата обращения: 20.01.2022).

³² Страны Балтии: привлекательная цель для трудовых мигрантов? // Немецкая радиовещательная корпорация. 16.06.2016. URL: <https://www.dw.com/ru/страны-балтии-привлекательная-цель-для-трудо-вых-мигрантов/a-19328436> (дата обращения: 20.01.2022).

ляла 63,9 тыс. человек, что составляло 3,1% от общей численности жителей Латвии³³. В 2001 г. в Литовской Республике проживало 42,9 тыс. этнических белорусов, что составляло 1,23% от общего населения³⁴.

Таблица 9.

Индекс политики интеграции мигрантов (МИРЕХ) в страны Балтии, 2019 г.

Table 9.

Migrant Integration Policy Index (MIPEX) in the Baltic States, 2019

	Эстония	Латвия	Литва
Средний индекс	50	37	37
Мобильность рынка труда	69	33	52
Воссоединение семьи	76	47	43
Образование	69	26	43
Здравоохранение	29	31	31
Политическое участие	20	20	5
Регистрация по месту жительства	75	46	52
Доступ к гражданству	16	24	22
Анти-дискриминация	48	67	51

Источник: MIPEX³⁵

В Эстонии гражданам Беларуси оказывают помощь другие диаспоры из этой страны, такие как: Объединение белорусской культуры Ида-Вирумаа «БЭЗ» в г. Йыхви; Белорусская культурная организация «Лес» в г. Таллинн; Центр национальных меньшинств «Радзіма» в г. Таллинн; Тартуское белорусское общество «Спадкі» в г. Тарту и т. д.

За последние годы активизировалось взаимодействие с представителями белорусской диаспоры в государствах Балтии, которое долгое время ограничивалось лишь культурным обменом. На протяжении 2020–2021 гг. белорусская диаспора стала намного заметнее и демонстрирует готовность активно участвовать в жизни гражданского общества своей родины. В долгосрочной перспективе можно рассматривать реэмиграцию и даже репатриацию части белорусов, проживающих в государствах Балтии, особенно тех, кто покинул пределы страны по политическим причинам.

Из Казахстана в государства Балтии характерна туристическая, трудовая и образовательная миграция³⁶. Граждане Казахстана работают в странах Балтии в казахско-балтийских компаниях. Например, в Латвии – 36 совместных казахстан-

³³ Распределение населения Латвии по национальному составу и национальности [Latvijas iedzīvotāju sadalījums pēc nacionālā sastāva un valstiskās piederības] // Управление по делам гражданства и миграции Латвийской Республики [Latvijas Republikas Pilsonības un migrācijas lietu pārvalde] [сайт]. URL: https://www.pmlp.gov.lv/sites/pmlp/files/media_file/isvn_latvija_pec_ttb_vpd.pdf (дата обращения: 20.01.2022). (На латышском).

³⁴ Population by ethnicity 2021 // Official Statistics Portal / Statistics Lithuania. Department of Statistics to the Government of the Republic of Lithuania [site]. URL: https://osp.stat.gov.lt/documents/10180/9601028/Population_by_ethnicity.xlsx (accessed on 20.01.2022).

³⁵ Migrant Integration Policy Index [site]. URL: <https://www.mipex.eu/> (accessed on 20.01.2022).

³⁶ Казахи в Литве о жизни на берегу Балтийского моря и специфической литовской кухне // WEproject.media. Медиа-издание. 08.07.2018. URL: <https://weproject.media/articles/detail/kazakhi-v-litve-o-zhizni-na-beregu-baltiyskogo-morya-i-spetsificheskoy-litovskoy-kukhne/> (дата обращения: 20.01.2022).

ско-латвийских предприятий, а в самом Казахстане их 60³⁷. Некоторые мигранты из Казахстана после окончания учебы устраиваются на работу и остаются в странах Балтии.

Молдавские трудовые мигранты в государствах Балтии трудоустраиваются в сфере информационных технологий, строительства, грузоперевозок, сельскохозяйственных работ. Адаптация молдавских мигрантов в страны Балтии основывается на соглашениях Республики Молдова с ЕС в рамках Восточного партнерства, а также опирается на существующие двусторонние соглашения.

Большую роль в социальной консолидации молдаван в государствах Балтии играют диаспорные организации: в Литве функционирует общество «Dacia» (с 1989 г.); в Латвии – Латвийский центр молдавской культуры «Dacia» (с 1993 г.) и молдо-румынское общество «Doina» (с 2004 г.); в Эстонии – общество молдаван «Lucaeafagul» (с 1998 г.) и пр. Они реализуют различные мероприятия по сотрудничеству с органами власти стран приема; помощи в процессе миграции и адаптации, интеграции на местах; сохранению этнокультурной и языковой идентичности; организации культурного досуга; обучению родному языку и привитию молдавских народных традиций детям мигрантов; консолидации взаимодействия с Республикой Молдова и др.

Граждане Таджикистана в странах Балтии работают в таких сферах, как строительство, сельское хозяйство и сфера услуг³⁸. Некоторые студенты из Таджикистана, окончив университеты в государствах Балтии, трудоустраиваются и продолжают жить на территории этих стран.

Миграционная политика стран Балтии в отношении граждан Беларуси, Казахстана, Молдовы и Таджикистана

Государства Балтии, подписав договор о вступлении в ЕС в 2004 г., присоединились к международным договорам и конвенциям по вопросам регулирования миграции. Был введен визовый режим со странами бывшего СССР и другие ограничения по получению вида на жительство и доступа на рынки труда. Опасаясь увеличения потоков мигрантов и беженцев через страны постсоветского пространства, государства Балтии в 2015–2017 гг. заявили о строительстве защитных заграждений на своей восточной границе [6, с. 35].

Единый подход ЕС к миграции опирается на четыре фонда – Европейский фонд интеграции мигрантов, Европейский фонд беженцев, Фонд возвращения мигрантов, Фонд внешних границ, общий объем средств, который на период 2007–2013 гг. составлял 4 млрд евро. Посредством использования таких финансовых инструментов Евросоюз не только стремится к укреплению общей миграционной политики в регионе ЕС, но и помогает тем государствам, которые в силу экономических причин (дефицит бюджета, например) не могут привести национальное миграционное законодательство в соответствие с европейским, найти возможность внедрить единые стандарты управления миграцией [31].

Рынки труда стран Балтии испытывают дефицит кадров, что касается и высоко-, и низкоквалифицированного труда. Эти государства отдают предпочтение имми-

³⁷ О жизни казахов в Латвии // El.kz. Развлекательно-информационный портал. 17.12.2017. URL: https://el.kz/ru/news/iskusstvopage/o_zhizni_kazahov_v_latvii/ (дата обращения: 20.01.2022).

³⁸ Новый курс миграции. Как работает таджикским мигрантам в странах Прибалтики // Asia-Plus. Информационное агентство Республики Таджикистан. 09.01.2020. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20200109/novii-kurs-migratsii-kak-rabotaetsya-tadzhikskim-migrantam-v-stranah-pribaltiki> (дата обращения: 20.01.2022).

грантам из стран постсоветского пространства (в первую очередь его европейской части). Их законодательство ориентировано преимущественно на привлечение высококвалифицированных специалистов, хотя они и составляют меньшинство въезжающих на территорию данных стран иммигрантов с постсоветского пространства. В отношении низкоквалифицированных работников регулирование в Литве в целом мягче, чем в Латвии и Эстонии. Литва в большей степени ориентирована на привлечение мигрантов на долгосрочной основе с их возможной последующей интеграцией в общество. Две другие страны к привлечению рабочей силы из государств бывшего СССР относятся настороженно, поскольку такие мигранты, как правило, являются носителями русского языка и культуры, и в представлении местного политического класса могут стать угрозой для идентичностей титульных этносов.

Активную иммиграционную политику в сфере привлечения зарубежных трудовых ресурсов проводит Литовская Республика. В 2017 г. в Литве были приняты правовые изменения, которые облегчили условия приема для работников, имеющих востребованную профессию на литовском рынке труда, без необходимости получения разрешения на работу. Действуют два списка востребованных профессий. Один из них утверждается Правительством Литвы и включает профессии, требующие высокой профессиональной квалификации. В 2020 г. в перечень вошли 57 профессий (работники ИТ, инженеры, авиационные специалисты и т. д.). Второй список утверждается Службой занятости два раза в год. В 2020 г. в его перечень было включено 59 профессий (водители грузовых автомобилей международного сообщения, сварщики, сборщики металлоконструкций и др.)³⁹. Также в Литве разработан План действий на 2018–2020 гг. по интеграции иностранцев в литовское общество⁴⁰.

Аналогичную иммиграционную политику проводит Латвийская Республика. В 2018 г. Кабинет министров Латвии утвердил Концепцию миграционной политики, направленную на привлечение квалифицированной рабочей силы, упрощение правил для граждан третьих государств, уже работающих в стране, и упрощение процедур для студентов из государств, не входящих в ЕС, обучающихся в стране, чтобы остаться и искать работу после окончания учебы.

В Эстонии регистрация краткосрочной работы не является основанием для пребывания в стране, поэтому иностранец должен подать заявление на получение долгосрочной визы категории D. Визы на длительное пребывание можно оформить до прибытия в Эстонию только в эстонском диппредставительстве за рубежом. Разрешение на работу в Эстонии реализуется в виде регистрации права на трудоустройство. Но нужно выполнять условия, оговоренные Законом «Об иностранцах» этой страны: легальное нахождение, наличие квалификации, образования, профессионального опыта и знаний, состояние здоровья.

Миграционная политика стран Балтии различна в отношении граждан исследуемых стран. В Литве преимущественное право на трудоустройство имеют граждане ЕС. Если среди них не оказывается желающих занять открывшуюся вакансию, начинается поиск соискателей среди граждан других государств, например, СНГ. Но здесь в приоритете граждане Украины, Беларуси и Молдавии, а затем идет черед граждан

³⁹ Migration trends // European Migration Network (EMN) [site]. URL: <https://123.emn.lt/en/> (accessed on 20.01.2022).

⁴⁰ Can Return Migration Revitalize the Baltics? Estonia, Latvia, and Lithuania Engage Their Diasporas, with Mixed Results // Migration Policy Institute (MPI) [site]. 08.05.2019. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/can-return-migration-revitalize-baltics-estonia-latvia-and-lithuania-engage-their-diasporas> (accessed on 20.01.2022).

стран Центральной Азии. Для трудоустройства в Латвии гражданам Таджикистана понадобятся виза категории D, разрешение на работу, договор с работодателем, справка о состоянии здоровья, страховой полис, вид на жительство (ВНЖ) и регистрация по месту проживания. Обязательным является конкурсный отбор. Если на вакантное место не найдется претендента из числа граждан Латвии, то на это место может претендовать и трудовой мигрант из Таджикистана⁴¹.

В период пандемии COVID-19 большинство стран ЕС продлило срок пребывания на своих территориях мигрантов, потерявших работу. Балтийские государства (Эстония, Латвия, Литва) не разрешали продлевать вид на жительство, если гражданин третьей страны терял работу, но предоставляли ему возможность изменить вид на жительство, если он нашел новую работу (Латвия) [2, с. 7].

Положительная динамика в миграционном взаимодействии характеризует страны Балтии с Республикой Молдова. В 2009 г. Молдова присоединилась к учрежденному государствами ЕС договору «Восточное партнерство», который предусматривает либерализацию визового режима и партнерство по мобильности; Программу Erasmus + и мобильность молодежи и студентов; либерализацию процедур трудоустройства; упрощение процедур иммиграции; интеграционные политики для мигрантов (информирование, передача компетенций, признание социальных прав, изменение общественного мнения) [32]. Тем самым Республика Молдова получила право на участие в региональных партнерствах в области миграции, направленных на консолидацию политик сотрудничества между странами происхождения мигрантов и принимающими государствами, в том числе странами Балтии. Активно развивается двустороннее партнерство, затрагивающее область миграции населения (сотрудничество в области образования, культуры, молодежи, социальной защиты населения, реадмиссии и т. п.)

Заключение

Миграции из Беларуси, Казахстана, Молдовы и Таджикистана в страны Балтии на текущем этапе характеризуются как выталкивающими факторами, среди которых большой удельный вес имеют экономические проблемы, так и притягивающими факторами – улучшение финансового положения и жизненных перспектив.

Интенсивность миграционного процесса рассматриваемых стран с государствами Балтии зависит от нескольких факторов. Это численность населения как стран отправления, так и стран приема мигрантов, расстояние между государствами, политическая и социально-экономическая ситуация в странах отправления мигрантов, иммиграционная политика стран приема мигрантов и состояние двусторонних отношений между государствами Балтии и рассматриваемыми странами. Так, значительный миграционный поток в страны Балтии сформирован из граждан Беларуси. Большинство мигрантов из рассмотренных нами государств пребывает в Литву.

С точки зрения видов миграции, страны Балтии проводят сдержанную политику в вопросах предоставления иммигрантам гражданства и легализации на своей территории просителей убежища и избирательную политику в отношении трудовых

---

⁴¹ Новый курс миграции. Как работает таджикским мигрантам в странах Прибалтики // Asia-Plus. Медиагруппа. 09.01.2020. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20200109/novii-kurs-migratsii-kak-rabotaetsya-tadzhikskim-migrantam-v-stranah-pribaltiki> (дата обращения: 20.01.2022).

мигрантов. С другой стороны, Латвия и Литва активны в привлечении зарубежных студентов для обучения на своей территории.

Социально-демографический профиль мигрантов из рассмотренных государств отличается по видам миграции и странам отправления мигрантов. Во все виды миграции в основном вовлечены граждане молодого возраста. Временная иммиграция в первую очередь представлена мигрантами мужского пола, тогда как учебная миграция – студентами женского пола.

Тенденция роста потока мигрантов из Беларуси, Казахстана, Молдовы и Таджикистана в государства Балтии актуализирует необходимость регулирования этих миграционных процессов как в отправляющих, так и принимающих странах.

Список литературы

1. *Рязанцев С. В.* Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. – Москва: Формула права, 2007. – 572 с. ISBN: 978-5-8467-0049-9.
2. *Рязанцев С. В., Молодикова И. Н.* От редакторов. Экономические тренды и миграционные режимы в странах Балтийского региона в условиях пандемии COVID-19 // Балтийский регион. 2020. Т. 12. № 4. С. 4–9. DOI: <https://doi.org/10.5922/2078-8555-2020-4-1>.
3. Демографическое развитие постсоветских стран (1991–2021): тренды, демографическая политика, перспективы. Аналитический доклад / В. Н. Архангельский, Л. И. Бардакова, В. А. Безвербный [и др.]; под ред. С. В. Рязанцева; ФНИСЦ РАН. – Москва: ИТД «Перспектива», 2021 – 200 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-379-9.2021>. ISBN: 978-5-89697-379-9.
4. *Кузнецова Т. Ю.* Миграционные тенденции в странах Балтийского региона: пространственно-временной аспект // Балтийский регион. 2010. Т. 6. № 4. С. 53–60.
5. *Емельянова Л. Л.* Международная трансграничная миграция в регионе Юго-Восточной Балтики: факторы, структура, последствия // Балтийский регион. 2010. Т. 6. № 4. С. 61–71.
6. *Хришкевич Т. Г.* Прибалтика в условиях миграционного кризиса 2014–2016 гг. // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 12. С. 33–37. DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2017.12.6>.
7. *Симонян Р. Х.* Страны Балтии: миграционные процессы после вступления в Евросоюз // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 202–213. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013038640014699-6>.
8. *Воротников В. В., Габарта А. А.* Миграция жителей постсоветского пространства в Польшу и страны Балтии: динамика и особенности // Балтийский регион. 2021. Т. 13. № 4. С. 79–94. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-5>.
9. *Hazans M.* Migration Experience of the Baltic Countries in the Context of Economic Crisis. In: Labor Migration, EU Enlargement, and the Great Recession, M. Kahanec, K. F. Zimmermann (eds). Berlin-Heidelberg: Springer, 2016. Pp. 297–344. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-662-45320-9_13.
10. Сравнительное исследование законодательства 27 государств-членов Европейского Союза с точки зрения легальной иммиграции [Etude comparative de la législation des 27 Etats membres de l'Union européenne en matière d'immigration légale] / Ш. Адам, А. Девиллард; Департамент международного миграционного права и правовых вопросов, МОМ [Ch. Adam, A. Devillard; Département de droit international de la migration et des affaires juridiques, OIM] // Международное миграционное право [Droit international de la migration]. 2009. № 17. Международная организация по миграции [Organisation internationale pour les migrations]. – 620 с. (На франц.)
11. *Romanov A.* The Russian Diaspora in Latvia and Estonia: Predicting Language Outcomes. Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2000. Vol. 21. No. 1. Pp. 58–71. DOI: <https://doi.org/10.1080/01434630008666394>.
12. *Simonian R.* The Russian Diaspora in the Baltic Countries. Russian Politics and Law. 2004. Vol. 42. No. 4. Pp. 67–88. DOI: <https://doi.org/10.1080/10611940.2004.11066925>.
13. *Smith G.* Transnational Politics and the Politics of the Russian Diaspora. Ethnic and Racial Studies. 1999. Vol. 22. No. 3. Pp. 500–523. DOI: <https://doi.org/10.1080/014198799329404>.
14. *Cheskin A.* Identity and Integration of Russian Speakers in the Baltic States: A Framework for Analysis. Ethnopolitics (Formerly Global Review of Ethnopolitics). 2015. Vol. 14. No. 1. Pp. 72–93. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449057.2014.933051>.
15. *Vihalemm T., Juzefovičs J., Leppik M.* Identity and Media-use Strategies of the Estonian and Latvian

Russian-speaking Populations Amid Political Crisis. *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71. No 1. Pp. 48–70. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1533916>.

16. *Maslenkova E., Tihonova L.* Migration Policy of the Republic of Belarus: Conceptual Foundations of Formation, Challenges and Development Trends. *Migration*. 2021. No. 10. P. 26–46.

17. *Тихонова Л. Е., Масленкова Е. В.* Внешняя трудовая миграция в Республике Беларусь // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 49–55.

18. *Тихонова Л. Е., Рязанцев С. В.* Миграционные процессы в Республике Беларусь: тенденции и проблемы // Состояние и перспективы демографического развития Республики Беларусь. – Минск: В.И.З.А. Групп, 2017. – 168 с. С. 88–100. ISBN: 978-985-6834-70-0.

19. *Фокеева Л. В., Масленкова Е. В., Рытов А. В.* Образовательная миграция в Республике Беларусь: социально-экономические эффекты и направления развития // Журнал международного права и международных отношений. 2020. № 3–4. С. 85–94.

20. *Попова Е. А.* Влияние миграционных процессов на современную систему международных отношений (регион Центральной и Восточной Европы). Диссертация на соискание степени PhD по специальности 6D020200 «Международные отношения» / Попова Елена Александровна. – Нур-Султан, 2020.

21. *Елмурзаева Р. С.* Проблемы миграционной политики в казахстанско-германских отношениях: политологический анализ: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии» / Елмурзаева Раушан Сапархановна. – Астана, 2010.

22. *Cheianu-Andrei D.* Mapping of the Moldovan Diaspora in Italy, Portugal, France and the United Kingdom. Chişinău: International Organization for Migration, Mission to Moldova, 2013. 140 p.

23. *Mukomel V., Cheianu-Andrei D.* Moldovans in the Russian Federation: Socio-Economic Profile and Policy Challenges. Chişinău: International Organization for Migration, Mission to Moldova, 2013. 112 p.

24. *Mosneaga V.* Mapping Moldovan Diaspora in Germany, UK, Israel, Italy, Portugal and Russia. Chişinău: International Organization for Migration, Mission to Moldova, 2017. 212 p. ISBN: 978-9975-4469-6-9.

25. *Ostavnaia A.* Mapping Migration from Transnistria. Chişinău: International Organization for Migration, Mission to Moldova, 2017. 178 p. ISBN: 978-9975-3187-4-7.

26. *Владическу Н.* [Vladicescu N.] Картирование диаспоральных сообществ [Cartografierea asociațiilor din diasporă]. Социологическое исследование [Studiu sociologic]. Кишинев [Chişinău]: Управление по связям с диаспорой [Biroul Relații cu Diaspora], 2021. 60 с. (На румын.)

27. *Рахмонов А. Х.* Эмиграция из Таджикистана в страны Балтии: тенденции и перспективы развития // Управление. 2021. Т. 9. № 1. С. 16–26. DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2021-9-1-16-26>. (На англ.)

28. *Ризоен Ш. Ш.* Внешняя образовательная миграция молодежи Таджикистана как двухуровневый ресурс «мягкой силы» // Дискурс-Пи. 2021. № 1 (42). С. 158–175. DOI: <https://doi.org/10.24412/1817-9568-2021-1-158-175>.

29. *Moşneaga V., Moşneaga G.* Moldovan Labor Migration into the European Union. *Moldoscopie*. 2019. № 1 (84). Pp. 154–186.

30. *Титаренко Л.* Мотивы миграции белорусов в Скандинавию и страны Балтии в контексте эмиграционных потоков на запад и восток // Третий международный конгресс белорусских ученых. Рабочие материалы. [Трэці міжнародны кангрэс даследчыкаў беларусі. Працоўныя матэрыялы]. 2014. Т. 3. С. 152–156. ISSN: 2351-6658.

31. *Лялина А. В.* Опыт наднациональной политики интеграции мигрантов ЕС // Балтийский регион. 2014. № 2 (20). С. 128–145.

32. *Barbone L., Kahanec M., Kureková L., Zimmermann K. F.* Migration from the Eastern Partnership Countries to the European Union – Options for a Better Future. IZA Research Report No. 55. Institute of Labor Economics, 2013. 50 p.

Сведения об авторах:

Оставная Алла Николаевна, старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, Тирасполь, Молдова.

Контактная информация: e-mail: alaost@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-3011-6034; РИНЦ Author ID: 851227; Web of Science Researcher ID: AAJ-8999-2020.

Масленкова Елена Владимировна, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономики и менеджмента учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет “МИТСО”», Минск, Беларусь.

Контактная информация: e-mail: maslenkoff@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9146-625X; РИНЦ Author ID: 905942.

Рахмонов Абубакр Хасанович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: abubak.93@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9924-5857; РИНЦ Author ID: 1079276; Scopus Author ID: 57221330941; Web of Science Researcher ID: AAC-7830-2022.

Жампеисов Даурен Абильтяевич, магистр юриспруденции, старший преподаватель Университета Алихана Бокейхана, Семей, Казахстан.

Контактная информация: e-mail: daurxxvek@bk.ru; ORCID ID: 0000-0002-0400-2826; РИНЦ Author ID: 1127143.

Жампеисов Думан Абильтяевич, доктор философии (PhD) по специальности «Юриспруденция», ассоциированный профессор Университета Алихана Бокейхана, Семей, Казахстан.

Контактная информация: e-mail: duman_d@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4657-8660; РИНЦ Author ID: 832904.

Статья поступила в редакцию 01.03.2022; принята в печать 06.05.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

THE BALTICS COUNTRIES AS NEW DIRECTIONS OF MIGRATION FROM BELARUS, KAZAKHSTAN, MOLDOVA AND TAJIKISTAN

Alla N. Ostavnaia

Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Moldova

E-mail: alaost@rambler.ru

Elena V. Maslenkova

International University MITSO, Minsk, Belarus

E-mail: maslenkoff@mail.ru

Abubakr Kh. Rakhmonov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: abubak.93@mail.ru

Dauren A. Zhampeisov

Alikhan Bokeikhan University, Semey, Kazakhstan

E-mail: daurxxvek@bk.ru

Duman A. Zhampeisov

Alikhan Bokeikhan University, Semey, Kazakhstan

E-mail: duman_d@mail.ru

For citation: Alla N. Ostavnaia, Elena V. Maslenkova, Abubakr Kh. Rakhmonov, Dauren A. Zhampeisov, Duman A. Zhampeisov. The Baltics Countries as New Directions of Migration from Belarus, Kazakhstan, Moldova and Tajikistan. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2. No 2. Pp. 210–233. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.16>. EDN: MHOIFI.

Abstract. The Baltic countries simultaneously act as a region of origin, destination and transit of migrants. The main flows of immigrants in these countries are formed from citizens of post-Soviet countries. The article attempts to comprehensively consider

the process of population migration from Belarus, Kazakhstan, Moldova and Tajikistan to the Baltic countries. This topic is not sufficiently reflected in the scientific bibliography, despite the fact that in recent years there has been a tendency for an increase in the flow of migrants from these countries towards the Baltic countries. The migration of the population to the Baltic countries is due to the traditional push and pull factors that are characteristic of the migration movements of the population of the countries under study. The main push motive for migration movements to the Baltic countries is economic reasons, despite the fact that in recent years migration has also been caused by political factors. Based on the statistical data of the Eurostat portal, the types and trends of migration are described. These are: the rapid growth of immigrants from the studied countries to the Baltic countries (especially in Lithuania), low opportunities for immigrants to acquire citizenship, the Baltic countries attracting students from the studied countries (especially Lithuania), an increase in the number of asylum seekers. The intensity of the migration process of the considered countries with the Baltic countries depends on several factors. These are the population size of both sending and receiving countries, the distance between countries, the political and socio-economic situation in the sending countries, the immigration policy of the receiving countries, and the state of bilateral relations between the Baltic countries and the considered countries. The governments of the Baltic States generally pursue a restrained migration policy. The adaptation of migrants from Belarus, Kazakhstan, Moldova and Tajikistan to the Baltic countries have similar features and are associated with the common historical past of these countries within the Soviet Union, the knowledge of the local population of the Russian language and the residence of Russian-speaking diasporas from the post-Soviet countries in the Baltic countries. The results of the study will be useful to public authorities implementing migration policy in both sending and receiving countries.

Keywords: population migration, Estonian immigration, Latvian immigration, Lithuanian immigration, Belarusian migration, Kazakh migration, Moldovan migration, Tajik migration, post-Soviet diaspora.

References

1. Ryazantsev S. V. *Trudovaya migratsiya v stranakh SNG i Baltii: tendentsii, posledstviya, regulirovaniye* [Labor migration in the CIS and Baltic countries: trends, consequences, regulation]. Moskva: Formula prava, 2007. 572 p. ISBN: 978-5-8467-0049-9. (In Russ.)
2. Ryazantsev S. V. Molodikova I. N. Guest Editor's Introduction. New Economic and Migratory Trends in the Baltic Sea Region during the COVID-19 Pandemic. *Baltic Region*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 4–9. DOI: <https://doi.org/10.5922/2078-8555-2020-4-1>. (In Russ.)
3. *Demographic Development of Post-Soviet Countries (1991–2021): Trends, Demographic Policy, Prospects. Analytical Report* / V. N. Arkhangelsky, L. I. Bardakova, V. A. Bezverbnny [et al.]; ed. by S. V. Ryazantsev; FCTAS RAS. Moscow: Perspektiva Publishing, 2021. 178 p. DOI: <https://doi.org/10.51285/978-5-905790-53-9.2021>. ISBN: 978-5-905790-53-9. (In Russ.)
4. Kuznetsova T. Yu. Migration Trends in The Baltic Region States: The Spatiotemporal Aspect. *Baltic Region*. 2010. Vol. 6. No. 4. Pp. 48–54. (In Russ.)
5. Yemelyanova L. L. International Cross-Border Migration in the South-East Baltic: Factors, Structure, Consequences. *Baltic Region*. 2010. Vol. 6. No. 4. Pp. 55–64. (In Russ.)
6. Khrishkevich T. G. The Baltic States in Terms of the Migrant Crisis in 2014-2016. *Society: Politics, Economics, Law*. 2017. No. 12. Pp. 33–37. DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2017.12.6>. (In Russ.)
7. Simonyan R. The Baltic States: Migration Processes after Joining the European Union. *Modern and Contemporary History*. 2021. No. 3. Pp. 202–213. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013038640014699-6>. (In Russ.)
8. Vorotnikov V. V., Habarta A. Migration from Post-Soviet Countries to Poland and the Baltic States: Trends and Features. *Baltic Region*. 2021. Vol. 13. No. 4. Pp. 79–94. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-5>. (In Russ.)
9. Hazans M. Migration Experience of the Baltic Countries in the Context of Economic Crisis. In: *Labor Migration, EU Enlargement, and the Great Recession* / M. Kahanec, K. F. Zimmermann (eds). Berlin–Heidelberg: Springer, 2016. Pp. 297–344. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-662-45320-9_13.
10. *Etude comparative de la législation des 27 Etats membres de l'Union européenne en matière d'immigration légale* [Comparative study of the legislation of the 27 Member States of the European Union in terms of legal immigration] / Ch. Adam, A. Devillard; Département de droit international de la migration et des affaires juridiques, OIM [Department of International Migration Law and Legal Affairs, IOM]. Droit international de la migration [International migration law]. 2009. No. 17. Organisation internationale pour les migrations [International Organization for Migration]. 620 p. (In French)
11. Romanov A. The Russian Diaspora in Latvia and Estonia: Predicting Language Outcomes. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2000. Vol. 21. No. 1. Pp. 58–71. DOI: <https://doi.org/10.1080/01434630008666394>.
12. Simonian R. The Russian Diaspora in the Baltic Countries. *Russian Politics and Law*. 2004. Vol. 42. No. 4. Pp. 67–88. DOI: <https://doi.org/10.1080/10611940.2004.11066925>.

13. Smith G. Transnational Politics and the Politics of the Russian Diaspora. *Ethnic and Racial Studies*. 1999. Vol. 22. No. 3. Pp. 500–523. DOI: <https://doi.org/10.1080/014198799329404>.
14. Cheskin A. Identity and Integration of Russian Speakers in the Baltic States: A Framework for Analysis. *Ethnopolitics (Formerly Global Review of Ethnopolitics)*. 2015. Vol. 14. No. 1. Pp. 72–93. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449057.2014.933051>.
15. Vihalemm T., Juzefovičs J., Leppik M. Identity and Media-use Strategies of the Estonian and Latvian Russian-speaking Populations Amid Political Crisis. *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71. No 1. Pp. 48–70. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1533916>.
16. Maslenkova E., Tihonova L. Migration Policy of the Republic of Belarus: Conceptual Foundations of Formation, Challenges and Development Trends. *Migration*. 2021. No. 10. P. 26–46.
17. Tikhonova L. E., Maslenkova E. V. Foreign Labor Migration in the Republic of Belarus. *Sociological Studies*. 2016. No. 6. Pp. 49–55. (In Russ.)
18. Tikhonova L. E., Ryazantsev S. V. Migratsionnyye protsessy v Respublike Belarus': tendentsii i problemy [Migration processes in the Republic of Belarus: trends and problems]. In: *Sostoyaniye i perspektivy demograficheskogo razvitiya Respubliki Belarus'* [Status and prospects of the demographic development of the Republic of Belarus]. Minsk: V.I.S.A. Group, 2017. Pp. 88–100. ISBN: 978-985-6834-70-0. (In Russ.)
19. Fokeeva L. V., Maslenkova E. V., Rytov A. V. Obrazovatel'naya migratsiya v Respublike Belarus': sotsial'no-ekonomicheskiye efekty i napravleniya razvitiya. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy* [Journal of International Law and International Relations]. 2020. No. 3–4. Pp. 85–94. (In Russ.)
20. Popova E. A. Vliyaniye migratsionnykh protsessov na sovremennuyu sistemu mezhdunarodnykh otnosheniy (region Tsentral'noy i Vostochnoy Yevropy) [The influence of migration processes on the modern system of international relations (region of Central and Eastern Europe)]. Dissertation for the PhD degree in the specialty 6D020200 “International Relations” / Popova Elena Alexandrovna. Nur-Sultan, 2020. (In Russ.)
21. Elmurzaeva R. S. *Problemy migratsionnoy politiki v kazakhstansko-germanskikh otnosheniyakh: politologicheskii analiz* [Problems of migration policy in Kazakh-German relations: political analysis]: abstract of the thesis for the degree of Doctor of Political Sciences in the specialty 23.00.02 “Political institutions, ethno-political conflictology, national and political processes and technologies” / Elmurzaeva Raushan Saparkanovna. Astana, 2010.
22. Cheianu-Andrei D. *Mapping of the Moldovan Diaspora in Italy, Portugal, France and the United Kingdom*. Chişinău: International Organization for Migration, Mission to Moldova, 2013. 140 p.
23. Mukomel V., Cheianu-Andrei D. *Moldovans in the Russian Federation: Socio-Economic Profile and Policy Challenges*. Chişinău: International Organization for Migration, Mission to Moldova, 2013. 112 p.
24. Mosneaga V. *Mapping Moldovan Diaspora in Germany, UK, Israel, Italy, Portugal and Russia*. Chişinău: International Organization for Migration, Mission to Moldova, 2017. 212 p. ISBN: 978-9975-4469-6-9.
25. Ostavnaia A. *Mapping Migration from Transnistria*. Chişinău: International Organization for Migration, Mission to Moldova, 2017. 178 p. ISBN: 978-9975-3187-4-7.
26. Vladicescu N. *Cartografierea asociațiilor din diaspora* [Mapping associations in the diaspora]. Studiu sociologic [Sociological study]. Chişinău: Biroul Relațiilor cu Diaspora [Diaspora Relations Office], 2021. 60 p. (In Roman.)
27. Rakhmonov A. Kh. Emigration From Tajikistan to the Baltic States: Trends and Prospects of Development. *Upravlenie*. 2021. Vol. 9. No. 1. Pp. 16–26. DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2021-9-1-16-26>. (In Russ.)
28. Rizoyon Sh. Sh. Foreign Education of Tajik Youth as a Two-Way Resource of Soft Power. *Discourse-P*. 2021. No. 1 (42). Pp. 158–175. DOI: <https://doi.org/10.24412/1817-9568-2021-1-158-175>. (In Russ.)
29. Moşneaga V., Moşneaga G. Moldovan Labor Migration into the European Union. *Moldoscopie*. 2019. No. 1 (84). Pp. 154–186.
30. Titarenko L. Motivy migratsii belarusov v Skandinaviyu i strany Baltii v kontekste emigratsionnykh potokov na zapad i Vostok [Motives for the migration of Belarusians to Scandinavia and the Baltic countries in the context of emigration flows to the west and east]. *Treci mižnarodny kanhres dasliedčykaŭ bielarusi. Pracouňyja materyjaly* [Third International Congress of Belarusian Researchers. Working materials]. 2014. Vol. 3. Pp. 152–156. ISSN: 2351-6658. (In Russ.)
31. Lyalina A. V. Supranational Policy of Migrant Integration in the EU. *Baltic Region*. 2014. No. 2(20). Pp. 128–145. (In Russ.)

32. Barbone L., Kahanec M., Kureková L., Zimmermann K. F. *Migration from the Eastern Partnership Countries to the European Union – Options for a Better Future*. IZA Research Report No. 55. Institute of Labor Economics, 2013. 50 p.

Bio note:

Alla N. Ostavnaia, Senior Lecturer, Department of Sociology and Social Technologies, Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Moldova.

Contact information: e-mail: alaost@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-3011-6034; RSCI Author ID: 851227; Web of Science Researcher ID: AAJ-8999-2020.

Elena V. Maslenkova, Candidate of Economic Sciences, Head Department of Economics and Management, Educational Institution of the Federation of Trade Unions of Belarus “MITSO International University”, Minsk, Belarus.

Contact information: e-mail: maslenkoff@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9146-625X; RSCI Author ID: 905942.

Abubakr Kh. Rakhmonov, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: abubak.93@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9924-5857; RSCI Author ID: 1079276; Scopus Author ID: 57221330941; Web of Science Researcher ID: AAC-7830-2022.

Dauren A. Zhampeisov, Master of Law, Senior Lecturer, Alikhan Bokeikhan University, Semey, Kazakhstan.

Contact information: e-mail: daurxxvek@bk.ru; ORCID ID: 0000-0002-0400-2826; RSCI Author ID: 1127143.

Duman A. Zhampeisov, PhD in Law, Associate Professor, Alikhan Bokeikhan University, Semey, Kazakhstan.

Contact information: e-mail: duman_d@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4657-8660; RSCI Author ID: 832904.

Received on 01.03.2022; accepted for publication on 06.05.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.17

EDN: MKISSV

НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ СОТРУДНИКОВ ИДИ ФНИСЦ РАН ПО ИЗУЧЕНИЮ МИГРАЦИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ УЧАСТКЕ ГРАНИЦЫ РОССИИ

Алхасов С. С.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: stanislav.alkhasov@gmail.com

Рязанцев Н. С.

МГИМО МИД России, Москва, Россия

E-mail: ryazantsev080700@ya.ru

Для цитирования: Алхасов С. С., Рязанцев Н. С. Научная экспедиция сотрудников ИДИ ФНИСЦ РАН по изучению миграции на северо-западном участке границы России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 234–250. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.17>. EDN: MKISSV.

Северо-Запад Российской Федерации граничит с рядом европейских государств, в частности, с Польшей, Финляндией и странами Балтии. Экономико-географическое положение макрорегиона обуславливает обширный потенциал развития, однако на практике в целом ряде мест российского Северо-Запада наблюдаются довольно неблагоприятные социально-экономические и демографические тенденции.

Данное исследование фокусировалось на трех регионах Северо-Западного федерального округа (СЗФО) – Калининградской, Новгородской и Псковской областях. Калининградская и Псковская области при этом являются непосредственно приграничными регионами, а первая из упомянутых – и вовсе регионом-эксклавом России.

Регионы СЗФО по ряду социально-экономических показателей весьма разнородны. Так, например, имеется существенная разница в отношении миграционного прироста применительно к Калининградской и Новгородской областям. Среди трех рассматривавшихся регионов только Калининградской области удастся скомпенсировать естественную убыль населения за счет миграции. В случае двух других областей можно говорить о депопуляции.

Важно, что диспропорции проявляются и на более низких уровнях административно-территориального деления, что хорошо заметно на примере Калининградской области. Для внутрирегиональной миграции в этой области свойственно западное направление. Как результат Калининградская агломерация растет как за счет внешней для региона миграции, так и за счет внутриобластной миграции. Города-курорты Зеленоградск и Солнечногорск получают с каждым годом все более и бо-

лее возрастающее количество новых жителей. В то же время города востока области (к примеру, некогда высокоразвитый Советск, население которого в прошлом росло) сталкиваются с депопуляцией, лишаются экономически активного населения и в целом пребывают в депрессивном социально-экономическом положении.

С целью получения эмпирического опыта, подкрепляющего, развивающего и обобщающего теоретические представления, ученые Института демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН в 2021 г. посетили Калининградскую область.

Социально-демографическое положение регионов Северо-Запада России

Наиболее населенным регионом на северо-западном участке границы является Калининградская область. По данным Росстата, население эксклава Калининградской области составляло в 2020 г. 1 018,6 тыс. человек, в Псковской области проживали 620 тыс., а в Новгородской области – более 590 тыс. человек. В регионах преобладало городское население (табл. 1).

Таблица 1.

Численность населения приграничных регионов Российской Федерации на северо-западном участке государственной границы в 2020 г., человек

Table 1.

Population of the Russian Federation border regions on the northwestern section of the state border in 2020, people

Регион	На 1 января 2021 г.			В среднем за 2020 г.		
	Все население	в том числе:		Все население	в том числе:	
		городское	сельское		городское	сельское
Калининградская область	1 018 624	792 070	226 554	1 015 568	789 191	226 377
Новгородская область	592 415	424 638	167 777	594 461	425 610	168 851
Псковская область	620 249	440 010	180 239	623 182	441 880	181 302

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата¹

Таблица 2.

Изменение численности населения приграничных регионов Российской Федерации на северо-западном участке государственной границы в 2020 г., человек

Table 2.

Changes in the population of the border regions of the Russian Federation on the northwestern section of the state border in 2020, people

Регион	Прирост численности населения, человек			Прирост численности населения, %			Темпы роста численности населения, %		
	все население	в том числе:		все население	городское	сельское	все население	городское	сельское
		городское	сельское						
Калининградская область	6 112	5 757	355	0,6	0,7	0,2	100,6	100,7	100,2
Новгородская область	-4 093	-1 944	-2 149	-0,7	-0,5	-1,3	99,3	99,5	98,7
Псковская область	-5 866	-3 741	-2 125	-0,9	-0,9	-1,2	99,1	99,2	98,8

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата²

¹ Демография // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 30.01.2022).

² Там же.

Общий прирост населения отмечался в Калининградской области, причем за счет миграционного прироста (в 2020 г. составил более 10 тыс. человек). Население в Новгородской и Псковской областях сокращалось за счет естественной убыли, как в городах, так и в сельской местности. Миграционный прирост только частично компенсировал депопуляцию в данных регионах, но полностью миграция перекрыть убыль населения не смогла (табл. 2, 3).

Таблица 3.

Изменение численности постоянного населения приграничных регионов Российской Федерации на северо-западном участке государственной границы в 2020 г. за счет различных компонент, человек

Table 3.

Changes in the permanent population of the border regions of the Russian Federation on the northwestern section of the state border in 2020 due to various components, people

Регион	Численность населения на 1 января 2020 г.	Изменения за 2020 г.			Численность населения на 1 января 2021 г.	Замещение естественной убыли миграционным приростом
		общий прирост	в том числе:			
			естественный прирост	миграционный прирост		
Калининградская область	1 012 512	6 112	-4 158	10 270	1 018 624	247,0
Новгородская область	596 508	-4 093	-5 992	1 899	592 415	31,7
Псковская область	626 115	-5 866	-6 908	1 042	620 249	15,1

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата³

Интересен кейс Калининградской области, где миграция традиционно играла важную роль в формировании населения. Калининградская область (первоначально Кенигсбергская) была образована в составе РСФСР в 1946 г. на части территории германской Восточной Пруссии, отошедшей к СССР согласно Потсдамскому соглашению 1945 г. Сразу же началось заселение региона русскими переселенцами, столкнувшимися на своей новой родине с колоссальными трудностями: послевоенная разруха, холодная зима, голод 1946–1947 гг., хаос советской сельскохозяйственной политики. Еще более тяжелым было положение оставшейся части немецкого населения, которое вскоре было полностью депортировано. С середины 1950-х гг. роль миграции в росте числа жителей области снизилась, и основным источником увеличения численности населения стал естественный прирост. С середины 1960-х гг. и вплоть до середины 1980-х гг. сальдо миграции в Калининградской области было близким к нулю. В первой половине 1970-х гг. наблюдался даже миграционный отток населения. Начиная с 1992 г., естественный прирост сократился, превратившись в естественную убыль населения. Рост населения области вновь обеспечил миграционный прирост, составивший в 1990–1995 гг. 84 тыс. человек. В 1992 г. положительное

³ Демография // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 30.01.2022).

сальдо миграции со странами Балтии было больше, чем со всеми регионами Российской Федерации. Большой приток населения наблюдался из Казахстана, Азербайджана, Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. В основном это были этнические русские, а также этнические немцы из Казахстана и Средней Азии, армяне из Азербайджана. Среди 8,8 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев, переехавших в область в 1992–1995 гг., русские составили более 60%, армяне – 23%, а еще были украинцы, белорусы, немцы, татары, азербайджанцы.

В Калининградской области реализуется Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников. Калининградская область приняла около 38 тыс. переселенцев в рамках данной программы, став одним из регионов-лидеров в масштабах России (табл. 4). В основном это русскоязычное население трудоспособного возраста или молодежь. Некоторые переселенцы покупают жилье, вносят вклад в развитие экономики региона. Большинство переселенцев по Программе прибыли из Казахстана, Украины, Узбекистана, Кыргызстана, Беларуси, стран Балтии.

Таблица 4.

Численность участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на северо-западном участке государственной границы в 2010–2020 гг., человек

Table 4.

Number of participants in the State program to assist voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad on the northwestern section of the state border in 2010–2020, people

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Калининградская область	2 684	3 622	5 513	3 222	5 360	5 162	4 368	4 224	2 752	2 904	2 575
Новгородская область	22	309	664	381	1 339	1 884	940	1 246	487	657	626
Псковская область	0	34	421	568	1 467	1 823	1 120	1 161	1 157	970	423

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата⁴

Роль миграции в сокращении численности населения приграничных регионов северо-западного участка границы позитивна. В трех субъектах в 2020 г. отмечался положительный миграционный прирост за счет внутрисоссийской и внешней миграции. Калининградская область «забрала» у других регионов России 8,1 тыс. человек, а также 2,5 тыс. человек миграционного прироста из зарубежных стран (табл. 5). Аналогичная ситуация в Новгородской и Псковской областях, которые получают миграционный прирост как за счет внутрисоссийской, так и международной миграции.

⁴ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 30.01.2022).

Таблица 5.

Миграционный обмен приграничных регионов Российской Федерации на северо-западном участке государственной границы в 2020 г., человек

Table 5.

Migration exchange of border regions of the Russian Federation on the northwestern section of the state border in 2020, people

Регион	Миграционный прирост, всего	Из него за счет передвижений				Внешняя (для региона) миграция
		в пределах России	международных	в том числе		
				со странами СНГ	с другими зарубежными странами	
Калининградская область	10 681	8 147	2 534	2 767	-233	10 681
Новгородская область	1 929	335	1 594	1 428	166	1 929
Псковская область	1 088	860	228	187	41	1 088

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата⁵

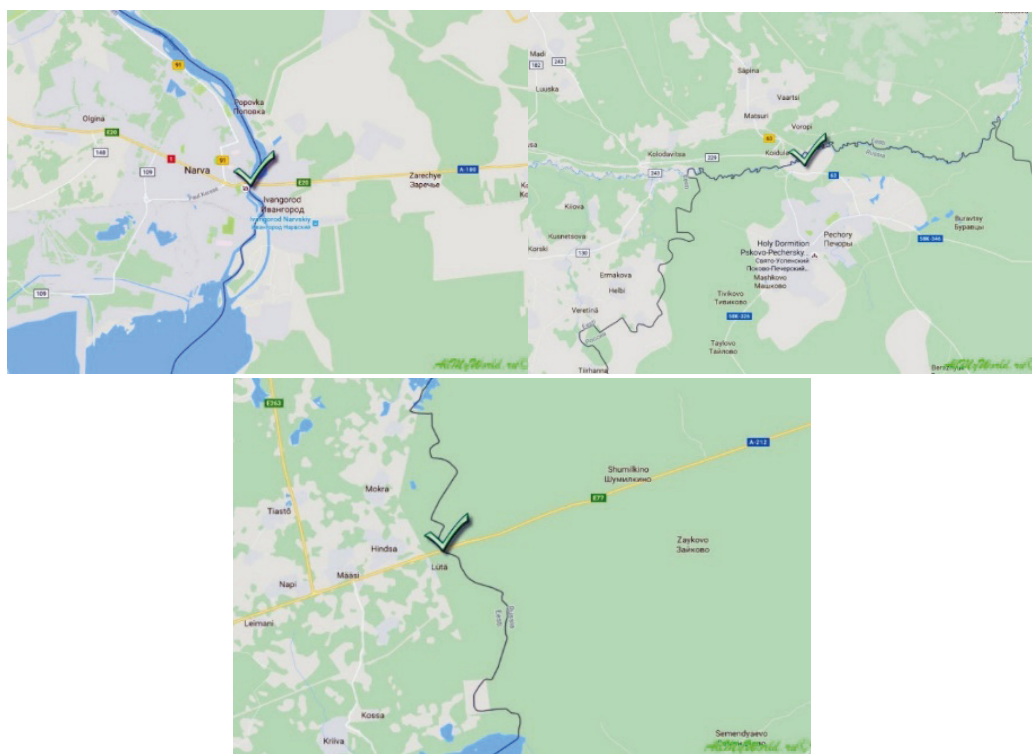
Особенностью Калининградской области является то, что она теряет население в обмене со странами дальнего зарубежья. Эмиграция из Калининградской области отмечается в страны Евросоюза, главным образом, в Германию, Финляндию, Польшу, страны Балтии. Например, в 2020 г. из области эмигрировали в страны дальнего зарубежья 889 человек, из них 344 – в Германию, 129 – в Литву, 65 – в Латвию. За счет стран СНГ и Украины Калининградская область имеет миграционный прирост: наибольший вклад вносят Казахстан, Кыргызстан, Азербайджан и Армения. Псковская область миграционный прирост получает за счет Беларуси, Украины и Таджикистана. Новгородская область – за счет Таджикистана, Узбекистана, Украины и Азербайджана. Следует отметить, что процесс замещения местного населения мигрантами в приграничных районах северо-западного сегмента происходит неравномерно, мигранты из Центральной Азии более активно замещают население в Калининградской и Новгородской областях, а мигранты из Беларуси и Украины – в Псковской области.

Российская государственная граница на северо-западном участке

Регионы СЗФО имеют общую границу со странами ЕС, Норвегией и Беларусью. Калининградская область граничит с Польшей (236,3 км) и Литвой (288,4 км). Псковская область – с Эстонией (270 км), Латвией (214 км) и Беларусью (305 км).

На границе с Эстонией три пограничных перехода со стороны Псковской и Ленинградской областей: Ивангород – Нарва, Куничина Гора – Койдула, Шумилкино – Лухамаа (рис. 1). На границе Российской Федерации и Латвийской Республики четыре пограничных перехода: Бруничево – Педедзе, Лудонка – Виентули, Убылинка – Гребнева, Бурачки – Терехово со стороны Новгородской и Псковской областей (рис. 2). На границе Российской Федерации и Республики Польша четыре пограничных перехода со стороны Калининградской области: Мамоново I – Гроново, Мамоново II – Гжехотки, Багратионовск – Безледы, Гусев – Голдап (рис. 3).

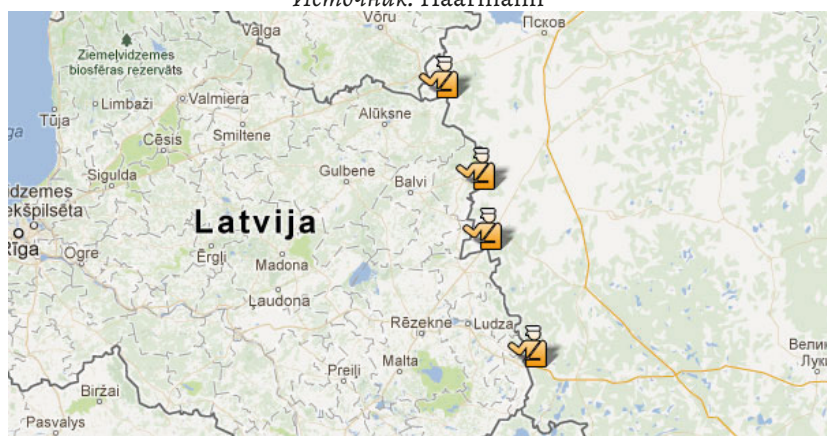
⁵ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 30.01.2022).

Рис. 1. Пограничные переходы на границе России и Эстонии

Fig. 1. Checkpoints on the border of Russia and Estonia

Источник: Haarmann⁶

Рис. 2. Пограничные переходы на границе России и Латвии

Fig. 2. Checkpoints on the border of Russia and Latvia

Источник: Haarmann⁷

⁶ Карта автомобильных пунктов пропуска Россия – Эстония // Haarmann. Группа компаний по международным грузовым перевозкам [сайт]. URL: <http://haarmanni.com/infocentr/spravochnaya/duplicate-of-karta-avtomobilnyx-punktov-propuska-rossiya-estoniya.html> (дата обращения: 30.01.2022).

⁷ Карта автомобильных пунктов пропуска Россия – Латвия // Haarmann. Группа компаний по международным грузовым перевозкам [сайт]. URL: <http://haarmanni.com/infocentr/spravochnaya/karta-avtomobilnyx-punktov-propuska-rossiya-latviya.html> (дата обращения: 30.01.2022).

Рис. 3. Пограничные переходы на границе России с Литвой и Польшей
Fig. 3. Checkpoints on the border of Russia with Lithuania and Poland

Источник: Naarmann⁸

Также ранее функционировал железнодорожный переход Багратионовск – Бартошице, а в настоящее время функционируют железнодорожные переходы Железнодорожный – Скандава и Мамоново – Бранево. Наиболее крупный пограничный переход – Мамоново II – Гжехотки. Он был открыт 7 декабря 2010 г. Здесь могут пересекать границу автомобили и другие виды транспорта в течение 24 часов. За сутки пограничный пункт способен пропускать 4 000 транспортных средств, в том числе, 1 250 грузовых, 2 600 легковых, 150 автобусов. С каждой стороны границы оборудовано восемь полос (четыре на въезд и четыре на выезд), две полосы для автобусов (по одной на каждое направление) и четырнадцать полос для грузового автотранспорта (семь на въезд и семь на выезд) (рис. 4).

Рис. 4. Пограничный переход Мамоново II – Гжехотки между Россией и Польшей
Fig. 4. Border checkpoint Mamonovo II – Grzechotki between Russia and Poland

Источник: VisaSam.ru⁹

⁸ Карта автомобильных пунктов пропуска Россия – Латвия // Naarmann. Группа компаний по международным грузовым перевозкам [сайт]. URL: <http://naarmanni.com/infocentr/spravochnaya/karta-avtomobilnyx-punktov-propuska-rossiya-latviya.html> (дата обращения: 30.01.2022).

⁹ Пересечение границы Калининграда с Польшей и Литвой // VisaSam.ru. Блог о путешествиях. URL: <https://visasam.ru/russia/vezd/granicy-kaliningrada.html> (дата обращения: 30.01.2022).

На границе с Литовской Республикой со стороны Калининградской области четыре пограничных перехода: Морское – Нида, Советск – Панемуне, Пограничный – Рамонишкяй, Чернышевское – Кибартай (рис. 5).

Рис. 5. Пограничный пункт Советск – Панемуне («Мост королевы Луизы») между Россией и Литвой

Fig. 5. Border checkpoint Sovetsk – Panemunė (“Queen Louise Bridge”) between Russia and Lithuania

Источник: VisaSam.ru¹⁰

Кроме них действуют два железнодорожных перехода: Нестеров – Кибартай и Советск – Пагегяй. На втором переходе пассажирского движения нет, здесь границу пересекают только члены локомотивных бригад. И еще действуют два речных пограничных пункта Советск – Юрбаркас и Советск – Русне для граждан Российской Федерации и Литовской Республики. Также в Калининградской области действуют водные и воздушные пограничные переходы: Калининград Морской порт (водный), Калининград Речной порт (водный), Калининград Пассажирский порт (водный), Порт Светлый (водный), Порт Балтийск (водный), международный аэропорт «Храброво» (воздушный) (рис. 6). Через них осуществляется ввоз/вывоз товаров и различные формы международной приграничной миграции.

¹⁰ Пересечение границы Калининграда с Польшей и Литвой // VisaSam.ru. Блог о путешествиях. URL: <https://visasam.ru/russia/vezd/granicy-kaliningrada.html> (дата обращения: 30.01.2022).

Рис. 6. Воздушный пограничный переход в Калининградской области – международный аэропорт «Храброво»

Fig. 6. Aviation border checkpoint in the Kaliningrad region – International airport Khrabrovo

Источник: VisaSam.ru¹¹

Уникальное политико-географическое положение Калининградской области способствует формированию особых форм приграничных миграций в регионе. Общая протяженность границы Калининградской области составляет около 540 км. Из них приблизительно 400 км приходится на сухопутную границу (примерно поровну на границу с Польшей и Литвой) и 140 км – на морское побережье. Миграции между российскими регионами, с одной стороны, Республикой Польша и странами Балтии, с другой стороны, развиваются по особому сценарию. Некоторое время здесь существовал специальный безвизовый режим для краткосрочных поездок граждан, проживающих в регионе. Затем безвизовый режим был отменен, но перемещения через границу российских граждан очень активны с туристическими, коммерческими и торговыми целями.

Сложилась система особых преференций для жителей Калининградской области со стороны властей, как Российской Федерации, так и сопредельных государств. Например, российские власти предоставляют возможность бесплатного оформления заграничного паспорта для постоянных жителей эксклава Калининградской области. Власти Литовской Республики дают возможность постоянным жителям Калининградской области оформить так называемый упрощенный транзитный документ на срок до трех лет, позволяющий въехать в страну и двигаться по ней транзитом любым видом транспорта, покинуть собственный автомобиль, задерживаться в дороге, но не более чем суммарно 24 часа за одну поездку (рис. 7). Данный документ выдается только постоянно зарегистрированным в Калининградской области и лицам, которые могут доказать частые поездки в Калининградскую область (для этого надо иметь на ее территории родственников, недвижимость, бизнес). Документ выдается всем

¹¹ Пересечение границы Калининграда с Польшей и Литвой // VisaSam.ru. Блог о путешествиях. URL: <https://visasam.ru/russia/vezd/granicy-kaliningrada.html> (дата обращения: 30.01.2022).

сотрудникам, обслуживающим поезда. За выдачу документа взимается символический консульский сбор в размере пяти евро.

Рис. 7. Упрощенный транзитный документ для постоянных жителей Калининградской области, выдаваемый властями Литовской Республики
Fig. 7. Simplified transit document for permanent residents of the Kaliningrad region, issued by the authorities of the Republic of Lithuania

Рис. 8. Упрощенный транзитный железнодорожный документ для пассажиров поездов в Калининградской области, выдаваемый властями Литовской Республики
Fig. 8. Simplified railway transit document for train passengers in the Kaliningrad region, issued by the authorities of the Republic of Lithuania

Второй тип разрешений, выдаваемый властями Литовской Республики, это так называемый упрощенный транзитный железнодорожный документ, который заказывается в железнодорожной кассе и выдается пассажиру консулом (после заполнения анкеты, которая находится у проводника вагона), причем процедура его оформления проходит также в Консульстве Литовской Республики (без участия пассажира) и занимает определенное время, то есть купить железнодорожный билет необходимо только в кассе не позднее чем за 28 часов до отправления (рис. 8). Документ выдается бесплатно, действителен на шестичасовой транзит и на обратную поездку (но не более трех месяцев) и не дает право покидать вагон транзита.

Особый приграничный режим для постоянных жителей Калининградской области действует и с Республикой Польша¹². Зона с облегченным визовым режимом распространяется на Калининградскую область и сопредельные регионы Республики Польша с городами Гданьск и Ольштын. Для пересечения российско-польской границы жителям этих территорий достаточно предъявить загранпаспорт и специальное разрешение, выдаваемое консульствами обеих стран. Сначала разрешение выдается сроком на два года, затем на пять лет. Разрешение позволило жителям Калининградской области России совершать поездки сроком до тридцати дней непрерывно, но не более, чем девяносто дней в течение полугода. Граждане Российской Федерации, как правило, покупают польские товары и продукты, а граждане Республики Польша заправляют автомобили более дешевым российским бензином. Благодаря данным предпочтениям в регионе получили широкое распространение коммерческие миграции и туризм. Пандемия COVID-19 внесла изменения: были закрыты границы и ограничен въезд в страны Шенгенского соглашения со стороны Российской Федерации. Практически сошел на нет туристический поток в регионе.

Экспедиция в Калининградскую область

В 2021 г. сотрудники ИДИ ФНИСЦ РАН совершили экспедицию в города Калининградской области, в ходе которой собрали эмпирический материал, подтверждающий представления об особом социально-экономическом и историко-культурном положении этого эксклава, о территориальных диспропорциях в уровнях развития региона, о менее благоприятном социально-экономическом положении востока области.

Город Калининград, административный центр Калининградской области, связан авиационным, железнодорожным и автобусным сообщением со многими российскими и зарубежными городами. В окрестностях Калининграда располагается международный аэропорт «Храброво». В самом Калининграде имеются автовокзал и два железнодорожных вокзала. Из Калининграда осуществляются международные авиа-, железнодорожные и автобусные рейсы в города стран Балтии, в Польшу и Германию, хотя масштабы трансграничной миграции существенно сократились в период пандемии COVID-19.

В регионе развит общественный транспорт, в т. ч. междугородний, обеспечивающий перемещение потоков маятниковой миграции между Калининградом, его пригородами и более отдаленными населенными пунктами. Так, например, еже-

---

¹² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о порядке местного приграничного передвижения. Ратифицировано Федеральным законом от 14.06.2012 N 68-ФЗ // Техэксперт. Справочная система. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902331496> (дата обращения: 30.01.2022).

дневно курсируют автобусы малой и большой вместительности по маршруту Калининград – Советск: время в пути – около двух часов, расстояние по автодорогам – 117 км, цена билета – 310 руб. и, следовательно, удельная стоимость – около 2,7 руб. / км.

Междугородний транспорт представлен также железнодорожными поездами. По состоянию на 2021 г. в области курсируют современные комфортабельные поезда «Ласточка», которые связывают Калининград с курортными приморскими городами Зеленоградск и Светлогорск. Стоимость проезда в электропоездах несколько ниже по сравнению со стоимостью проезда в междугородних автобусах.

Зеленоградск (до 1946 г. Кранц), расположенный у основания Куршской косы, берет свое начало в 1252 г. С конца XIX в. он становится одним из самых популярных морских курортов Германии. Городу удалось избежать значительных разрушений в годы Второй мировой войны, что позволило сохранить его историческую застройку. Современный Зеленоградск сохраняет свою роль города-курорта (рис. 9). Санатории специализируются на бальнеотерапии. Отмечается благоприятное экологическое положение. Климат умеренный морской с теплым, часто дождливым летом и прохладной зимой. В городе наблюдается небольшое число постоянных рабочих мест, что обусловлено отсутствием крупных промышленных предприятий и сезонностью туристического потока. Зеленоградск удобен для переезда на постоянное место жительства лиц, работающих удаленно. Повсеместно отмечаются высокие цены на рынке недвижимости. Цены на квартиры, по данным портала «Росриэлт»: декабрь 2020 г. – 95 146 руб. м² (29-е место в рейтинге), июнь 2021 г. – 122 307 руб. м² (21-е место), декабрь 2021 г. – 165 406 руб. м² (15-е место), март 2022 г. – 203 395 руб. м² (10-е место)¹³. За год цены в сравнении с мартом 2021 г. выросли на 74,3%. Довольно типичен следующий отзыв о Зеленоградске: «Пока еще есть места в детских садах, и там довольно неплохая материально-техническая база. Две достаточно сильные школы, есть кружки, как частные, так и муниципальные. Больница, поликлиника, достаточно магазинов. Близко до Калининграда. Более-менее развит сервис услуг»¹⁴.

Светлогорск (до 1947 г. Раушен) основан в 1258 г. Он, как и Зеленоградск, является приморским городом-курортом с хорошо сохранившейся довоенной застройкой (рис. 10). Расположен Светлогорск на Калининградском полуострове на берегу Балтийского моря. Его прибрежная часть с многочисленными объектами курортной инфраструктуры возведена на поросшей лесом песчаной дюне. В Светлогорске множество санаториев разной специализации. О качестве муниципальных образовательных и медицинских услуг преобладают негативные отзывы. В 2015 г. в Зеленоградске был открыт многофункциональный концертный комплекс «Янтарь-холл». В его здании помимо развлекательных мероприятий проводятся форумы и конференции. Это обстоятельство позволяет несколько сгладить сезонность, столь характерную для курортных городов. Что же касается цен на рынке недвижимости, то и в Светлогорске они тоже заметно выросли: в два–три раза за время пандемии COVID-19. Приведем данные портала «Росриэлт»: декабрь 2020 г. – 81 761 руб. м² (42-е место в рейтинге), март 2022 г. – 140 648 руб. м² (28-е место). За год цены в сравнении с мартом 2021 г. выросли на 92,7%¹⁵.

¹³ Цены на квартиры в городах России в марте 2022 г. // Росриэлт. Сайт о недвижимости. URL: <https://rosrealt.ru/cena/kvartira/276> (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁴ Сибиряки и Уральцы в Калининграде. Переезд, ПМЖ // ВКонтакте. Социальная сеть. 27.07.2021. URL: https://vk.com/wall-173729739_55908 (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁵ Цены на квартиры в городах России в марте 2022 г. // Росриэлт. Сайт о недвижимости. URL: <https://rosrealt.ru/cena/kvartira/276> (дата обращения: 30.01.2022).

Рис. 9. Город Зеленоградск, проспект Курортный, 29 ноября 2021 г.
Fig. 9. City of Zelenogradsk (former Cranz), Kurortny Avenue, November 29, 2021
Источник: из личного архива авторов

Рис. 10. Город Светлогорск, многофункциональный концертный комплекс «Янтарь-холл», 1 декабря 2021 г.
Fig. 10. City of Svetlogorsk (former Raushen), Yantar Hall multifunctional concert complex, December 1, 2021
Источник: из личного архива авторов

Советск имеет богатую многовековую историю. До 1946 г. он именовался как Тильзит. После распада СССР стал приграничным городом: река Неман разделяет его с литовской территорией. Со второй половины XIX в. в городе наблюдался быстрый рост промышленного производства. Численность населения значительно возрастала и в 1939 г. составляла более 55 тыс. человек. Развивалась транспортная инфраструктура: появлялись дороги, мощенные брусчаткой, функционировало трамвайное движение, междугороднее сообщение осуществлялось по железной дороге, речным транспортом и гражданской авиацией. В период Второй мировой войны город был сильно разрушен, хотя отдельные улицы Советска все же сохранили довоенную застройку (рис. 11). В послевоенные годы шло восстановление городской промышленности. С распадом СССР город стал постепенно приходить в запустение: закрывались промышленные предприятия, ветшали и приходили в аварийное состояние многие здания (в т. ч. и исторически значимые), росла безработица, молодежь стала все чаще переезжать в более крупные города – Калининград, Санкт-Петербург и т. д. Несмотря на свое депрессивное положение, Советск, частично сохранивший богатое историческое наследие, по-прежнему остается притягательным для туристов. Тем не менее можно отметить, что и туристический, и приграничный потенциал Советска оказываются недоиспользованными. В социальных сетях преобладают высказанные жителями Советска негативные оценки среднесрочных перспектив развития города. Например, «Перспектив в этом городе для нашей семьи нет и не предвидится. В городе за последние несколько лет совершенно нет развития, нет работы, нет образовательных учреждений, нет будущего для детей. Город заброшен в прямом и переносном смысле этого слова, здания разваливаются, дороги в ямах»¹⁶ или «По уровню заработной платы похвастать нечем. Большинство работодателей платит минималку. Иногда чуть выше. Найти подработку на неполный день тоже очень сложно. Многие мужчины уходят работать в море, торговый флот»¹⁷.

С целью исследовать тенденции последних лет был рассмотрен отображаемый в государственной статистике миграционный прирост применительно к вышеописанным городам Калининградской области¹⁸. Города исследовались совместно с прилегающими территориями в пределах соответствующих муниципальных районов или городских округов. На основании сведений о миграционном приросте (убыли) и численности населения на 1 января текущего года (табл. 6) рассчитывался коэффициент миграционного прироста (рис. 12) согласно методике Росстата¹⁹.

¹⁶ Подслушано в Советске / ПВС // ВКонтакте. Социальная сеть. 12.09.2019. URL: https://vk.com/wall-73591957_794640 (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁷ Думаете о переезде в Калининград? А я расскажу о Советске – этот город совсем рядом // Яндекс Дзен. Платформа для блогеров и медиа. 25.11.2021. URL: <https://zen.yandex.ru/media/nesiditsa/dumaete-o-pereezde-v-kaliningrad-a-ia-rasskaju-o-sovetske--etot-gorod-sovsem-riadom-619fb38335903e74cdb6eddf> (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁸ Паспорт муниципального образования // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst27 (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁹ Методика расчета показателя «Коэффициент миграции (человек на 10 тыс. человек населения)». Утверждена Приказом Росстата от 05.07.2013 № 261 // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: http://www.gks.ru/metod/metod_261.rar (дата обращения: 30.01.2022).

Рис. 11. Город Советск, улица Луначарского, 30 ноября 2021 г.
Fig. 11. City of Sovetsk (former Tilsit), Lunacharsky Street, November 30, 2021
 Источник: из личного архива авторов

Таблица 6.

Численность населения и миграционный прирост за 2012–2021 гг. применительно к Зеленоградску, Светлогорску, Советску и прилегающим территориям, человек

Table 6.

Population and migration growth of Zelenogradsk, Svetlogorsk, Sovetsk and adjacent territories in 2012–2021, people

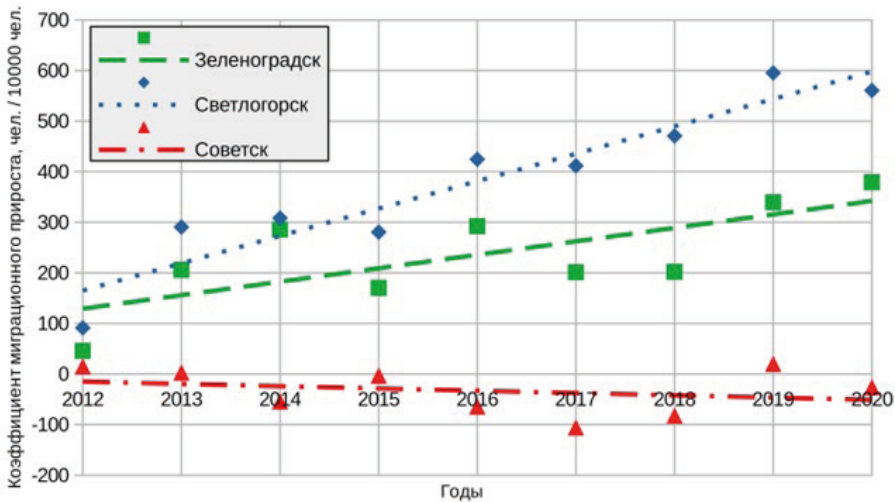
Год	Муниципальный район / городской округ								
	Зеленоградский			Светлогорский			Советский		
	Числ.	Мигр.	ОКТМО	Числ.	Мигр.	ОКТМО	Числ.	Мигр.	ОКТМО
2012	32 361	148	27615000	15 080	138	27720000	41 941	63	27730000
2013	32 530	676	27615000	15 208	448	27720000	41 802	12	27730000
2014	33 195	961	27615000	15 629	489	27720000 / 27634000	41 630	-226	27730000
2015	34 145	587	27615000	16 093	457	27634000	41 212	-13	27730000
2016	34 725	1 030	27615000 / 27710000	16 500	714	27634000	40 984	-262	27730000
2017	35 754	726	27710000	17 158	720	27634000	40 486	-425	27730000
2018	36 412	742	27710000	17 840	858	27634000	39 752	-325	27730000
2019	37 054	1 277	27710000	18 633	1 141	27634000 / 27734000	39 150	79	27730000
2020	38 217	1 474	27710000	19 710	1 135	27734000	38 963	-101	27730000
2021	39 561	н/д	27710000	20 784	н/д	27734000	38 514	н/д	27730000

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата²⁰

²⁰ Паспорт муниципального образования // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst27 (дата обращения: 30.01.2022).

Можно отметить разнонаправленные тенденции изменения численности населения и миграционного прироста в приморской части Калининградской области и на востоке области. Так, численность населения Светлогорска за десять лет выросла более чем на треть. В то же время население Советска неуклонно снижалось с 41,9 тыс. чел. до 38,5 тыс. чел. Коэффициент миграционного прироста применительно к Советску в 2012–2020 гг., как правило, принимал отрицательные значения, тем не менее заметного роста темпов миграционной убыли не наблюдалось. Что же касается Зеленоградска и в особенности Светлогорска, то в их случае заметен устойчивый рост темпов миграционного притока. Иными словами, миграционный приток в курортные города Калининградской агломерации не просто высокий, но и все более и более возрастающий.

Рис. 12. Изменения значений коэффициента миграционного прироста в 2012–2020 гг. применительно к Зеленоградску, Светлогорску, Советску и прилегающим территориям

Fig. 12. Changes in the values of the coefficient of migration growth in 2012–2020 for Zelenogradsk, Svetlogorsk, Sovetsk and adjacent territories

Сведения об авторах:

Алхасов Станислав Сергеевич, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: stanislav.alkhasov@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-8051-6423; РИНЦ Author ID: 665388; Web of Science Researcher ID: ABN-1319-2020; Scopus Author ID: 57127173400.

Рязанцев Никита Сергеевич, студент факультета международных отношений МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ryzantsev080700@ya.ru; ORCID ID: 0000-0001-6835-310X; РИНЦ Author ID: 1032293.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00526.

Статья поступила в редакцию 14.12.2021; принята в печать 18.02.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

SCIENTIFIC EXPEDITION OF RESEARCHERS FROM THE IDR FCTAS RAS TO STUDY MIGRATION IN THE NORTHWESTERN SECTION OF THE RUSSIAN BORDER

Stanislav S. Alkhasov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: stanislav.alkhasov@gmail.com

Nikita S. Ryazantsev

MGIMO University, Moscow, Russia

E-mail: ryazantsev080700@ya.ru

For citation: Stanislav S. Alkhasov, Nikita S. Ryazantsev. Scientific Expedition of Researchers from the IDR FCTAS RAS to Study Migration in the Northwestern Section of the Russian Border. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2. No 2. Pp. 234–250. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.17>. EDN: MKISSV.

Bio note:

Stanislav S. Alkhasov, Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: stanislav.alkhasov@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-8051-6423; RSCI Author ID: 665388; Web of Science Researcher ID: ABH-1319-2020; Scopus Author ID: 57127173400.

Nikita S. Ryazantsev, Student, Faculty of International Relations, MGIMO University, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: ryazantsev080700@ya.ru; ORCID ID: 0000-0001-6835-310X; RSCI Author ID: 1032293.

Acknowledgements and financing:

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-011-00526.

Received on 14.12.2021; accepted for publication on 18.02.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Дорогие авторы!

Подробная информация о тематическом профиле журнала, редакционная политика и требования, предъявляемые к присылаемым в редакцию рукописям, размещены на сайте журнала <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis>. Рекомендуем ознакомиться с такими разделами, как *Редакционная политика*, *К сведению авторов*. Подать рукопись на рассмотрение можно через форму на сайте: <https://www.manuscript.fnisc.ru/demis/>

Приветствуем указание идентификаторов автора: ORCID, SPIN-код, ResearcherID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID. Оформляя списки литературы, не забудьте указать DOI всех источников из списка литературы, если они им присвоены. В случае если оригинал цитируемого источника в данный момент недоступен, можно проверить наличие DOI на сайте www.crossref.org в разделе SimpleTextQuery. DOI должен быть представлен в виде рабочей гиперссылки в конце библиографического описания, например:

Hinich M., Munger M. *Analytical Politics*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press. 1997. 253 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139174725>

Редакция: Н. А. Безвербная, Е. М. Моисеева
Техническая поддержка: Н. С. Рязанцев
Компьютерная верстка: Н. Ю. Бруевич

Edition: N. A. Bezverbnaya, E. M. Moiseeva
Technical support: N. S. Ryazantsev
Computer layout: N. U. Bruevich

Учредитель: Федеральный научно-исследовательских социологический центр Российской академии наук
Адрес учредителя: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35к5
<https://www.fnisc.ru/>

Издатель: Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
Адрес издателя: 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6, к.1
<https://idrras.ru/>

Редакция: 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6, к.1. Тел.: +7 499 530 28 84
bezvad@mail.ru; evgeniyamoiseeva@mail.ru;
<https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis/index>

ДЛЯ ЗАМЕТОК